С. ДИЛЭНИ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЭЙНШТЕЙНА

Сэмюэль Дилэни

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЭЙНШТЕЙНА

Сэмюэль Р. Дилэни – крупнейший американский писатель-фантаст. Родился в Нью-Йорке в 1942 году. На сегодняшний день написал более двадцати фантастических романов. Его творчество критики ставят в один ряд с такими мастерами, как К. Воннегут, Дж. Баллард, Т. Сканджон. В этой книге представлены произведения, отмеченные высшими литературными премиями в области фантастики:
– Роман «Вавилон-17» – лауреат премии Небьюла – 1966г.;
– Роман «Пересечение Эйнштейна» – лауреат премии Небьюла – 1967г.;
– Рассказ «Время, точно низка солнцветов» завоевал две премии – Небьюла – 1969г. и Хьюго – 1970г.

© Художник Д.Мартынец

Пересечение Эйнштейна: Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна. Время, точно низка самоцветов

Сэмюэль Дилэни

Аннотация
Сэмюэль. Дилэни. Пересечение Эйнштейна:. Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна. Время, Точно низка самоцветов
Вавилон-17. (Перев. Ю. Стрельцова)
  Часть первая. Ридра Вонг
    I
    II
    III
    IV
    V
    VI
    VII
  Часть вторая. Вер Дорко
    I
    II
    III
    IV
    V
  Часть третья. Джебел Тарик

I
II
III
IV
V
Часть четвертая. Батчер
I
II
III
Часть пятая. Маркус Т’Мварба
I
II
III
IV
V
VI
Пересечение Эйнштейна. (Перевод К. Златко)
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая

Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Время, точно низка самоцветов. (Перевод К. Златко)
М. Югов. Сэмюэль Р. Дилэни

Аннотация

В этой книге представлены произведения известного американского писателя С. Р. Дилэни, отмеченные высшими литературными премиями в области фантастики: романы «Вавилон-17» (Небьюла-1966), «Пересечение Эйнштейна» (Небьюла-1967) и рассказ «Время, точно низка самоцветов» (Хьюго-1969 и Небьюла-1970).

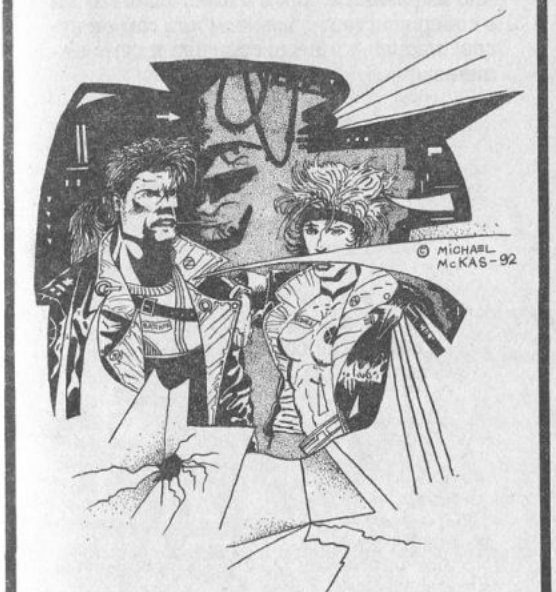
Автора отличает глубокий философский подход к поставленным проблемам, нестандартность формы и стиля произведений.

Сэмюэль Дилэни
Пересечение Эйнштейна: Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна. Время, Точно низка самоцветов

Сэмюэль
ДИЛЭНИ

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЭЙНШТЕЙНА

ВАВИЛОН-17



Вавилон-17
(Перев. Ю. Стрельцова)

Ни в чем цивилизация не может так полно выразиться, как в языке. Если мы им в совершенстве не владеем или сам он несовершенен, то несовершенна и сама цивилизация.
Марио Пей
...-а вот эта штука — для Боба, она прольет свет на кое-какие события прошлого года...

Часть первая
Ридра Вонг

... Здесь заключен двусмысленности
центр.
Свет электрический на улицу пролился.
Обманчивые тени расскажут будущее
мальчиков,
но присмотрись, они не мальчики со-
всем;
игра теней — и съеживается рот,
младые губы полные стареют;
тень режет словно бритва, или
как кислота съедает все на розовых
щеках...
... иль трещина в кости — источник
тех темных капель, вытекающих на
грудь
при каждом жесте или вспышке света
с разбухших губ,
слюна замешана на крови...
Они галдят, однообразною толпою на
улице волнуясь
и волнами спадая снова, как лес сплав-

ной приливом
на берег брошенный, и вновь обратно
всосанный потоком,
только шлепок бревна о песок,
только рывок обратно к воде.
Сплавной лес; узкие бедра, расплывча-
тые глаза,
широченные плечи и грубооштукату-
ренные руки,
серолицые шакалы, стоящие на коленях
для молитвы.
Цвета исчезают, разрушая день,
и те, кто остались в речном доке,
встречают юных моряков,
иноходью возвращающихся на корабль
по улице…
Мэрлин Хэкер. «Призмы и линзы»

I

Это ГОРОД-ПОРТ.

Здесь небо ржавеет в дымах. Промышленные газы заливают вечер оранжеватым, розовым, пурпурным и другими оттенками красного. На западе, поднимающиеся и опускающиеся транспорты, разрывают облака, доставляя грузы к

звездным центрам и спутникам. Но это и гниющий город, — думал генерал, сворачивая за угол по засыпанной мусором и отбросами обочине.

Со времен Вторжения шесть губительных запретов, — в течение нескольких месяцев каждый, — задушили город, жизнь которого пульсировала только благодаря межзвездной торговле. Спрашивается, как мог этот город существовать? Шесть раз за прошедшие двадцать лет генерал спрашивал себя об этом. А где же ответ? Его может и не быть.

Паника, мятежи, пожары, каннибализм…

Генерал взглянул на силуэты грузовых башен, возвышавшихся над шатким монорельсом на фоне грязных построек. Улицы здесь были поменьше; туда-сюда сновали транспортные рабочие, грузчики, с десяток звездолетчиков в зеленых мундирах и орды бледных мужчин и женщин, руководивших сложными и запутанными таможенными операциями. Теперь они спокойны, заняты домом или работой, размышлял генерал. А ведь после Вторжения прошло два десятилетия. Все эти люди голодали во время запретов, разбитых окон, грабежей, с визгом разбегались перед брандспойтами, зубами, крошащимися от нехватки кальция, разрывали на

куски трупы.

Что за животное человек? Он задавал себе этот абстрактный вопрос, чтобы отогнать воспоминания. Будучи генералом легче размышлять о «звериной сущности человека», чем вспоминать о временах последнего запрета, о женщине, которая сидела посреди тротуара, держа на коленях скелет своего ребенка, или о трех истощенных десятилетних девочках, напавших на него с бритвами прямо на улице (… одна из них свистнула сквозь коричневые зубы, и перед ней засверкал металл: «Иди сюда, Бифштекс! Иди возьми меня, Лангет…» Он использовал карате…), или о слепом, который шел по проспекту с несмолкаемыми воплями и криками.

Сейчас, это бледные, приличные мужчины и женщины, которые разговаривают тихо, и стараются, чтобы никакие чувства не отразились на их лицах; у них теперь бледные и приличные патриотические идеи: «Работать для победы над захватчиками», «Алона Стар и Кип Риак хороши в „Звездных Каникулах“, но Рональд Кувар — лучший серьезный артист». Они слушают музыку Хи Лайта (или не слушают, думал генерал, вспоминая медленные танцы, в которых партнеры не касаются друг друга). Служба в Та-

можне гарантирует спокойную жизнь. Работать непосредственно на Транспорте, может, и интересней, и веселее, судя по кинофильмам, но в действительности эти транспортники — такие странные…

Более интеллектуальные и умудренные опытом обсуждают поэзию Ридры Вонг.

Они часто говорят о Вторжении, и все теми же фразами, которые освящены двадцатилетним повторением по радио и в газетах. Они редко упоминают о запретах, только вскользь.

Взять любого из них, взять миллион. Кто они? Чего хотят? Что они скажут, если дать им возможность сказать?

Ридра Вонг стала голосом века. Генерал вспомнил строки обозрения. Парадоксально: сейчас военный руководитель шел на встречу с Ридрой Вонг, преследуя вполне конкретную военную цель.

Вспыхнули уличные огни, и отражение генерала неожиданно появилось в золотистой витрине бара. Хорошо, что я сейчас не в мундире. Он увидел высокого мускулистого пятидесятилетнего человека с властным, словно вырубленным из камня, лицом. В сером штатском мундире генерал чувствовал себя неуютно. До тридцати лет

он производил на окружающих впечатление «большого и нескладного». Впоследствии — это изменение совпало с Вторжением — впечатление «массивного и властного».

Он вошел внутрь.

И прошептал:

— Боже, она прекрасна, даже не надо отыскивать ее среди других женщин. Я не знал, что она так прекрасна, изображения не передают этого…

Она повернулась к нему (увидела фигуру генерала в зеркале за стойкой), поднялась со стула, улыбнулась.

Он подошел, взял ее за руку. Слова «добрый вечер, мисс Вонг» застряли у него в горле, как только он попытался их произнести. И тогда заговорила она.

На губах — помада медного цвета. И глаза — медные кованые диски…

— Вавилон-17, — сказала она. — Я с ним еще не разобралась, мистер Форестер.

Вязаное платье цвета индиго, волосы ночным водопадом разлились по плечам.

— Не удивительно, мисс Вонг, — сказал генерал.

Изумительно, подумал он, глядя на собеседницу. Вот она положила руку на стойку, откинулась

на стуле; под синим вязаным платьем заиграло бедро; и с каждым ее движением я удивляюсь, поражаюсь, схожу с ума. Она сбивает меня с толку, а может она действительно…

— Но я продвинулась дальше, чем ваши военные.

Мягкая линия ее губ изогнулась в вежливой улыбке.

— Исходя из того, что я знаю о вас, мисс Вонг, это тоже меня не удивляет.

Кто она, подумал генерал. Он задавал вопрос абстрактному собеседнику. Он спрашивал у собственного отражения. Он спрашивал о ней. Много-много вопросов. Я должен знать о ней все. Это важно. Я должен знать.

— Во-первых, генерал, — произнесла она, — Вавилон-17 — это не шифр.

Его мысли со скрипом вернулись к предмету разговора.

— Не шифр? Но я думал, что криптографический отдел установил… — он запнулся, потому что не был так уверен в заключении криптографического отдела, и потому, что требовалось хоть какое-то время, чтобы вытащить себя с рифов ее высоких скул, выбраться из пещер ее глаз.

Напрягая мышцы лица, генерал приказал сво-

им мыслям вернуться к Вавилону-17. Вторжение: Вавилон-17 может оказаться ключом к прекращению двадцатилетней войны.

— Вы хотите сказать, что наши попытки дешифровать Вавилон бессмысленны?

— Это не шифр, — повторила Ридра. — Это язык.

Генерал нахмурился.

— Ну, как его не называй — шифр или язык, мы его пока еще не разгадали. Давно начали эту работу, но все еще чертовски далеки от цели.

Сказывалось напряжение последних месяцев — язык стал непослушным, голос охрип. Улыбка исчезла, обе руки лежали на стойке. Он захотел сгладить жесткость своих слов.

— Связаны ли вы непосредственно с работой криптографического отдела, — голос Ридры был ровным и успокаивающим.

Он покачал головой.

— Тогда позвольте мне вам кое-что объяснить. По большому счету, мистер Форестер, существует два типа шифров. В первом — буквы или символы, используемые вместо букв, перемешиваются и искажаются в соответствии с моделью. Во втором — буквы, слова или группы слов заменяются другими буквами, символами или словами.

Шифр может относиться к первому или второму типу, или быть комбинированным. Но оба типа шифров имеют одно общее свойство: когда найден ключ, вам стоит только применить его, и получатся логичные предложения. Язык же имеет собственную внутреннюю логику, собственную грамматику, свой способ выражения мыслей в словах с незначительными колебаниями смысла. Не существует ключа, подходящего ко всем смысловым значениям, выраженным в языке. В лучшем случае вы получите лишь приблизительное значение.

— Вы хотите сказать, что Вавилон-17 преобразуется в какой-то другой язык?

— Вовсе нет. Это первое, что я проверила. Мы можем взять вероятностную развертку различных элементов Вавилона и посмотреть, подобны ли они различным языковым образцам, пусть даже расположенным в другом порядке. Нет, Вавилон-17 — это самостоятельный язык, который мы пока не понимаем.

— Понятно, — генерал Форестер попытался улыбнуться, — то есть, вы хотите сказать, раз это не шифр, а скорее всего чужой язык, то нам придется отступить.

Даже если это поражение, то из ее уст оно ста-

новится не настолько горьким.

Но Ридра покачала головой.

— Боюсь, что вы меня не совсем поняли. Неизвестный язык может быть понят без перевода. Например, линейный Бихеттский языки. Но чтобы так получилось с Вавилоном-17, мне нужно знать гораздо больше.

Генерал изумленно поднял брови.

— Что же еще вам нужно знать? Мы передали вам все образцы. Когда получим новые, мы обязательно…

— Генерал, я должна знать о Вавилоне-17 все, что известно вам: где вы обнаружили его, когда, при каких обстоятельствах. Во всем может оказаться ключ к разгадке.

— Мы передали всю информацию, которой рас…

— Вы дали мне десять страниц искаженного машинописного текста через двойной интервал с шифром под названием Вавилон-17 и спросили, что он означает. Исходя из этого я больше ничего не могу сказать. Дайте больше информации, тогда может быть смогу. Все очень просто.

Если бы это было так просто, подумал генерал. Если бы все дело было в этом, мы бы никогда не обратились к вам, Ридра Вонг.

Она сказала:

— Если бы это было так просто, если бы все дело было в этом, вы бы никогда не обратились ко мне, мистер Форестер.

Он замер, на какое-то мгновение поверив что она читает его мысли. Нет, конечно же она просто должна знать об этом. Должна ли?

— Генерал Форестер, определили ли ваши специалисты, что это язык, а не шифр?

— Если и да, то мне об этом не доложили.

— Уверена, что они этого не знают, Я сделала несколько структуральных набросков грамматики… А они?

— Нет.

— Поверьте, генерал, все они чертовски много знают о шифрах, но не имеют никакого понятия о сущности языка. Именно из-за этой идиотской специализации я не работаю с ними последние шесть лет…

Кто она, подумал Форестер вновь. Сегодня утром он получил ее секретное досье, но сразу же передал его адъютанту, успев лишь заметить пометку «одобряется».

Как-бы со стороны генерал услышал собственный голос:

— Возможно, если вы расскажете немного о

себе, мисс Вонг, мне будет легче говорить с вами.

Нелогично. Хотя произнес он это спокойно и уверенно. Уловила ли она его сомнения?

— Что вы хотите знать?

— Мне известно очень немногое: ваше имя и то, что несколько лет назад вы работали в военно-криптографическом отделе. Знаю, что уже тогда, несмотря на ваш юный возраст, у вас была отличная профессиональная репутация. И несмотря на то, что прошло шесть лет, работники отдела вспомнили вас. Целый месяц они безуспешно возились с Вавилоном-17 и единодушно заявили: «Идите к Ридре Вонг», — он помолчал. — Вы сказали, что кое в чем разобрались. Значит, они были правы.

— Выпьем, — предложила Ридра.

Бармен продефилировал туда-обратно, оставив на стойке два небольших дымчато-зеленых бокала. Она пригубила, наблюдая за ним. Ее глаза, подумал генерал, изогнуты словно распахнутые крылья.

— Я не с Земли, — сказала Ридра. — мой отец был инженером связи в звездном центре X-II-B, как раз за Ураном. А мама — переводчицей в Суде Внешних Миров. До семи лет я росла в звездном центре. Там почти не было детей. В пятьдесят вто-

ром мы переселились на Уран-XXVII. Когда мне исполнилось двенадцать лет, я уже знала семь земных языков и могла понимать пять неземных. Я запоминала языки, как большинство людей запоминают мелодии популярных песен.

Мои родители погибли во время второго запрета.

— Вы тогда были на Уране?

— А вы знаете, что там произошло?

— Я знаю, что Внешние планеты пострадали больше чем Внутренние.

— Вы ничего не знаете. Да, они пострадали больше, — она глубоко вздохнула, отгоняя воспоминания. — Одного глотка недостаточно, чтобы разбудить воспоминания, хотя… Выйдя из госпиталя, я была близка к помешательству, была такая опасность…

— Помешательство?..

— Голод, вы, конечно, знаете о нем, плюс невралгическая чума.

— Я знаю и о чуме.

— Как бы там ни было, я попала на Землю, поселилась у родственников и проходила курс невротерапии. Только мне это было не нужно. Не знаю, откуда… психологическое это или физиологическое, но из всего этого я вышла с идеальной

словесной памятью. Я всю жизнь была на грани… так что ничего странного. И еще, у меня идеальный слух.

— Не связано ли это с молниеносным счетом и образной памятью? Я видел как этим пользуются шифровальщики.

— Я посредственный математик и не умею быстро считать. Я проверяла себя; у меня высокий уровень зрительного восприятия и специальных реакций — цветные сны и все прочее, но главное — точная словесная память. Тогда я уже писала стихи. А летом получила работу переводчика в правительстве и начала заниматься шифрами. Довольно скоро я почувствовала, что эта работа дается мне легко. Но я плохой шифровальщик. Не хватает терпения серьезно работать над текстом, написанным не мной. Невроз — еще одна причина, по которой я отдала себя поэзии. Но эта «легкость в работе» меня пугала. Иногда, когда было очень много работы, и очень хотелось получить ответ, в голове что-то начинало складываться, и внезапно все, что я знала, соединялось в одно целое, и я могла не напрягаясь читать текст, говорить об этом, а сама при этом была испуганной, уставшей и жалкой.

Она взглянула на бокал.

— Постепенно я научилась контролировать себя. В девятнадцать лет у меня была репутация маленькой девочки, которая может разобраться во всем. Какое-то чутье позволяло выделить легко узнаваемые образы — найти грамматический порядок в случайно перемешанных словах, что я и сделала с Вавилоном-17.

— Почему же вы оставили эту работу?

— Я вам уже назвала две причины. А третья заключается в том, что, узнав о своих возможностях, я захотела использовать их в собственных целях. В девятнадцать лет я оставила военную службу и… в общем… вышла замуж и начала серьезно писать. Три года спустя появилась моя первая книга, — она пожала плечами, улыбнулась. — А об остальном читайте в моих стихах. Там есть все.

— А теперь в мирах пяти галактик люди ищут в ваших образах и значениях разгадку величия, любви и одиночества.

Последние три слова выпрыгнули из его предложения, словно бродяги из товарного вагона. Она стояла перед ним, и она была великой. А он, здесь, оторванный от привычной военной жизни, чувствовал себя безнадежно одиноким. И был безнадежно… Нет!

Это невозможно и немыслимо, это слишком просто, чтобы объяснить то, что завертелось и запульсировало у него в голове и в груди.

— Выпьем еще? — автоматическая защита. Но она воспримет ее за автоматическую вежливость. Воспримет ли?

Подошел бармен, оставил бокалы.

— Миры пяти галактик, — повторила Ридра. — Как странно. Мне всего двадцать шесть… — Ее взгляд застыл. А первый бокал был все еще не выпит.

— В вашем возрасте Ките был уже мертв.

Она пожала плечами:

— Мы живем в странное время. Оно неожиданно выбирает героев, очень молодых, и так же быстро и внезапно расстается с ними.

Он кивнул, вспомнив с полдюжины певцов, актеров, даже писателей, которые объявлялись гениями на год-два, чтобы потом исчезнуть навсегда. Популярность Ридры Вонг не падала уже третий год.

— Я принадлежу своему времени, — сказала она. — Да, ял отела бы вырваться за его пределы, но оно слишком связано со мной. — Ее рука вспорхнула над бокалом и опустилась на красное дерево стойки. — Вы в армии должны испыты-

вать нечто подобное. — Она подняла голову. — Ну как, удовлетворены моим рассказом?

Он кивнул. Легче было солгать жестом, чем словом.

— Хорошо. А теперь, мистер Форестер, расскажите о Вавилоне-17.

Генерал оглянулся в поисках бармена, но внезапное сияние вернуло взгляд к ее лицу — это оказалась просто ее улыбка, он краем глаза принял эту улыбку за вспышку света.

— Возьмите, — сказала она, пододвигая к нему свой второй бокал. — Я еще не допила первый.

Он взял бокал, отпил.

— Вторжение, мисс Вонг… Это связано с Вторжением.

Внимательно слушая, она склонилась над стойкой, прищурила глаза.

— Все началось с серии несчастных случаев — точнее, это сначала они казались несчастными случаями. Теперь мы уверены, что это диверсии. Они происходят на всей территории Союза с декабря шестьдесят восьмого года. Некоторые — на боевых кораблях, некоторые — на кораблях Космического Флота Двора. Обычно не срабатывает самое важное оборудование. В двух случаях в результате взрывов погибли крупные прави-

тельственные деятели. Несколько раз все это происходило на промышленных предприятиях, производящих важнейшее военное оборудование.

— Что же объединяет эти «случаи», кроме того, что они связаны с войной? При нынешнем уровне развитии экономики, любой такой случай в промышленности нетрудно связать с войной.

— Всех их объединяет одно, мисс Вонг — Вавилон-17.

Она медленно допила содержимое своего бокала и поставила его прямо на мокрый, оставшийся от него же, след на стойке.

— Непосредственно перед, в течение и сразу после каждой диверсии пространство заполняется радиопередачами из неизвестных источников. Большинство из них, если судить по мощности, работают в радиусе нескольких сот ярдов. Но некоторые врываются по гиперстатическому каналу, охватывающему расстояние в несколько световых лет. Во время последних трех «случаев» мы записали эти передачи и дали им рабочее название Вавилон-17. Вот и все. Сможете ли вы из этого что-нибудь извлечь?

— Да. У вас есть шанс, перехватывая эти инструкции для саботажа, определить цель

«несчастных случаев»…

— Но мы ничего не можем найти! — в голос генерала прорвалось раздражение. — Там нет ничего, кроме этого проклятого бормотания! В конце концов кто-то заметил повторения в передачах и заподозрил существование шифра. Наши шифровальщики потратили уйму сил, но за целый месяц так и не смогли ничего добиться… Поэтому мы и обратились к вам.

Генерал умолк в ожидании. Наконец Ридра сказала:

— Мистер Форестер, мне нужны оригиналы этих записей, плюс полный отчет, секунда за секундой, если это возможно, обо всем случившемся.

— Не знаю, можно ли…

— Если у вас нет такого отчета, постарайтесь его составить во время следующего «случая». Если этот радиохлам представляет собой беседу, диалог, то я сумею выяснить, о чем там говориться. Вы могли бы заметить, что в той копии, которую мне передал криптографический отдел, нет обозначений, кому принадлежат реплики. Короче, мне пришлось транскрибировать чрезвычайно сложный текст, в котором отсутствует пунктуация и даже разделения между словами.

— Я, возможно, смогу дать вам все, кроме оригинала записи…

— Постарайтесь. Я должна сама составить транскрипцию, тщательно и на своем оборудовании.

— Мы сделаем все заново, так как вы укажите.

Она покачала головой.

— Я должна все проделать сама, иначе я ничего не могу обещать. Вся проблема в фонематических и аллофонических противопоставлениях. Ваши люди даже не поняли, что это язык, поэтому не заинтересовались…

Он прервал ее:

— *Что* это за противопоставления?

— Вы наверное слышали как некоторые люди из Азии путают звуки Р и Л, когда говорят на западных языках? Это потому, что во многих восточных языках это аллофоны, они слышат и пишут их одинаково. Или, например, сочетание th в английских словах they и theater.

— И в чем же различие?

— Произнесите их и прислушайтесь. Один — звонкий, другой — глухой. Они различаются как В и Ф; только это аллофоны в английском языке и вы пользуетесь ими как одной фонемой.

— О…

— Как видите, проблема «иностранца» в транс-

крибировании языка, на котором он не говорит: он просто не слышит различий, которых нет в его собственном языке.

— Как вы собираетесь сделать это?

— Применить свои знания звуковых систем различных языков, и интуицию.

— Опять таинственное «озарение»?

Она улыбнулась.

— Надеюсь.

Она ждала от него поддержки, одобрения. Чем может он поддержать ее? На какой-то миг генерал увлекся нежным звучанием ее голоса.

— Конечно, мисс Вонг, — сказал он. — Вы наш эксперт. Приходите завтра в криптографический отдел и получите все необходимое.

— Спасибо, мистер Форестер. Я принесу вам свой официальный доклад.

Он застыл, окаменев от ее улыбки. Я должен идти, с отчаянием подумал он. Ах, да, нужно еще что-то сказать…

— Прекрасно, мисс Вонг. Там мы еще с вами побеседуем.

Что-то еще, что-то…

Он вздрогнул, не в силах уйти (я должен отвернуться от нее). Надо сказать что-то более важное — спасибо, люблю… Он пошел к двери, успока-

ивая свои мысли. Кто она? Ах, что-то же надо сказать. Я грубый профессиональный вояка. Но все богатство мыслей и слов я бы отдал ей! Дверь раскрылась, и вечер положил на его глаза свои синие пальцы.

Боже, подумал он, как она невозмутима, все это во мне, а она не знает! Я не могу этого выразить! Где-то глубоко прятались слова — успокойся, пока ты в безопасности. Но на поверхность вырывалась злость на собственное молчание. Я не могу ничего сказать…

РИДРА ВСТАЛА, опираясь о край стойки. Ее взгляд остановился на зеркале. Подошел бармен, взял бокалы, стоящие возле кончиков ее пальцев и нахмурился.

— Мисс Вонг?

Ее лицо окаменело.

— Мисс Вонг, вам плохо?..

Бармен увидел, как побелели суставы ее пальцев, как бледность поползла по рукам, и они стали, словно вылепленные из воска.

— Что-нибудь не так, мисс Вонг?

Она резко подалась к нему.

— Вы заметили? — спросила она хриплым шепотом с нотками сарказма в голосе.

Ридра Вонг оттолкнулась от стойки, пошла

к двери. Остановилась, откашлялась и быстро вышла из бара.

II

— МОКИ, ПОМОГИ МНЕ!

— Ридра? — в темноте доктор Маркус Т'мварба оторвал голову от подушки. В туманном свете над постелью появилось ее лицо. — Где ты?

— Внизу, Моки. Пожалуйста, мне нужно поговорить с тобой!

Ее возбужденное лицо то исчезало, то появлялось в поле зрения. Он зажмурился от яркого света, затем медленно открыл глаза.

— Поднимайся.

Лицо исчезло.

Маркус махнул рукой в сторону управляющего пульта, и мягкий свет заполнил роскошную спальню. Он откинул золотистое одеяло, встал на пушистый ковер, снял с вычурной бронзовой подставки черный шелковый халат и набросил на плечи. Автоматические контуры расправили его по его фигуре, убирая лишние складки. Он нажал кнопку среди завитушек рамы, выполненной в стиле барокко, алюминиевая панель откинулась, открыв внутренность бара. Выдвинулся дымя-

щийся кофейник и графины с ликерами.

Повинуясь другому жесту, на полу выросли надувные кресла. Доктор Т'мварба повернулся к входной двери, она щелкнула, скользнула в сторону, и на пороге появилась Ридра.

— Кофе? — он подтолкнул кофейник, силовое поле подхватило его и мягко поднесло к Ридре. — Чем ты занимаешься?

— Моки, это… Я?..

— Пей кофе.

Она наполнила чашку, поднесла ее ко рту:

— Нет ли чего-нибудь успокаивающего?

— Шоколадный или кофейный ликер? — он извлек две маленькие рюмочки. — Как ты думаешь, можно успокоить себя спиртным? Ах, извини, я еще не совсем пришел в себя после обеда. Собиралась компания…

Она покачала головой.

— Просто какао.

Крошечная рюмочка последовала за кофе по силовому лучу.

— У меня был ужасно трудный день, — он потер руки. — Никакой работы: собрались гости на обед и спорили весь день, а потом меня замучили вызовами. Я лег спать только десять минут назад, — он улыбнулся. — А как ты провела вечер?

— Моки, это… это было ужасно.

Доктор Т'мварба глотнул ликер.

— Хорошо. В противном случае я бы тебе никогда не простил, что ты подняла меня с постели.

Ридра непроизвольно улыбнулась.

— Я в-все… всегда могу рас-с-считывать на твое с-сочув-ствие, Моки.

— Ты можешь рассчитывать на мой здравый смысл и убедительный совет психиатра. А сочувствие? Извини, но не после полуночи. Садись. Что случилось? — взмахом руки он пододвинул кресло к Ридре. Край сиденья легко ударил ее под коленки и она села. — Перестань заикаться и рассказывай. Ты преодолела это, когда тебе было пятнадцать лет, — его голос стал мягким и убедительным.

Она отхлебнула кофе.

— Шифр… Помнишь, я работаю над шифром?

Доктор Т'мварба опустился на широкий кожаный диван и откинул назад седые волосы, все еще взъерошенные после сна.

— Я помню, что тебя попросили поработать над чем-то для правительства. Ты довольно пренебрежительно отозвалась об этом.

— Да. И… в общем, это не код… это язык. Как раз сегодня вечером я разговаривала с главно-

командующим, с генералом Форестером и это случилось… Это случилось, и я знаю!

— Что ты знаешь?

— Точно как в прошлый раз, я знаю, о чем он думает!

— Ты читаешь его мысли?

— Нет. Нет все было как в прошлый раз! Наблюдая за ним, я могла рассказать, что он будет говорить…

— Ты уже пыталась раньше объяснить мне это, но я до сих пор ничего не понимаю, если только ты не имеешь ввиду какой-нибудь вид телепатии.

Она покачала головой.

Доктор Т'мварба сплел пальцы и откинулся на спинку дивана.

Внезапно Ридра сказала ровным голосом:

— У *меня есть кое-какие идеи насчет того, что ты пытаешься выразить, дорогая, по ты должна высказать это сама.* Именно это ты хотел сказать, Моки, не правда ли?

Т'мварба вскинул седые брови.

— Да. Именно это. Ты говоришь, что не читаешь моих мыслей? Ты показывала это мне дюжину раз…

— Я знаю, что пытаешься сказать ты, а ты не

знаешь, что хочу сказать я. Это не справедливо! — она привстала с кресла.

Они сказали в унисон:

— Вот почему ты такая прекрасная поэтесса.

Ридра продолжила:

— Я знаю, Моки. Я беру то, что волнует меня больше всего и перекладываю на стихи, и люди понимают их. Но последние десять лет я, оказывается, занималась не этим. Знаешь, что я делала? Я слушала людей, ловила их мысли, их чувства — они спотыкались о них, они не могли их выразить, и это было очень больно. А я отправлялась домой и отшлифовывала их, выплавляла для них ритмическое обрамление, превращала тусклые цвета в яркие краски, заменяла режущие краски пастелью, чтобы они больше не могли ранить — таковы мои стихи. Я знаю, что хотят сказать люди, и говорю это за них.

— Голос вашего века, — пробормотал Т'мварба.

Она нецензурно выругалась. В прекрасных глазах появились слезы.

— То, что я хочу сказать, то, что я хочу выразить, я просто… — она покачала головой, — этого я не могу высказать.

— Если ты по-прежнему великая поэтесса — сможешь.

Она кивнула.

— Моки, еще год назад я не подозревала, что высказываю чужие мысли, Я думала, они мои собственные.

— Каждый молодой писатель, хоть чего-нибудь стоящий, проходит через это. У тебя это случилось, когда ты овладела ремеслом.

— А теперь у меня есть собственные мысли, у меня есть, что сказать людям. Это не то, что раньше: оригинальная форма для уже сказанного. И это не просто противоречия о которых говорят люди, обобщенные в одно целое. Это нечто новое. И я перепугана до смерти.

— Каждый молодой писатель, созревая, через это проходит.

— Повторить легко, сказать — трудно, Моки.

— Хорошо, что ты это поняла. Почему бы тебе не описать, как это… ну, как ты это понимаешь?

Она молчала пять, десять секунд.

— Ладно, попытаюсь еще раз. Перед тем, как уйти из бара, я стояла, глядя в зеркало, а бармен подошел и спросил, что со мной…

— Он почувствовал, что ты не в себе?

— Он ничего не почувствовал. Он увидел мои руки. Они стиснули край стойки и мгновенно побледнели. Не нужно быть гением, чтобы связать

это с тем, что происходит у меня в голове.

— Бармены обычно очень чувствительны к такого рода эксцессам. Это элемент их работы, — Маркус допил кофе. — Твои пальцы побелели? Хорошо, что же сказал генерал Форестер? Или что он хотел сказать?

Ее щека дважды дернулась, и доктор Т'мварба подумал: «Это просто невроз или что-то более специфическое?»

— Генерал — грубоватый, энергичный человек, — объяснила она, — вероятно, неженатый, профессиональный военный со всеми вытекающими из этого последствиями. На вид ему лет пятьдесят. Он вошел в бар, где была назначена встреча; его глаза сузились, потом широко раскрылись, пальцы рук сжались в кулаки, медленно расслабились, шаг замедлился, но когда он подошел ближе, он сумел взять себя в руки. Он пожал мою руку так, словно боялся что она сломается.

Т'мварба не сдержал улыбку и рассмеялся:

— Он влюбился в тебя!

Она кивнула.

— Но почему это расстроило тебя? Я думаю, это должно тебе льстить.

— О, конечно, — Ридра наклонилась вперед. —

Я *была* тронута… И я могла проследить каждую его мысль. Один раз, когда он пытался вернуть свои мысли к шифру, к Вавилону-17, я сказала то, что он думал, чтобы показать, насколько я внимательна к нему. Я проследила за его мыслью, словно я читала в его мозгу…

— Подожди… Вот этого я не понимаю. Как ты могла *точно* знать, о чем он *думает*?

Она подперла подбородок рукой.

— Он рассказал мне. Я говорила что мне нужно больше информации для расшифровки языка. Он не хотел давать ее. Тогда я сказала, что без нее не смогу продвинуться дальше. Это действительно так. Он чуть поднял голову — и этим выдал себя. Он не хотел качать головой, поэтому усилием воли сдержал свой жест, но я заметила его напряженность. А если бы он покачал головой, чуть поджав губы, что бы он мог мне сказать, как вы думаете?

Доктор Т’мварба пожал плечами:

— Это не так просто, как ты думаешь?

— Конечно, но он сделал один жест, чтобы избежать другого. Что это могло означать?

Т’мварба покачал головой.

— Он не покачал головой, чтобы не показать, что простое дело не вызвало бы его появления

здесь. Поэтому он поднял голову.

— Что-нибудь вроде: если бы это было так просто, мы не нуждались бы в вас? — предположил Т'мварба.

— Точно. Возникла неприятная пауза. Это надо было видеть.

— Ну уж нет.

— Если бы это было так просто — пауза — если бы все дело было в этом, мы никогда не обратились бы к вам, — Ридра повернула руку ладонью вверх. — И я сказала это ему; у него сразу челюсти сжались…

— От удивления?

— Да. Тут он на секунду подумал, что я читаю его мысли.

Доктор Т'мварба покачал головой.

— Это просто, Ридра. То, о чем ты говоришь, это чтение мышечных реакций. Его можно осуществлять очень успешно, особенно если знаешь область, в которой сосредоточены мысли твоего собеседника. Вернись к тому, из-за чего ты расстроилась. Твоя скромность была возмущена вниманием этого… неотесанного солдафона?

Она снова выругалась. Доктор Т'мварба прикусил нижнюю губу.

— Я не маленькая девочка, — сказала Ридра. —

К тому же ни о чем непристойном он и не думал. Я повторила его мысли, чтобы просто показать, насколько мы близки. Мне показалось, что он очарован. И если бы он понял нашу близость так же, как и я, у меня остались бы только самые светлые чувства к нему. Только когда он уходил…

Доктор Т'мварба вновь услышал хрипоту в ее голосе.

— … когда он уходил, последнее, что он подумал, было: «Она не знает. Я не сказал ей об этом.»

Глаза Ридры потемнели — прикрыв их веками, она слегка наклонилась вперед. Доктор наблюдал это тысячи раз, с тех самых пор, как худенькую двенадцатилетнюю девочку направили к нему на прохождение курса невротерапии, которая превратилась в психотерапию, а потом и в дружбу.

Но он так до конца и не разобрался в этих ее переменах — всегда внезапных. Когда срок терапии официально закончился, он продолжал внимательно приглядываться к Ридре. Что в ней происходит, когда ее глаза вот так темнеют? Он знал, что существует множество проявлений его собственной натуры, которые она читает с легкостью. Он знал многих людей, равных ей по репутации, людей влиятельных и богатых. Но репутация не внушала ему почтения. А Ридра

внушала.

— Он думал, что я не понимаю. Что он ничего мне не сообщил. И я рассердилась. Это причинило мне боль. Все недопонимания, которые связывают мир и разделяют людей, обрушились на меня — они ждали, что я распутаю их, объясню, а я не могла. Я же не знаю слов, грамматики, синтаксиса. И…

Что-то изменилось в ее азиатском лице. Маркус попытался уловить, что именно.

— Да?

— Вавилон-17.

— Язык?

— Да. Ты знаешь, что я называю моим «озарением»?

— То, что ты внезапно начинаешь понимать незнакомый язык?

— Да, генерал Форестер сказал мне, что то, что было у меня в руках — не монолог, а диалог. Этого я раньше не знала. Но ото совпадало с некоторыми другими моими соображениями. Я поняла, что сама могу определить, где кончается одна реплика и начинается другая. А потом…

— Ты поняла его?

— Кое-что поняла. Но в этом языке заключается нечто такое, что испугало меня гораздо больше,

чем генерал Форестер.

Лицо Т'мварбы вытянулось от удивления.

— В самом языке?

Она кивнула.

— Что же именно?

Ее щека снова дернулась.

— Я думаю, что знаю, где произойдет следующий «несчастный случай»…

— . Несчастный случай?

— Да, очередная диверсия, которую планируют захватчики — если это, конечно, они, в чем я лично не уверена. Но этот язык сам по себе такой… такой странный.

— Как это?

— Маленький, — сказала она. — Плотный. Сжатый… Но это наверное тебе ни о чем не говорит?

— Компактность? — спросил доктор Т'мварба. — Я думал, что это хорошее качество разговорного языка.

— Да, — согласилась она, глубоко вздохнув. — Моки, я боюсь!

— Почему?

— Потому, что я собираюсь кое-что сделать и не знаю, смогу ли.

— Если это что-нибудь серьезное, ты можешь немного поволноваться. Что же именно?

— Я решила это еще в барс, но подумала, что мне нужно сначала с кем-нибудь посоветоваться.

— Выкладывай.

— Я собираюсь сама разрешить проблему Вавилона-17.

Т'мварба наклонил голову вправо.

— Я установлю, кто говорит на этом языке, откуда говорит, и что именно говорит!

Голова доктора повернулась влево.

— Почему? Пожалуйста, большинство учебников утверждает, что язык — это средство для выражения мыслей, Моки. Но язык и есть сама мысль! Мысль в форме информации: эта форма и составляет язык. А форма Вавилона-17… поразительна.

— Что же тебя поражает?

— Моки, когда изучаешь чужой язык, познаешь, как другой народ видит мир, Вселенную… — Он кивнул. — А когда я всматриваюсь в этот язык, я начинаю видеть… слишком многое.

— Звучит очень поэтично.

Она засмеялась.

— Ну, ты всегда стараешься вернуть меня на землю.

— Но делаю это не так уж и часто. Хорошие поэты обычно практичны и ненавидят мистицизм.

— Только поэзия, которая отражает реальность, может быть поэтичной, — сказала Ридра.

— Хорошо. Но я все еще не понимаю, как ты собираешься разрешить загадку Вавилона-17?

— Ты действительно хочешь знать? — она коснулась рукой его колена. — Я возьму космический корабль, наберу экипаж и отправлюсь к месту следующей диверсии.

— Да, верно, у тебя есть удостоверение звездного капитана. А сможешь позволить себе такое?

— Правительство субсидирует экспедицию.

— О, отлично. Но зачем?

— Я знаю с полдюжины языков захватчиков, но Вавилон-17 — не из их числа. И это не язык Союза. Я хочу найти того, кто говорит на этом языке; узнать, кто или что во Вселенной мыслит таким образом. Как ты думаешь — я смогу, Моки?

— Еще чашечку кофе, — он протянул руку куда-то в сторону и послал ей кофейник. — Ты задала хороший вопрос. Тут есть над чем подумать. Ты не самый уравновешенный человек в мире. Руководство экипажем космического корабля требуют особого психологического склада — у тебя он есть. Твои документы — как я помню, результат твоего странного… хм… брака несколько лет назад. Но тогда ты командовала автоматическим

экипажем. А теперь это будут транспортники?

Она кивнула.

— Все мои дела в основном связаны с таможенниками. Да и ты тоже к ним относишься — более или менее.

— Мои родители были транспортниками. Я сама была транспортником до запрета.

— Тоже верно. Допустим, я скажу: «Да, ты сможешь это сделать»?

— Я поблагодарю и улечу завтра.

— А если я скажу, что мне нужно сначала с недельку повозиться над твоими психоиндексами, а тебе в это время придется жить у меня, никуда не выходить, ничего не писать, избегать всяческих волнений?

— Я поблагодарю… и улечу завтра.

Он нахмурился.

— Тогда почему ты беспокоишь меня?

— Потому, — она пожала плечами, — потому что завтра я буду дьявольски занята… и у меня не будет времени сказать тебе «до свидания».

— О, — напряжение на его лице сменилось улыбкой.

Маркус снова вспомнил о скворце.

Ридра, тоненькая, тринадцатилетняя, застенчивая, прорвалась сквозь тройные двери рабочей

оранжереи со своей новой находкой, называемой смехом — она только что открыла, как он получается у нее во рту. А он был по-отцовски горд, что этот полутруп, отданный под его опеку шесть месяцев назад, вновь стал девочкой, с короткими волосами, с дурными настроениями и вспышками раздражения, с заботой о двух гвинейских свинках, которых она называла Ламп и Лампкин. Ветерок от кондиционера шевелил кустики около стеклянной стены, и солнце просвечивало сквозь прозрачную крышу.

Она спросила:

— Что это, Моки?

И он, улыбаясь ей, в белых шортах, запятнанных солнцем, сказал с расстановкой:

— Это говорящий скворец. Он будет говорить с тобой. Скажи «привет».

В черном глазу сверкало маленькое солнце, размером с булавочную головку. Перья сверкнули, из игольчатого клюва высунулся тоненький язык. Ридра повернула голову, точно как это делают птицы и прошептала: «Привет».

Доктор Т'мварба две недели учил птицу при помощи свежевыкопанных земляных червей, чтобы удивить девочку. Птица взглянула склонив голову на бок и монотонно произнесла:

— Привет, Ридра, какой прекрасный день, и я счастлива.

Ридра закричала.

Совершенно неожиданно.

Сначала Маркус решил, что девочка смеется. Но ее лицо исказилось, она замолотила руками по воздуху, зашаталась, упала. Она захлебывалась криком. Т'мварба подбежал, чтобы подхватить ее, а птица, перекрывая ее истерические рыдания, повторяла: *«Какой прекрасный день, и я счастлива».*

Он и раньше наблюдал у нее припадки, но этот поразил его. Когда позже он смог поговорить с Ридрой об этом, она сказала, еле раскрывая побелевшие губы:

— Птица испугала меня.

А спустя три дня проклятая птица вырвалась и запуталась в антенной сети, которую они с Ридрой натянули для ее любительских радиоперехватов: она слушала гиперстатические передачи транспортных кораблей, находящихся в рукаве Галактики. Крыло и лапа попали в ячейки сети, птица начала биться о горячую линию, так что искры были видны даже в солнечном свете.

— Нужно достать ее оттуда! — закричала Рид-

ра. Она показывала рукой вверх, но когда она взглянула на птицу, то даже под загаром стало заметно, как она побледнела.

— Я позабочусь об этом, милая, — сказал Маркус. — Ты просто забудь о ней.

— Если она еще несколько раз удариться о линию, то погибнет.

Но он уже пошел за лестницей. А когда он вышел, то у видел, что Ридра уже вскарабкалась по проволочной сетке на дерево, закрывавшее угол дома. Через пятнадцать секунд она протягивала руку к птице. Маркус знал, что девочка чертовски боится горячей линии, но она собралась с духом и схватила птицу. Спустя минуту она была уже во дворе, прижимая к себе измятую птицу, лицо ее казалось вымазанным известью.

— Забери ее, Моки, — чуть слышно сказала Ридра дрожащими губами, — пока она не заговорила.

И вот теперь, тринадцать лет спустя, кто-то-другой разговаривал с ней, и она сказала, что боится. Он знал, что она иногда пугается, но знал и то, что она может храбро смотреть в лицо своим страхам.

— До свидания, — сказал Маркус. — Я рад, что ты меня разбудила. Если бы ты не пришла, я бы

сошел с ума от беспокойства.

— Спасибо, Моки, — ответила Ридра. — Хотя мне все еще страшно.

III

ДЭНИЕЛ Д. ЭППЛБИ, который даже мысленно редко называл себя полным именем — он был офицером Таможни — взглянул на приказ сквозь очки в проволочной оправе и пригладил рукой коротко остриженные волосы.

— Что ж, приказ разрешает это, если вам будет угодно…

— И?

— И он подписан генералом Форестером.

— Я думаю, что вы тоже его подпишите.

— Но я должен одобрить…

— Тогда идемте со мной, одобрите на месте. У меня нет времени высылать вам отчет и ждать одобрения.

— Но ведь так не делают…

— Делают. Идемте со мной.

— Но, мисс Вонг, я не хожу в транспортный город по ночам.

— Я приглашаю вас. Вы боитесь?

— Нет, конечно. Но…

— Мне к утру нужно иметь корабль и экипаж. Видите подпись генерала Форестера?.. Все в порядке?

— Надеюсь.

— Тогда пошли. Экипаж должен немедленно получить официальное одобрение.

Ридра и чиновник, все еще препираясь, покинули здание из стекла и бронзы.

Минут шесть они ехали в монорельсе. Потом спустились на узкие улочки. В небе над ними проносились транспортные корабли. Между зданиями складов и контор жались дома и меблированные комнаты. Вскоре они выбрались на широкий проспект, гремящий движением, запруженный толпами свободных от работы грузчиков и звездоплавателей. Они проходили мимо неоновых реклам увеселительных заведений, мимо ресторанов многих миров, мимо баров и публичных домов. В давке таможенник втянул голову в плечи и ускорил шаг, чтобы не отстать от Ридры.

— Где вы намереваетесь найти...?

— Пилота? Он мне нужен прежде всего, — она остановилась на углу, засунув руки в карманы кожаных брюк, и осмотрелась.

— У вас есть идеи на этот счет?

— Я думала о нескольких кандидатах… Нам сюда.

Они свернули в узкую улочку, ярко освещенную огнями реклам.

— Куда мы идем? Вы знаете этот район?

Она засмеялась, подхватила его под руку и легко, как танцор партнершу, повернула к металлической лестнице.

— Сюда?..

— Вы никогда не бывали здесь? — с наивностью, которая заставила чиновника на миг поверить в то, что он охраняет спутницу.

Он покачал головой.

Навстречу им, из подземного кафе поднимался человек — чернокожий, с красными и зелеными самоцветами, вросшими в грудь, лицо, руки и бедра. Влажные на вид перепонки, тоже усыпанные камнями, свисали с рук, и при каждом его шаге колыхались на тонких связках.

Ридра схватила его за плечо.

— Эй, Лом!

— Капитан Вонг! — голос высокий, белоснежные зубы остры, словно кинжалы. Перепонка взметнулась парусом. — Что вас сюда привело?

— Лом, сегодня вечером борется Брасс?

— Хотите взглянуть на него? Шкипер борется с

Серебряной Ящерицей, и это схватка равных! А я искал вас на Денебе. Купил вашу книгу. Много прочитать не смог, но купил. И не нашел вас. Где вы были эти шесть месяцев?

— На Земле, преподавала в университете. Но я отправляюсь снова.

— Вы хотите взять Брасса пилотом? А собираетесь случайно не в Спецелли?

— Именно туда.

Лом обнял ее за плечи черной рукой, парус окутал ее сверкающим плащом.

— Летите к Цезарю, и возьмите пилотом Лома. Он знает Цезарь… — он прищурил глаза и помотал головой. — Никто не знает лучше!..

— Когда полечу, обязательно, Лом. А сейчас мне нужно в Спецелли.

— Тогда вам не обойтись без Брасса. Вы работали с ним раньше?

— Мы напивались вместе, когда нас засадили в карантин на одном из планетоидов Лебедя. Он нам многое рассказывал. И похоже, он знает, о чем говорит.

— Говорит, говорит, говорит, — усмехнулся Лом. — Да, как же, помню… Вы пришли посмотреть на схватку с этим сукиным сыном, что ж, вы узнаете, что это за пилот.

— Для этого я и пришла, — кивнула Ридра.

Она повернулась к таможеннику, который прижался к стене. «О, боже! — подумал он. — Она собирается познакомить нас!» Но Ридра с насмешливой улыбкой кивнула ему и отвернулась.

— Увидимся позже, Лом, когда я вернусь.

— Да, да, вы всегда говорите это. А я не видел вас шесть месяцев, — он засмеялся. — Но вы мне нравитесь, Капитан. Возьмите меня к Цезарю когда-нибудь, и я покажу вам…

— Когда я полечу к Цезарю, ты будешь пилотом, Лом.

Острозубая улыбка.

— Полечу, полетишь — это только слова… Мне пора идти. До свидания, Капитан, — он поклонился и отсалютовал рукой: — Капитан Вонг. — И ушел.

— Не бойтесь его, — сказала Ридра чиновнику.

— Но его… — подыскивая слово, он недоумевал: откуда она знает? — Из какой преисподни он вылез?

— Он землянин. Хотя я верю, что он родился в пути между Арктуром и Центавром. Его мать была помощником капитана, если это Лом только не присочинил. Лом — мастер рассказывать сказки.

— Значит, вся его внешность — это косметo-

хирургия?

— Угу, — Ридра уже спускалась по лестнице.

— Но какого дьявола они это с собой проделывают? Они же все… как дикари! И поэтому ни один приличный человек не хочет иметь с ними никаких дел.

— Моряки привыкли к татуировке… К тому же Лому нечего делать. Сомневаюсь, что он лет сорок проработал пилотом.

— Он плохой пилот? Тогда что это за разговоры о туманности Цезаря?

— Я уверена, что он ее знает. Но ему уже сто двадцать лет. А после восьмидесяти рефлексы замедляются, и это — конец пилотской карьеры. Он слоняется от одного портового города к другому, знает все на свете, разносит сплетни и дает советы.

Они вошли в кафе на рампу, которая нависала в тридцати футах над головами посетителей, прятавших ноги под стойкой бара. Над ними, словно облако дыма, парил шар около сорока футов в диаметре. Взглянув на него, Ридра сказала таможеннику:

— Представление еще не начиналось.

— Здесь проходит так называемая *борьба*?

— Да.

— Но ведь она считается незаконной!

— Закон так и не приняли. После обсуждения вопрос замяли.

— А…

Пока они спускались, продираясь сквозь толпу транспортников, чиновник удивленно моргал и озирался. Большинство из этих людей были обычными мужчинами и женщинами, но результаты космохирургии у отдельных лиц то и дело вынуждали его постоянно таращить глаза.

— Я *никогда* не бывал в подобном месте! — прошептал таможенник.

Люди, похожие на рептилий, смеялись и разговаривали с грифонами и металло-чешуйчатыми сфинксами.

— Оставите свою одежду здесь? — улыбнулась девушка-контролер. Ее обнаженная кожа была зеленой и искрилась, как сахар, необъятные кольца кудрей нагромождались розовой ватой. Груди, пупок и губы ослепительно сверкали.

— Ни в коем случае, — быстро ответил таможенник.

— По крайней мере, снимите брюки и рубашку, — сказала Ридра, стягивая блузку. — А то в вас заподозрят чужака.

Она наклонилась, сняла туфли и сунула их

под прилавок. Она начала расстегивать пояс, но заметив испуганный взгляд таможенника, улыбнулась и застегнула его обратно.

Чиновник осторожно снял пиджак, рубашку и уже развязывал шнурки ботинок, когда кто-то схватил его за руку.

— Эй, таможня!

Перед ними стоял обнаженный человек огромного роста с хмурым лицом, покрытым оспинками. Единственное, что его украшало, это вживленные в грудь, плечи, ноги и руки разноцветные огоньки, сливающиеся в красочный рисунок.

— Вы меня?

— Что ты делаешь здесь, таможня?

— Сэр, я вас не трогал.

— И я тебя не трогал. Выпьем, таможня! Сегодня у меня хорошее настроение.

— Весьма благодарен, но я лучше…

— У меня хорошее настроение. Пока… Но если ты не настроен, таможня, оно может и испортиться…

— Но я не… — он беспомощно оглянулся на Ридру.

— Пошли. Выпьете со мной оба. Со мной. Будем друзьями, черт подери! — он попытался обнять

Ридру, но та перехватила его руку. Его ладонь раскрылась, обнажив множество шрамов, которые неизбежны при работе со стеллариметром.

— Навигатор?

Он кивнул и она отпустила его руку.

— Почему же у тебя сегодня хорошее настроение?

Пьяный встряхнул головой. Его волосы были завязаны узлом и свисали черной косичкой над левым ухом.

— Он просто понравился мне. И ты мне нравишься.

— Спасибо. Закажи мне выпить, а я найду, чем тебе отплатить.

Он тяжеловесно кивнул. Зеленые глаза громилы сузились: протянув руку, он коснулся тяжелого золотого диска, висевшего на ее груди.

— *Капитан* Вонг?

Она кивнула.

— Лучше не скандалить с вами, — он засмеялся. — Идемте, Капитан, я куплю вам и таможне что-нибудь для счастья!

Они направились к бару. То, что в более приличной обстановке подают в маленьких рюмочках, здесь наливали кружками.

— На кого будете ставить: на дракона или Брас-

са? Если на Дракона, то плюну вам в лицо… Я, конечно, шучу, Капитан.

— Я ни на кого не ставлю, — сказала Ридра. — Я нанимаю. Вы знаете Брасса?

— Был навигатором с ним в последнем рейсе. Прибыли неделю назад.

— Поэтому вы за него и болеете?

— Можно сказать и так.

Таможенник почесал грудь и вопросительно взглянул на Ридру.

— В последнем рейсе Брасс прогорел, — объяснила ему Ридра. — Экипаж теперь без работы. Сегодня вечером Брасс выставляет себя. — Она вновь повернулась к навигатору. — Здесь много капитанов, интересующихся Брассом?

Он подмигнул, покачал головой и пожал плечами.

— Только я один, а вы… тоже?

Кивок, тягучий, как ликер.

— Как вас зовут?

— Калли, Навигатор-Два.

— А где ваш Первый и Третий?

— Третий где-то здесь — пьет. Первым была милая девушка по имени Кетти О'Хиггинс. Она умерла, — он одним глотком осушил стакан и потянулся за следующей порцией.

— Сожалею, — сказала Ридра. — А что с ней случилось?

— Столкнулись с захватчиками… Выжили только Брасс, я с Третьим, и наш Глаз. Потеряли весь взвод, потеряли помощника. Это был плохой рейс, капитан. Глаз остался без Уха и Носа… К тому времени они были без тел уже десять лет и всегда держались вместе. Рон, Кетти и я составляли тройку всего несколько месяцев назад. Но даже и так… — он покачал головой. — Очень плохо.

— Позовите вашего Третьего, — сказала Ридра.

— Зачем?

— Мне нужен полный экипаж.

Калли наморщил лоб.

— Но с нами же нет больше Первого.

— Вы так и будете хандрить? Мы пойдем в Морг.

Калли *хмыкнул.*

— Хотите видеть моего Третьего — пойдем.

Ридра пожала плечами и последовала за Калли. Таможенник побрел за ними.

Парню, сидевшему на табурете у стойки, было не больше девятнадцати лет. Таможеннику сразу же бросилось в глаза кружево металлических лент, опутывающих его тело. Калли был большим, сильным, а этот…

— Капитан Вонг, это — Рон, лучший Третий во всей Солнечной Системе!

…Рон — маленький, щуплый, с жутко очерченной мускулатурой; грудь — словно пластины металла, обтянутые восковой кожей, руки — как кабели. Даже на мускулистом лице выделялась каждая жилка. Непричесан, светловолос, с сапфировыми глазами, единственное вмешательство косметохирургии — яркая роза, растущая на плече. Он улыбнулся и в знак приветствия притронулся ко лбу указательным пальцем.

— Капитан Вонг набирает экипаж.

Рон выпрямился на табурете, поднимая свою голову, мускулы его тела запереливались, словно змеи под молоком.

Таможенный офицер увидел, как широко раскрылись глаза Ридры. Но не поняв ее реакции, он не придал этому значения.

— У нас нет Первого, — сказал Рон. Он улыбнулся и снова погас.

— Надеюсь, что я найду Первого для вас.

Навигаторы посмотрели друг на друга.

Калли обернулся к Ридре и потер кончик носа указательным пальце.

— Вы знаете о тройках, как наша…

Ридра сжала его руку.

— Вы хотели бы такую же тройку. Надеюсь, вы одобрите мой выбор.

— Но, довольно трудно подобрать…

— Это невозможно. Но это ваш шанс. Я только предлагаю. Что вы скажете?

Указательный палец Калли переместился от носа ко лбу.

— Лучшего предложения не могло и быть!

Юноша поставил ногу на табурет, обнял колено и посмотрел через плечо.

— Я скажу так: давайте посмотрим, кого вы предложите.

— Прекрасно, — кивнула Ридра.

— Вы знаете, разбитая тройка это не все, что нас объединяет, — Калли положил Руку на плечо Рона.

— Да, но…

Ридра посмотрела вверх.

— Давайте посмотрим на борьбу.

Люди у стойки подняли головы. Сидящие за столиками откинули спинки. Кружка Калли грохнула о стойку, Рон забрался на табурет с ногами и облокотился о стойку.

Дымный шар, висевший под сводом, осветился, а в помещение, наоборот, начало темнеть. Дым в шаре рассеялся, открыв его прозрачные внут-

ренности.

— Куда они смотрят? — спросил таможенник. — Куда все…

Ридра положила руку ему на шею и что-то сделала так, что он рассмеялся и поднял голову. Затем глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Дымящийся под сводом шар вспыхнул радугой. А салон погрузился во тьму. Тысячеваттный прожектор ударил в пластиковую поверхность сферы, и его отблеск отразился внизу на замерших в дыму лицах.

— Что происходит? — спросил таможенник. — Они будут бороться здесь?…

Ридра приложила руку к его губам, и он замолк.

И вот появилась Серебряная Ящерица, крылья колышутся в дыму, сверкающие перья — лезвия сабель, чешуя трясется на огромных ляжках; она рябит десятифутовыми чешуйками и извивается в антигравитационном поле, зеленые губы растягиваются в ухмылке, серебряные веки обнажают зеленые глаза.

— Это женщина! — выдохнул таможенник.

Приветственный стук пальцев пронесся по залу.

Дым вновь заклубился в шаре…

— А это наш Брасс! — воскликнул Калли.

…и Брасс оскалился и встряхнул головой; слюна блестела на клыках цвета слоновой кости, буграми вздулись мускулы на плечах и руках, длинные медные когти выступали из желтых плюшевых лап. Ленты, которыми был перевязан живот, извивались вокруг него. Колючий хвост колотил по стенкам шара. Грива, подстриженная так, чтобы противник не имел никакой возможности ухватиться за нее, струилась, как вода.

Калли схватил таможенника за плечо.

— Стучи пальцами, мужик! Это же *наш* Брасс!

Таможенник, никогда не делавший ничего подобного, чуть не сломал руку.

Шар засиял красным. Оба пилота кружили внутри шара, лицом к лицу. Голоса стихли. Таможенник бросал взгляды на людей, сидящих вокруг. Каждый второй смотрел вверх. Навигатор-Третий согнулся на стуле в позе зародыша. Ридра покосилась на парня, задержав взгляд на стиснутых руках и сжатых челюстях этого юноши с розой-на-плече.

Противники наверху кружились, делая ложные выпады. Внезапное движение Ящерицы — и Брасс отскочил, оттолкнулся от стены…

Таможенник за что-то ухватился.

Два тела столкнулись, сцепились, врезались в стену. Зрители затопали. Руки сплелись, нога обвила ногу. Наконец Брасс вывернулся и отлетел к потолку своеобразной арены. Встряхнув головой, он выпрямился. Внизу, наготове, извивалась Ящерица, судорожно взмахивая крыльями. Брасс бросился с потолка и ухватил ее задней ногой. Она, кружа, отшатнулась. Клыки-сабли сомкнулись — промахнувшись.

— Что они делают? — прошептал чиновник. — Как узнать, кто выигрывает?

Он глянул вниз; то, за что он схватился, оказалось плечом Калли.

— Когда один отбросит соперника к стене, а сам коснется противоположной стены только одной ногой или рукой, — объяснил Калли, не глядя на него, — это очко.

Серебряная Ящерица распрямилась, как освобожденная пружина. Брасс полетел прочь и врезался в стену. Но Ящерица оступилась, нанося удар задней лапой, потеряла равновесие и вторая лапа также коснулась стены.

Вздох разочарования пронесся по залу. Придя в себя, Брасс прыгнул и толкнул Ящерицу к стене, но отдача получилась слишком сильной, и он, отлетев в сторону приземлился на три лапы.

И снова схватка в центре шара. Ящерица рычит, извивается, потрясая чешуей. Брасс смотрит с ожесточением, глаза — золотые монеты; быстро отклоняется назад, подается вперед…

Ящерица вихрем проносится возле его плеча, врезается в стенку шара. Брасс, легко уклонившись, удерживается на одной лапе.

Шар вспыхнул зеленым, и Калли застучал по стойке:

— Гляди, как он врезал этой сверкающей суке!

И опять они столкнулись. Удушающие объятия — и противники снова разлетаются в разные стороны.

Еще два балла никому не принесли успеха. Наконец, Серебряная Ящерица получила преимущество, ей удалось отбросить Брасса к стене, удержавшись на кончике хвоста. Толпа заревела.

— Нечестно! — закричал Калли, отталкивая таможенника. — Черт возьми, это не по правилам!

Но шар снова озарился зеленым. Ящерица заработала очко.

Теперь противники осторожно плавали в центре шара. Ящерица дважды делала ложные выпады, но Брасс сумел уклониться, не прикоснувшись к стене.

— Почему она увиливает? — кричал вверх Калли. — Она изведет его до смерти. А ну, боритесь!

Как бы в ответ, Брасс прыгнул, сконцентрировавшись на ударе плечом. Он бы получил еще один балл, но Ящерица перехватила его руку, и Брасс, отклонившись, врезался в пластиковую оболочку.

— Она не имеет права! — на этот раз уже кричал таможенник. Он снова вцепился в Калли. — Разве так можно? Я думаю, они не позволят… — он прикусил язык, потому что Брасс оттянул Ящерицу от стены и слегка ударил между ног. Она отлетела к стене, а Брасс удержался на одной ноге и теперь парил в центре шара.

— Вот так! — закричал Калли. — Два из трех!

Шар вспыхнул зеленым. Тишина взорвалась аплодисментами.

— Он выиграл? — суетился таможенник. — Он выиграл?

— Слушай! Конечно же — выиграл! Эй, идемте, взглянем на него. Идем, Капитан!

Ридра уже пробиралась сквозь толпу. Рон прыгнул за ней, а Калли потащил следом неуклюжего таможенника. Лестница привела в комнату, где несколько мужчин и женщин окружали лежавшего на диване Кондора — огромную птицу ярко

золотого и алого цветов. Он должен был сражаться со Смоляным, одиноко стоявшим в углу. Открылся выход на арену, и появился покрытый потом Брасс.

— Эй! — окликнул его Калли. — Это было здорово, парень! Тут один Капитан хочет поговорить с тобой.

Брасс потянулся, опустился на четвереньки, глухое рычание сорвалось с его губ. Он потряс гривой. Его золотые глаза удивленно расширились.

— Капитан Вонг! — рот, растянутый вживленными клыками, не справлялся с губными согласными. — Я вам понравился сегодня вечером?

— Вы мне так понравились, что я захотела взять вас пилотом к Спецелли, — она потрепала его за ухом. — Когда-то вы говорили, что хотели бы показать мне ваше мастерство.

— Да, — кивнул Брасс. — Но я думаю, что это — сон. — Он отбросил львиную шкуру и начал обтирать шею и руки полотенцем. Поймав удивленный взгляд таможенника, Брасс пояснил: — Всего лишь косметохирургия, — и продолжил обтираться.

— Покажите ему ваш психоиндекс, — сказала Ридра, — и он одобрит вас.

— Значит, мы отправляемся завтра, Капитан?

— На рассвете.

Из-за пояса Брасс извлек тонкую металлическую пластинку.

— Возьми, таможенник.

Чиновник принялся внимательно изучать рисунок. Из бокового кармана он достал таблицу со стандартными индексами, но решил, что более сложные вычисления произведет позже. Опыт говорил ему, что Брасс неплохой пилот.

— Мисс Вонг, простите, Капитан Вонг, как насчет их карточек? — он обернулся к Калли и Рону.

Рон изогнулся и почесал лопатку.

— Пусть это вас не заботит, пока у нас нет Навигатора-Один.

Суровое юношеское лицо застыло в привлекательной воинственности.

— Проверим их позже, — сказала Ридра. — Сначала нам нужно набрать экипаж.

— Вам нужен полный экипаж? — спросил Брасс.

Ридра кивнула:

— Как насчет Глаза, что вернулся с вами?

Брасс отрицательно покачал головой:

— Он же потерял Ухо и Нос. Они были настоя-

щей тройкой, Капитан. Глаз шесть часов висел снаружи, пока мы не доставили его обратно в Морг.

— Понимаю… А вы не можете рекомендовать кого-нибудь?

— Никого конкретно. Нужно просто заглянуть в Сектор Разобщенных и посмотреть кто там сейчас крутится.

— Если вы хотите к утру иметь экипаж, лучше начать сразу же, — сказал Калли.

— Тогда пошли! — сказала Ридра.

Они направились к лестнице, и таможенник тихо спросил:

— Сектор Разобщенных?.

— Вас это беспокоит? — Ридра замыкала шествие.

— Ну, в общем… мне не совсем нравится эта мысль.

Ридра засмеялась.

— Из-за мертвецов? Ну, они вас не обидят!

— Я знаю, что существам, обладающим телами, запрещается находиться в Разобщенных.

— В некоторых его частях, — поправила Ридра, и все засмеялись. — И мы туда не пойдем, если, конечно, не понадобиться.

— Хотите получить обратно одежду? — спроси-

ла девушка-контролер.

Посетители останавливались, чтобы поздравить с победой Брасса, хлопнуть его кулаком по плечу, щелкнуть пальцем. Он взмахнул накидкой над головой. Она опустилась на его плечи, окутала его шею, обвилась вокруг рук и бедер. Брасс помахал толпе и начал не спеша подниматься по лестнице.

— Вы действительно можете оценить пилота по его поведению на ринге? — спросил чиновник Ридру.

Она кивнула:

— На корабле нервная система пилота непосредственно связана с аппаратурой управления и маневра. Весь полет в гиперстасисе — это борьба пилота с вихрями стасиса. Он должен иметь великолепные рефлексы, полностью владеть своим телом-кораблем. Опытный транспортник довольно точно может определить, как будет вести себя пилот в течениях гиперстасиса.

— Я слышал об этом, конечно, но сам вижу впервые. Это… довольно впечатляющее зрелище.

— Да, — согласилась Ридра.

Когда они поднялись наверх, шар снова осветился. Смоляной и Кондор кружили в его недрах.

На тротуаре Брасс снова опустился на четве-

реньки и обратился к Ридре:

— Как насчет помощника и взвода?

— Я хочу получить взвод, который участвовал только в одном рейсе.

— Зачем таких зеленых?

— Я хочу тренировать их по-своему. Более опытные слишком устойчивы и их не переучишь.

— Со взводом, который совершил только один рейс, может быть масса хлопот. Они мало что умеют. Никогда не летал с такими.

— Лишь бы они не были полными идиотами. К тому же я уверена, что такой взвод получу уже к утру, если пошлю свой приказ во Флот.

Брасс кивнул:

— Вы будете делать запрос?

— Сначала я хочу проверить их вместе с вами, может, у вас будут замечания.

Они проходили мимо уличного фона на фонарном столбе.

Ридра нырнула под пластиковый колпак, набрала номер. Минуту спустя она уже говорила:

— Взвод для полета к Спецелли необходим к рассвету… Я знаю, что мало времени, но мне и не нужен обстрелянный взвод. Всего лишь один вылет… — она выглянула из-под колпака и подмигнула спутникам. — Прекрасно, я позвоню

позже, чтобы получить их психоиндексы для таможенного контроля… Да, чиновник со мной. Спасибо.

Она вышла из-под колпака.

— В Сектор Разобщенных лучше пройти этим путем.

Улицы постепенно сужались, изгибались, пересекаясь друг с другом, и совсем опустели. Остался только бетон с небольшими металлическими башенками, опутанными разноцветными проводами. Тьму разрывали столбы голубоватого света.

— Это и есть?.. — начал таможенник и замолк. Они постепенно замедляли шаги. В темноте между башенками появились красные всполохи.

— Что это?..

— Просто передачи. Они идут всю ночь, — объяснил Калли.

Слева от них вспыхнули зеленые огни.

— Передачи?

— Быстрый обмен энергией в результате освобождения от тела, — начал объяснять Навигатор-Два.

— Но я все еще не…

Теперь они шли между фосфоресцирующими столбами. Переливающиеся струи пламени по-

степенно формировались в фигуры — женщины с просвечивающимися телами смотрели на них равнодушными глазами.

Таможенник отшатнулся: сквозь животы призраков просвечивали пилоны.

— Лица, — прошептал он. — Как только отворачиваешься, не можешь вспомнить, как они выглядят. Когда смотришь на них, они совсем как люди, но когда отводишь взгляд… — он затаил дыхание, проходя мимо призрака. — Вы не можете вспомнить! — Он остановился. — Мертвые? — Он встряхнул головой. — Вы знаете, уже десять лет, как я одобряю психоиндексы транспортников, как телесных, так и лишенных тел. Но я никогда так близко не сталкивался с Разобщенными. О, иногда я видел их фантастические изображения и даже проходил мимо них на улице. Но это…

— Есть много дел, — голос Калли отяжелел от алкоголя так же, как его плечи — от мускулов, — которые на транспортных кораблях нельзя поручать живым людям.

— Да-да, я знаю, — согласился таможенник. — Поэтому вы используете мертвых.

— Верно, — кивнул Калли. — Таких, как Глаз, Ухо и Нос. Живой человек, окунувшись в волны гиперстасиса, во-первых, умрет, а во-вторых,

сойдет с ума.

— Я знаю теорию, — резко ответил таможенник.

Калли неожиданно схватил его за шею и рывком притянул вплотную к своему изрытому оспой лицу.

— Ты ничего не знаешь, таможня! — голос его стал хриплым, как в кафе. — Ты прячешься в своей клетке, в безопасном гравиполе Земли, Земля прочно держится за Солнце, а Солнце спокойно движется к Веге, и все прочно и давно установлено в этом спиральном рукаве, — он жестом указал на Млечный Путь, распростершийся над ночным городом. — И ты никогда не бываешь свободен! — Он резко оттолкнул покрасневшего таможенника. — Что?! Тебе нечего мне сказать!

Навигатор схватился за чудовищный кабель, уходящий куда-то ввысь. *Зазвенело.* Низкая нота застыла в горле у таможенника и заполнила рот отвратительным металлическим привкусом. Он мог сплюнуть, но наткнулся на враждебный взгляд медных глаз Ридры.

— Он был частью тройки, — она говорила сухо и тихо; ее глаза впивались в таможенника и не видели его. — Он был в тесных, неразрывных эмоциональных и сексуальных взаимоотношениях с

двумя своими товарищами. И один из них умер.

Таможенник не уловил ее скорби, и против воли произнес:

— Извращенец!

Рон склонил голову набок, он весь напрягся от боли и возмущения.

— Есть много дел, — повторил он слова Калли, — которые на транспортных кораблях нельзя поручать только двум людям. Они слишком сложны.

— Я *знаю,* — сказал таможенник. Я, кажется, обидел паренька, подумал он. Что-то еще крутилось у него на языке.

— Вы хотите что-то сказать? — спросила Ридра.

Удивленный, что она почувствовала его недосказанность, он повернулся к Калли и Рону.

— Прошу прощения.

Брови Калли поползли вверх, затем его лицо разгладилось:

— Я тоже погорячился.

Подал голос Брасс:

— Центр передачи примерно в четверти мили отсюда, в середине энергетической зоны. Там можно найти Глаз, Ухо и Нос, которые годятся для полета на Спецелли, — он усмехнулся чиновнику сквозь свои клыки. — Это как раз одна

из ваших запретных территорий. Там слишком много фантомов, и некоторые телесные этого не выдерживают. Но большинство нормальных спокойно переносят это.

— Если это незаконно, я лучше подожду вас здесь, — сказал таможенник. — Вы захватите меня на обратном пути. Тогда я проверю их индексы.

Ридра кивнула. Калли одной рукой обнял за талию десятифутового пилота, другой — плечи Рона.

— Пошли, Капитан, если к утру хотите иметь свою команду.

— Если мы в течение часа не найдем то, что нам нужно, мы вернемся, — сказала Ридра.

Таможенник наблюдал, как они исчезли за переливающимися башенками.

IV

... ЕЕ ОБРАЗ напоминал берега, размытые чистой дождевой водой; глаза мерцали, речь журчала.

Он прошептал:

— Чиновник, мадам. Таможенный чиновник.

Изумление отразилось на ее лице, сначала

гнев, затем надежда на развлечение.

Он пояснил:

— Служу около десяти лет. Давно ли вы лишены тела?

Она придвинулась к нему. Запах ее волос что-то напоминал. И ее чистые прозрачные черты что-то напоминали. Каждое слово из ее уст наполняло его весельем.

— Да, как это ново для меня. Это не та неясность, которая, как мне кажется, произошла с тобой?

Снова ее ответ — одновременно льстивый и остроумный.

— Да, — он улыбнулся. — Для вас, я думаю, это не так.

Она непринужденно дотронулась до него; то ли сама шутливо взяла его за руку, то ли он взял ее руку, и почувствовал удивительную атласность ее кожи.

— Вы такая современная. Я не привык к молодым женщинам, которые просто приходят и ведут… себя так.

Ее чарующая логика объясняла все, и он чувствовал ее ближе, еще ближе, еще… и странные шутки в ее устах превращались в музыку.

— Вы разобщены, так что это не имеет значения, но…

Она прервала его улыбкой, или поцелуем, или словом, передавая ему свое изумление, свой страх, свое возбуждение. Он попытался сохранить ее слово, ее голос, ее жесты в памяти. Она ушла! Она смеялась где-то вдали… Он стоял, слушал ее смех, затухающий в водоворотах его потрясенного сознания…

V

КОГДА ОНИ ВЕРНУЛИСЬ, Брасс окликнул его:

— Хорошие новости! Мы их нашли!

— Экипаж явится сам, — объяснил Калли.

Ридра протянула ему три карточки.

— Через два часа они будут на корабле. Что-то не так?

Дэниел Д. Эпплби взял карточки.

— Я… она, — больше он ничего не смог сказать.

— Кто? — спросила Ридра.

Запинаясь и мучительно краснея, таможенник едва слышным голосом рассказал о своей встрече с призраком.

Калли засмеялся.

— Суккуб! Пока мы ходили, он встретился с суккубом!

— Да уж! — воскликнул Брасс. — Посмотрите

на него!

Рон тоже засмеялся.

— Это была женщина… мне так кажется… Но я не могу вспомнить, что она говорила…

— И много она у вас взяла? — спросил его Брасс.

— Взяла у меня?..

— Наверное, он не знает, — сказал Рон.

Калли усмехнулся Навигатору-Три, потом обратился к таможеннику:

— Проверьте ваш бумажник.

— Что?

— Проверьте.

Таможенник недоверчиво сунул руку в карман. Бумажник щелкнул и раскрылся в его руке.

— Десять… двадцать… Но у меня было *пятьдесят,* когда мы уходили из кафе!

Калли расхохотался оглушительным басом. Он наклонился и обхватил таможенника за плечи.

— Вы станете настоящим транспортником, после всего, что случилось за последнее время!

— Но она… я… — пустота бумажника была так же реальна, как и любовная боль. А пустой бумажник — это так тривиально. Слезы выступили у него на глазах. — Но она была… — спазмы помешали ему говорить.

— Кем она была, друг? — спросил Калли.

— Она… была… — произнес чиновник печально.

— Общаясь с разо'щенными, всегда жди чего-нибудь такого, — сказал Брасс. — Они ис'ользуют разные методы. Ты удивишься, если я расскажу, сколько раз это случалось со мной.

— Она оставила вам достаточно, чтобы добраться до дома, — сказала Ридра. — Я вам возмещу потерю.

— Нет, я…

— Пошли, Капитан. Он платит за это. Он считает, что за это стоит заплатить. Так, таможня?

В замешательстве тот кивнул.

— Тогда проверьте вот эти индексы, — сказала Ридра. — Нам осталось выбрать Помощника и Навигатора-Один.

У ближайшего фона Ридра вновь вызвала Флот. Да, взвод ей подобран. Вместе с ним рекомендуется и помощник.

— Прекрасно, — сказала Ридра и протянула фон таможеннику, Тот выслушал психоиндексы, сопоставил их с карточками Глаза, Уха и Носа. Помощник казался очень подходящим.

— Похоже, подбирал талантливый координатор, — прокомментировал чиновник.

— ’омощник не может быть слишком хорошим. Особенно с новым взводом, — Брасс потряс своей гривой. — Ему надо держать этих ’арней в руках.

— Этот сможет. Я давно не видел такого высокого индекса совместимости.

— Что еще за глупость? — спросил Калли. — Совместимость, черт возьми! Может он дать хорошего пинка под зад, когда потребуется?

Чиновник пожал плечами.

— Он весит двести семьдесят фунтов, а рост его — всего пять и девять. Вы встречали когда-нибудь такого толстяка, который потерпит трусливых крыс на корабле?

— Такой подойдет! — рассмеялся Калли.

— Где мы ’удем залечивать раны? — спросил Брасс у Ридры.

Та вопросительно вскинула брови.

— Искать Навигатора-Один, — пояснил пилот.

— В Морге.

Рон нахмурился, Калли удивился. Сверкающие огоньки окружили его шею, потом вновь переместились на грудь.

— Вы знаете, наш Первый навигатор должен быть девушкой, которая будет…

— Она будет, — кивнула Ридра.

Они покинули Сектор Разобщенных и по

монорельсу направились через кварталы Транспортного городка вдоль космодрома. Темнота за окнами прорезалась синими сигнальными огнями. Корабли поднимались на столбах ослепительного пламени, рвались в небо, издавая оглушительный рев, чтобы через секунду превратиться в кровавую звезду, тающую в черном небе.

Они продолжали шутить еще минут двадцать. Стартовые огни бросали зеленоватые отблески на их лица и тела. Только таможенник шел молча, наблюдая за ними, безучастный ко всему, потому что он пытался вспомнить ее лицо, ее слова, ее тело. Но она вновь ускользала, оставляя после себя пустоту.

Когда они вышли на открытую платформу станции Туле, с востока подул теплый ветер. Облака разошлись, показалась луна. Гравий и гранит серебрились неровными краями. Позади остался красный городской смог. Впереди, разрывая ночь, возвышался черный Морг.

Они спустились по ступеням и пошли по мертвому каменному парку. Во мраке сад из воды и камня выглядел сверхъестественно. Здесь ничего не росло.

В темноте угадывалась металлическая дверь

без наружного освещения.

— Как же мы войдем? — спросил таможенник, когда они приблизились к ней.

Ридра сняла с шеи капитанский жетон и приложила его к небольшому диску на двери. Что-то загудело, вспыхнул свет, и дверь открылась. Ридра шагнула внутрь, остальные — за ней.

Калли задрал голову и посмотрел на металлические своды.

— Знаете, здесь заморожено столько транспортного мяса, что его хватит, чтобы обследовать сотню звезд с их планетами!

— И таможенников тоже, — добавил чиновник.

— Разве кто-нибудь будет звать таможенника, решившего отдохнуть? — спросил Рон с искренним удивлением.

— Не представляю, для чего, — заметил Калли.

— А все же иногда это случается, — сухо ответил таможенник.

— Гораздо реже, чем с транспортниками, — сказала Ридра. — Дело в том, что работа таможенника — это наука, а работа транспортника, маневрирующего в гиперстасисе на разных уровнях, — это искусство. Через сотню лет, возможно, и она станет наукой. Прекрасно. Но сегодня человек,

познавший тайны этого искусства, встречается все же реже человека, изучившего правила науки. К тому же здесь примешиваются и традиции. Транспортники привыкли к работе с мертвыми или ожившими. А для таможенников это трудно… Так, здесь самоубийцы.

Они миновали главный вестибюль и прошли по коридору в хранилище. Поднялись на платформу в неравномерно освещенной комнате, стены которой уходили вверх на сотню ярдов. Там были стеклянные ящики-гробы. За затянутыми изморозью стеклами виднелись темные фигуры.

— Что мне непонятно во всем этом, — благоговейно прошептал таможенник, — так это возвращение. Разве любой умерший может соединиться со своим телом вновь? Вы правы, Капитан Вонг, для таможенника непривычно говорить о таких… вещах.

— Любой самоубийца, который лишается тела через обычные каналы Морга, может быть возвращен к жизни. Но случайная смерть, когда Морг не может восстановить тело, или смерть от старости, которая ждет каждого из нас лет в сто пятьдесят, это смерть окончательная. Но и в этом случае, если вы проходите по обычным каналам, запись матрицы вашего мозга сохраняется, а

ваши мыслительные способности могут быть восстановлены, когда потребуется, хотя сознание исчезнет.

Возле них, подобно глыбе розового кварца, сверкал двенадцатифутовый кристалл регистратора.

— Рон, — позвала Ридра. — Нет, Рон и Калли.

Навигаторы подошли и замерли в недоумении.

— Вы, очевидно, знаете какого-нибудь Первого, который умер сравнительно недавно, и вы думаете, что мы можем…

Ридра покачала головой. Она провела рукой по блестящей грани регистратора. На вогнутом экране в основании замигали слова. Она остановила их пальцем: «Навигатор-Два…» Дальше… Движение руки. Вот. «Навигатор-Один…». Ридра подождала и ее рука быстро задвигалась в разных направлениях.

— … мужчины, мужчины, мужчины, женщины. Теперь говорите Калли, Рон.

— Гм? О чем?

— О себе, о том, чего вы хотите.

Глаза Ридры смотрели куда-то вдаль, между экраном, мужчиной и юношей стоящими рядом с ней.

— Ладно, мм…? — Калли почесал голову.

— Хорошенькая, — сказал Рон. — Хочу, чтобы она была хорошенькая.

Он подался вперед в его голубых глазах вспыхнул огонь.

— О, да, — сказал Калли, — но она не сможет быть красивой, полной ирландской девушкой с черными волосами, агатовыми глазами, с веснушками, появляющимися через четыре дня после начала полета… Она не сможет говорить так, что у вас начинает кружиться голова, даже когда она просто дает команду компьютеру… а когда она держит вашу голову в ладонях и говорит, как вы ей нужны…

— Калли! — крикнул Рон.

Огромный навигатор замолчал, сжав кулаки, с хрипом дыша.

Ридра ждала, медленно, сантиметр за сантиметром ведя пальцами по грани кристалла. На экране вспыхивали и гасли имена.

— Хорошенькая, — повторил Рон. — И чтобы она любила спорт… Кэтти была не очень спортивной… Я часто думал, что для меня было бы лучше, если бы она была спортсменкой. Я лучше схожусь с людьми, любящими борьбу. Серьезная работа… И чтобы она была с моментальной реакцией, как Кэтти. Только…

— Только, — сказал Калли, безвольно опустив руки. — Только это будет новая личность, совсем новая, и в ней не будет ничего от той, которую мы… Пусть она заменит нам…

— Да, — сказал Рон, — пусть она будет хорошим навигатором и любит нас.

— Если она будет такой, какой вы хотите, — спросила Ридра, рука ее колебалась между двумя именами на экране. — Полюбите ли вы ее?

Медленный кивок Калли, быстрый — Рона. На экране вспыхнуло имя: Молли Тва, Навигатор-Один. Далее следовал ее координационный номер. Ридра набрала его на циферблате.

В семидесяти пяти футах над ними что-то блеснуло. Один из сотен тысяч стеклянных гробов выдвинулся из стены на индуцирующий луч.

Установка возврата поднялась вверх, приняла гроб и опустилась. Гроб наклонился. Он выглядел довольно мрачно в морозных узорах на внутренней стороне стекла. Он качнулся на секунду, зафиксировался, что-то щелкнуло.

Гроб окутался изморозью и внутренняя поверхность затуманилась, покрылась капельками влаги. Все подошли ближе, чтобы посмотреть.

Темное пятно на темном фоне. Движение под сверкающим стеклом; затем стекло растворилось,

растаяло от ее темной, теплой кожи и дыхания, испуганных глаз.

— Все в порядке, — сказал Калли, дотрагиваясь до ее плеча. Она подняла голову, взглянула на его руку и вновь опустилась на подушку. Рон напирал на Навигатора-Два:

— Привет?

— Э… мисс Тва? — сказал Калли. — Вы снова живы. Вы полюбите нас?

— Ниньи ни нэни? — лицо ее было удивленным. — Нико вапи хопа?

Рон изумленно огляделся:

— Мне кажется, она говорит не по-английски?

— Да. Я это знаю, — улыбнулась Ридра. — Но в прочих отношениях она — совершенство. Таким образом, у вас будет время узнать друг друга, прежде чем вы сможете сказать что-нибудь действительно глупое… И она любит борьбу, Рон.

Рон посмотрел на девушку. Ее волосы цвета графита были по мальчишески коротки, полные губы посинели от холода.

— Вы боретесь?

— Ниньи ни нэни? — снова спросила она.

Калли убрал руку с ее плеча и сделал шаг назад. Рон почесал затылок и нахмурился.

— Ну? — спросила Ридра.

Калли пожал плечами.

— Ну, мы не знаем.

— Навигационное оборудование стандартизовано. Здесь никаких затруднений не будет.

— Она хорошенькая, — сказал Рон. — Ты хорошенькая. Не бойся. Ты снова живешь.

— Нинаогапа! — она схватила Калли за руку. — Джи, ни усику ау мкана? — ее глаза широко раскрылись.

— Пожалуйста, не бойся, — Рон прикоснулся к запястью руки, которой она держала Калли.

— Силеви лугха йену, — она покачала головой. Жест ее выражал лишь недоумение. — Сикудживсни ниньи нэни. Ни-наогама.

С видом тяжелой утраты Рон и Калли отрицательно покачали головой.

Ридра встала между ними и заговорила. После продолжительного молчания, девушка медленно кивнула.

— Она говорит, что пойдет с вами. Она потеряла две трети своей тройки семь лет назад — они были убиты захватчиками. И поэтому она отправилась в Морг и умертвила себя. Она говорит, что пойдет с вами. Вы возьмете ее?

— Она все еще напугана, — сказал Рон. — Пожалуйста, не надо. Я тебя не обижу. И Калли не

обидит.

— Если она пойдет с нами, — сказал Калли, — мы возьмем ее.

Таможенник кашлянул:

— Где я могу получить ее психоиндекс?

— Справа на экране.

Таможенник вернулся к кристаллу:

— Хорошо, — он извлек блокнот и начал переписывать цифры. — Но у меня пока только отдельная информация о каждом.

— Соберите ее воедино, — сказала Ридра.

Таможенник произвел необходимые вычисления, и оглянулся, удивленный:

— Капитан Вонг, я думаю — вы набрали экипаж!.

VI

Дорогой Моки!

Когда ты получишь это письмо, я уже два часа буду в полете. Через полчаса рассвет, и мне хочется поговорить с вами, а снова будить тебя я не хочу.

С довольно ностальгическим чувством я поднялась на борт старого корабля Фобосского порта под названием «Рембо» (это название — намек на

стихотворение Артюра Рембо «Пьяный корабль» — идея Муэла, помните?). Это имя вызывает во мне приятные воспоминания. Я отправляюсь через двадцать минут.

И вот я сижу в грузовом шлюзе в переносном кресле и смотрю на стартовое поле. Черные иглы кораблей возвышаются вокруг меня. К востоку уходят линии голубых сигнальных огней и силовых мезонных передач. Сейчас все спокойно. И вот я размышляю: безумная ночь набора экипажа провела меня через весь транспортный город, через Морг, по подземке и монорельсу, и дальше… Громкая и шумная в начале, и такая тихая в конце.

Чтобы получить хорошего пилота, нужно увидеть его в борьбе. Опытный капитан точно оценит его рефлексы, наблюдая за его действиями на арене. Только я не настолько опытна.

Помнишь, ты говорил о чтении мышечных реакций? Может, ты был прав. Этой ночью я встретилась с юношей, навигатором, который выглядит словно выпускная работа Бранкуши. Наверное, Микеланджело хотел видеть человеческое тело именно таким. Он родился в Транспорте и отлично знает борьбу, поэтому я наблюдала за тем, как он реагирует на борьбу

моего пилота. По его реакции я получала полное представление о происходящем на ринге.

Ты знаешь теорию Де Форе о том, что психоиндексы имеют аналогию в мускульных реакциях (модификация старой теории Вильгельма Рейха о мускульных движениях). Я думала о ней прошлой ночью. Юноша, о котором я упоминала, был членом разбитой тройки — двое мужчин и женщина, которая погибла в стычке с захватчиками. Эти двое чуть не заставили меня закричать. Но я сдержалась. Я даже взяла их с собой в Морг и нашла им замену. Это было почти чудо. Я уверена, они до конца жизни будут считать это колдовством. Основные условия были зарегистрированы в картотеке: женщина Навигатор-Один, потерявшая двух мужчин. Но как согласовать их психоиндексы? Я уточнила значение индексов Рона и Калли, наблюдая за их речью и манерами. Трупы занесены в регистратор по психоиндексам, так что я должна была только выбрать наиболее подходящий. И тут меня осенила гениальная идея, если так можно сказать. Я отобрала шесть молодых женщин, подходивших по всем условиям. Но как сделать точный выбор? Я его сделала. Молодая женщина из провинции Н'года в Пан-Америке. Она покончила с собой семь лет назад. Потеряла

обоих мужей во время нападения захватчиков и вернулась на Землю в самый разгар запрета. Вы помните, какие тогда были отношения между Пан-Америкой и Американазией: я была уверена в том, что она не говорит по английски. Мы оживили ее, и моя догадка подтвердилась. Видите, их психоиндексы могли все-же слегка не совпасть. Но к тому времени, как они смогут понимать друг друга — а им придется этому научиться, — *кривые совместимости полностью совпадут. Правильно?*

Но главное, почему я взялась за это письмо — Вавилон-17. Я говорила тебе, что расшифровала его достаточно, чтобы понять, где будет следующее нападение. Это — Союз Военных Дворов в Армседже. Я хочу, чтобы ты на всякий случай знал, куда я направляюсь. Одна мысль мучает меня: какой мозг может пользоваться таким языком? И зачем? Я испугана, как ребенок, но загадка и забавляет меня. Мой взвод прибыл час назад. Все такие милые зеленые юнцы. Через несколько минут встреча с помощником (это толстый увалень, черноволосый и черноглазый, двигается медленно, но думает быстро). Ты знаешь, Моки, набирая этот экипаж, я заботилась только об одном (помимо профессионализма,

конечно, они все профессионалы): они должны быть людьми, с которыми я могла бы говорить и которые меня бы поняли. Они такие и есть.

Любящая тебя Ридра.

VII

СВЕТ, НО БЕЗ ТЕНИ. Генерал стоял на силовом летающем диске, наблюдая за черным литым корпусом корабля на фоне бледнеющего неба. У трапа он сошел на аппарель и поднялся на лифте к шлюзу, на стофутовую высоту. Ее не было в капитанской каюте. Он столкнулся с толстым бородатым человеком, который направил его в грузовой шлюз. Генерал вскарабкался по лестнице и постарался выровнять дыхание.

Она опустила ноги со стены, выпрямилась на брезентовом стульчике и улыбнулась.

— Мистер Форестер, я знала, что мы сегодня утром увидимся!

Она согнула листок тонкой бумаги и запечатала его по краю.

— Я хотел видеть вас… — его дыхание снова сбилось, — перед отлетом.

— Я тоже хотела видеть вас.

— Бы сказали, что если я разрешу вам эту экс-

педицию, вы скажете мне, где вы…

— В моем рапорте вы найдете все, что вас интересовало. Он отправлен с утренней почтой и, наверное, сейчас лежит у вас на столе в штаб-квартире Администрации Союза.

— О, конечно.

Она улыбнулась.

— Вам нужно поторопиться. Мы отправляемся через несколько минут.

— Да. Дело в том, что я уже был в штаб-квартире, а несколько минут назад по звездному фону получил краткое изложение вашего рапорта. Я только хочу сказать… — но он ничего не сказал.

— Мистер Форестер, однажды я написала стихотворение. Оно называется «Совет тем, кто влюбляется в поэтов».

Генерал замер с открытым ртом.

— Оно начиналось примерно так:

Юноша, она будет издеваться над твоим языком.

Девушка, он похитит твои руки…

Прочтите остальное сами. Оно в моей второй книге. Вы не захотите терять поэта по семь раз на день — это чертовски раздражает.

Он сказал просто:

— Вы знали, что я…

— Да, знала и знаю. И я рада.

Потерянное дыхание вернулось и произошло неслыханное: он улыбнулся.

— Когда я был штатским, мисс Вонг, и нас впервые направили в казармы, мы говорили о девушках, и только о них. И однажды кто-то сказал об одной девушке: она так хороша, что ничего не обязана больше давать мне, достаточно только того, что она пообещала, — он позволил себе расслабиться, и, хотя его плечи опустились на полдюйма, казалось, что они стали шире на целых два. — Вот, что я сейчас почувствовал.

— Спасибо за откровенность, — сказала она. — Вы нравитесь мне, генерал. И я обещаю, что в следующую нашу встречу мои чувства останутся прежними.

— Я… благодарю вас. Думаю, что это все. Просто спасибо… за понимание и обещание. — Потом он добавил: — А теперь мне нужно идти?

— Мы стартуем через десять минут.

— Ваше письмо, — предложил он. — Я отправлю его.

— Спасибо, — она протянула письмо, генерал взял его и слегка задержал ее руку в своей. Потом повернулся и вышел. Через несколько минут Ридра увидела, как его диск движется к бетонно-

му зданию стартового комплекса, освещенному лучами восходящего солнца.

Часть вторая
Вер Дорко

… Если слова первостепенны, я боюсь,
это все, что видели мои руки…
М. Х. «Квартет»

I

ПРОТРАНСКРИБИРОВАННЫЙ МАТЕРИАЛ прошел через избирательный экран. У панели компьютера уже лежали четыре страницы определений, которые она получила путем грамматических умозаключений. Прикусив нижнюю губу, Ридра пробежала глазами таблицу частоты дифтонгов. Она повесила на стену три листка, озаглавленных ею так: «Возможная фонематическая структура…»

«Возможная фонетическая структура…»

«Семантические и синтаксические неясности…»

В последнем заключалась проблема, которую во что бы то ни стало надо было решить. Вопросы формулировались на основе данных двух первых

листков.

— Капитан?

Она повернулась на надувном кресле.

Из входного люка выглядывал Чертенок.

— Да?

— Что бы вы хотели на обед? — маленький кок был семнадцатилетним юношей. Из копны волос на его голове торчали два косметохирургических рога, кончиком хвоста он почесывал ухо.

Ридра пожала плечами.

— Ничего особенного. То же, что и взвод.

— Эти парни съедят жидкие отбросы, если я их им подсуну. Никакого воображения, Капитан! Что вы скажете о запеченном фазане или яичнице с дичью?

— Ты настроен на домашнюю птицу?

— Ну… — он отпустил створку двери и повис на карнизе, раскачиваясь взад-вперед. — Мне хочется приготовить что-нибудь из дичи.

— Если никто не возражает, давайте птицу, печеные яйца и бифштекс с помидорами.

— Сейчас будет готово!

— А на десерт — торт с клубникой?

Чертенок щелкнул пальцами и исчез. Ридра рассмеялась и повернулась к компьютеру.

Она изучала третий пример того, что могло

быть синкопой, когда ее кресло внезапно откинулось назад. Записи взлетели к потолку. Она бы тоже взлетела, если бы не успела ухватиться за пульт. Обшивка на кресле лопнула, обнажив натянутый силикон.

Ридра обернулась на болезненный вскрик и увидела Чертенка, который разбил коленку о прозрачную стену.

Толчок.

Она откинулась на мокрую, смявшуюся спинку кресла. В интеркоме появилось лицо помощника:

— Капитан!

— Какого черта!.. — воскликнула она.

Контрольные лампы на диагностическом пульте вспыхнули. Корабль снова тряхнуло.

— Мы все еще дышим?

— Только… — лицо помощника налилось и пошло черными пятнами, вызывая неприятные чувства. — Да. Воздух в порядке. Неполадки в системе привода.

— Если эти проклятые молокососы… — она щелкнула переключателем.

Раздался голос Флипа, начальника машинного отделения:

— Боже, Капитан, нас что-то ударило!

— Что?

— Не знаю. — Флип посмотрел в сторону. — Двигатели А и В в порядке. Но С искрит словно фейерверк Четвертого июля. Где, черт возьми, мы сейчас?

— На первом часу полета между Землей и Луной. Мы даже не оторвались от Звездного Центра-9. Навигация?

Снова щелчок.

Появилось темное лицо Молли.

— Где мы? — спросила Ридра по-немецки.

Первый Навигатор быстро подсчитала возможную орбиту и определила ее двумя вероятностными логарифмическими кривыми.

— Мы кружились вокруг Земли, — послышался голос Рона.

— Что-то сбило нас с курса. Мы не можем запустить двигатели и сейчас просто дрейфуем.

— С какой скоростью и в каком направлении?

— Калли как раз пытается это определить.

— Попробую выглянуть наружу, — она вызвала Группу Чувственных. — Нос, как это пахнет?

— Воняет. Незнакомый запах. Мы в затруднении.

— Ты что-нибудь слышишь, Ухо?

— Ничего, капитан. Все течения стасиса в этом

районе спокойны. Мы слишком близко к гравитационному центру. Слабое течение — около пятидесяти спектров — в направлении К. Но не думаю, чтобы оно унесло нас куда-то далеко. Сейчас мы движемся в магнитосфере Земли по инерции от последнего толчка.

— Как это выглядит, Глаз?

— Словно внутренность ведра с углем. Что бы с нами ни случилось, мы выбрали для этого темное местечко. По-моему, все же, течение довольно сильное и может затащить нас в хороший поток.

Вмешался Брасс:

— Но я хотел бы знать, что происходит, прежде чем мы туда погрузимся. И в первую очередь — где мы, Первый.

— Навигация?

Повисла тишина. Потом появились три лица. Калли сказал:

— Мы не знаем, Капитан.

Гравиполе стабилизировалось, дутое кресло вернулось на место. Маленький Чертенок покачал головой и замигал. Его лицо исказилось от боли.

— Что случилось, Капитан? — прошептал он.

— Будь я проклята, если знаю! — ответила Ридра. — Но я узнаю!

Обед прошел в молчании. Взвод — парни в возрасте примерно двадцати одного года — сидели тише травы. За офицерским столом навигаторы сидели напротив призрачных фигур разобщенных Чувственных Наблюдателей. Громадный помощник во главе стола наливал вино молчаливому экипажу. Ридра обедала с Брассом.

— Я не знаю, — он встряхнул гривастой головой, поворачивая стакан в сверкающих когтях. — Все ’ыло так тихо, с’окойно, и ничто не ’рсдвещало… То, что случилось — ’роизошло внутри корабля.

Чертенок, с туго перебинтованной ногой, угрюмо внес торт, отделил порции Ридре и Брассу и направился к своему месту за столом экипажа.

— Так, — сказала Ридра, — значит, мы вращаемся вокруг Земли, все приборы не действуют, и мы даже не можем определить наше местонахождение.

— ’риборы ги’ерстасиса в ’орядке, — напомнил ей Брасс. — Мы ’росто не знаем исходных координат для ’рыжка.

— И не можем прыгать, если не узнаем откуда мы прыгаем, — она рассеянно оглядела столовую. — Как выдумаете, Брасс, они надеются выбраться отсюда?

— Они надеются, что вы вытащите их отсюда,

Капитан.

Темными губами Ридра прикоснулась к ободку бокала.

— Если ничего не случится, мы ’удем сидеть здесь месяцев шесть ’отребляя кулинарные ’роизведения Чертенка, а затем задохнемся. Мы даже не можем ’ослать сигнал ’едствия, ’ока не войдем в ги’ерстасис с регулярным каналом связи. Навигаторы ничего не смогли ’ридумать. Они только о’ределили, что мы движемся п’о ’ольшому кругу.

— Нам следовало бы иметь иллюминаторы. Тогда можно было бы взглянуть на звезды и определить свою орбиту. И это заняло бы пару часов.

Брасс кивнул.

— Вот что значит современные удо’ства. Иллюминаторы и старинный секстант сослужили ’ы нам хорошую служ’у, но мы на’ичканы электроникой ’о горло, и вот сидим здесь и не знаем, что делать.

— Вращение… — Ридра поставила бокал.

— Что?

— Дер Крайс, — сказала Ридра и нахмурилась.

— Что это? — спросил Брасс.

— Ратае, орбис, ил керхио, — она прижала ладонь к столу. — Круг. Это слово «круг» на разных

языках.

Брасс сконфузился и из-за клыков его лицо приняло ужасное выражение. Сверкающая шерсть вокруг глаз встала дыбом.

— Сфера, — продолжала Ридра, — ил глобо, гумлас, — она встала, — куле, куглет, кринг!

— А при чем тут языки? Круг это кр…

Но она со смехом выбежала из столовой. В своей каюте она схватила записи перевода. Глаза ее забегали по строчкам. Она нажала кнопку связи с навигаторами. Рон, вытирая варенье с губ, произнес:

— Да, Капитан? Что вы хотите?

— Часы, — сказала Ридра, — и… мешочек шариков.

— Как? — спросил Калли.

— Вы сможете доесть торт позже. Встречаемся немедленно в Г-центре.

— Ша-ри-ки, — изумленно произнесла Молли. — Шарики?

— Кто-нибудь из взвода обязательно притащил мешочек с шариками для игры. Найдите его и ждите меня в Г-центре.

Она спрыгнула с опавшей спинки дутого кресла, прошла к люку, повернула в седьмой радиальный проход и направилась вниз по цилиндрическому

коридору к большому сферическому помещению Г-центра — гравитационного центра корабля. Это была сфера тридцати футов в диаметре, где в состоянии невесомости располагались чувствительные гравиметрические приборы. Секундой позже в противоположном проходе появились навигаторы. Рон нес мешочек со стеклянными шариками.

— Лиззи просит вас вернуть шарики завтра днем, потому что ребята провозгласили ее Ведущей и она хочет подтвердить свое первенство.

— Если это сработает, она получит их сегодня вечером.

— Сработает? — заинтересовалась Молли. — Ваша идея?

— Да. Только по-правде, не совсем моя.

— Чья же, и что она собой представляет? — спросил Рон.

— Полагаю, она принадлежит кому-то разговаривающему на другом языке. Вот что нам предстоит сделать: разместить шарики вдоль стен по сфере, а затем сидеть с часами в одной руке и делать записи другой.

— Зачем? — спросил Калли.

— Посмотрим, куда поплывут шарики, и сколько времени им на это потребуется.

— Не понимаю, — сказал Рон.

— Наша орбита стремится к большой окружности вокруг Земли, верно? А это означает, что все в корабле тоже совершает оборот по большой окружности, и, если оставить предмет в покое, то он автоматически отыщет свою орбиту.

— Правильно. И что?

— Помогите мне разместить шарики. У них железные сердечники. Нужно намагнитить стены, чтобы удержать шарики на месте, пока мы их устанавливаем. Потом мы их одновременно освободим.

Рон, недоумевая, отправился подводить питание к стенам сферы.

— Все еще не понимаете? Вы же математики! Ну-ка, расскажите мне о большой окружности.

Калли взял горсть шариков и начал размещать их по стене.

— Большая окружность — это наибольшая окружность, которую можно получить при сечении сферы.

— Диаметр большой окружности равен диаметру сферы, — добавил Рон, вернувшийся с силовым кабелем.

— Сумма углов пересечения любых трех больших окружностей внутри топологически замкну-

той сферы составляет пятьсот сорок градусов. Сумма углов п больших окружностей составляет п умноженное на сто восемьдесят градусов, — Молли произносила слова очень четко, когда говорила по-английски, она уже начала изучать язык при помощи персонификата. У нее был очень музыкальный голос. — Шарики сюда?

— Да, друг над другом. С промежутками между ними. Расскажите-ка побольше о пересечениях.

— Ну, — сказал Рон, — в любой данной сфере все большие окружности пересекают друг друга или являются конгруэнтными.

Ридра рассмеялась.

— Точно как эти, а? Есть ли еще какие-нибудь окружности на сфере, которые будут пересекаться, как бы их не перемещали?

— Я думаю, что можно перемещать другие окружности так, что они никогда не пересекутся. Все большие окружности имеют хотя бы две точки пересечения.

— Подумайте об этом с минуту и поглядите на шарики — они все перемещаются по большим окружностям.

Молли внезапно оттолкнулась от стены и захлопала в ладоши с понимающим видом. Она сказала что-то на кисвахили, и Ридра рассмея-

лась.

— Точно, — сказала она. Удивленным Рону и Калли она перевела: — Они движутся относительно друг друга, и их пути пересекаются.

Глаза Калли расширились.

— Точно! За четверть нашего пути по окружности они все выравняются по плоскости…

— … лежащей в плоскости нашей орбиты! — закончил Рон.

Молли нахмурилась и сделала нетерпеливый жест.

— Да, — сказал Рон, — искаженная плоскость нашей окружности с выступами по концам — по ним мы сможем рассчитать положение Земли.

— Ясно? — Ридра двинулась к выходу. — Мы сделаем расчеты, потом включим двигатели и переместимся на семьдесят-восемьдесят миль. Повторим расчеты и получим диаметр орбиты и скорость. Для определения координат нам больше ничего и не нужно. Затем мы сможем погрузиться в стасис. Наша стасис-аппаратура в порядке, так что мы пошлем просьбу о помощи и получим ее с ближайшей стасис-станции.

Восхищенные навигаторы последовали за ней в коридор.

— Начинаю отсчет, — сказала Ридра.

При счете «ноль» Рон отключил питание от стен. Шарики начали свое медленное движение.

— Вы каждый день нас чему-нибудь учите! — сказал Калли. — Если бы вы спросили меня, я бы сказал, что мы застряли здесь навсегда. И знаете, все это должен был придумать я. Это моя работа. Как вам пришла в голову эта мысль?

— Это все из-за слов «большая окружность» на… на другом языке.

— На другом языке? — спросила Молли. — Как это?

— Ну, — Ридра взяла металлическую пластинку и стилос. — Я немного упрощу и постараюсь показать. — Она начала чертить. — Допустим, слово для обозначения окружности — О. В данном языке имеется интонационная система для выражения сравнительных размеров. Мы представим ее диакритическими знаками: <, =, >, соответственно меньший, обычный, больший. Что в таком случае означает <0?

— Наименьшую возможную окружность, — ответил Калли. — Это просто точка.

Ридра кивнула:

— Теперь применим это к окружности на сфере. Представим себе, что слово, обозначающее обычный круг 0=, сопровождается одним из

двух символов: один из которых означает, что окружность не пересекается с другой, а второй — пересечение окружностей: II или X. Что означает OX?

— Пересекающиеся большие окружности, — сказал Рон.

— А поскольку все большие окружности пересекаются, то в этом языке слово для большой окружности всегда OX. Эта информация заключена в самом слове. Так же как слова busstop (автобусная остановка) и foxhole (лисья нора) несут информацию в английском языке, в отличии от соответствующих французских слов la gare и le leггier. «Большая окружность» — это сочетание несет в себе определенную информацию, но она недостаточна, чтобы извлечь нас из затруднительного положения, в которое мы попали. Нам нужно перейти к другому языку, извлечь там необходимую, информацию и решить, что делать.

— Что же это за язык?

— Не знаю его настоящего названия. Пока он называется — Вавилон-17. Из того немногого, что я знаю о нем, следует, что его слова несут больше информации, чем четыре-пять живых языков, вместе взятых, и в меньшем объеме.

Она коротко перевела это и Молли.

— Кто говорит? — спросила Молли, пользуясь своими минимальными знаниями английского.

Ридра прикусила губу. Когда она спрашивала себя об этом, мышцы ее напрягались, руки начинали дрожать, пульс катастрофически учащался, горло сжимали внезапные спазмы. Это же случилось и сейчас. Потом отпустило.

— Я не знаю. Но хочу узнать. Именно для этой цели и снарядили нашу экспедицию.

— Вавилон-17… — повторил Рон.

За их спинами кашлянул один из парней взвода.

— В чем дело, Карлос?

Коренастый, мускулистый Карлос с густой черной шевелюрой сказал свистящим шепотом:

— Капитан, можно я вам кое-что покажу? — он подошел с юношеской неловкостью, приволакивая босые ноги, покрытые горячими мозолями от двигательных труб. — Там, внизу в трубах. Я думаю, что вы должны взглянуть на это сами.

— Помощник послал тебя ко мне?

Карлос ткнул за ухо большим пальцем с обгрызенным ногтем.

— Угу.

— Вы втроем займитесь нашими координата-

ми, справитесь?

— Надеюсь, Капитан, — Калли не отрываясь глядел на шарики.

Ридра шагнула вслед за Карлосом. Они спустились по лестнице и, согнувшись, пошли по узкому коридору силовой трассы. — Здесь вниз, — сказал Карлос, уверенно показывая дорогу. На сетевой платформе он остановился и открыл фрагмент обшивки стены. — Смотрите. — Он отодвинул панель прикрывающую электроцепи. — Там. — Узкая трещина бежала через пластиковую поверхность. — Разбито!

— Как? — спросила Ридра.

— Вот так, — он взял плату в руки и сделал сгибающий жест.

— Вы уверены, что она не сама сломалась?

— Она не может сама сломаться, — сказал Карлос. — Она слишком хорошо закреплена. Ее нельзя сломать даже молотком. А здесь проходят все управляющие цепи.

Ридра кивнула.

— Дефлекторы гироскопических стабилизаторов для обычных маневров… — он открыл другую крышку и извлек еще одну плату. — Вот.

Ридра провела ногтем по разлому второй платы.

— Кто-то на корабле сломал их, — сказала она. — Возьмите их в мастерскую. Скажи Лиззи, чтобы она их склеила и принесла мне. Я поставлю их на место, а потом верну ее шарики.

II

ПАДЕНИЕ ЖЕМЧУГА В ГУСТОЕ МАСЛО. Желтый блеск медленно переходит в янтарный, затем в красный и, наконец, затихает. Таков полет в пространстве гиперстасиса.

На панели компьютера Ридра раскладывала карточки. Словарь ее почти удвоился с начала путешествия. Частью сознания она испытывала удовлетворение, как после хорошего обеда. Слова, и их неуловимый смысл, на ее языке, в кончиках пальцев становились податливыми, открывая свое значение все больше и больше.

Но здесь был предатель. Вопрос — вакуум без малейших зацепок, чтобы ответить — кто или что, и зачем? — создавал опустошение в другой части ее сознания, мучительное до изнеможения. Кто-то сознательно сломал эти пластины. Это подтвердила и Лиззи. Как назвать это? Имена всех членов экипажа — и рядом с каждым вопросительный знак.

Падение драгоценного камня в груду драгоценностей. Таков выход из гиперстасиса в районе Союза Военных Дворов в Армседже.

Она сняла с коммуникационного щита чувственный шлем.

— Вы будете переводить для меня?

Глазок индикатора мигнул в знак согласия. Каждый из разобщенных воспринимал все детали гравитационных и электромагнитных течений стасиса при помощи своих органов чувств, каждый в своей сфере. Этих деталей были мириады, и пилот вел корабль по этим течениям, как парусники гонимые ветром по жидким океанам. Шлем давал возможность обозревать общую картину, конечно, не доводя наблюдателя до повреждения рассудка.

Она надела шлем, прикрыв им глаза, нос и уши.

Покачиваясь в петлях голубого и выжатого индиго, дрейфовали комплексы станций и планетоидов, составляющих Военные Дворы. Музыкальные ноты прерывались разрывами стасисного грома в наушниках. Обонятельные эмиттеры доносили смесь запахов парфюмерии и горячего масла, смешивающихся с запахом подгорелой корки. Чувства Ридры наполнились,

она была оторвана от действительности кабины и брошена в пучину чувственных абстракций. Потребовалось не менее минуты, чтобы сосредоточиться для их осмысления.

— Все в порядке… На что я смотрю?

— Огоньки — это планетоиды и кольцевые станции, составляющие Военные Дворы, — объяснил ей Глаз. — Голубоватый цвет слева — сеть радаров, которая простирается до сорок второго звездного центра. Те красные вспышки справа, вверху — отражение Беллатрикса от полузеркального солнечного диска, вращающегося на четыре градуса вне вашего поля зрения.

— А что это за низкий гул? — спросила Ридра.

— Корабельные двигатели, — объяснил Ухо. — Не обращайте внимания. Я заблокирую его, если хотите.

Ридра кивнула и гул затих.

— Это щелканье… — начал Ухо.

— … азбука Морзе, — заключила Ридра. — Это я узнала. По-видимому, устанавливают контакт два радиолюбителя?

— Правильно, — подтвердил Ухо.

— А что это воняет?

— Это полный запах гравитационного поля Беллатрикса. Вы не можете пользоваться сте-

реочувственным обонянием, но вот горелая лимонная корочка — это мощный завод, расположенный в зеленом зареве впереди справа от вас.

— Куда мы причалим?

— В звук ми-минорного аккорда.

— В горячее масло, запах которого пузырится слева от вас.

— В центр этого белого круга.

Ридра вызвала пилота.

— Все в порядке, Брасс, причаливайте.

Летающий диск скользнул вниз с рампы. Ридра свободно удерживалась на нем при силе тяжести в четыре пятых земной. Ветерок в свете искусственных сумерек отбрасывал ее черные волосы за плечи. Вокруг простирался Главный Арсенал Союза. Она подумала, что случайность рождения накрепко привязала ее к Союзному королевству. Если бы она родилась в другой галактике, она бы легко могла оказаться захватчиком. Ее стихи были популярны у обеих воюющих сторон. Это огорчало, и она отбросила эту мысль. Не слишком уместно думать об этом здесь, в центре Союза Военных Дворов.

— Капитан Вонг, вы прибыли под покровительством генерала Форестера.

Она кивнула, диск остановился.

— Он оповестил нас, что вы эксперт по Вавилону-17.

Она снова кивнула. Другой диск повис перед ней.

— Я счастлив познакомиться с вами. И если вам нужна помощь — пожалуйста, скажите — мы сделаем все.

Она протянула руку.

— Спасибо, барон Вер Дорко.

Черные полоски его бровей поднялись и щель рта изогнулась на темном лице.

— Вы понимаете геральдические символы? — он поднял длинный палец к гербу на своей груди.

— Да.

— Это великолепно, Капитан. Мы живем в мире изолированных поселений, каждая группа редко соприкасается с соседними, и каждая говорит, в основном, на своем особом языке.

— Я говорю на многих языках.

Барон кивнул.

— Иногда мне кажется, Капитан Вонг, что без Захвата, без цели, на которой Союз может сосредоточить свою энергию, наше общество распалось бы. Капитан Вонг… — он остановился и изящные линии его лица сдвинулись, сжались от напряже-

ния, затем быстро разгладились. — Ридра Вонг?..

Она кивнула, улыбаясь его простоте, еще осторожной, пока узнавание не переросло в уверенность.

— Я не представлял… — он протянул руку, как бы знакомясь с ней заново. — Но, конечно… — Холодная вежливость его манер сменилась радушием. — Ваши книги, я хочу, чтобы вы знали… — предложение закончилось легким наклоном головы. Темные глаза расширились; губы в усмешке прикрыли злобу; руки искали одна другую: все это говорило Ридре о тревожном аппетите по отношению к ней, голоде к чему-то, чем она была или могла быть, прожорливый…

— Обед в моем доме подают в семь. — Он прервал ее мысли приглашением. — Сегодня вечером вы обедаете со мной и баронессой.

— Спасибо. Но я хотела бы обсудить с моим экипажем…

— Я приглашаю весь ваш экипаж. У нас просторный дом, в вашем распоряжении будет конференц-зал и все примыкающие апартаменты, хотя они и не так удобны, как у вас на корабле.

Язык, мерцающий пурпурным за белыми-белыми зубами, коричневые линии его губ, подумалось Ридре, выдают слова так же вяло, как

жующие челюсти людоеда.

— Пожалуйста, придите немного раньше, чтобы мы могли подготовить вас…

Она затаила дыхание, затем почувствовала облегчение: сузившиеся зрачки его глаз говорили о том, что он заметил, хотя не понял ее испуга.

— … для экскурсии по Дворам. Генерал Форестер высказал пожелание, чтобы вас ознакомили с новинками, предназначенными для борьбы с захватчиками. И это большая честь, мадам. Здесь много опытных офицеров, которые никогда не видели то, что увидите вы. Многое, пожалуй, покажется вам скучным. По моему мнению, вам нужно показать самые лакомые кусочки. Некоторые из наших изобретений весьма остроумны. Мы не даем скучать воображению.

Этот человек распространяет на меня свою паранойю, подумала Ридра. Он мне не нравиться.

— Я предпочла бы не навязываться вам, барон. На корабле очень много дел, которые я должна…

— Приходите. Ваша работа намного облегчиться, уверяю вас. Женщина с вашим талантом и внешностью будет пользоваться успехом в моем доме. И к тому же, я так изголодался, — темные губы сомкнулись над сверкающими зубами, — по интеллигентному собеседнику.

Ридра почувствовала как напряглась ее челюсть для третьего отказа, но барон сказал:

— Я буду ждать вас с экипажем около семи.

Летающий диск скользнул над площадью. Ридра взглянула на рампу, где на фоне искусственного вечера силуэтами вырисовывался ее экипаж. Диск начал медленно подниматься к входному тамбуру «Рембо».

— Ну, — сказала она маленькому коку-альбиносу, который только вчера снял повязку, — сегодня вечером ты свободен. Помощник и экипаж приглашены на обед. Проверь, если можешь, манеры ребят — все ли знают, что каким ножом едят и тому подобное.

— Салатная вилка маленькая, она лежит с самого края, — мягко начал помощник, поворачиваясь к взводу.

— А какая около нее? — спросила Аллегра.

— Это для устриц.

— А если они не едят устриц?

Флоп потер губу костяшками пальцев:

— Я полагаю, ты можешь положить туда свои зубы.

Брасс положил лапу на плечо Ридры.

— Как вы себя чувствуете, Ка'итан?

— Как поросенок на вертеле.

— Вы выглядите усталой, — добавил Калли.

— Наверное, слишком много работала. Сегодня вечером мы гости барона Вер Дорко. Думаю, нам можно немного расслабиться.

— Вер Дорко? — спросила Молли.

— Он координирует реализацию всех проектов, направленных против захватчиков.

— Значит, под его руководством проектируют самое большое и самое секретное оружие? — спросил Рон.

— А также самое маленькое и смертоносное. Я имею в виду воспитание.

— Эти случаи саботажа, — сказал Брасс. Ридра успела объяснить им свои идеи. — Ус'сшная акция в Военных Дворах 'лохо сказалась 'ы на наших действиях 'ротив захватчиков.

— Хуже этого была бы только бомба в штаб-квартире Администрации Союза.

— Вы в состоянии предотвратить это? — спросил помощник.

Ридра пожала плечами и повернулась к прозрачным фигурам разобщенных членов экипажа.

— У меня есть идея. Я попрошу вас немного пошпионить этим вечером. Глаз, я хочу, чтобы вы остались на корабле. Я должна быть уверена,

что на корабле только вы. Ухо, как только мы двинемся к барону, станьте невидимым и не отходите от меня дальше, чем на десять футов, пока мы не вернемся на корабль. Нос, вы будете передавать сообщения. Здесь что-то готовится, и это мне не нравится. Не знаю, может, это просто мое воображение.

Глаз проговорил что-то зловещее. Обычно телесные могут разговаривать с разобщенными только при помощи специальной аппаратуры. Иначе они тут же забывают сказанное. Ридра решила эту проблему: прежде чем забыть, она немедленно переводила слова разобщенных на язык басков. Сами слова тут же забывались, но смысл сказанного фиксировался в переводе.

«Разбитые плитки на корабле не были вашим воображением» — вот что осталось в ее голове после перевода слов Глаза на язык басков.

Она с беспокойством оглядела экипаж. Если бы один из этих парней или офицеров имел какие-нибудь психологические отклонения, это тут же отразилось бы в его психоиндексе. Среди них был диверсант, действующий сознательно. Это терзало, как заноза в ступне, напоминающая о себе при каждом шаге. Она вспомнила, как ночью собирала экипаж. Гордость. Теплая гор-

дость за то, как все исполняли свои обязанности, продвигая корабль между звезд. Тепло облегчало предчувствие всего, что могло случиться с машиной-по-имени-корабль, если машина-по-имени-экипаж была недостаточно спаяна. Но она выбрала их, и корабль — ее мир — прекрасное место для прогулок, работы, жизни, для длинного путешествия.

И все же, среди них был предатель.

«Где-то в Эдеме… — вспомнила она, снова оглядывая экипаж, — где-то в Эдеме червь, червь.» Эти расколотые платы подсказали ей: червь хочет уничтожить не только ее, но весь корабль, его экипаж, и все его содержимое, и уничтожить медленно. Нет сверкающих во тьме лезвий, нет выстрелов из-за угла, нет веревки, набрасываемой на горло, когда она входит в темную каюту. Вавилон-17 — насколько он будет хорош, когда дело пойдет о ее жизни?

— Помощник, барон пригласил меня прийти пораньше. Он хочет показать мне новейшие образцы оружия. Отведете парней сами. Я ухожу сейчас. Ухо и Нос — со мной.

— Есть, Капитан.

Разобщенные стали невидимыми.

Она вновь повела свой диск над рампой и

скользнула прочь от столпившихся юнцов и офицеров, углубившись в истоки своей тревоги.

III

— ГРУБОЕ, ВАРВАРСКОЕ ОРУЖИЕ, — барон указал на ряд пластиковых цилиндров на стеллаже. — Стыдно тратить время на эти неуклюжие «новшества». Вот эта маленькая может разрушить все на площади в пятьдесят квадратных миль. Большая оставляет кратер двадцати семи миль глубиной и ста пятидесяти в диаметре. Варварство. Я недоволен его применением. Вот эта слева — более слабая. Она взрывается с силой, достаточной для разрушения небольшого здания. Но главная часть заряда остается нетронутой и прячется под развалинами. Шесть часов спустя она вновь взрывается с силой атомной бомбы. К этому времени к месту предыдущего взрыва стягиваются войска, ведутся восстановительные работы, действует Красный Крест или как его там называют захватчики, многочисленные эксперты определяют размеры разрушений. И вдруг — пууф! Замедленный водородный взрыв и кратер в тридцать или сорок миль! Но все это детские игрушки. Я держу эти бомбы в своей

коллекции, только чтобы продемонстрировать, как далеко мы ушли от них.

Ридра последовала за ним через арочный проход в следующий зал. Его стены были уставлены регистрационными шкафами, а в центре находилась единственная витрина.

— Здесь моя гордость! — барон подошел к витрине и откинул прозрачную крышку.

— Что это такое? — спросила Ридра.

— На что, по-вашему, это похоже?

— На… обломок скалы.

— Слиток металла, — поправил ее барон.

— Он взрывается или сверхтвердый?

— Нет, он не взрывается, — заверил ее барон. А его прочность на разрыв больше, чем у титановой стали, хотя у нас есть и гораздо более прочные сплавы.

Ридра хотела коснуться предмета рукой, но передумала и сначала спросила:

— Я могу взять и осмотреть его?

— Сомневаюсь, — ответил барон. — Но попробуйте.

— Что же случится?

— Сами увидите.

Она хотела взять слиток, но рука ее остановилась в двух дюймах от его поверхности. Что-то ее

не пускало. Ридра нахмурилась.

— Минутку, — барон улыбнулся и взял слиток. — Увидев его на земле, вы, правда ведь, даже не посмотрите на него второй раз?

— Яд? — предположила Ридра. — Или это часть чего-то еще?

— Нет, — барон задумчиво повертел в руках слиток. — Он просто высоко избирателен. И хорошо повинуется, — он поднял руку. — Допустим, вам нужен пистолет… — в руке барона теперь был небольшой вибропистолет самой последней модели, она таких еще не видела, — или серповидный гаечный ключ. — Теперь он держал в руке ключ в фут длиной. — Или мачете, — лезвие сверкнуло, когда он взмахнул рукой.

— Или маленький арбалет. — У арбалета был пистолетный курок и тетива не длиннее десяти дюймов. Стрела была, однако, вдвое длиннее арбалета и оканчивалась наконечником в четыре дюйма. Барон нажал на спусковой крючок и *глухой удар* последовал за продолжительным *свиссссстом,* когда стрела вонзилась в стену.

— Какой-то мираж, — сказала Ридра. — Поэтому я и не могу коснуться его.

— Металлическое клеймо, — сказал барон. В его руках появился молоток с очень тонкой головкой.

Он ударил им в то место, где лежало «оружие». Раздался резкий звон.

Ридра увидала круглую вмятину от удара. В центре вмятины было маленькое изображение герба Вер Дорко. Она провела кончиками пальцев по клейму, еще теплому после удара.

— Это не мираж, — сказал барон. — Потому что этот арбалет пробивает трехдюймовую доску с сорока ярдов. А вибропистолет… Думаю, вы знаете, что он может сделать.

В его руке снова оказался простой слиток металла.

— Попробуйте его взять.

Ридра подставила руку, барон разжал пальцы, но слиток непонятным образом проскочил ее ладонь и вот уже снова лежал в витрине.

— Это не фокус. Просто он высоко избирателен и послушен.

Он притронулся к краю витрины и пластиковая крышка закрылась.

— Умная игрушка. Посмотрим что-нибудь еще.

— Но как это действует?

Вер Дорко улыбнулся.

— Мы сумели поляризовать сплав самых твердых элементов так, что он существует только в определенных воспринимающих матрицах. В

остальных плоскостях они преломляются. Это означает, что, помимо видимости, сплав недоступен для восприятия. Нет ни веса, ни массы: все это он имеет в потенции. Его можно пронести на любой корабль, направляющийся в гиперстасис, и оставить рядом с приборами. Два или три грамма этого сплава выводят из строя всю систему контроля корабля. Это его главное предназначение. Так что достаточно пронести его на борт корабля захватчиков, и про этот корабль можно забыть, как будто его никогда и не было. Остальное — так, для развлечения. Неожиданная способность поляризованной материи к запоминанию формы.

По арочному проходу они прошли в другую комнату.

— Структура любого предмета может быть закодирована на молекулярном уровне. В поляризованном состоянии каждая молекула вещества движется свободно. Дайте толчок, и она займет нужное положение, образуя новую структуру, — барон оглянулся на витрину. — Там, — он махнул рукой в сторону регистрационных шкафов. — Там настоящее оружие — примерно три тысячи структур, в которые может воплотиться этот обломок металла… Оружие — это знание того, что можно сделать. В рукопашной схватке вана-

диевая проволока шести дюймов длиной может оказаться смертельным оружием. Проткните ею внутренний угол глаза, рассеките по диагонали лобные доли, потом быстро выдерните ее — она рассечет мозжечок, вызвав общий паралич. Погрузите проволочку поглубже, и она проткнет соединение со спинным мозгом. Смерть. Этой же проволочкой можно закоротить коммуникационный прибор типа 27-QX, который обычно используется на кораблях захватчиков.

Ридра почувствовала, как мускулы ее лица напряглись. Отвращение, подавляемое ею до сих пор, рвалось наружу.

— Это помещение предназначено для Борджиа. Борджиа, — барон засмеялся. — Это мое прозвище отдела токсикологии. Здесь есть ужасные вещи. — Он взял со стеллажа закрытый стеклянный сосуд. — Чистый токсин дифтерии. Здесь достаточно, чтобы отравить целый город приличных размеров.

— Но стандартная процедура вакцинации… — начала Ридра.

— Токсин дифтерии, моя дорогая. Токсин! В прошлом, когда инфекционные болезни были проблемой, когда от дифтерии умирали сотни людей, осмотр трупов не давал ничего, кроме

нескольких сотен бацилл, которые гнездились в горле жертвы. И больше ничего. Любая из этих бацилл в худшем случае могла вызвать лишь кашель… Потребовались годы, чтобы объяснить происходящее. Крошечные бациллы производили еще более мизерный продукт — самое смертоносное органическое вещество из всех, какие нам известны. Количество, необходимое для того, чтобы убить человека — о, я даже скажу тридцать или сорок человек — практически неопределимо. И до сих пор, при всем развитии науки, единственный путь получения этого токсина — бациллы. Борджия изменил это. — Он показал на другой сосуд. — Цианид, старая боевая лошадь! Чувствуете запах миндаля, а может вы голодны? Мы можем послать за коктейлями, как только пожелаете.

Она быстро и резко покачала головой.

— А вот здесь деликатесы. Катализные, — он указал на следующие сосуды. — Цветослепота, полная слепота, тоновая глухота, полная глухота, атаксия, амнезия и так далее и тому подобное, — он опустил руку и улыбнулся. — И все они здесь, под контролем… Видите ли, вся проблема заключается в том, чтобы применить любое из этих веществ в достаточно больших количествах и

после соответствующей стимуляции. Сейчас вы можете пить их стаканами и ничего не произойдет. — Он поднял последний сосуд и нажал кнопку на его донышке. — Пока это всего лишь безопасный атомарный стероид.

— Но он активизирует яды, которые производят… этот эффект?

— Точно, — улыбнулся барон. — А катализатор добавляется в таких же микроскопических дозах, как и токсин дифтерии. Содержимое голубого сосуда принесет вам боль в животе и легкое недомогание на полчаса. И больше ничего. Зеленый сосуд — общая церебральная атрофия на неделю, потом на всю оставшуюся жизнь жертва становиться живым растением. Лиловый — смерть, — он поднял руки ладонями вверх и засмеялся. — Я проголодался, — руки опустились. — Давайте вернемся к столу?

Спроси его, что в следующей комнате, сказала она себе, но эта мысль прозвучала на языке басков — сообщение от невидимых охранников.

— Когда я была ребенком, барон, — Ридра двинулась к следующей двери, — вскоре после возвращения на Землю меня взяли с собой в цирк. Впервые я увидела рядом с собой столько удивительного. После окончания представле-

ния я долго не хотела уходить. А что у вас в той комнате?

На его лице промелькнуло удивление.

Ридра улыбнулась.

— Покажите мне.

Барон с усмешкой склонил голову, выражая полуофициальное согласие.

— Современная война ведется на самых разных уровнях, — продолжал он свои объяснения, как будто не было никакого перерыва. — Кое-кто выигрывал войну, изготовляя достаточное количество мушкетов и боевых топоров, вроде тех, что вы видели в первой комнате; или правильно действуя шестидюймовой ванадиевой проволокой в коммуникационном приборе 27-QX, впрочем, сейчас рукопашных почти не бывает. Оружие, снаряжение для выживания, плюс подготовка, жилье и питание — двухлетняя активная деятельность астронавта обходится в три тысячи кредитов. Стоимость гарнизона в полторы тысячи человек — четыре миллиона пятьсот тысяч. Этот гарнизон может действовать в трех боевых крейсерах, которые с полным снаряжением обходятся по полтора миллиона каждый — всего получается около девяти миллионов кредитов. Мы затратили около миллиона на подготовку

одного единственного шпиона или саботажника. Это намного больше обычного. А шестидюймовая ванадиевая проволока стоит треть цента! Война обходится дорого. И, хотя на это потребовалось время, штаб-квартира Администрации Союза начала понимать необходимость таких огромных расходов. Сюда, мисс… Капитан Вонг.

Они снова были в комнате, в которой находилась всего одна витрина, на этот раз в семь футов высотой.

Статуя, подумала Ридра. Нет, настоящая плоть, со всеми тонкостями мускулатуры и суставов. Нет, все же статуя — мертвое человеческое тело, или с приостановленной жизнью. Живое так выглядеть не может.

— Итак, вы понимаете, что совершенный шпион необходим. — Хотя дверь открывалась автоматически, Барон придерживал ее рукой со старомодной вежливостью. — Это одна из наших наиболее дорогостоящих моделей. На него затрачено около миллиона кредитов, но он — мой любимец, хотя на самом деле и он не избегает ошибок. С некоторыми небольшими изменениями он может стать постоянной частью нашего арсенала.

— Модель шпиона? — спросила Ридра. — Но-

вый тип робота или андроида?

— Ни то, ни другое, — он подошел к витрине. — Мы изготовили с полдюжины ТВ-55. Это потребовало очень сложных генетических исследований. Медицина достигла таких успехов, что ныне все умственно неполноценные остаются жить и производят потомство. Пятьдесят лет назад они бы просто не выжили. Мы тщательно подбираем родителей, и затем, используя искусственное оплодотворение, получаем шесть зигот — три мужские, три женские. Выращиваем их в контролируемой питательной среде, ускоряя рост с помощью гормонов и тому подобных средств. Их внешняя красота — результат экспериментального подбора. Великолепные здоровые создания. Вы даже не представляете себе, как о них заботятся.

— Я однажды провела лето на скотной ферме, — коротко сказала Ридра.

Кивок барона был резок.

— Мы и раньше использовали экспериментальную настройку мозга, поэтому знали, что получим. Но нам никогда не приходилось полностью воспроизводить жизнь, скажем, шестнадцатилетнего индивида. Шестнадцать — это биологический возраст, к которому мы доводим их за шесть месяцев. Смотрите сами. Какой ве-

ликолепный экземпляр! Рефлексы на пятьдесят процентов быстрее, чем у обычного человека его возраста. Мускулатура развита необычайно: после трехдневной голодовки он может поднять полуторатонный автомобиль. Подумайте, какое биологически совершенное тело — оно использует до девяноста процентов возможностей организма!

— Я думала, что стимулирование роста гормонами незаконно. Разве оно не сокращает продолжительность жизни?

— При той интенсивности, которую мы практикуем — на семьдесят пять процентов и более, — он мог бы точно так же улыбаться, следя за непостижимыми ужимками какого-нибудь животного. — Но, мадам, мы производим оружие! Если ТВ-55 смогут функционировать двадцать пять лет на пределе интенсивности, то это превзойдет средний срок службы боевого корабля на пять лет! Прибавьте его поистине феноменальные возможности! Найти среди обычных людей такого, кто смог бы стать шпионом, кто захотел бы им стать — это значит искать человека на грани невроза или психоза. И хотя подобное отклонение может означать способности в определенной сфере, оно будет сказываться и в других отноше-

ниях. Действуя в любой другой сфере, кроме этой узкой, шпион окажется неэффективным. И даже опасным. У захватчиков тоже есть психоиндексы, и они сумеют распознать шпиона там, куда мы его зашлем. А пленный шпион, хороший шпион, в десять раз опаснее плохого шпиона. Постгипнотическое внушение в сочетании с наркотиками выкачают из него все. Это очень расточительно. А ТВ-55 во всех отношениях регистрируется психически нормальным. Он умеет вести беседу, знает последние романы, политическую ситуацию, разбирается в музыке и искусстве. Кажется, он запрограммирован дважды за вечер упомянуть ваше имя — эту честь вы делите только с Рональдом Кваром. У него есть увлечение, о котором он может говорить и час, и два. Это — группировка гантоглобина у марсупиалов. Наденьте на него соответствующую одежду, и он будет как дома на дипломатическом приеме или за кофе на правительственной конференции на высшем уровне. Он — искусный убийца, специалист по всем видам оружия, которое вы видели до сих пор. В ТВ-55 заложено знание различных диалектов и жаргонов, владение многочисленными акцентами. Он знает практически все арготизмы, касающиеся половых взаимоотношений,

азартных игр, спорта, он знает приличные и неприличные анекдоты. Выпачкайте ему куртку, натрите лицо маслом, наденьте на него комбинезон, и он сойдет за механика в любом из сотни звездных центров. Он может вывести из строя любую двигательную или коммуникационную систему, любой радар или систему оповещения или контроля, используемые захватчиками за последние двадцать лет, действуя всего лишь…

— Шестидюймовой ванадиевой проволокой?

Барон улыбнулся.

— Он может по желанию менять отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза. Небольшая хирургическая операция увеличивает подвижность его лицевых мускулов, и он может резко изменить свою внешность. Гормональные инъекции позволяют ему в течение нескольких секунд менять цвет волос, если понадобиться, свести их полностью и вырастить за полчаса новую шевелюру. Он хорошо знает психологию, особенно психологию насилия.

— Пытка?

— Если угодно. Он полностью подчиняется людям, его создавшим. Он готов уничтожить всех, кого ему прикажут уничтожить. И в этой прекрасной голове нет ничего, что склонило бы

его к мысли о собственном «я».

— Он… — и она удивилась своим словам, — прекрасен.

Темные длинные ресницы, казалось, вот-вот задрожат, открываясь; тяжелые мускулистые руки свисают вдоль обнаженных бедер, пальцы их полусогнуты. Слабое освещение витрины позволяло разглядеть его чистую загорелую кожу.

— Вы говорите, что это не модель. Он действительно живой?

— Ну, более или менее. Он скорее находится в состоянии транса, как йоги, или, как ящерица в зимней спячке. Я могу активизировать его для вас, но уже без десяти семь. Не будем заставлять гостей ждать за столом.

Она перевела взгляд с фигуры в витрине на тусклую, пергаментную кожу лица барона. Его нижняя челюсть непроизвольно делала жевательные движения.

— Как в цирке, — сказала Ридра. — Но теперь я старше. Идемте.

Ей потребовалось некоторое усилие, чтобы принять протянутую руку. Рука была, как сухая бумага, и так легка, что Ридра едва не отдернула свою.

IV

— Капитан Вонг, я восхищена!

Баронесса протянула пухлую руку розового и серого оттенков, наводящих на мысль о сваренном мясе. Ее пышные веснушчатые плечи были обнажены, вечернее платье открывало достаточную часть ее раздутой фигуры, еще более подчеркивая ее гротескность.

— У нас так мало интересного здесь, во Дворах, что когда кто-нибудь выдающийся, как вы, наносит визит… — она закончила предложение восторженной улыбкой, но огромные тестообразные щеки исказили ее в нечто поросячье и надутое.

Ридра подержала мягкие, податливые пальцы баронессы ровно столько, сколько позволили приличия, и вернула ей улыбку. Она вспомнила, как в детстве, ей запрещали плакать, когда наказывали. Она должна была улыбаться.

Баронесса казалась окутанной огромным пространством тишины. Ее голосовые связки заплыли жиром. И хотя в словах, срывавшихся с тяжелых губ слышались резкие крикливые нотки, звук доносился, как через толстое одеяло.

— Ваш экипаж! Мы намеренно пригласили сюда всех. Двадцать один — теперь я знаю, сколько насчитывает полный экипаж, — она одобрительно повертела пальцами. — Вы знаете, я где-то прочла об этом. Но здесь только восемнадцать ваших людей?

— Я подумала, что разобщенные члены экипажа могут остаться на корабле, — объяснила Ридра. — Потребовалось бы специальное оборудование для разговора с ними. Я решила, что они будут смущать ваших гостей. Для компании они слишком заняты собой, к тому же они не едят. На обед у них был бараний шашлык, и поэтому ты отправишься в преисподнюю за свою ложь, прокомментировала про себя Ридра на языке басков.

— Разобщенные? — баронесса дотронулась до лакированной путаницы своей высокой прически. — Вы имеете в виду мертвых? Ах, да, конечно! Я не подумала об этом. Видите, как мы оторваны от остальных миров?

Ридра задумалась, а нет ли у барона оборудования для общения с разобщенными, но баронесса придвинулась к ней и произнесла конфиденциальным шепотом:

— Ваш экипаж всех очаровал! Можно начинать?

С бароном слева (Ридра ощущала кожу его руки, как пергаментную бумагу) и баронессой справа (запыхавшейся и подпрыгивающей) они прошли из белокаменного фойе в зал.

— Эй, Капитан! — взревел Калли, широко шагая навстречу им. — Отличное местечко, а? — он обвел рукой заполненный людьми зал, и поднял бокал, демонстрируя свою выпивку. И, причмокнув языком, одобрительно кивнул. — Позвольте предложить вам это, Капитан, — он протянул полную пригоршню крошечных сандвичей: оливки фаршированные печенкой и черносливы завернутые в бекон. — Тут бегает парень с полным подносом. — Он снова обвел рукой зал. — Мэм, сэр, — он перевел взгляд с баронессы на барона, — не желаете ли и вы? — он положил один из сандвичей в рот и запил глотком спиртного. — Угмммммм.

— Я подожду, пока принесут еще, — сказала баронесса.

Изумленная Ридра взглянула на хозяйку, но на мясистом лице баронессы играла довольная улыбка.

— Надеюсь, они вам нравятся?

Калли глотнул.

— Да, — потом скривился, стиснул зубы и

раскрыв губы помотал головой. — Кроме тех соленых с рыбой. Они мне не понравились, мэм. Но остальные хороши.

— Я скажу вам, — баронесса наклонилась к нему и издала самодовольный смешок, — мне самой никогда не нравились соленые. — Она с улыбкой взглянула на Ридру и барона. — Но что можно поделать с поставщиками провизии?

— Если мне что-то не нравится, — Калли вздернул голову, — то я говорю, что мне этого больше не надо!

Баронесса вскинула брови.

— Знаете, вы совершенно правы! Именно так я и сделаю! — она взглянула на мужа. — Так я и скажу в следующий раз, Феликс!

Бесшумно возник официант с подносом.

— Не хотите ли выпить?

— Она не хочет пить такими маленькими рюмками, — сказал Калли, указывая на Ридру. — Принесите ей побольше, как у меня.

Ридра рассмеялась.

— Боюсь, Калли, что мне сегодня вечером нужно быть в форме!

— Ерунда! — воскликнула баронесса. — И я тоже хочу большую! Кажется, где-то здесь был бар?

— В последний раз я видел его там, — указал

Калли.

— Мы веселимся сегодня, а от *этого* совершенно невозможно развеселиться, — она взяла Ридру под руку, обернувшись, бросила мужу: — Феликс будь гостеприимен, — и увела Ридру в сторону. — Это доктор Киблинг. Женщина с крашеными волосами — доктор Крэн. А вот и мой двоюродный брат Альберт! Я представлю их вам на обратном пути. Это все коллеги моего мужа. Они вместе работают над этими ужасными штуками, которые он вам показывал. Я хотела бы, чтобы он не держал эту коллекцию в доме. Это ужасно! Я всегда боюсь, что однажды среди ночи они вползут сюда и перебьют нас всех. Я думаю, он занимается этим из-за нашего сына. Как вы знаете, мы потеряли нашего мальчика Найлса… Уже восемь лет прошло… Но я слишком много говорю. Капитан Вонг, вы наверное находите нас ужасно провинциальными?

— Вовсе нет!

— Но вы еще мало нас знаете. О, блестящие молодые люди с их ярким живым воображением! Они целыми днями ничего не делают, только думают об убийствах! Ужасное общество! И почему все так? Вся их агрессивность выплескивается на работе от звонка до звонка. Я считаю, что вообра-

жение должно быть направлено на что-нибудь другое, но только не на убийства. Вы согласны со мной?

— Да, конечно.

Они остановились возле группы гостей.

— Что здесь происходит? — спросила баронесса. — Сэм, чем они здесь занимаются?

Сэм улыбнулся, отступил на шаг, и баронесса протиснулась в образовавшееся пространство, не выпуская руки Ридры.

— Еще раз! — Ридра узнала голос Лиззи. Она взглянула поверх головы баронессы. Парни из секции двигателей расчистили пространство в десять футов и охраняли его, как ретивые полицейские. Лиззи сидела на корточках рядом стремя юношами, по одежде которых Ридра узнала местное дворянство Армседжа.

— Вы должны понять, — говорила Лиззи, — все дело в запястье. — Она щелкнула ногтем большого пальца по шарику. Тот ударил один шарик, второй, и один из сдвинутых шариков ударил третий.

— Ну-ка, попробуйте еще разок!

Лиззи подобрала шарик.

— Нужно ударить так, чтобы шарик вращался. Все дело в запястье.

Шарик двинулся, ударил, ударил, еще раз ударил. Несколько человек зааплодировали. Ридра — тоже.

Баронесса прижала руки к груди.

— Прекрасный удар! Просто великолепный! — она опомнилась и оглянулась. — О, вы хотите посмотреть, Сэм! Вы ведь эксперт по баллистике.

Она с легким поклоном уступила свое место, повернулась к Ридре, и они двинулись дальше.

— Вот поэтому я и рада, что вы и ваш экипаж навестили нас сегодня. Вы принесли с собой новое, яркое, интересное и свежее!

— Вы говорите о нас, как о салате! — Ридра рассмеялась. У баронессы «аппетит» был не таким угрожающим.

— Ну, если вы останетесь с нами подольше, то мы и в самом деле съедим вас с потрохами! Мы очень голодны до всего, что вы нам несете.

— Чего же именно?

Они подошли к бару и выбрали напитки. Лицо баронессы напряглось.

— Ну… когда вы прибываете к нам, мы тут же начинаем узнавать кое-что новенькое не только о вас, но и о себе.

— Не понимаю.

— Возьмем вашего навигатора. Он любит вы-

пить и хорошенько закусить. Это все, что я о нем знаю, но это много больше того, что я знаю о привязанностях и вкусах остальных, находящихся в этой комнате. Предложишь им виски — они станут пить виски. Предложишь текилу, будут пить ее галлонами. А только что я узнала, — она потрясла своей полной кистью, — что все дело в запястье. Никогда не знала этого раньше.

— Но мы просто говорим друг с другом.

— Да, но высказываете важные вещи. Что вы любите, чего вы не любите, как действуете. Вы на самом деле хотите познакомиться со всеми этими чопорными господами, которые занимаются убийствами людей?

— Нет.

— Я так и думала. Хотя здесь есть трое-четверо, которые вам понравятся. Но я познакомлю вас несколько позже… — и она смешалась с толпой.

Приливы, думала Ридра. Океаны. Течения гиперстасиса. Движение людей в большом помещении. Она двигалась по появляющимся в толпе просветам, которые открывались перед ней и закрывались, когда кто-нибудь двигался навстречу кому-нибудь, оставив ненужные разговоры, чтобы раздобыть выпивку.

Потом она каким-то образом оказалась в углу

у спиральной лестницы. Ридра начала подниматься по ней и остановилась у второго поворота, чтобы одним взглядом окинуть толпу гостей. Рядом с ней из неплотно прикрытой двери дул свежий вечерний ветер. Ридра открыла ее и ступила на балкон.

Фиолетовый сумеречный свет сменился искусственным пурпурным, но вскоре и он должен будет погаснуть, и на планетоиде наступит условная ночь. Влажная растительность жалась к перилам, оплетая их своими ростками, Белый камень балкона был скрыт под этой живой драпировкой.

— Капитан?

Рон, скрытый тенью листвы, сидел в углу балкона. Его кожа не посеребрена, подумала Ридра, но каждый раз, когда я вижу его ушедшим в себя, то представляю благородный белый металл. Рон поднял голову и прижался спиной к стене, в его волосах запутались листья.

— Что ты здесь делаешь?

— Там слишком много людей.

Она кивнула, наблюдая, как распрямляются его плечи, как напрягаются мышцы рук, расслабляются. В дыхании угловатого юного тела, в каждом неуловимом движении она слышала пение. С

полминуты Ридра слушала эту волшебную мелодию, а он молча смотрел на нее. Роза на его плече шепталась с листьями. Послушав удивительную музыку мускул, Ридра сказала:

— Что-то произошло между тобой, Молли и Калли?

— Нет. Я думаю… просто…

— Что просто?

Она улыбнулась и присела на балконные перила.

Рон снова опустил подбородок на колени.

— Наверное, они в порядке… Но я самый младший… и… — внезапно его плечи дернулись; — Как, черт возьми, вы поняли? Конечно, вы догадываетесь о подобных вещах, но ведь на самом-то деле вы не можете этого знать! Вы описываете то, что видите, а не то, что делаете, — он говорил торопливо, глотая и комкая слова. Она видела, как судорожно дергается мышца на его горле. — Извращенцы! — сказал он. — Все таможенники думают так. Барон, и баронесса, и все остальные, все, кто не может понять, почему тебе нельзя быть просто в паре. И вы тоже не можете понять!

— Рон!

Он ухватил зубами лист и сдернул его с куста.

— Пять лет назад, Рон, я была… в тройке.

Лицо повернулось к ней так резко, словно кто-то дернул за веревочку. Затем дернулось обратно. Он покусывал лист.

— Вы таможенник, Капитан. Вы просто используете корабли, а когда надобность в них отпадает, вы тут же все забываете. Вы — королева, да! Но королева среди таможенников. Вы — не транспортник.

— Рон, я известна. Поэтому на меня смотрят. Я пишу книги. Таможенники читают их, да, и смотрят на меня, чтобы узнать, кто же их написал. Таможенники так не пишут. Я разговариваю с ними, и они, глядя на меня говорят: «Вы — из Транспорта». — Она пожала плечами. — Но я не то и не другое. И все-таки я была в тройке. Я знаю, что это такое.

— Таможенники не бывают в тройке, — сказал Рон.

— Два парня и я. Если я снова решусь на это, то предпочту девушку и парня. Я думаю, что так мне будет легче. И я была в тройке целых три года. Это вдвое больше, чем у вас.

— Ваши не погибли. А наша погибла. И мы чуть не погибли вместе с Кэтти.

— Один был убит, — сказала Ридра. — Другой

временно заморожен, ожидая пока не найдут лекарство от болезни Калдера. Не думаю, что это будет при моей жизни, но если это произойдет…

В молчании Рон повернулся к ней:

— Кто же они были?

— Таможенники или транспортники? — она пожала плечами. — Как я — не то и не другое. Фобо Ломбс был капитаном межзвездного транспортного корабля; он провел меня через все и добился для меня диплома капитана. А на планетах он занимался исследованиями гидропоники, надеясь использовать ее в гиперстасисе. Какой он был? Стройный, светловолосый, очень эмоциональный и иногда очень много пил, и мог после рейса напиться, подраться и угодить в тюрьму, и мы выкупали его оттуда — по правде, это случалось только дважды, но мы целый год дразнили его потом. И ему не нравилось спать посередине, потому что он всегда хотел, чтобы одна рука была снаружи.

Рон засмеялся.

— Он был убит при исследовании катакомб Ганимеда, когда мы второе лето работали в Юпитерианской Геологической Службе.

— Как Кэтти, — помолчав, произнес Рон.

— Мюэлз Аранлайд был…

— «Имперская звезда»! — воскликнул Рон, удивленно раскрыв глаза. — «Комета Ио»! Что за книги! Вы были в тройке с Мюэлзом Аранлайдом?

Она кивнула:

— Эти книги полны веселья, правда?

— Дьявол, я читал их все, — сказал Рон. — Что он был за парень? Похож на «Комету Ио»?

— В сущности, «Комета Ио» — это Фобо. Фобо это не понравилось, я расстроилась, и Мюэлз начал другой роман.

— Вы хотите сказать, что в этих романах правда?

Она покачала головой.

— Большинство книг — фантастические истории, которые могли бы случиться. А сам Мюэлз? В своих книгах он маскировался. Он был темноволос, задумчив и невероятно терпелив, и невероятно добр. Он растолковал мне все о предложениях и об абзацах — ты знаешь, какое эмоциональное значение в тексте имеют абзацы? — и как отделить то, что хочешь сказать от того, что подразумеваешь, и когда надо делать и то и другое... — она остановилась, помолчала, потом продолжила: — Он дал мне рукопись и сказал: «Теперь скажи мне, что здесь неправиль-

но со словами». Единственное, что я смогла ему сказать, это то, что слов слишком много. Это было вскоре после смерти Фобо, я тогда только начинала писать стихи. Если я чего-то добилась, то этим я всецело обязана Мюэлзу. Он подхватил болезнь Калдера четыре месяца спустя. Ни один из них не увидел мою первую книгу, хотя большинство стихов они знали и так. Может, когда-нибудь Мюэлз все же прочтет их. Он, может, даже напишет продолжение приключений «Кометы Ио», быть может, он придет в Морг, вызовет матрицу моего мозга и скажет: «Теперь ты скажешь мне, что здесь неправильно со словами?» И тогда я смогу сказать ему намного больше, чем тогда, очень много. Но это будет не мое сознание;.. — она почувствовала, как ее охватывает печаль.

— …на много больше.

Рон сидел скрестив ноги, уперев локти в колени и положив голову на ладони.

— «Имперская звезда» и «Комета Ио»; как много радости принесли нам эти книги! Порою целыми ночами мы спорили над ними за кофе, или правили корректуру, или заходили в книжные магазины и выставляли их перед другими книгами.

— Я тоже так делал, — сказал Рон. — Просто

потому, что они мне нравились.

— Мы веселились, даже споря о том, кому придется спать посередине.

Это было как ключ. Рон начал подниматься, плечи его распрямились.

— А у меня, наконец, оба, — сказал он. — Кажется, я должен быть счастлив.

— Может, да. А, может, и нет. Они любят тебя?

— Говорят, что да.

— Ты любишь их?

— О боже, да! Я говорил с Молли и она старалась что-то объяснить мне, но она пока еще не очень хорошо говорит по-английски, но в конце концов я понял, что она хотела сказать… — он выпрямился и посмотрел вверх, как бы отыскивая там слова.

— Удивительно, — сказала она.

— Да, — он посмотрел на нее. — Удивительно!

— Ты и Калли?

— Дьявол, Калли — большой старый медведь, я могу играть с ним, могу припечатать его на обе лопатки. Но все дело в нем и в Молли! Он все еще не понимает ее. А, поскольку я моложе, то он думает, что должен научиться быстрее меня, а это ему не удается, поэтому он сторонится нас! Я всегда могу справиться с ним, в каком бы на-

строении он ни был, но Молли его еще не знает и думает, что он на нее сердится!

— Хочешь скажу, что делать? — спросила Ридра после паузы.

— А вы знаете?

Она кивнула.

— Это очень больно, больнее, чем если бы между ними на самом деле что-то было, потому что тебе кажется, что ты ничем не можешь помочь. Но это не так!

— Почему?

— Потому что они любят тебя.

Рон замер в ожидании.

— Калли впадает в дурное настроение, и Молли не знает, как к нему подступиться.

Рон кивнул.

— Молли говорит на другом языке, и Калли ее не понимает.

Он снова кивнул.

— А ты можешь разговаривать с ними обоими. Ты не можешь быть посредником: это не средство. Но можно научить их делать то, что можешь ты.

— Научить?

— Что ты делаешь с Калли, когда у него плохое настроение?

— Треплю его за уши, — сказал Рон. — До тех

пор, пока он не начнет смеяться, и тогда я валю его на пол.

Ридра сделала гримасу:

— Неортодоксально, но если действует, то прекрасно. Покажи это Молли. Она спортивная девушка. Пусть потренируется сначала на тебе, пока не будет получаться как надо.

— Я не хочу, чтобы меня трепали за уши!

— Но нужно же иногда чем-нибудь жертвовать, — она попыталась сдержать улыбку, но не смогла.

Рон потер лоб.

— Пожалуй.

— И вы должны научить Калли разговаривать с Молли.

— Но я сам иногда не знаю слов. Я просто догадываюсь быстрее, чем он.

— Если Калли будет знать слова, это ему поможет?

— Конечно!

— У меня в каюте есть учебник кисвахили. Я дам его вам, когда мы вернемся.

— О, это будет отлично… — Рон остановился, отступил обратно в листву. — Только Калли не любит читать.

— Поможешь ему.

— Научить его?

— Именно.

— Думаете, он будет меня слушаться?

— Чтобы приблизиться к Молли? — спросила Ридра. — Наверное будет.

— Он, будет, — Рон распрямился, как стальная пружина.

— Он будет!

— А теперь ты пойдешь внутрь? — спросила Ридра. — Через несколько минут начнется обед.

Рон повернулся к перилам и посмотрел на яркое небо.

— У них здесь прекрасный щит.

— Да, чтобы не сгореть в огне Беллатрикса, — пояснила Ридра.

— Поэтому они не задумываются о том, что делают.

Ридра подняла брови. Все равно мальчишку волнует правда и ложь, даже среди семейных неурядиц.

— И это тоже, — сказала она и вспомнила о войне.

Напряженная спина Рона подсказала ей, что он придет позже — хочет еще немного подумать. Ридра прошла через двойную дверь и начала спускаться по лестнице.

— Я видел, как вы вышли, и решил подождать, пока вы вернетесь.

Ридра никогда не видела его раньше. Черные с синевой волосы окаймляли лицо, слишком морщинистое для его возраста — около тридцати лет. Он сделал шаг в сторону, освобождая дорогу с невероятно экономными движениями. Подождал, когда приблизится Ридра, потом повернулся и кивнул на людей внизу. Он указывал на барона, который одиноко двигался к центру зала.

— У этого Кассиуса очень голодный взгляд.

— Интересно, насколько он голоден? — поинтересовалась Ридра, но тут же почувствовала какую-то тревогу.

Баронесса пробралась сквозь толпу к барону, чтобы посоветоваться, начинать ли обед или подождать еще минут пять, а может и по другому важному делу.

— Каким может быть брак между этими двумя людьми? — спросил незнакомец со снисходительным изумлением.

— Сравнительно простым, я думаю, — ответила Ридра. — У них есть занятие: беспокоиться друг о друге. — Вежливый вопросительный взгляд. Видя, что разъяснений не последует, незнакомец

снова повернулся к толпе. — У них такие странные лица, когда они смотрят сюда, мисс Вонг.

— Они смеются.

— Бандикуты! Вот на кого они похожи — на стаю бандикутов.

— Интересно, влияет ли на них искусственное небо?

Ридра почувствовала, что начинает раздражаться.

Он засмеялся.

— Бандикуты с талассанемией!

— Может быть. Вы сами не из Дворов? — его сложение свидетельствовало о жизни отнюдь не под искусственным небом.

— Из Дворов.

Пораженная, она собралась расспросить незнакомца подробнее, но в этот момент динамик провозгласил:

— Леди и джентльмены, кушать подано!

Он пропустил ее вперед и пошел следом, но когда внизу лестницы она обернулась, незнакомец уже исчез. Ридра направилась в столовую в одиночестве.

Под аркой ее ждали барон и баронесса. Баронесса взяла Ридру под руку, музыканты на помосте прикоснулись к инструментам.

— Идемте сюда.

Она прошла вместе с дородной матроной через толпу к длинному извивающемуся столу.

— Вот наши места.

И сообщение на баскском: «Капитан, на вашем транскрипторе, в корабле появился текст». Маленький взрыв в мозгу остановил Ридру.

— Вавилон-17!

Барон повернулся к ней:

— Да, Капитан Вонг?

Она неуверенно посмотрела на сухие линии его лица.

— Есть ли здесь какие-нибудь материалы или исследования, которые нуждаются в особой охране?

— Все делается автоматически. А в чем дело?

— Барон, здесь будет диверсия, и может быть, она уже началась.

— Но как вы…

— Я не могу сейчас объяснить, но вам лучше удостовериться, что все в порядке!

И напряжение снова вернулось.

Баронесса коснулась руки мужа и сказала с неожиданной холодностью:

— Феликс, вот ваше место.

Барон придвинул свой стул, сел и бесцеремон-

но откинул на столе крышку. Под ней оказался контрольный щит. Гости уже рассаживались вдоль стола. В двадцати шагах от себя Ридра увидела Брасса, устраивавшегося в специальном гамаке, который подвесили для его гигантского блестящего тела.

— Садитесь сюда, моя дорогая. Начнем обед, как будто ничего не случилось. Думаю, так лучше.

Ридра села рядом с бароном, а баронесса осторожно опустилась в кресло, слева от нее. Барон что-то говорил в крошечный микрофон. Изображения, которые она не могла разглядеть со своего места, вспыхивали на восьмидюймовом экране. Понаблюдав за ними некоторое время, барон сказал:

— Пока ничего, Капитан Вонг.

— Не обращайте на него внимания, — сказала баронесса.

— Вот это гораздо интереснее!

Из-под стола рядом с ней выскочила маленькая панель.

— Забавная штучка, — продолжала баронесса, оглядываясь. — Кажется, все готово, — ее пухлый указательный палец коснулся кнопки, и свет в комнате начал меркнуть. — Я управляю ходом обеда, просто касаясь в нужное время нужной

кнопки. Следите! — она нажала другую кнопку.

Посередине стола вдоль всей его длины раскрылись панели, и оттуда появились вазы с фруктами: засахаренный виноград, разнообразные яблоки и половинки дынь заполненные медом и орехами.

— И вино! — сказала баронесса, вновь нажимая на кнопку.

Вдоль сотен ножек стола поднялись чаши. Заработал невидимый механизм, и они заполнились до краев пенящейся жидкостью. Забили сверкающие фонтаны.

— Наполните свой бокал, дорогая. Выпьем! — воскликнула баронесса, подставляя свой бокал под струю. Хрусталь засверкал пурпуром.

Барон сказал:

— Кажется, в Арсенале все в порядке. Я привел в повышенную готовность все спецслужбы. А вы уверены, что диверсия произойдет именно сейчас?

— Либо сейчас, либо через две-три минуты. Возможно, будет взрыв или откажет какое-нибудь важное оборудование.

— Но пока нам остается только ждать! Кстати, наши приборы зафиксировали этот Вавилон-17.

— Попробуйте это, Капитан Вонг, — баронесса

протянула ей плод манго. Надкусив его, Ридра поняла, что он вымочен в ликере.

Почти все гости уже сидели. Ридра видела, как парень из ее взвода, Майкл, обыскивает зал в поисках своей именной карточки. А дальше, за столом, она заметила незнакомца, остановившего ее на лестнице. Он торопливо шел к ней мимо сидящих гостей.

— Это вино не виноградное, а сливовое, — заметила баронесса. — Немного крепковатое для начала, но уж очень гармонирует с фруктами. Я очень горжусь своей сливой. Вы знаете, слива для гидропоники — это такой кошмар, но нам все же удалось получить хорошие плоды!

Майкл, наконец, отыскал свое место и с нетерпением погрузил обе руки в вазу с фруктами. Незнакомец огибал последний поворот стола. Калли держал в каждой руке по кубку с вином, переводя взгляд с одного на другой, и, по-видимому, старался определить, который больше.

— Возможно, — щебетала баронесса, — надо было предложить сначала ликер. Или шербет? А, может, следовало начать с закуски? Я готовлю ее очень просто. Но никогда не могу решить…

Незнакомец подошел к барону, наклонился над его плечом, глядя на экран, и прошептал что-то.

Барон повернулся у нему, оперся обеими руками о стол, начал медленно вставать — и упал! Струйка крови показалась на его шее.

Ридра отшатнулась. Убийство. В голове у нее сложилась мозаика, и получилось слово «убийство». Она вскочила.

Баронесса с хриплым криком поднялась, опрокинув свое кресло. Она протянула руки к мужу и затрясла головой.

Ридра увидела, что незнакомец достает вибропистолет. Она оттолкнула баронессу. Выстрел был направлен вниз и только разбил контрольную панель.

Баронесса кинулась к мужу. Ее хриплый стон превратился в вопль. Слабые руки женщины не смогли поднять тело Феликса Вер Дорко, и она опустилась перед ним на колени, продолжая душераздирающе кричать.

Гости повскакивали со своих мест, разговоры сменились криками.

Панель управления столом разбилась и вазы с фруктами были сметены появившимися жаренными фазанами, украшенными сахарными головами и блестящими хвостами. Уборочные механизмы не работали. Супницы и блюда с закуской теснили вазы, пока те не опрокинулись и

не свалились на пол. По всему залу покатились фрукты.

Перекрывая шум голосов, раздался свист вибропистолета — слева от Ридры, снова слева, потом справа. Гости, повскакивавшие со своих мест, закрывали видимость. Она еще раз услышала смертельную мелодию вибропистолета и увидела, как доктор Крейн раздвоилась, вызывая ужас у окружающих, как отбеленные волосы рассыпались и закрыли ее лицо.

Из недр стола, опрокидывая фазанов, появились блюда с седлом барашка. Вино попадало на румяную янтарную корочку и шипело испаряясь. Пища падала обратно в отверстия стола на раскаленные спирали очага. Ридра почувствовала запах горелого.

Она протиснулась вперед и схватила за руку чернобородого толстяка.

— Помощник, заберите отсюда парней!

— А чем я по-вашему занимаюсь, Капитан?

Она устремилась прочь, вдоль стола с дымящимися и шипящими дырами. Изысканное восточное блюдо — жареные бананы, которые сначала окунают в мед, а затем катают в крошках толченого льда — появилось на столе. Искрящиеся сладости сыпались на пол, мед кристаллизовался

сверкающими иголками. Гости наступали на них, давили, поскальзываясь, падали.

— Как вам нравиться кататься на бананах, Капитан? — спросил Калли. — Что здесь происходит?

— Отведи Молли и Рона на корабль!

Теперь поднимались кофейники. Застревая в грудах пищи, они опрокидывались, выплескивая свое горячее содержимое на обезумевших гостей. Закричала женщина, размахивая обожженной рукой.

— Это уже не смешно, — заметил Калли. Я уведу их.

Он двинулся в обход стола, а к Ридре уже подскочил помощник. Она повернулась к нему.

— Помощник, что такое бандикут?

— Злобное маленькое животное. Сумчатое…

— Ага, теперь я вспомнила. А талассанемия?

— Веселенькое время для вопросов. Разновидность анемии.

— Это я знаю. Какая именно? Вы же медик.

— Дайте подумать. Все свои сведения по медицине я получил из гипнокурса… Вспомнил! Это наследственная болезнь, кавказский эквивалент анемии серповидных клеток — разрушаются красные кровяные тельца, исчезает гемогло-

бин…

— …Гемоглобин исчезает, и клетки разрушаются осмотическим давлением! Понятно… А теперь нам нужно выбираться из этого ада.

Недоумевающий помощник двинулся к выходу. Ридра последовала за ним, подскользнулась на залитом вином полу и ухватилась за Брасса, который оказался рядом с ней.

— Осторожней, Капитан!

— Прочь отсюда, ребята, — скомандовала она. — И побыстрее!

— Хотите верхом? — усмехнувшись, спросил Брасс и опустился на четвереньки. Ридра уселась ему на спину и вцепилась обеими руками в гриву. Мощные мускулы, повергнувшие Серебряную Ящерицу, вздулись буграми и Брасс понесся вдоль стола. Гости испуганно расступались. Наконец, они достигли арочного выхода.

V

ПАНИЧЕСКИЙ СТРАХ закипал в ее голове.

Она отогнала его, войдя в каюту «Рэмбо», и включила интерком.

— Помощник, все ли…

— Все на борту, Капитан.

— Разобщенные…

— Тоже. Все трое.

Брасс, тяжело дыша, заполнял собой весь дверной проем.

Она переключилась на другой канал, и почти музыкальные звуки наполнили каюту.

— Хорошо. Все еще продолжается.

— Это он? — спросил Брасс.

Ридра кивнула.

— Вавилон-17. Передача автоматически записывается, так что я изучу ее позже. Во всяком случае, здесь ничего не произошло.

Она щелкнула переключателем.

— Что вы делаете?

— Я перекодировала несколько сообщений и посылаю их наружу. Может быть они дойдут, — она остановила первое послание и включила следующее. — Хотя я не уверена. Я немного разобралась, но не достаточно. Такое впечатление, словно пьесу Шекспира исполняют на суржике.

Сигнал с внешней линии привлек ее внимание.

— Капитан Вонг, говорит Альберт Вер Дорко! — голос срывался на истерические нотки. — Случилось что-то ужасное. Мы ничего не понимаем! Я не нашел вас у брата, но мне только

что доложили, что вы запросили разрешение на гиперстасисный прыжок.

— Я ничего подобного не запрашивала. Я только хотела собрать экипаж на корабле. Вам удалось узнать, что произошло?

— Но, Капитан, мне докладывают, что вы продолжаете подготовку к полету. У вас чрезвычайные полномочия, поэтому я не в силах отменить ваш приказ. Но я прошу вас остаться, пока это дело не прояснится, так как вы располагаете какой-то информацией о том, что…

— Мы не собираемся стартовать, — сказала Ридра.

— И мы сейчас и не можем, — вмешался Брасс. — Я еще не соединился с кораблем.

— Вероятно, ваш автоматический Джеймс Бонд взбесился, — сказала Ридра Вер Дорко.

— …Бонд?

— Мифологическая фигура. Извините меня. Я имела в виду ТБ-55.

— О, да. Я знаю. Он убил моего брата и еще четверых чрезвычайно ценных сотрудников. Это невероятно, выбрать четыре самые ключевые фигуры, если только это не планировалось заранее.

— Это запланировано. ТБ-55 стал объектом диверсии… И не спрашивайте, я не знаю, как.

Свяжитесь с генералом Форестером и…

— Капитан, контроль взлета сигнализирует, что вы даете предупреждение о старте! У меня нет достаточной власти, но вы должны…

— Помощник! Мы стартуем?

— Конечно да. Вы же сами отдали приказ о переходе в гиперстасис.

— Но Брасс даже еще не в рубке, вы — идиот!

— Но я тридцать секунд назад получил ваш приказ, значит, Брасс уже на месте. Я только говорил…

Брасс неуклюже рванулся к микрофону и заревел:

— Я стою рядом с капитаном, дубина! Вы пошлете нас прямо в центр Беллатрикса? Или, может, вы выбрали какую-нибудь Новую? Эти корабли всегда дрейфуют в сторону наибольшей массы!

— Но вы же только что…

Нарастающий гул донесся откуда-то снизу. И внезапный рывок.

Голос Альберта Вер Дорко:

— Капитан Вонг!

Ридра закричала:

— Идиот, выключите стасис-гене…

Но свист генераторов уже перешел в рев.

Снова рывок; Ридра попыталась ухватиться

руками за край стола, увидела как мелькают в воздухе когти Брасса. И…

Часть третья
Джебел Тарик

… На самом деле, мрачный, он избегает нас, уходит насовсем.
Но я увижу его книги и мосты.
Я сделаю язык — мы сможем говорить всё-всё.
Не детские фантазии, что мама послала в город нас, а он мечтает найти работу, выпивку достать, и, может быть, совсем не хочет прекрасным стать…
М. Х. «Навигаторы»
… ты обманываешь меня, развлекая тишину…
М. Х. «Песня Лайдана»

I

ОТВЛЕЧЕННЫЕ МЫСЛИ в голубом тумане: номинатив, генетив, элятив, аккусатив один, аккусатив два, облятив, партитиф, иллатив, инструктив, абессив, адессив, инессив, эссив, аллатив, трансклатив, сомитатив. Шестнадцать

падежей существительного в финском языке. Странно, некоторые языки обходятся только единственным и множественным числом. В языках американских индейцев даже не различается число. За исключением языка сиу, в котором есть множественное число, правда, только для одушевленных существительных. Голубая комната круглая, теплая и спокойная. По-французски нельзя сказать «теплый». Есть только «горячий» и «тепловатый». Если для этого нет слова, то как же они думают об этом? А если у вас нет соответствующей формы, то вы не сможете сказать, даже имея соответствующее слово. Подумать только — испанцы обозначают пол для любого предмета: собаки, стола, дерева. В венгерском вообще нельзя обозначить пол: он, она и оно обозначаются одним и тем же словом. Ты мой друг, но вы мой король — таково различие в английском елизаветинских времен. А в некоторых восточных языках множество разных местоимений: ты мой друг, ты мой отец, ты мой жрец, ты мой король; ты мой слуга, которого я сожгу завтра утром, если ты не уследишь, а ты — мой король, с политикой которого я совершенно не согласен, ты мой друг, но я разобью тебе голову, если ты скажешь это еще раз… и все это — разные «ты».

Как тебя зовут? — думала она в круглой теплой голубой комнате.

Мысли без названия в голубой комнате: Урсула, Присцилла, Барбара, Мэри, Мона и Батика — Медведь, Старуха, Болтунья, Горчица, Обезьяна и Ягодица. Имя. Имена? Что в имени тебе моем? В каком имени я? На земле отцов моих отцов вначале шло имя отца: Вонг Ридра. А там, откуда родом Молли, я носила бы имя матери. Слова — это названия вещей. Во времена Платона вещи были именами идей — как лучше выразить платоновские идеи? Но действительно ли слова — имена вещей или это семантическое недоразумение? Слова — это символы целой категории предметов, а имя — символ единичного объекта. Имя — это его сладостное дыхание, ее внешность и мятое платье, упавшее за простой деревянный ночной столик, «Эй, женщина, иди сюда!», и она шептала, до боли вцепившись в медный поручень: «Меня зовут Ридра!» Индивидуальность — нечто отличающее вещь от окружения и от всех других вещей в этом окружении. Нужно было выделить вещь среди ей подобных — так были изобретены имена. Я изобретена. Я — не круглая, теплая комната. Я — нечто в этой комнате, я…

Ее веки были полуопущены. Она раскрыла

глаза и увидела оплетающую ее паутину-сетку. Повернув голову, попыталась осмотреть комнату.

Нет.

Она не «осматривала комнату».

Она — нечто в чем-то. Первое нечто было крошечным звуком, который возник прямо в сознании, воспринимаясь слухом и обонянием также хорошо, как и зрением. Второе нечто — это три еле различимые фонемы, которые сливались в трезвучие: одна фонема — указатель размера комнаты — примерно двадцать футов диаметром, вторая — обозначение цвета и вероятного материала стен — какой-то голубой металл, а третья — вместилище аффиксов, обозначающих назначение комнаты — какой-то грамматический ярлычок, благодаря которому она вмещала весь жизненный опыт в одно единственное слово. Все эти понятия промелькнули у нее на языке, в ее мозгу быстрее, чем она успела произнести слово «стол». Вавилон-17; она и раньше чувствовала что-то подобное в других языках — раскрытие, расширение, усиление и внезапный рост. Но это, это было так, словно линзой сфокусировали все, что собралось за долгие годы.

Она снова села. Функция?

Для чего предназначена эта комната? Ридра медленно поднялась, нити окутывали ее грудь. Похоже на лечебницу. Она взглянула вниз на… не «паутину», а скорее тройной гласный определитель, каждая часть которого имела свое особое значение и свои связи, общее значение постигалось, когда звучание всех трех гласных доходило до самого низкого тона. Приведя всю триаду к этой точке, она поняла, как распутать паутину. Если бы она не назвала ее на этом новом языке, то это ей не удалось бы. Переход от воспоминаний к знанию произошел, когда она…

Где она была? Отвращение, возбуждение, страх! Она мысленно вернулась к английскому. Думать на Вавилоне-17 было все равно, как если бы внезапно увидеть воду на дне колодца, а еще минуту назад ты думал, что впереди — ровное место. Голова закружилась, Ридру тошнило.

Все же она заметила, что в комнате еще кто-то есть. Брасс висел в большом гамаке у дальней стены — она видела когти его желтой лапы над краем паутины. В двух меньших гамаках, вероятно находились парни из взвода. Она увидела блестящие черные волосы, голова повернулась в беспокойном сне — Карлос. Ридра не могла увидеть третьего. Ее любопытство уменьшилось,

когда она почувствовала прикосновение чьей-то руки в области живота.

Потом исчезла стена.

Ридра старалась определиться, если не во времени и пространстве, то хотя бы в своих возможностях. Когда исчезла стена, она прекратила свои попытки. Она ждала.

Это произошло в верхней части стены, слева от Ридры. Стена засверкала, стала прозрачной, в воздухе сформировалась металлическая дорожка и потянулась к Ридре.

Три человека.

У ближайшего, во главе группы, лицо, как будто грубо высечено из темного камня. Он облачен в скафандр устаревшей конструкции, который автоматически принимает форму тела, но сделан из пористого пластика и похож на старинные громоздкие доспехи. Плащ из черного ворсистого материала скрывал одно плечо и руку. Полосы меха под ремнями предохраняли от ссадин. Единственным вмешательством косметохирургии были искусственные серебряные волосы и размашистые металлические брови. С мочки правого уха свисало толстое серебряное кольцо. Он держал руку на кобуре вибропистолета, переводя взгляд с гамака на гамак.

Вперед вышел второй человек. Стройное фантастическое месиво косметохирургии: немного от грифона, немного от обезьяны, что-то от морского конька — чешуя, перья и когти покрывали тело, которое, как ей показалось, принадлежало кошке. Он скорчился сбоку от человека с серебряными волосами, упираясь костяшками пальцев в металлический пол. Когда сереброволосый поднял руку, чтобы пригладить волосы, чудовище посмотрело вверх.

Ридра ждала, пока они заговорят. Слово уничтожило бы неопределенность: Союз или Вторжение. Ее мозг был готов ухватить любой язык, на котором бы они заговорили, определить их мыслительные способности, их логику, оценить свое преимущество, если оно будет…

Второй немного отодвинулся, и Ридра смогла разглядеть третьего, который держался за их спинами. Более высокий и еще крепче сложенный, чем эти двое, он был одет в одни бриджи и довольно широк в плечах. В его запястья и пятки были вживлены петушиные шпоры — это было в обычае у представителей транспортного «дна». Они имели такое же назначение, как металлический кастет и пиратский флаг столетиями раньше. Голова — наголо обрита, но уже начали

пробиваться черным ершиком волосы. Вокруг узловатого бицепса шла полоска розового мяса, похожая на кровавый ушиб или заживший шрам. Эта полоска до того всем надоела в описаниях персонажей некоторых романов несколько лет назад, что теперь уже была отвергнута как банальный штамп. Это было клеймо каторжника из тюремных пещер Титана. Что-то в этом человеке наводило на мысль о неимоверной свирепости, и Ридра отвела взгляд. Но против воли, ее глаза вновь обратились к нему.

Двое, шедшие впереди, повернулись к третьему. Ридра ждала слов, чтобы уловить их, запомнить, определить. Они снова посмотрели на нее, затем ушли в стену. Пандус начал втягиваться назад.

Ридра приподнялась.

— Подождите, — окликнула она незнакомцев. — Где мы?

Сереброволосый бросил, не оглядываясь:

— Джебел Тарик.

Стена погасла.

Ридра посмотрела на паутину (которая, собственно была чем-то совсем другим на ином языке), потянула одну струну, тронула другую. Натяжение ослабло, петли растянулись, и она

спрыгнула на пол. Распрямившись, Ридра увидела, что вторым парнем из взвода был Кайл, который работал вместе с Лиззи в секции ремонтов. Начал барахтаться Брасс.

— Полежи спокойно секундочку, — она начала распутывать нити паутины.

— Что он сказал? — заинтересовался Брасс. — Он назвал себя или п'росто п'риказал лежать с'окойно?

Ридра пожала плечами, продолжая возиться с паутиной.

— «Тарик» на староирландском означает «гора». Гора Джебела, может быть.

Паутина распалась, и Брасс сел.

— Как вам это удалось? — спросил он. — Я десять минут здесь 'арахтался 'естолку.

— Расскажу в другой раз. Джебел может быть именем.

Брасс посмотрел на упавшую паутину, почесал когтем за ухом и покачал головой.

— Во всяком случае, они не захватчики, — сказала Ридра.

— Это п'очему?

— Не думаю, чтобы по ту сторону даже слышали про староирландский. Земляне, мигрировавшие туда, были выходцами из Южной и Северной

Америки, и это еще до того, как образовалась Американазия, а Пан-Африка проглотила Европу. К тому же, тюремные пещеры Титана находятся внутри Цезаря.

— Ах да, — согласился Брасс. — Хммм, но кто же этот их б'ывший п'итомец?

Она посмотрела на стену, где скрылся пандус. Попытки осознать положение казались такими же безнадежными, как если бы они попробовали проломиться сквозь голубой металл стены.

— Но что же все-таки п'роизошло?

— Мы стартовали без пилота, — сказала Ридра, — Думаю, что тот, кто вел передачи на Вавилоне-17, послал запрос на старт от нашего имени.

— Сомневаюсь, чтобы мы могли стартовать без пилота. Кто-то же разговаривал с п'омошником п'еред стартом? Если б'ы не б'ыло п'илота, мы б'ы не оказались здесь. Мы б'ы стали грязным п'ятнышком на ближайшей звезде.

— Вероятно, тот, кто разбил эти пластины… — Ридра усилием воли заставила себя вернуться к прошлому. — Вероятно, диверсант не хотел убивать нас. ТВ-55 мог легко разложить меня на атомы — я ведь стояла совсем рядом с бароном.

— Интересно, говорит ли этот ш'ион на корабле

на Вавилоне-17?

Ридра кивнула.

— Мне это тоже интересно.

Брасс огляделся.

— И это все? Где остальной эки'аж?

— Сэр, мэм?

Они обернулись.

Снова отверстие в стене. Худенькая девушка с зеленой лентой, охватывающей каштановые волосы, держала чашу.

— Хозяин сказал, что вы здесь, и я принесла вам это, — глаза ее были большими и темными, ресницы трепетали, как крылья птицы. Она приподняла чашу.

Ридра отметила ее искренность, но уловила и страх перед чужаками.

— Вы очень добры.

Девушка слегка поклонилась и улыбнулась.

— Не бойтесь нас, — сказала Ридра. — Не надо.

Страх ушел, худенькие плечи расслабились.

— Как зовут вашего хозяина? — спросила Ридра.

— Джебел.

Ридра обернулась и кивнула Брассу.

— Значит, мы находимся в «Горе Джебела»? — она взяла протянутую чашу — Как мы здесь

оказались?

— Он выловил ваш корабль из центра Новой-42 Лебедя — как раз перед тем, как ваши стасис-генераторы отказали после прыжка.

Брасс зашипел — это у него означало свист.

— Неудивительно, что мы б'ыли б'ез сознания — летели слишком б'ыстро!

Ридра ощутила тяжесть в желудке.

— Мы летели в сторону Новой. Может быть у нас действительно не было пилота?

Брасс сдернул белую салфетку с чашки.

— Цыплята, Ка'итан.

Они были поджарены и еще горячи.

— Минутку, — прервала его Ридра. — Мне пришла в голову мысль, — она повернулась к девушке и уточнила: — «Гора Джебела» — это корабль? И мы находимся в нем?

Девушка заложила руки за спину и кивнула.

— И это очень хороший корабль.

— Я уверена, что вы не берете пассажиров. Какой же у вас груз?

Она задала неверный вопрос. Снова страх; не обычный страх перед чужаками, а нечто официальное, всепроникающее.

— У нас нет груза, мэм, — и тут же выпалила: — Я не должна больше разговаривать с вами.

Поговорите с Джебелом.

Она вернулась в стену.

— Брасс, — Ридра задумчиво повернулась к пилоту, — космических пиратов больше не существует, да?

— Бандитов на транспортных кораблях нет уже семьдесят лет.

— А тогда что же это за корабль?

— Хоть убейте, не знаю, — отполированные поверхности его щек исказились в голубом свете. Шелковистые брови нависли над темными дисками глаз. — *Вытащили* «Рембо» из Лебедя-42? Теперь я знаю почему эта штука называется «Гора Джебела». Она должна быть громадной, как чертовы боевые корабли.

— Если это и военный корабль, Джебел не похож на звездоплавателя.

— К тому же, он каторжник, а каторжнику запрещено служить в армии. Как вы думаете, куда мы попали, капитан?

Ридра взяла куриную ножку из чаши.

— Надо подождать до разговора с Джебелом.

Кто-то зашевелился в гамаке.

— Надеюсь, что с ребятами все в порядке. Почему я не спросила у той девушки об остальных членах экипажа? — Она двинулась к гамаку

Карлоса. — Как самочувствие? — ласково спрос aha она. Только сейчас она разглядела защелки, удерживающие паутину.

— Голова, — сказал Карлос, оскалившись. — Как с похмелья.

— Выше голову. Что ты вообще знаешь о похмелье? — трижды щелкнули зажимы.

— Вино, — сказал Карлос, — на приеме… Выпил слишком много… Эй, что случилось?

— Скажу, когда сама узнаю. Вставай, — она наклонила гамак, и Карлос встал на ноги.

Он откинул волосы с глаз.

— А где остальные?

— Кайл здесь. Больше в этой комнате наших нет.

Брасс освобождал Кайла, который уже сидел на краю гамака, протирая заспанные глаза.

— Эй, малыш, — позвал Карлос. — Ты в порядке?

Кайл потянулся, зевнул, пробормотал нечто нечленораздельное. Вдруг он прикусил язык и посмотрел вверх.

Ридра подняла глаза.

Пандус снова выдвигался из стены. На этот раз он дотянулся до пола.

— Пойдете ли вы со мной, Ридра Вонг?

Джебел — сереброволосый с кобурой — стоял в темном отверстии люка.

— Мой экипаж, — спросила Ридра, — с ними все в порядке?

— Они в другом помещении. Если хотите взглянуть на них…

— Они в порядке?

Джебел кивнул.

Ридра потрепала Карлоса по волосам.

— Увидимся позже, — прошептала она.

Общий зал был с арочными сводами и балконами, стены тусклые, словно скалы. С них свисали алые и зеленые полотнища со знаками зодиака и изображениями битв. И звезды — сначала она подумала, что звезды просвечивают сквозь свод, но это была только огромная, в сто футов, проекция звездного неба вокруг корабля.

Мужчины и женщины сидели и разговаривали за деревянными столами или прохаживались вдоль стен. В конце зала, вниз опускались широкие ступени, и там находилась стойка, в изобилии уставленная напитками и закусками. Из отверстия появлялись кастрюли, чаны, тарелки, а дальше Ридра увидела белую нишу, в которой мужчины и женщины в передниках готовили обед.

Когда они вошли, все обернулись. Ближайшие в знак приветствия притрагивались пальцами ко лбу. Она прошла вслед за Джебелом на возвышение, где стояли диваны со множеством подушек.

Человек-грифон быстро поднялся за ними.

— Хозяин; это она?

Джебел повернулся к Ридре, его жесткое лицо смягчилось.

— Это мое развлечение, моя забава, мое освобождение от груза забот, мой громоотвод от гнева, Капитан Вонг. Здесь я сохраняю чувство юмора, хотя все вокруг скажут вам, что я его давно лишился. Эй, Клик, распрями сидения для беседы!

Голова, украшенная перьями, быстро кивнула, черный птичий глаз мигнул, и Клик метнулся к подушечкам. Мгновение спустя Джебел и Ридра опустились на них.

— Джебел, — спросила Ридра, — куда направляется ваш корабль?

— Мы стоим в Зажиме Спецелли, — он скинул накидку со своих бугристых плеч. — А где были вы перед тем, как вас подхватило течение Новой?

— Мы… стартовали с Военных Дворов в Армседже.

Джебел кивнул.

— Вам повезло. Даже корабли-тени не смогли бы вытащить вас из Новой, если бы генераторы не выдержали. Для вас это было бы последним разобщением.

— Вы правы, — Ридра почувствовала, как желудок откликается на воспоминания. Потом спросила: — Корабли-тени?

— Да, Такие, как «Джебел Тарик».

— Боюсь, что я не знаю что такое корабль-тень.

Джебел засмеялся клокочущим резким смехом.

— Надеюсь, что вы с ними больше не столкнетесь!

— Расскажите, — сказала Ридра. — Я слушаю.

— Зажим Спецелли непроницаем для радиоволн. Корабль, даже такой гигантский, как «Тарик», практически невозможно обнаружить на гиперволнах. Он скользит по созвездию Рака, как тень.

— Но эта галактика подконтрольна захватчикам, — сказала Ридра, начиная понимать.

— Зажим — пограничная зона вдоль края Рака. Мы… патрулируем этот район и перехватываем корабли захватчиков… на их территории.

Ридра заметила нерешительность на его лице.

— Но неофициально?

Он снова засмеялся.

— Как же иначе, Капитан Вонг? — он снова дернул за пучок перьев на лопатке Клика. Шут вздрогнул. — Даже правительственные боевые корабли не могут получать приказы и инструкции в Зажиме из-за радионепроницаемости. Поэтому штаб-квартира в Администрации Союза снисходительна к нам. Мы хорошо делаем нашу работу, а они смотрят в другую сторону. Они не могут давать нам приказы, не могут и снабжать нас оружием и продуктами. Поэтому мы вынуждены игнорировать торговые соглашения и конвенции о пленных. Звездоплаватели называют нас грабителями, — он внимательно следил за ее реакцией. — Мы стойкие защитники Союза, Капитан Вонг, но… — он поднял голову и крепко сжатым кулаком ударил себя по животу, — но мы голодны, и если не попадается корабль захватчиков… Что ж, мы берем то, что попадается.

— Понимаю, — сказала Ридра. — Значит, и мы захвачены?

Пальцы Джебела разжались на животе.

— Разве я похож на голодного?

Ридра улыбнулась:

— Вы выглядите очень хорошо накормленным.

Он кивнул.

— У нас был хороший месяц. Иначе мы не сидели бы так за одним столом. Теперь вы — наши гости. Сейчас нам не нужна добыча.

— Значит, вы поможете нам восстановить сгоревшие генераторы…

Джебел вновь поднял руку, призывая ее к молчанию.

— … не сейчас, — повторил он.

Ридра подалась вперед, но тут же откинулась на спинку сиденья.

Джебел приказал Клику:

— Принеси книги, — шут быстро отбежал и открыл шкаф, стоявший между диванами. — Мы ходим по острию ножа, — продолжал Джебел. — Возможно, поэтому и живем хорошо. Мы даже цивилизованны — когда у нас есть на это время. Название вашего корабля заставило меня принять предложение Батчера и выловить вас. Здесь, в пограничных районах, нас редко посещают барды.

Ридра вежливо улыбнулась. Клик вернулся с тремя томами. Черные переплеты с серебренными обрезами. Джебел взял их.

— Моя любимая — вторая. Особенно мне нравится «Изгнанник в тумане». Вы говорите, что никогда не слышали о кораблях-тенях, но все

же вам знакомо чувство, когда «густая ночь связывает тебя» — это ваша строка, верно? Но вашу третью книгу я не совсем понял, хотя в ней тоже много интересного и много созвучного нашей жизни. Мы здесь в стороне от главных трасс… — он пожал плечами. — Мы… Во-первых, нам попадают книги из библиотек капитанов захватчиков, во-вторых… что же, иногда гибнут и корабли Союза. Здесь есть надпись, — он раскрыл книгу и прочитал: — «Джо в его первый полет. В этой книге то, что я сама не могу высказать. С любовью — Лена».— Он закрыл книгу. — Очень трогательно. А третью книгу я приобрел месяц назад. Я перечитаю ее еще несколько раз, и тогда мы снова поговорим. Я рад случаю, который привел вас ко мне. — Он положил книги на колени. — Давно вышла ваша третья книга?

— Чуть больше года…

— А есть ли четвертая?

Ридра покачала головой.

— Могу ли я спросить, чем вы заняты сейчас?

— Сейчас — ничем. Я написала несколько больших стихотворений, которые мой издатель хотел выпустить отдельным сборником, но я хочу подождать, пока у меня не появится большое произведение, чтобы уравновесить эти.

Джебел кивнул.

— Понимаю. Но ваша сдержанность лишает нас большого удовольствия. Если бы я смог побудить вас писать, я был бы польщен… За едой у нас бывает музыка, комические сценки, поставленные мудрым Кликом. Если вы захотите снабдить их прологом или эпилогом по вашему выбору, то вы найдете весьма благодарную аудиторию, — он протянул ей свою крепкую руку, и Ридра пожала ее.

— Спасибо, Джебел, — сказала она.

— Вам спасибо, — ответил Джебел. — Поскольку вы проявили добрую волю, я освобождаю ваш экипаж. Все ого члены не ограничены в передвижениях по «Тарику», как и мои люди, — вдруг выражение его лица изменилось, и Ридра выпустила его руку. — Батчер, — кивнул он, и Ридра обернулась.

Каторжник, который был с ним на пандусе, стоял на ступеньках помоста.

— Что это за пятнышко движется к Ригелю? — спросил Джебел.

— Корабль Союза убегает, захватчик — преследует.

Лицо Джебела окаменело, потом расслабилось. Он махнул рукой.

— Нет, пусть идут своим путем. У нас достаточно добычи. Зачем нервировать наших гостей? Это — Ридра…

Батчер ударил кулаком правой руки в ладонь левой. Люди внизу обернулись. Ридра вздрогнула и впилась глазами в лицо каторжника, пытаясь понять значение его напряженных мускулов.

Джебел заговорил медленным, низким голосом:

— Вы правы. Но у человека только одна голова, так, Капитан Вонг? — он встал. — Извините. Батчер, подведите нас как можно ближе к их траектории. Сколько на это потребуется? Час? Хорошо. Мы немного выждем, а уж потом накажем, — он замолчал и улыбнулся Ридре, — захватчика!

Руки Батчера разжались, и Ридра заметила облегчение (или расслабление) пробежавшее по ним.

— Готовьте «Тарик», а я провожу нашу гостью на наблюдательный пункт.

Ничего не ответив, Батчер двинулся вниз по ступеням. Те, кто сидел ближе, передавали информацию дальше. Мужчины и женщины вставали со своих мест. Кто-то опрокинул рог с выпивкой. Ридра увидела, как девушка, которая обслуживала их в госпитале, подбежала и стала вытирать

разлитое вино.

Поднявшись по ступеням, она взглянула через балконные перила вниз, на общий зал, теперь уже пустой.

— Идемте, — Джебел вел ее между колоннами к темноте и звездам. — Корабль Союза движется вот в этом направлении, — он указал на голубоватое облачко. — У нас есть оборудование, которое может видеть сквозь этот туман, но боюсь, что наш приятель даже не подозревает, что его преследует захватчик, — он подошел к панели и нажал мерцающий диск. В тумане вспыхнули два пятнышка света. — Красный — это захватчик, — объяснил Джебел. — Синий — корабль Союза. Наши маленькие катера-паучки будут желтыми. Отсюда вы сможете следить за ходом событий. Все наши чувственные индикаторы останутся, как и навигаторы, на «Тарике». Они будут координировать наши действия, следя за тем, чтобы строй не рассыпался. Но в определенных пределах каждый корабль-паук действует самостоятельно. Это настоящее занятие для мужчин.

— Что за корабли, за которыми вы гонитесь? — Ридра удивилась, что слегка архаичное построение речи Джебела начало влиять на нее.

— Корабль Союза — военный транспортник.

Захватчик — истребитель-перехватчик.

— Далеко до них?

— Попадут в пределы видимости примерно через двадцать минут.

— И вы будете ждать целых шестьдесят минут, прежде чем… наказать захватчика?

Джебел улыбнулся.

— У транспорта нет никаких шансов перед истребителем.

— Я знаю, — она видела, что он ждет ее возражений. И она хотела возразить, но язык был скован крошечными певучими звуками, которые жгли ее гортань, как уголья — Вавилон-17. Эти маленькие звуки дали ей больше, чем целый поток слов на любом другом языке.

— Я никогда не видела звездную битву, — сказала она.

— Я мог бы взять вас с собой, но там слишком опасно. К тому же отсюда за битвой будет наблюдать гораздо удобнее.

Ее охватило возбуждение.

— Я хочу идти с вами, — Ридра надеялась, что он изменит свое решение.

— Оставайтесь здесь, — сказал Джебел. — Со мной отправится Батчер. Вот биошлем, если у вас возникнет желание проследить течения

стасиса. — Волна огоньков пробежала по панели. — Извините. Я должен проверить своих людей и осмотреть крейсер, — он слегка поклонился. — Ваш экипаж свободен. Их направят сюда, и вы сможете им все объяснить. Они — мои гости.

Когда Джебел спустился по ступеням, она снова взглянула на сверкающий звездами экран и подумала: какое, должно быть, удивительное кладбище у них на корабле. «Пятьдесят разобщенных для чтения стасиса на корабле „Тарик“ и на кораблях-пауках», — на языке басков. Она оглянулась и увидела прозрачные силуэты Глаза, Уха и Носа в конце галереи.

— Я рада вас видеть, — сказала она. — Я не знала, есть ли на «Тарике» аппаратура обслуживания разобщенных.

— Есть! — пришел ответ. — Мы возьмем вас в путешествие по здешнему Подземному Миру, Капитан. Там вас встретят, как госпожу Ада.

Из громкоговорителей раздался голос Джебела:

— Внимание! Стратегия — Сумасшедший Дом! Сумасшедший Дом! Повторяю — Сумасшедший Дом! Больные собираются к лицу Цезаря. Психотики готовятся в направлении выхода К. Невротики собираются у выхода Р. Безумцы-преступники готовятся к атаке через выход Т. Отлично, сбросьте

свои смирительные рубашки!

Внизу у стофутового экрана появились три группы желтых огоньков — три группы кораблей-пауков, которые должны будут атаковать врага, когда он догонит корабль Союза.

— Невротики наступают! Держите контакты, чтобы избежать мешанины и путаницы!

Средняя группа на мгновение исчезла и появилась уже на экране. Она начала медленно отплывать от корабля. В динамике Ридра слышала пробивавшиеся сквозь статические разряды голоса людей, докладывающих навигаторам на «Тарике»:

— Держите нас на курсе, Киппи, и не стреляйте.

— Разумеется. Ястреб, ты получишь сообщение вовремя!

— Конечно. У меня барахлит прыжковый двигатель.

— Кто тебе разрешил вылетать без ремонта?

— Пожалуйте к нам, леди, и будьте с нами поласковее.

— Эй, Свиная Нога, ты пристроишься выше или ниже?

— Ниже, крепче и быстрее. Не виси на мне.

Из главного громкоговорителя снова зазвучал

голос Джебела:

— Охотник и дичь сблизились…

Красный и синий огоньки на экране замигали. На ступенях показались Калли, Рон и Молли.

— Что проис… — начал Калли, но умолк, повинуясь жесту Ридры.

— Этот красный огонек — корабль захватчиков. Мы атакуем его через несколько минут. Мы — это… вон те желтые огоньки внизу, — такое объяснение показалось Ридре вполне достаточным и она замолчала.

— Удачи нам, — коротко сказала Молли.

Через пять минут остался только красный огонек. Сзади когтями по ступеням защелкал Брасс. Джебел объявил:

— Охотник превратился в дичь. Выступают безумцы-преступники!

Группа желтых огоньков слева двинулась вперед.

— Этот захватчик аппетитно выглядит, а, Ястреб?

— Не беспокойся. Он нам еще задаст.

— Дьявол! Мне не нравится трудная работа. Получили мое сообщение?

— Получили. Свиная Нога, не перекрывай луч Бороды Леди!

— Хорошо, хорошо, хорошо. Что-то мешает в направлении девять и десять?

— Наконец-то ты высказал трезвую мысль.

— Это случайно. Спираль уже не выглядит так, как прежде?

— Невротики движутся с манией величия! Предводительствует Наполеон. Замыкает — Иисус Христос. — Двинулись вперед корабли справа, как бриллиантовое ожерелье. — Проявляйте глубокую депрессию, некоммуникабельность вкупе с подавленной враждебностью.

За спиной Ридра услышала молодые голоса. Это помощник вел взвод. Подойдя ближе, парни замолчали, завороженные мраком ночной битвы.

— Начинается первый психотический эпизод!

Разрезая темноту, желтые огоньки ринулись вперед. Захватчик, похоже, заметил их, потому что начал поспешно отступать, но большой корабль не может убежать от пауков, не нырнув в гиперстасис. А для этого захватчику не хватало времени. Три группы желтых огней подбирались все ближе и ближе, Через три минуты захватчик прекратил отступление, и на экране вырос веер красных огоньков: захватчик выпустил свою группу защитных крейсеров, которые тут же разбились на три стандартные атакующие группы.

— Жизненная цепь разъединилась, — комментировал Джебел. — Не падать духом!

— *Пусть эти ребята попробуют добраться до нас!*

— *Помни, Киппи: ниже, быстрее и внезапнее!*

— *Если мы заставили их защищаться — мы победили!*

— Подготовиться к преодолению вражеской защиты! Все готовы? Применить назначенное лечение!

Но расположение крейсеров захватчиков не было защитным. Треть их расходилась веером в горизонтальной плоскости, вторая группа раскидывала сеть под углом в шестьдесят градусов, третья — повернула еще на шестьдесят, так что они образовали непроницаемую решетку перед кораблем-носителем.

— Внимание! Противник усилил защитную сеть!

— *Это что-то новенькое!*

— *Мы пройдем насквозь! Плевал я на их сеть!*

В одном из микрофонов что-то треснуло, зашипело, и все перекрыл вой несущей волны, который медленно перешел в шепот статических разрядов.

— *Черт побери, они обстреляли Свиную Ногу!*

— Вы видите, что с ним? Как он?..

— Применить активную терапию справа! Действовать решительней! Центр усиливает давление! Слева держаться на прежних позициях!

Ридра увидела, как желтые огоньки перемешались с красными, которые упорно продолжали вить свою защитную сеть, свою паутину…

Паутина! Четкая картина всплыла в ее мозгу, связав все линии. Эта сеть была аналогична той, которая опутывала ее в госпитале несколько часов назад, правда, с некоторыми изменениями, так как теперь перед ней были не нити, а траектории кораблей. Но та же закономерность! Ридра схватила с панели микрофон:

— Джебел!

Слова заскользили вперед и назад от постдентальных согласных через лабиальные обратно к фрикативным палатальным, образуя закружившиеся в ее мозгу звуки. Ридра повернулась к стоявшим рядом навигаторам:

— Калли, Молли, Рон, дайте мне координаты места схватки!

— А? — откликнулся Калли. — Хорошо.

Он начал пристраивать шкалу стеллариметра на ладони. Как медленно, подумала Ридра. Все их движения такие замедленные! Она уже знала,

что нужно сделать и следила за изменением обстановки.

— Ридра Вонг, Джебел занят, — послышался сердитый голос Батчера.

Калли проговорил над ее левым плечом:

— Координаты: 3-Б, 41-Ф и 9-К. Правда быстро, а?

Казалось, она просила об этом час назад.

— Батчер, вы засекли эти координаты? А теперь смотрите, через… двадцать семь секунд крейсер противника пройдет через точку… — она указала три координаты. — Ударьте его вашим ближайшим невротиком. — Ожидая ответа, она уже видела, куда следует нанести очередной удар. — Через сорок секунд, ведите счет… восемь, девять, десять, крейсер захватчиков пройдет… — еще координаты. — Ударьте по нему ближайшим… А первый корабль подбили?

— Да, Капитан Вонг!

Ридра облегченно вздохнула. Батчер слушался ее; она дала координаты еще трех кораблей в «паутине».

— Сейчас же ударьте по ним, и сеть рассыплется!

Когда она опустила микрофон, послышался голос Джебела:

— Переход к общей терапии!

Желтые корабли-пауки вновь ринулись во тьму. В узлах сети захватчика зияли дыры. Сначала один, затем другой — красные крейсера стали отступать, сеть разваливалась на глазах.

Желтые огоньки преследовали их, пока вибролучи не поймали в створ корабль захватчиков.

Рэт подпрыгнул, схватившись за плечи Карлоса и Флопа.

— Мы победили! — закричал инженер. — Мы победили!

Парни обменивались впечатлениями. Ридра почувствовала какое-то отчуждение — они так медленно разговаривали, им требовалось так много времени, чтобы высказать то, что может быть выражено несколькими простыми…

— Вы в п'орядке, Ка'итан? — Брасс обнял ее за плечи пушистой лапой.

Она хотела заговорить, но из горла вырвался только хрип. Она упала ему на лапы.

К ним кинулся Помощник.

— Что случилось? — встревожено спросил он.

— Зззззз… — она поняла, что не сможет сказать этого на Вавилоне-17. Язык ее с трудом возвращался к английскому. — Заболела, — выговорила она. — Боже, меня подташнивает.

Головокружение прошло.

— Может, вам лучше лечь? — спросил помощник.

Она покачала головой. Напряжение в плечах и спине отступало, унося с собой тошноту.

— Нет. Теперь мне лучше. Я просто слишком переволновалась.

— П'осидите минутку, — сказал Брасс, пытаясь усадить ее. Но она снова поднялась.

— Мне в самом деле лучше, — Ридра сделала глубокий вдох и высвободилась из-под лап Брасса. — Видите? Мне просто нужно пройтись, и тогда станет еще лучше.

Все еще неуверенно ступая, она пошла к выходу. Добравшись до самого конца галереи, почувствовала, что к ней возвращаются силы, дыхание выравнивается. В шести направлениях расходились полутемные коридоры. Ридра остановилась, не зная дороги, и услышав шум, обернулась.

Несколько членов команды «Тарика» шли по коридору. Среди них был Батчер. Он улыбнулся, заметив ее замешательство, и указал направо. Ей не хотелось говорить, она просто улыбнулась ему в ответ и коснулась лба в знак приветствия. Ее поразила улыбка Батчера. В ней была гордость за их совместный успех и удовольствие от того, что

он может ей помочь, И все. И не было насмешки над заблудившейся незнакомкой. Ридру это не обидело бы, но то, что насмешки не было — очаровывало. Это гармонировало с его угловатой жесткостью, которую она подметила раньше, и с его звериной грацией.

Достигнув общего зала, она все еще улыбалась.

II

ОНА НАКЛОНИЛАСЬ над перилами мостика и смотрела вниз, на суету в огромном грузовом доке корабля.

— Помощник, отправьте ребят вниз, к лебедкам. Джебел сказал, что сейчас ему может понадобиться помощь.

Помощник повел взвод к главному лифту, опускающемуся в глубины «Тарика».

— …отлично, когда окажетесь внизу, подойдите к человеку в красном и попросите дать вам работу. Да, работу. Не надо на меня так смотреть. Кайл, привяжись. Здесь глубина двести пятьдесят футов и несколько твердовато для твоей головы, если вздумаешь падать. Эй, вы, двое, прекратите! Спускайтесь вниз и будьте осторожнее…

Ридра наблюдала за работой машин: запасы

органики — и с корабля Союза и с захватчика — перегружались разоруженными экипажами, которые так же помогали демонтировать оба корабля и их крейсеры; вдоль всего дока тянулись ряды тюков и ящиков.

— С крейсерами мы разделались быстро. Боюсь, что и «Рембо» подвергнется той же участи. Не хотите ли чего-нибудь забрать оттуда, прежде, чем мы начнем работу, Капитан?

Ридра обернулась, услышав голос Джебела.

— Мне хотелось бы захватить свои записи. Я оставлю здесь взвод, а офицеров возьму с собой.

— Хорошо, — Джебел облокотился на перила рядом с ней. — Как только мы закончим здесь, я пошлю рабочую команду. Может, вы захотите вынести что-нибудь большое.

— Но… — начала она. — А, понимаю! Вам нужно горючее.

Джебел кивнул.

— И запчасти к стасис-генераторам, а также детали для наших «пауков». Но мы не тронем «Рембо», пока вы не возьмете все, что посчитаете нужным.

— Спасибо. Вы очень добры.

— Я поражен, — Джебел сменил тему разговора, — вашим методом разрушения защитной сети

противника. Их построение обычно доставляло нам немало неприятностей. Батчер доложил, что вы разрушили ее менее, чем за пять минут, и мы потеряли всего одного «паука». Это рекорд! Я не знал, что вы не только поэт, но и гений стратегии. У вас, оказывается, множество талантов! Счастье, что Батчер услышал вашу команду. Я бы в тот момент не смог переключиться. И если бы результаты не были столь впечатляющими, я бы наказал Батчера. Но никогда еще его решения не приносили мне ничего, кроме выгоды.

Он посмотрел вниз.

На подвижной платформе, в центре дока, экскаторжник наблюдал за ходом демонтажа.

— Интересный человек, — сказала Ридра. — За что он был осужден?

— Я никогда об этом не спрашивал, — ответил Джебел, поднимая голову. — А сам он никогда не рассказывал. На «Тарике» вообще много интересных людей. А уединение и тайна необходимы в столь малом пространстве. О, да. Через месяц вы поймете, какая она маленькая — наша Гора.

— Простите, я забылась, — извинилась Ридра. — Я не должна была спрашивать.

Передняя секция разрезанного крейсера захватчиков двигалась по конвейеру в тоннеле

двадцати футов шириной. Вокруг толпились рабочие с пробойниками и лазерными резаками. Кран подхватил гладкий корпус и начал медленно поворачивать.

Рабочий, стоявший у деформированной переборки корабля, внезапно закричал и быстро отскочил в сторону. Его инструменты звякнули об пол. Входной люк скользнул в сторону, и фигурка в серебряном комбинезоне прыгнула с высоты двадцати пяти футов на ленту конвейера, проскочила между двумя выступами, спрыгнула на пол и побежала. Капюшон слетел с головы, открыв длинные, до плеч, каштановые волосы, которые развевались, когда бегущий резко менял курс, огибая грязные лужи. Человек двигался быстро, но как-то неуклюже. Ридра вдруг поняла, что это не просто убегающий толстый захватчик, а беременная женщина на седьмом месяце. Механик замахнулся на нее гаечным ключом, но женщина извернулась, и удар пришелся по бедру. Она побежала по открытому месту между горами сваленного оборудования.

И тут воздух прорезал свист вибропистолета: женщина остановилась и, когда свист повторился, грузно осела на пол. Повалилась на бок, нога дернулась, раз, потом еще раз.

Батчер на платформе прятал в кобуру свой вибропистолет.

— В этом не было необходимости, — сказал Джебел с неожиданной мягкостью.

— Разве вы не могли… — и казалось, продолжения не нужно. На лице Джебела отразилось сожаление, но это не было сожалением по поводу двойной смерти внизу на палубе. Это была досада джентльмена, пойманного за неблаговидным занятием. И тут Ридра поняла, что сама ее жизнь зависит от того, поддастся ли она спазмам в желудке. Она почувствовала, что он хочет сказать, и сказала это вместо него:

— Они используют беременных женщин на боевых кораблях. У них обостренные реакции…

Она ожидала, что Джебел расслабится, и он расслабился.

Из небольшого лифта вышел Батчер. Он подошел к ним, нервно ударяя кулаком по бедру.

— Должны все облучать перед тем, как тащить сюда. Не желают ничего слушать! Уже второй случай за два последних месяца! — он нахмурился.

Внизу команда «Тарика» и взвод Ридры столпились над телом.

— Батчер, вы вызвали любопытство Капитана Вонг, — голос Джебела был мягок. — Капитан

спрашивал, что вы за человек, а я не смог ответить. Может, вы сами объясните, почему…

— Джебел! — сказала Ридра. Ее глаза наткнулись на мрачную улыбку Батчера. — Я хочу сейчас же отправиться на свой корабль и осмотреть его перед демонтажем.

Джебел облегченно выдохнул воздух, который задержал в легких, когда свистел вибропистолет:

— Конечно.

— Нет, не чудовище, Брасс, — она раскрыла дверь капитанской каюты «Рембо» и вошла внутрь. — Всего лишь применяющийся к обстоятельствам человек. В точности как… — и она многое успела сказать ему, пока украшенный клыками рот Брасса не скривился в улыбке. Он покачал головой.

— Говорите со мной п'о-английски, Ка'итан. Я не п'онимаю вас.

Она взяла с подставки словарь и положила его на стопку карточек.

— Простите, — сказала она. — Этот язык захватывает. Когда изучишь его, все кажется таким логичным и понятным. Возьмите эти записи. Их обязательно нужно сохранить!

— А что это? — Брасс протянул лапу.

— Транскрипция последних переговоров на

Вавилоне-17 в Военных Дворах, как раз перед нашим взлетом.

Она надела катушку на валик и стала прослушивать.

Мелодичный поток слов полился через комнату и захватил ее, а через десять-пятнадцать секунд она начала понимать суть происшедшего. Заговор уничтожения ТБ-55 возник перед ней с болезненной ясностью. Попадались отрывки, которых она не понимала, и тогда она билась о стену непонимания. Она как бы плыла в мощном психическом потоке. Не понимая, теряя нить, она трясла головой, слепла и глохла. Потом понимание возвращалось.

— Капитан Вонг!

Это был Рон. Она повернулась к нему. Голова гудела.

— Капитан Вонг, я не хотел бы вас беспокоить.

— Ничего, — сказала она. — Что случилось?

— Я нашел это в каюте пилота! — Он держал в руке маленькую катушку с лентой.

Брасс все еще стоял у двери:

— Откуда она взялась в моей части корабля?

Лицо Рона напряглось.

— Я только что прослушал ее вместе с помощником. Это запрос Капитана Вонг — или кого там

еще — на взлет, а также распоряжение помощнику на старт!

— Понятно, — сказала Ридра. Она взяла катушку, осмотрела ее и нахмурилась. — Но эта катушка из моей каюты! Я взяла такие трехчастотные катушки из университета. Все остальные на корабле — четырехчастотные. И запись сделана здесь.

— Значит, — сказал Брасс, — кто-то пробрался сюда в ваше отсутствие.

— Когда меня нет, эта каюта заперта так тщательно, что даже разобщенная муха не смогла бы пробраться в щель под дверью, — она покачала головой. — Мне это очень не нравится. Не знаю, какой сюрприз нас ждет в следующий раз. Но, — она ударила кулаком по столу, — во всяком случае, я знаю теперь, что делать с Вавилоном-17!

— Что же? — спросил Брасс.

В дверях стоял неслышно подошедший Помощник, внимательно глядя через украшенное цветком плечо Рона.

Ридра посмотрела на экипаж. Что лучше — неуверенность в себе или недоверие?

— Я не могу сказать вам этого сейчас. Но это очень просто, она подошла к двери. — Я хотела

было вам сказать, но после всего случившегося, это будет глупо.

— Но мне нужно поговорить с Джебелом!

Клик взъерошил свои перья и пожат плечами.

— Леди, на этой горе я уважаю ваши желания превыше всего, кроме, разумеется, желаний Джебела. А сейчас Джебел желает, чтобы его не беспокоили. Он обдумывает цели «Тарика» на следующий временной цикл. Он должен тщательно учесть все течения, даже массу звезд вокруг нас. Это трудная задача, и…

— Тогда, где Батчер? Я спрошу у него, хотя предпочла бы разговаривать непосредственно с Джебелом.

Шут взмахнул зеленой лапой.

— Он в биологической лаборатории. Пройдите через зал и поднимитесь на первом лифте до двенадцатого уровня.

— Спасибо, — она двинулась по ступеням в общий зал.

Поднявшись на лифте, Ридра оказалась перед большой радужной дверью и нажала входной опознавательный диск. Створки раздвинулись, и на нее яростным потоком хлынул зеленый свет.

Круглая голова и могучие бугристые плечи Батчера вырисовались на фоне булькающего

бассейна, в котором плавала крошечная фигурка. Пена окутывала ее, маленькие ноги непроизвольно подергивались, жидкие младенческие волосы развевались в крошечных водоворотах.

Батчер обернулся, увидел Ридру и сказал:

— Умер! — он ожесточенно кивнул на тельце в бассейне. — Еще пять минут назад он жил! Семь с половиной месяцев! Он должен был выжить! Он был достаточно развит, — кулаком правой руки Батчер ударил в ладонь левой, как делал это в общем зале. Он ткнул пальцем в операционный стол, где под белой простынею лежало тело женщины. — Сильные повреждения внутренних органов. Много аноминальных некрозов. — Он снова повернулся к младенцу. — И все же он должен был жить!

Он выключил свет в бассейне, и выделение пузырей прекратилось. Батчер отошел от лабораторного стола.

— Что угодно леди?

— Джебел разрабатывает курс «Тарика» на следующие месяцы. Не могли бы вы спросить его… — она умолкла. Затем спросила: — Почему?

Мускулы Рона, подумала она, живые шнуры, которые передают команды. У этого человека мышцы сдерживали его внутренний мир. Но что-

то внутри вновь и вновь прорывалось наружу.

— Почему? — повторила она. — Почему вы пытались спасти ребенка?

Лицо его исказилось, левая ладонь легла на клеймо каторжника на бицепсе правой, как будто рана начала жечь. Потом он отдернул руку.

— Мертв. Ничего хорошего больше. Что угодно, леди?

То, что прорывалось наружу из его груди, трепеща за щитом мускулов, снова отступило внутрь. Отступила и Ридра.

— *Я* хочу знать, сможет ли Джебел доставить меня в штаб-квартиру Администрации Союза. Я должна передать важную информацию, касающуюся Вторжения. Мой пилот сообщил, что Зажим Спецелли тянется на десять гиперстатических единиц. Корабль-паук сможет преодолеть одну единицу, так что «Тарик» сможет все время оставаться в зоне радиотени. Если Джебел доставит меня в штаб-квартиру, я гарантирую ему покровительство и благополучное возвращение в самую отдаленную область Зажима.

Он посмотрел на нее.

— Вниз по Языку Дракона?

— Да. Брасс сказал мне, что так называют ближний край Зажима.

— Гарантируете покровительство?

— Да. Я покажу вам мои бумаги. Они подписаны генералом Форестером — командующим Вооруженными Силами Союза. Если вы…

Он махнул рукой, чтобы она замолчала.

— Джебел! — Батчер нажал кнопку стенного интеркома. Разговор велся направленно, поэтому Ридра не могла слышать ответ.

— Направьте «Тарик» вниз по Языку Дракона в первом цикле.

Последовал вопрос или возражение.

— Направляйтесь вниз по Языку, и все будет хорошо.

Батчер кивнул в ответ на еле различимый шепот и сказал:

— Умер, — он выключил интерком и повернулся к Ридре: — Все в порядке. Джебел направит «Тарик» к штаб-квартире.

Ее недоверие сменилось изумлением. И тут же она поняла, что изумилась еще раньше — когда он принял ее план разгрома вражеской сети, но тогда Вавилон-17 не позволил ей отвлечься.

— Что ж, спасибо, — начала она, — но вы даже не спросили меня… — она решила высказать это иначе.

Но Батчер заговорил первым.

— Знаем, что корабль должен был быть уничтожен — и он уничтожен, — Батчер ударил себя кулаком в грудь. — Теперь идти вниз по Языку Дракона, «Тарик» идет по Языку Дракона.

Он снова ударил себя в грудь.

Ридра хотела было задать еще один вопрос, но, поглядев на мертвый зародыш в темной жидкости, проглотила слова и только сказала:

— Спасибо, Батчер.

Выйдя в радужную дверь, она задумалась над его словами, стараясь найти хоть какое-нибудь объяснение его действиям. Даже эта грубая манера его речи…

Его *слова!*

Догадка сверкнула в ее мозгу, и она побежала по коридору.

III

— БРАСС, он не может сказать «я»! — она в возбуждении перегнулась через стол.

Пилот сомкнул когти вокруг своего питьевого рога. Деревянные столики в общем зале накрывались для ужина.

— Я, мне, мое, мой… Думаю, что он этого не может выговорить! Или подумать! Интересно, из

какого ада Он выбрался.

— Вы знаете язык, в котором не б'ыло б'ы слова для выражения «я»?

— Я могу припомнить несколько, где это местоимение используется не часто, но ни одного, где бы не было даже такой концепции, хотя бы сказывающейся в глагольных окончаниях!

— И что же это значит?

— Странный человек со странным образом мыслей. Не знаю почему, но он хорошо ко мне относится и даже служит посредником между мной и Джебелом. Мне хочется его понять…

Она огляделась. Общий зал был поглощен приготовлениями. Девушка, которая приносила им цыплят, глядела на нее во все глаза, отраженный в них испуг смешивался с любопытством. Потом интерес погас, и девушка пошла за ложками к шкафу у стены.

Ридра задумалась: что случится, если она переведет свое восприятие движений людей, игру мускулов на Вавилон-17? Она уже понимала, что это не просто язык, что это гибкая матрица для аналитических размышлений, где то или иное слово имеет огромную емкость по сравнению с обычным языком. Что он сделает с выражением человеческого лица? Может быть, дрожание

ресниц или движение пальца будет описано математически. Или, возможно… Пока она думала, ее мозг плавно погружался в компактные дебри Вавилона-17. И Ридра закрыла глаза, прислушиваясь к голосам.

Очерчивая и подталкивая друг друга, переплетаясь, эти голоса зазвучали в ее голове столь явственно, что она смогла установить владельцев витающих вокруг мыслей. Так, убитый горем юноша, входящий в зал — это брат Свиной Ноги, а девушка, прислуживавшая им, влюблена в мертвого юношу из сектора разобщенных. И он появляется во всех ее снах…

То, что она сидела в общем зале, который постепенно заполнялся людьми, составляло малую часть ее сознания.

…зубастый зверь в одном человеке, тихий омут — в другом. А вот знакомая волна юношеского смущения — это идет взвод с «Рембо», парни тузят друг друга, и ведет взвод сосредоточенный Помощник. А дальше, под возбуждением, голодом, любовью — *страх!* Он звенел в зале, вспыхивая красными факелами, и она поискала гласами Джебела или Батчера, поскольку в этом страхе были их имена, но не нашла их. А тощий человек по имени Джеффри Корд, в чьем мозгу

сосредоточился страх, искрится и брызжет мыслями: *убить ножом, который я спрятал в сапоге, занять самое высокое положение на «Тарике»?* и мысли людей вокруг него — просто ожидание радости от приближения ужина и представления, которое мудрый Клик покажет сегодня вечером. Мысли участников пантомимы были заняты своей игрой, они отчужденно смотрели на зрителей, перед которыми час спустя они будут выступать. Пожилой навигатор торопился дать девушке, которая будет изображать в пьесе Любовь, серебряную пряжку, которую он сам выплавил и отполировал, чтобы узнать, будет ли она играть в любовь с ним…

Ридра села на свое место, ей принесли графин и хлеб. Она видела это и улыбнулась, но она, кроме этого, видела еще очень многое. Люди вокруг нее пили, ели, веселились или грустили, а официанты бегали от стола к стойке, где дымились бифштексы.

…но через все это ее мозг вернулся к страху Джеффри Корда: я *должен действовать сегодня вечером, когда кончится представление,* и, неспособная сосредоточиться на чем-либо, кроме этой его мысли, она следила, как он дергается и ерзает, пробивается к передним рядам перед

началом пантомимы; как будто хочет лучше рассмотреть сцену, мысленно скользит вдоль стола к тому месту, где сидит Джебел, вонзает кинжал ему между ребер, а в лезвии желобок полный яда, и высасывает гипнонаркотик из высверленного зуба, а когда его хватают в плен, то думают, что он под гипнотическим контролем, и он рассказывает им дикую историю, выученную под гипнозом в персонафиксе, что он был под контролем Батчера; потом он ухитряется остаться наедине с Батчером, вводит ему в вену тот самый наркотик, который спрятан у него во рту, и делает огромного каторжника беспомощным, и, когда Батчер становится капитаном «Тарика», Джеффри Корд назначается первым Помощником, как теперь Батчер у Джебела, а когда «Тарик» Джебела становится «Тариком» Батчера, то Джеффри контролирует Батчера так, как, он подозревает, Батчер сейчас контролирует Джебела, и настает царство жестокости, и всех чужаков выбросят из «Тарика» в вакуум, а сам корабль станет захватывать любые корабли — Захватчиков, Союза, Теневые корабли… Ридра с трудом оторвалась от мыслей Джеффри, разыскала Джебела и Батчера и увидела, что они не гипнотики, но что они и не подозревают о предательстве, и ее собственный

страх удвоился. Ее страх происходил от его страха — он проникал в нее, как в губку, заполняя поры, и он давил и сжимал ее волю…

Она видела так много, помимо того, что говорил маленький шут на сцене: «Перед вечерним представлением я хочу попросить нашу гостью, Капитана Вонг, сказать несколько слов или что-нибудь прочитать для нас». И она поняла, что она должна использовать любой шанс, чтобы остановить убийцу. Осознание этого моментально прогнало остальные мысли, но потом возникли и другие соображения: она не может допустить, чтобы Корд помешал ее возвращению в штаб-квартиру. И поэтому она встала и пошла к сцене в конце зала, ощущая в мозгу Корда смертоносное лезвие, и собираясь сломать это лезвие…

… и она достигла возвышения рядом с этим великолепным зверем Кликом и поднялась, слыша голоса, гремевшие в тишине зала, и она бросала слова пращей своим вибрирующим голосом, так что они повисали в зале, она видела их и видела его взгляд; ритмы, которые были просто сложны для ушей остальных в зале, для него были болезненным, ибо соответствовали процессам в его теле, потрясали и разрушали его…

— Прекрасно, Корд, но все же, чтобы хозяином

громады этой стать, одной лишь трусости шакальей мало, иль брюха полного убийства по самые дрожащие коленки.

Раскрой свои глаза, взгляни вокруг, попробуй силу осознать и власть.

Рубиновые кляксы честолюбия забрызгали твой мозг, в удушье страшном породившем смерть.

И сам себя ты называешь жертвой, когда твой разум опьянит тобой же созданное гадостное пойло, наполненной кровью и обманом.

Уж пальцы тянутся к коварному ножу, упрятанному в кожаные ножны, но зря ты веришь в безопасность! Разум обманут твой гипнозом — но не я.

Я вижу где ты прячешь длинный нож, и зуб, заполненный наркотиком как ядом.

Я оплела тебя своим стихом.

Ты слушаешь и повинуешься… Убийца!

Прочь…

…и она была удивлена, что он продержался так долго.

Она смотрела прямо на Джеффри Корда. А Джеффри Корд смотрел на нее. И тут он пронзительно закричал.

Крик взорвал тишину. Она думала на Вавилоне-17 и подбирала английские слова, но теперь

снова стала думать по-английски.

Джеффри Корд дернул головой, его темные волосы рассыпались, он оттолкнул стол и побежал к ней. Отравленный кинжал, который она видела только в его мыслях, теперь был извлечен и направлен ей в живот.

Ридра отпрыгнула, ударила Корда по запястью, когда тот наносил удар, промахнулась, но попала в лицо. Корд упал навзничь и покатился по полу.

Золото, серебро, янтарь: Брасс несся из своего угла зала, сереброволосый Джебел — из другого, плащ его развевался. Но Батчер уже был рядом — между нею и поднимающимся Кордом.

— В чем дело? — спросил Джебел.

Корд опирался на одно колено, все еще держа в руке кинжал. Его черные глаза перебегали от черного ствола одного вибропистолета к другому. Он словно окаменел.

— Мне не нравятся нападения на моих гостей!

— Этот нож предназначался для вас, Джебел! — тяжело дыша сказала Ридра. — Проверьте записи персонафикса «Тарика». Он хотел убить вас, взять под гипнотический контроль Батчера и захватить «Тарик».

— О! — сказал Джебел. — Один из этих! — он повернулся к Батчеру. — Пришло время еще одного

— уже шесть месяцев никого не было. Благодарю вас, Капитан Вонг.

Батчер сделал шаг вперед и вынул нож из руки Корда, у которого, казалось, жили только глаза. Ридра слышала в тишине лишь дыхание Корда, пока Батчер, держа нож за лезвие, осматривал его. Лезвие в тяжелых пальцах Батчера казалось совсем маленьким. Рукоять, семь дюймов орехового дерева.

Свободной рукой Батчер схватил Корда за черные волосы. Затем, не особенно торопясь, погрузил нож по гарду в его правый глаз, рукоятью вперед.

Крик перешел в хрип. Слабеющие руки упали вдоль тела. Сидевшие вблизи вскочили.

Сердце Ридры подпрыгнуло в груди и гулко застучало о ребра.

— Но вы даже не проверили… Может, я ошиблась… А, может, здесь было еще что-то… — язык ее запнулся в беспомощном протесте. Сердце едва не остановилось.

Батчер, вытирая окровавленные руки, холодно взглянул на нее.

— Он двигался с ножом на «Тарике» к Джебелу и Леди, и он умер! — Кулак правой руки ударил по ладони левой.

— Мисс Вонг, — сказал Джебел. — То, что я видел, не оставляет никаких сомнений в том, что Корд был действительно опасен. И у вас, я думаю, нет таких сомнений. Вы для нас оказались очень полезны! Я чрезвычайно признателен вам. Надеюсь, наше путешествие вниз по Языку Дракона пройдет благополучно. Батчер сказал мне, что это ваша просьба.

— Спасибо, но…

Сердце ее снова бешено заколотилось. Она попыталась подцепить на крюк этого «но» хоть какую-нибудь фразу, но не смогла. Она почувствовала головокружение и пошатнулась, Батчер подхватил ее в красные ладони.

Снова круглая голубая теплая комната. Но теперь она была одна и смогла обдумать то, что произошло в общем зале. Это было совсем не то, что она несколько раз пыталась описать Мок и. Это было то, о чем ей неоднократно твердил Моки — телепатия! Но, очевидно, эта телепатия была связана с ее прежними способностями и была просто новым способом мышления — она открывала новые миры для восприятия и действия. Но тогда почему она больна? Ридра вспомнила, что время замедлялось, когда она думала на Вавилоне-17, вспомнила, что ускорялись ее мыслительные

процессы. Очевидно, ускорялись и психические процессы, а тело не успевало за ними.

Записи с «Рэмбо» говорили, что следующая попытка диверсии будет предпринята в штаб-квартире Администрации Союза. Ридра хотела прибыть туда с языком, словарем и грамматикой, передать им все и удалиться. Она уже была готова оставить поиски таинственного источника передач. Но нет, что-то содержало, что-то оставалось, и это что-то нужно было еще услышать и сказать…

Чувствуя головокружение и тошноту, Ридра оперлась на окровавленные пальцы и попыталась встать. Бесчувственная жестокость Батчера, подкрепленная чем-то неизвестным, но действенным, была ужасной, но человечной. Даже запятнанный кровью. Батчер казался все же безопаснее, чем мир, скорректированный удивительным языком. Что можно сказать человеку, который не умеет говорить «я»? Что он может сказать ей? Вот Джебел, его грубость, его жестокость вполне вмещались в границы цивилизованности. Но это кровавое скотство — оно очаровало ее!

IV

РИДРА поднялась с гамака, на этот раз не расстегивая путы. Уже около часа она чувствовала себя лучше, но продолжала лежать, размышляя. Пандус скользнул к ее ногам.

Когда стена госпиталя закрылась за ней, Ридра прошла в коридор. Навстречу ей полился воздушный поток. Полупрозрачные брюки касались ее голых ступней. Линии выреза черной шелковой кофты свободно лежали на плечах.

Она хорошо отдохнула в ночной период «Тарика». В боевых условиях время сна строго регламентировалось, но во время перелетов были часы, когда вся команда «Тарика» спала.

Вместо того, чтобы двинуться в общий зал, Ридра свернула в незнакомый тоннель, спускавшийся вниз. Белый свет, струящийся с пола, через пятьдесят футов сменился янтарным, потом оранжевым. Она остановились и посмотрела вперед — там оранжевый свет переходил в красный, затем в голубой.

Стены раздвинулись, потолок ушел вверх и исчез из вида. От смены цветов перед ее глазами закружились какие-то воздушные цветные пят-

на. Ридра обернулась, чтобы сориентироваться в этом радужном тумане, и увидела темный силуэт человека.

— Батчер?

Он направился к ней, и Ридре показалось, что чем ближе он подходит, тем сильнее изменяются черты его лица в голубом свете. Батчер остановился, кивнул.

— Я почувствовала себя лучше и решила погулять, — объяснила Ридра. — Что это такое?

— Это помещения разобщенных.

— Я должна была догадаться, — они пошли рядом. — Вы тоже прогуливаетесь?

Он покачал тяжелой головой.

— Чужой корабль проходит вблизи «Тарика», и Джебел хочет послушать донесения чувствователей.

— Союзник или захватчик?

Батчер пожал плечами.

— Знаем только, что это негуманоидный корабль.

В семи исследованных галактиках с начала межзвездных полетов было обнаружено девять разумных рас. Три из них определенно поддерживали Союз. Четыре приняли сторону Захватчика. А вот с двумя связь так и не была установлена.

Они так далеко зашли в сектор разобщенных, что все вокруг казалось нематериальным. Стены струились синим туманом, беспрестанно текущим и изменяющимся, эхо разносило всевозможные звуки, рождающиеся при обмене энергией Лишенных Тела; то тут, то там сверкали вспышки, и перед глазами Ридры, как бы подразнивая, возникали образы полузнакомых призраков, появлялись и тут же исчезали.

— Далеко ли мы направляемся? — спросила она, готовая следовать за ним куда угодно. И все же краешком мозга успела подумать: «Если он не знает слова „я“, то как же он поймет слово „мы“»?

Батчер ответил:

— Скоро, — повернул к ней голову, взглянул ей в глаза своими глубокими темными глазами и спросил: — Почему?

Тон его голоса был настолько отличен от того, к которому Ридра успела привыкнуть, и настолько не соответствовал обстановке, что она растерялась, перебирая в памяти свои и его слова, пытаясь вспомнить, что же она такое сделала.

Он повторил:

— Почему?

— Что «почему», Батчер?

— Почему спасение Джебела от Корда?

В этом вопросе не было осуждения, только любопытство.

— Потому что он мне нравится, кроме того он мне нужен, чтобы доставить меня в штаб-квартиру. К тому же, мне было приятно, что я… — она запнулась. — Вы знаете, кто это «я»?

Он покачал головой.

— Откуда вы, Батчер? На какой планете вы родились?

Он пожал плечами.

— Голова, — сказал он, спустя мгновение. — Сказали, что что-то не в порядке с головой.

— Кто?

— Доктора.

Голубой туман проплывал между ними.

— Доктора на Титане?

Батчер кивнул.

— Тогда почему же вас поместили в тюрьму, а не в госпиталь?

— Мозг не болен, — сказали они. Эта вот рука, — он поднял левую руку, — убила четверых за три дня. Эта рука, — он поднял правую руку, — убила семерых. Разрушила четыре здания термитом. Нога, — он шлепнул себя по левой ноге, — пнула в голову охранника в телехронном банке. Там

очень много денег, слишком много, чтобы унести. Унести можно было только четыреста тысяч кредитов. Немного.

— Вы ограбили банк телехрона на четыреста тысяч кредитов?

— Три дня, одиннадцать человек, четыре здания — все за четыреста тысяч кредитов. Но Титан… — лицо его дернулось. — Там было совсем не весело.

— Я слышала. А долго они не могли вас поймать?

— Шесть месяцев.

Ридра присвистнула.

— Снимаю перед вами шляпу: так долго продержаться после ограбления… и у вас достаточно знаний, чтобы сделать сложное кесарево сечение и извлечь плод живым! В этой голове кое-что есть!

— Доктора сказали — мозг не глупый.

— Послушайте, мы с вами разговариваем — мы будем с вами много и долю говорить, но сначала я должна вас научить… — она запнулась. — Я должна кое-чему вас научить.

— Чему же?

— Насчет «вы» и «я». Вы слышите эти слова по сто раз на день. Разве вы никогда не задумыва-

лись, что они означают?

— Зачем? Большинство вещей понятно и без них.

— Ну, тогда давайте говорить на том языке, с которым вы выросли.

— Нет.

— Почему же? Я хочу установить, не знаком ли мне этот язык.

— Доктора сказали, что что-то не в порядке с мозгом.

— Хорошо. Но что же не в порядке?

— Афазия, алексия, амнезия.

— Да, это осложняет дело, — она нахмурилась. — Это произошло до или после ограбления банка?

— До.

Она постаралась привести в порядок информацию, которую только что получила.

— С вами что-то произошло, и вы утратили память, способность говорить, читать, и первое, что вы сделали после этого — ограбили телехронный банк… А какой именно?

— На Реа-IV.

— А, небольшой. Но все же… Вы оставались на свободе шесть месяцев. Есть ли у вас хоть малейшее представление о том, кем вы были до

утраты памяти?

Батчер пожал плечами.

— Наверняка было проверено, не работаете ли вы на кого-нибудь под гипнозом. Вы не помните на каком языке говорили раньше? Ну что ж, ваши речевые образы должны основываться на вашем прежнем языке, или вы узнали бы о «я» и «вы», просто услышав новые слова.

— Почему эти звуки должны что-нибудь обозначать?

— Вы задаете вопрос, на который я не могу ответить, потому что вы не знаете значения этих слов!

— Нет, — недовольство исказило его голос. — Нет. Существует ответ. Слова ответа должны быть простыми — вот и все.

— Батчер, существуют определенные понятия, обозначаемые словами. Если вы не знаете слова, вы не сможете уразуметь понятия. А если у вас нет понимания, то нет и ответа.

— Слово «вы» трижды, так? Все еще ничего неясного, значит «вы» не имеет значения.

Она вздохнула.

— Это потому, что я использовала это слово фактически, по обычаю, без опоры на его реальный смысл — просто как речевой оборот. Послушайте,

я задала вам вопрос, на который вы не смогли ответить.

Батчер нахмурился.

— Понимаете, вы можете уловить смысл этих слов, вдумываясь в то, что я говорю. Лучший способ изучить язык — слушать его. Так слушайте. Когда вы, — она указала на него, — говорите мне, — она указала на себя. — *«Знать, какие корабли должны быть уничтожены, и они уничтожены. Теперь идти вниз по Языку Дракона»,* вы дважды ударили кулаком, — она коснулась его левой руки, — себя в грудь, — она поднесла его кулак к груди. — Кулак пытался сказать что-то… А если бы вы использовали слово «я», вам не нужно было бы ударять себя в грудь. Вы хотели сказать вот что: «Вы знали, какие корабли нужно уничтожить, и я их уничтожил. Вы хотите идти вниз по Языку Дракона, и я поведу „Тарик“ вниз по Языку Дракона».

Батчер снова нахмурился.

— Да, кулак что-то говорит.

— Разве вы не видите, что иногда вы хотите что-то сказать, но не имеете слова, обозначающего вашу идею? Вначале было слово. Пока что-то не названо, оно не существует. Но это существование необходимо мозгу, иначе вы не били бы

себя в грудь или кулаком в ладонь. Мозг жаждет этого слова. И позвольте мне научить вас.

Он нахмурился еще сильнее.

Теперь туман между ними рассеялся. В сверкающей звездами тьме двигалось что-то призрачное и мерцающее. Чувственный приемник, к которому подошли Ридра и Батчер, преобразовывал полученный сигнал в зрительные образы.

— Вот, — сказал Батчер. — Чужой корабль.

— Он с Кайрибии-IV, — сказала Ридра, — они дружественны Союзу.

Батчер удивился, что Ридра с первого взгляда узнала корабль.

— Очень странный звездолет.

— Забавно выглядит, верно?

— Джебел не знает, откуда он, — Батчер покачал головой.

— Я их не видела с детства. Мы доставляли делегатов с Кайрибии в Суд Внешних Миров. Моя мать была там переводчицей, — она оперлась на перила и посмотрела на корабль. — И не подумаешь, что такое неуклюжее сооружение может совершать полеты в гиперстасисе. Но они летают, и еще как.

— У них есть это слово — «я»?

— Фактически, у них три формы этого слова:

я-ниже-температуры-шесть-градусов-по-стограду-сной-шкале, я-между-шестью-и-девяносто-тремя-градусами, и я-выше-девяносто-трех-градусов.

Батчер выглядел удивленным.

— Это связано с их процессом воспроизводства, — объяснила Ридра. — Когда температура ниже шести градусов, они стерильны. Совокупляться они могут при температуре между шестью и девяносто тремя градусами, но зачать могут только при температуре выше девяносто трех градусов.

Кайрибианский корабль еле заметно для глаз перемещался по экрану.

— Может быть, вам будет понятнее, если я скажу вам вот что: в галактиках известно девять разумных рас. Все они распространены так же широко, как и мы, все — технически развиты, у всех сложная экономика. Семь из них втянуты в ту же войну, что и мы, и все же мы очень редко встречаемся с ними. Настолько редко, что даже такой опытный астронавт, как Джебел, проходя рядом с одним из них, не смог опознать его. Хотите знать, почему?

— Почему?

— Потому что совместимые факторы коммуникации очень слабы. Возьмите этих кайрибианцев,

у которых достаточно знаний, чтобы их яйцеобразные корабли несли их от звезды к звезде. У них нет слов «дом», «жилье»,-«жилище». Возьмем предложение: «Мы должны защищать спои семьи и дома». Когда готовили договор между нами и Кайрибией в Суде Внешних Миров, я помню, что понадобилось сорок пять минут, чтобы сказать эту фразу по кайрибийски. Вся их культура основана на смене температур. Наше счастье, что они знали, что такое семья: кроме людей, они — единственные, кто имеет семьи. Но, что касается «дома», то наши переводчики кончили следующим описанием: «… Помещение, которое создает температурное различие с внешним окружением на такое количество градусов, которое делает возможным существование организма с температурой тела в девяносто восемь и шесть десятых градуса; это же помещение способно понизить температуру в жаркий сезон и повысить ее в холодный; это помещение, где имеются условия для сохранения от порчи органических веществ, используемых в пищу, а также для нагрева их до температуры кипящей воды, чтобы сделать их вкус более соответствующим для обитающих в этом помещении, которые, благодаря смене миллионов жарких и холодных сезонов, приспо-

собились к резким изменениям температуры...» и так далее. В конце концов нам удалось дать им некоторое представление об идее «дома» и о том, почему его надо защищать. Когда им объяснили принципиальное устройство кондиционеров и центрального отопления, дело пошло лучше... И я вспоминаю еще один случай... В Суде Внешних Миров была огромная фабрика по переработке солнечной энергии. Один кайрибианец может пройти по этой фабрике и затем описать ее другому, который никогда не видел ее, таким образом, чтобы второй сумел создать ее точную копию, включая даже цвет стен, — так и вышло, потому что они решили, что мы изобрели нечто стоящее, и хотели сами попробовать. И в этом описании была указана каждая деталь, все ее размеры. И все это было описано в девяти словах. В девяти маленьких словах.

Батчер покачал головой.

— Нет. Устройство для консервации солнечной энергии слишком сложно. Эти руки разбирали одно не так давно. Очень большое. Нет...

— Да, Батчер, девять слов. По-английски это потребовало бы нескольких томов, полных описаний, чертежей и схем. Они же использовали для этого девять слов.

— Невозможно.

— Тем не менее, это так, — она указала на кайрибианский корабль. — Вот он летит, — она следила, как напряженно работает его мысль. — Правильные слова, — продолжила Ридра, — экономят время и облегчают дело.

Немного погодя он спросил:

— Что такое «я»?

Она улыбнулась.

— Прежде всего, это очень важно. Гораздо важнее, чем что-либо другое. Мозг действует, пока «я» остается живым. Потому что мозг есть часть «я». Книга есть, корабль есть, Джебел есть, Вселенная есть, но, как вы могли заметить, я — есть.

Батчер кивнул.

— Да. Но я есть что?

Над экраном, закрывая звезды и кайрибианский корабль, спустился корабль.

— На это вопрос можете ответить только вы.

— «Вы», должно быть, тоже очень важно, — пробормотал Батчер, — потому что мозг заметил, что вы — есть.

— Прекрасно!

Неожиданно он коснулся рукой ее щеки. Петушиная шпора легонько задела ее нижнюю губу.

— Вы и я, — сказал Батчер. Он заглянул ей в

лицо. — Никого больше здесь нет. Только вы и я. Но кто есть кто?

Она кивнула, щека потерлась о его пальцы.

— Вы подучили идею, — его грудь холодила; рука была теплой. Она накрыла его ладонь своею. — Иногда вы пугаете меня.

— Я и меня, — сказал Батчер. — Только морфологическая разница, да? Мозг понимает что было раньше. Почему вы пугаете меня иногда?

— Пугаюсь. Морфологическая коррекция… Вы пугаете меня, потому что грабите банки и втыкаете нож в глаза людям, Батчер!

— Почему вы пугаетесь я?… коррекция, меня?

— Потому что это нечто такое, чего я никогда не делала, не хочу и не могу сделать. А вы мне нравитесь, мне нравятся и ваши руки на моих щеках, поэтому, если вы вдруг решите всадить мне в глаз нож, то что же…

— О, вы никогда не всадите нож в мой глаз! — сказал Батчер. — Я не должен бояться!

— Вы можете изменить свой мозг.

— Вы не хотите, — он пристально посмотрел на нее. — Я на самом деле не думаю, что вы хотите убить меня. Вы знаете это. Я знаю это. Это что-то другое. Почему я не говорю вам еще другого, что испугало бы меня? Может вы видите что-то та-

кое, что хотите понять? Мозг не глупый. Его рука скользнула на ее шею, в его озадаченных глазах была забота. Она уже видела это выражение в тот момент, когда он отвернулся от мертвого зародыша в биологической лаборатории.

— Однажды… — медленно начала она. — Ну, это была птица…

— Птицы пугают меня?

— Нет. Но эта птица испугала. Я была ребенком. Вы ведь не помните себя ребенком? Для большинства людей многое из того, чем они становятся, когда взрослеют, закладывается с детства.

— И у меня тоже?

— Да. И у меня тоже. Мой доктор приготовил эту птицу мне в подарок. Это был говорящий скворец, он умел говорить. Но птица не понимала того, что говорит, она просто повторяла, как магнитофон. А я этого не знала… Много раз я узнавала, что люди хотят сказать мне, еще до того, как они раскрывали рот. Я не понимала этого раньше, но здесь, на «Тарике», я осознала, что это похоже на телепатию… Ну, эту птицу дрессировали, кормя ее земляными червями, когда она повторяла все правильно. Вы знаете, какими большими бывают земляные черви?

— Такими? — он развел руки.

— Верно. А некоторые даже на несколько дюймов больше. А сам скворец длиной восемь-девять дюймов. Иными словами, земляной червь может достигать почти длины скворца. Птицу научили говорить: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива». Но для ее мозга это означало только грубую комбинацию зрительных и вкусовых ощущений, которые приблизительно можно было перевести так: «Приближается еще один земляной червь». Поэтому, когда я вошла в оранжерею и поздоровалась с птицей, а та ответила: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива», я не могла не понять, что она лжет. Приближался еще один земляной червь, я могла видеть его и обонять, и он был размером в мой рост. И предполагалось, что я его съем… У меня была истерика. Я никогда не говорила об этом доктору, потому что до сих пор не могла точно вы росить, что произошло. Но даже сейчас, вспоминая об этом, я чувствую отвращение.

Батчер кивнул.

— Покинув Реа с деньгами, вы в конечном счете оказались замурованным в пещере, в ледяном аду Диса. На вас нападали черви двенадцати футов длиной. Они дырявили скалы кислотной слизью, которой смазана их шкура. Вы обжигались, но

убивали их. Вы изготовили электрическую сеть из миниатюрного аккумулятора. Вы убивали их, вы уже не боялись. Единственная причина, по которой вы их не ели, заключалась в том, что кислота делала их мясо ядовитым. И вы ничего не ели три дня.

— Я? То есть… вы?

— Вы не боитесь вещей, которых боюсь я. Я не боюсь вещей, которых боитесь вы. Хорошо, не правда ли?

— Да.

Он снова мягко приблизил свое лицо к ее лицу, потом отслонился, дожидаясь ее ответа.

— Чего вы боитесь? — спросила она.

Он покачал головой в смущении.

— Ребенок. Ребенок, который умер, — сказал он. — Мозг боится, боится за вас, что вы будете одни.

— Боится, что вы будете одиноки, Батчер?

Он кивнул.

— Одиночество — это плохо!

Она тоже кивнула. Батчер продолжил.

— Мозг знает это. Долгое время он не знал, но потом научился. Вы были одиноки на Реа, даже со всеми деньгами. Еще более одиноким вы были на Дисе. И на Титане, даже с другими заключенными

— вы всегда были одиноки. Никто не понимал вас, когда вы говорили. А вы не понимали их. Может потому, что они все время говорили «я» и «вы», а вы только теперь начали понимать, как это важно.

— Вы хотели спасти ребенка и вырастить его так… чтобы он говорил на том же языке, что и вы? Или, во всяком случае, говорил по-английски так же, как и вы?

— Тогда оба не были бы одиноки.

— Понимаю.

— Он умер, — сказал Батчер. Потом улыбнулся. — Но теперь вы уже не так одиноки. Я научил вас понимать других. Вы не глупы и обучаетесь быстро, — он положил руки ей на плечи и тяжело заговорил: — Я нравлюсь вам. Даже когда я впервые появился на «Тарике», что-то было во мне такое, что вам понравилось. Я видел, что вы делали вещи, которые, по моему мнению, были плохими, но я нравился вам. Я сказал вам, как разрушить защитную сеть захватчиков, и вы разрушили ее для меня. Я сказал вам, что хочу отправиться к концу Языка Дракона, и вы организовали полет туда. Вы делаете все, что я попрошу. Очень важно, чтобы я знал это.

— Спасибо, Батчер, — сказала она.

— Если вы когда-нибудь ограбите другой банк, вы отдадите мне все деньги.

Ридра рассмеялась.

— Спасибо. Никто еще не хотел сделать этого для меня. Но надеюсь, вы не будете грабить…

— Вы убьете всякого, кто попытается мне вредить, убьете много ужаснее, чем убивали раньше!

— Но вы не должны…

— Вы убьете всех на «Тарике», если они попытаются разлучить нас и оставить в одиночестве!

— О, Батчер… — она отвернулась от него и прижала кулак к губам. — Плохой из меня учитель! Я сразу не поняла…

Удивленный и сдавленный голос:

— Я не понимаю вас, я думаю…

Она снова повернулась к нему.

— Но это — я, Батчер! Я не поняла вас! Пожалуйста, поверьте мне. Вам нужно еще немного научиться.

— Вы верите мне, — кратко ответил он.

— Тогда слушайте. Мы встретились на полпути. Я еще не окончательно научила вас относительно «я» и «вы». Мы создали свой особый язык и говорим на нем.

— Но…

— Послушайте: всякий раз, как в последние десять минут вы говорили «вы», вам следовало сказать «я». Всякий раз, как вы говорили «я», вы имели в виду «вы».

Он опустил глаза, потом снова посмотрел на нее, не отвечая.

— То, что я говорю о себе, как «я», вам нужно говорить «вы». И, наоборот, понимаете?

— Значит, это разные слова для одного и того же? Они неразличимы?

— Нет, только… Хотя, да. Они означают один и тот же тип отношений. В некотором роде это одно и тоже.

— Тогда вы и я — одно и то же.

Рискуя все запутать, она кивнула.

— Я подозревал это. Но вы, — он указал на нее, — научили меня, — он указал на себя.

— И поэтому вы не должны больше убивать людей. Во всяком случае, сначала нужно чертовски крепко подумать, прежде чем это сделать. Когда вы говорите с Джебелом, я и вы существуем. Когда вы глядите на корабль или на экран, я и вы по-прежнему здесь.

— Мозг должен обдумать это.

— Вы должны думать об этом не только мозгом. Это большее.

— Если должен, значит, буду, — он снова коснулся ее лица. — Потому что вы научили меня. Потому что со мной вы не должны ничего бояться. Я только что научился и могу допустить ошибки, но я понял, что убивать людей, не подумав об этом много раз, будет ошибкой, верно? Теперь я правильно употребляю слова?

Она кивнула.

— Я не буду делать ошибок с вами. Это было бы слишком ужасно. Я буду делать как можно меньше ошибок. А однажды я научусь окончательно, — он улыбнулся. — Будем, правда, надеяться, что никто не будет делать ошибок со мной. Мне жаль, если они будут их делать, потому что я, вероятно, буду с ними тоже делать ошибки и мало думать при этом.

— На сегодня достаточно, — сказала Ридра. Она взяла его за руку. — Я рада, что я и вы вместе, Батчер!

Он обхватил ее рукой за талию, и она прижалась к его плечу.

— Спасибо, — прошептал он. — Я благодарен вам, спасибо.

— Вы теплый, — сказала она, уткнувшись в его плечо. — Давайте постоим еще немного.

Он замер, Ридра взглянула на него сквозь голу-

боватый туман и похолодела.

— Что это, Батчер?

Он взял ее лицо в свои ладони и наклонил свою голову, пока его волосы не коснулись ее лба.

— Батчер, вспомните, я говорила вам, что понимаю, о чем думают люди! Я чувствую что-то плохое. Вы говорите, чтобы я не боялась вас, но вы меня пугаете!

Она заглянула в его лицо. На глазах Батчера выступили слезы.

— Послушайте, что-то в вас пугает меня. Скажите, что это?

— Не могу, — хрипло сказал он. — Не могу. Не могу сказать вам, — и единственное, что она немедленно поняла: то, что он смог постичь своим новым сознанием, было ужасным. Она видела его душевную борьбу и боролась сама.

— Может, я смогу помочь вам, Батчер? Существует способ проникнуть в мозг и отыскать там…

Он отпрянул от нее.

— Вы не должны! Вы не должны делать со мной этого! Пожалуйста.

— Батчер, я… я не буду, — она была смущена, и это смущение причиняло ей боль. — Батчер, я не буду! — она заикалась, как робкий влюбленный

юноша.

— Я… — начал он, тяжело дыша, но постепенно смягчаясь. — Я был один и не был «я» долгое время. Мне нужно еще немного побыть одному.

— Я… понимаю, — подозрение, вначале очень смутное, сформировалось у нее в мозгу. Когда он отступил, подозрение почти перешло в уверенность. — Батчер! Вы читаете мои мысли?

Он выглядел удивленным.

— Нет. Я даже не понимаю, как вы можете читать мои.

— Хорошо… Я подумала, что вы прочитали какие-то мои мысли и испугались меня.

Он покачал головой.

— Отлично. Черт возьми, я вовсе не хочу, чтобы кто-то копался у меня в голове!

— Я скажу вам сейчас, — сказал он, снова подходя к ней. — Я и вы — одно и то же, но я и вы очень различны. Я видел много такого, о чем вы не знаете. Вы тоже видели такое, о чем я и не подозреваю. Вы сделали меня не одиноким. В моем мозгу есть многое о боли, о бегстве, о борьбе, и, даже когда я был на Титане, о победе. Если вы в опасности, в настоящей опасности, и кто-то может с вами сделать ошибку, смотрите в его мозг. Читайте его мысли, если это необходимо. Я

прошу вас только немного подождать, пока вы не сделали еще одной вещи.

— Я подожду, Батчер, — сказал она.

Он протянул руку:

— Идем.

Она взяла протянутую руку.

— Нет необходимости анализировать течения стасиса, если чужой корабль дружествен к Союзу. Мы еще немного побудем вместе.

Она шла за ним, прижавшись к его плечу.

— Друг или враг? — сказала она, когда они проходили через сумерки, тяжелые от привидений. — Все это Вторжение временами кажется мне таким бессмысленным. Здесь, на «Джебел Тарик», вы избегаете подобных вопросов. Я завидую вам.

— Вы направляетесь в штаб-квартиру Администрации из-за Вторжения, да?

— Да. Но не удивляйтесь, если я вернусь обратно, — она снова взглянула вверх. — Есть еще одна причина, по которой мне хотелось бы во всем разобраться… Захватчики убили моих родителей, а второй запрет чуть не убил меня. У моих навигаторов первую жену убили захватчики. Рон все еще размышляет, насколько прав был Военный Двор. Никто не любит Вторжение, но оно про-

должается. Оно настолько велико, что я никогда реально не думала о том, чтобы охватить его одной мыслью. Странно видеть все человечество в этой страшной разрушительной борьбе… Может, мне не стоит лететь в штаб-квартиру, может, мне следовало просить Джебела повернуть назад и двинуться в самые пустынные части Зажима.

— Захватчики, — сказал Батчер, — причинили вред многим людям: вам, мне… Да, мне тоже.

— Как?

— Болезнь мозга я говорил вам. Это сделали захватчики.

— Не может быть!

Батчер пожал плечами.

— Первое, что я вспомнил, это побег из Нуэвануэва Йорка.

— Это огромный порт пограничной туманности Рака?

— Да.

— Захватчики взяли вас в плен?

Он кивнул.

— Да, и что-то сделали. Может быть, эксперимент, может быть, пытка, — он пожал плечами. — Не в этом дело. Я не могу вспомнить. Но, когда я сбежал, я сбежал ни с чем: без памяти, без голоса, без слов, без имени.

— Возможно, вы были военным или каким-нибудь важным лицом до того, как они вас схватили…

Он наклонился и прижал свою щеку к ее губам, чтобы заставить ее замолчать. Выпрямившись, он печально улыбнулся.

— Есть вещи, которых мозг не знает, но о которых может догадываться. Я всегда был вором, убийцей, грабителем. И я не был я. Захватчики поймали меня однажды. Я бежал. Союз поймал меня позже на Титане. Я бежал…

— Вы *бежали* с Титана?

Он кивнул.

— Меня, вероятно, поймали бы снова: так всегда бывает с преступниками во Вселенной. И, может быть, я снова бежал бы, — он пожал плечами. — Может, в следующий раз меня уже не поймали бы… Я не был я, но теперь у меня есть причина оставаться свободным. Меня не должны поймать снова. Есть причина.

— Какая, Батчер?

— Потому, что я — есмь, — мягко сказал он, а вы — суть.

V

— ВЫ ЗАКОНЧИЛИ свой словарь? — спросил Брасс.

— Закончила, еще вчера. Стихотворение, — она закрыла блокнот. — Сегодня мы уже должны быть на кончике Языка Дракона. Батчер сказал мне сегодня утром, что кайрибианский корабль будет сопровождать нас несколько дней. Брасс, у вас есть какая-нибудь идея насчет того, что они…

Из динамика оглушительно проревел голос Джебела:

— Подготовить «Тарик» к немедленной обороне! Повторяю, к немедленной обороне!

— Что, черт возьми, происходит? — спросила Ридра. Общий зал вокруг них уже кипел в бурной деятельности. — Брасс, соберите экипаж и отправляйтесь с ним к выходу.

— К тому, от которого отчаливают кораблипауки?

— Да, — Ридра встала.

— Мы вмешаемся, капитан?

— Если потребуется, — Ридра поспешила через зал.

Она отыскала Батчера у выхода. Боевые расче-

ты «Тарика» спешили по коридорам.

— Что происходит? Напали кайрибианцы?

Он покачал головой.

— Захватчик в двенадцати градусах от Галактического Центра.

— Так близко к Администрации Союза?

— Да. И если «Тарик» не нападет первым, он погиб. Их корабль больше «Тарика», и «Тарик» направляется прямо на них.

— Джебел хочет атаковать?

— Да.

— Тогда вперед!

— Вы хотите идти со мной?

— Я ведь понимаю кое-что в стратегии, вспомните.

— «Тарик» в опасности, — сказал Батчер. — Будет большое сражение, вы таких еще не видели.

— Тем больше оснований использовать мой талант. Разве у вас на борту полный экипаж?

— Да. Но мы используем навигаторов и чувствователей для дистанционного управления.

— Возьмите мой экипаж — возможно, нам потребуется на ходу менять стратегию. Лишние люди всегда пригодятся. Джебел отправится с вами?

— Нет.

Из-за угла показался Помощник в сопровождении Брасса, навигаторов, разобщенных и взвода. Батчер перевел взгляд с них на Ридру.

— Хорошо. Идемте.

Она поцеловала его в плечо, потому что не смогла дотянуться до щеки. Батчер открыл выход:

— Отряд, сюда.

Аллегра, ставя ногу на лестницу, вцепилась в рукав Ридры:

— Мы будем сражаться, Капитан? — на ее веснушчатом лице играла возбужденная улыбка.

— Есть такой шанс. Испугались?

— Да, — сказала Аллегра, по-прежнему улыбаясь, и нырнула в темный тоннель, Ридра и Батчер последовали за ней.

— У них не будет недоразумений с оборудованием, если они случайно выйдут на зоны слежения «Тарика»? — спросила Ридра.

— Корабль-паук на десять футов короче «Рембо». В секторе разобщенных немного тесновато, но в целом конструкция аналогичная.

В голове Ридры пронеслось на языке басков: «Мы проверили аппаратуру. Все в порядке».

— Единственное отличие — капитанская каюта, — продолжал Батчер. — В ней находится управление системой огня… Мы собираемся со-

вершать ошибки?

— Сейчас думать некогда, — ответила Ридра. — Мы будем, как черти, драться за «Тарик». Но я должна иметь возможность вовремя убраться оттуда. Мне во что бы то ни стало необходимо вернуться в штаб-квартиру Администрации Союза.

— Джебел хотел бы знать, будут ли кайрибианцы сражаться на нашей стороне. Они по-прежнему парят в секторе Т.

— Они вероятно, ограничатся наблюдением, если их непосредственно не атакуют. Тогда они сумеют позаботиться о себе. Но вряд ли они присоединятся к нам.

— Плохо, — сказал Батчер. — Нам очень, очень нужна помощь.

— Стратегия-Мастерская! Стратегия-Мастерская! — донесся из динамика голос Джебела. — Повторяю, Стратегия-Мастерская!

Там, где в ее каюте висели языковые карты, по стене распростерся экран внешнего обзора. Там, где у нее находился стол, тут размещался пульт управления бомбосбрасывателями и вибропушками.

— Страшное, нецивилизованное оружие, — заметила Ридра, усаживаясь в надувное кресло. — Но дьявольски эффективное, если умело с ним

обращаться.

— Что? — Батчер устраивался рядом с ней.

— Я неудачно процитировала хозяина арсенала в Армседже.

Батчер кивнул.

— Проверьте свой экипаж. А я проверю готовность систем корабля.

Она включила интерком.

— Брасс, вы на месте?

— Да.

— Глаз, Ухо, Нос?

— Здесь очень пыльно, капитан. Когда они в последний раз подметали кладбище?

— Пыль нам не помешает. Как приборы?

— О, все в порядке.

— Навигаторы?

— Мы на месте. Молли учит Калли дзю-до. Но я вызову их, если надо.

— Будьте внимательны.

Батчер наклонился, взъерошил ей волосы и рассмеялся.

— Они мне нравятся, — сказала Ридра. — Надеюсь, не подведут. Но один из них — предатель. Он дважды пытался меня убрать. Я не должна давать ему третий шанс… Но, в то же время, кажется, только так и можно его поймать.

Снова ожил встроенный динамик — Джебел отдавал распоряжения:

— Плотники собираются в двадцати трех градусах от Галактического центра. Пильщики — у выхода К. Ножовки должны быть готовы у выхода Р. Квершлаги — у выхода Т.

Эжекторы с щелканьем открылись. Каюта погрузилась в полумрак, а на экране вспыхнули звезды и туманности. Контрольный щит осветился разноцветными огоньками. Начались переговоры кораблей-пауков с «Тариком».

— Хорошее предстоит дело! Ты его видишь, Ихосафат?

— Он прямо передо мной. Какой большой!

— Будем надеяться, что он нас еще не видит…

— Сверла, пилы и токарные станки, проверьте, все ли ваши детали смазаны, остры ли ваши лезвия?..

— Это нам, — сказал Батчер. Руки его замелькали над контрольным пультом.

— Что это за три шарика от пинг-понга, закутанные в комариную сеть?

— Джебел говорит, что это кайрибианский корабль.

— Он не меньше нашего…

— Электроинструменты начинают операцию.

Ручные ее закончат…

— Ноль, — прошептал Батчер.

Ридра почувствовала толчок ускорителей, звезды на экране закружились, и через несколько секунд они уже парили в открытом космосе. На экране четко вырисовался корабль захватчиков — огромный силуэт с тупым носом.

— Какой отвратительный! — сказала Ридра.

— «Тарик» выглядит почти также, только немного поменьше… Если мы прорвемся к штаб-квартире, то нам необычайно повезет. Нет ли возможности привлечь кайрибианский корабль? Джебел будет атаковать захватчика и постарается разрушить по максимуму. А потом атаку начнут они, и если мы не получим помощи, то… — и Ридра во тьме услышала удар кулака в ладонь.

— А разве нельзя сбросить на них большую и нецивилизованную атомную бомбу?

— У них есть дефлекторы, которые взорвут ее еще на борту «Тарика».

— Понятно… Хорошо, что я взяла с собой экипаж. Мы можем попытаться уйти в штаб-квартиру…

— Если они пропустят нас, — угрюмо сказал Батчер. — Ну, так как там с вашей стратегией?

— Еще не знаю — ведь атака пока не началась. У меня есть метод, но за частое его использование

приходится дорого расплачиваться, — она вспомнила свое болезненное состояние после случая с Джефри Кордом.

Пока Джебел отдавал распоряжения, экипажи болтали с «Тариком» и между собой, а кораблипауки все дальше улетали в ночь.

Все началось так неожиданно, что Ридра чуть не пропустила. Пять шил скользнули в сотне ярдов от захватчика. Они одновременно полоснули по эжекторам выходов, и красные сполохи забегали по черному борту. Потребовалось всего четыре с половиной секунды, чтобы оставшиеся двадцать семь эжекторов раскрылись, первые защитные крейсеры открыли огонь. Но Ридра уже переключилась на Вавилон-17.

В своем замедленном времени она увидела, что «Тарик» нуждается в немедленной помощи. И слово о помощи уже содержало ответ о источнике этой помощи.

— Меняем стратегию, Батчер. Следуйте за мной с десятью кораблями. Мой экипаж начинает! — как медленно английские слова слетают с языка! И столь же медленный ответ Батчера:

— Киппи, посадите пилы на хвост и оставьте их там!

А Ридра уже успела схватить микрофон и про-

диктовать в рубку траекторию.

Брасс швырнул их под прямым углом к течению, и через мгновение она увидела за кормой «пилы». Крутой поворот — и они оказались в тылу первого слоя крейсеров захватчика.

— Поджарь их, Батчер!

Рука Батчера легла на пульт.

— Гнать их к «Тарику»?

— Черт возьми, огонь!

Батчер выстрелил, и «пилы» последовали его примеру.

Через десять секунд стало ясно, что Ридра была права. «Тарик» парил в сторону К, а впереди маячил несуразный корабль кайрибианцев, неуклюжий и какой-то растрепанный. Кайрибианцы поддерживали Союз, и, по крайней мере, один из захватчиков знал это, потому что выстрелил в дикое сооружение, висевшее в небе. Ридра видела, как орудия захватчика кашлянули зеленым пламенем, но оно уже не достигло кайрибианцев. Крейсер захватчика превратился в дым, сразу же потемневший и рассеявшийся. Та же участь постигла и второй крейсер, третий, еще и еще…

— Прочь отсюда, Брасс! — и они резко свернули вверх и вправо.

— Что это?.. — начал Батчер.

— Тепловой луч. Кайрибиане не используют его, пока на них не нападают. И поэтому мы организовали нападение, — она уже снова думала по-английски, ожидая головокружения и тошноты, но возбуждение отгоняло болезнь.

— Батчер! — это Джебел. — Что вы делаете?

— Подействовало, не так ли?

— Да. Но вы оставили дыру в нашей защите десять миль длиной!

— Скажите ему, что мы заткнем ее через минуту, как только подставим кайрибианцам другую группу, — вмешалась Ридра. Джебел, очевидно, услышал ее.

— А что мы будем делать в эти шестьдесят секунд, юная леди?

— Драться как черти!

Следующая партия неприятельских крейсеров исчезла в тепловом луче кайрибианцев. Динамик прокричал:

— Эй, Батчер, они вас окружают!

— Они поняли, в чем дело.

— Батчер, шестеро у тебя на хвосте. Сбрось их побыстрее.

— Я могу легко уйти от них, Капитан, — послышался голос Брасса. — Они же в луче своего корабля-матки. А я могу действовать в полной

свободе.

— Надо повторить маневр еще раз, и тогда преимущество будет на нашей стороне!

— Попробуем разорвать эту цепь, — Батчер придвинул к себе микрофон. — Пилы рассеиваются и тормозят крейсер сзади!

— Исполняем. Держитесь, парни!

— Эй, Батчер, один не поддается!

Вмешался Джебел:

— Спасибо за возврат моих пил, но к вам кто-то приклеился и рвется в рукопашную.

Ридра вопросительно взглянула на Батчера.

— Герои, — прохрипел он с отвращением. — Они попытаются сблизиться с нами и взять на абордаж… Это с моими-то парнями! Брасс, поворачивайте и тараньте их или подойдите как можно ближе, чтобы они подумали, что мы спятили.

— Можно сломать ребра…

Корабль подпрыгнул, и Ридра почувствовала, как привязные ремни впиваются в тело. Юношеский голос в интеркоме:

— Внимание!

Крейсер захватчика на экране скользнул в сторону.

— Подходящая возможность, если они попытаются схватиться, — сказал Батчер. — Они не

знают, что у нас на борту полный экипаж. У них самих не больше двух…

— Внимание, Капитан!

Крейсер захватчика заполнил экран. Послышался звон брони. Батчер, расстегивая ремни, улыбнулся:

— Теперь — рукопашная! А вы куда?

— С вами!

— У вас есть вибропистолет? — он прилепил к поясу кобуру.

— Конечно, — она откинула полу своей накидки. — А вот это ванадиевая проволока шести дюймов длины. Страшная вещь…

— Идем! — он передвинул рычаг гравиполя вниз. Поле стабилизировалось для схватки на одном «же».

— Зачем это?

Они уже были в коридоре. — Сражаться в скафандрах неудобно. А поле сохранит вокруг обоих кораблей пригодную для дыхания атмосферу примерно на двадцать футов над поверхностью, да и немного тепла — тоже… более или менее…

— Насколько менее? — она вслед за ним скользнула в лифт.

— Примерно десять градусов ниже нуля.

Теперь на нем не было даже брюк, в которых

он был на кладбище. Только кобура с вибропистолетом.

— Думаю, мы не пробудем здесь долго, и вам не понадобится костюм…

— Гарантирую вам, что те, кто окажется здесь, умрут через минуту, и вовсе не от перепада давления, голос его звучал глухо — они скользнули в тесный проход. — Если не знаете, что делать, стойте в стороне, — он наклонился и потерся о ее щеку своей щекой. — Но вы и я — мы знаем.

Ловким движением он откинул люк. Их обдало холодом, но Ридра не обратила внимания — ускоренный метаболизм, который сопровождал Вавилон-17, окружал ее щитом физической нечувствительности.

Что-то просвистело над головами. Ридра и Батчер одновременно пригнулись. Разорвалась граната, и вспышка осветила напряженное лицо Батчера. Он прижался к порогу и прыгнул в темноту.

Ридра последовала за ним, поддерживаемая эффектом Вавилона-17. Какая-то тень метнулась за десятифутовый корпус шлюпки-аутригера, и Ридра выстрелила; медленные движения противника позволили ей тщательно прицелиться. Она не стала смотреть на результат выстрела, а

поспешила за Батчером.

Вражеский корабль затмевал свет звезд. Яркая спираль Галактики подсвечивала его сбоку, нанося на корпус угольно-черные тени. Ридра прыгнула на обшивку крейсера захватчиков. На мгновение стало холоднее. Она опустилась на колени, прячась за посадочными кронштейнами от второй гранаты. Противник еще не знал, что Ридра и Батчер на обшивке. Это хорошо. Она выстрелила. Со стороны Батчера тоже сверкнула вспышка.

В темноте, внизу двигались какие-то фигуры. И тут виброзалп ударил в броню в метре от головы Ридры. Стреляли из их собственного корабля, и она потратила почти четверть секунды на мысль о том, что шпион, которого она боялась, присоединился к захватчикам… Да нет, просто тактика захватчика заключалась в том, чтобы, не покидая свой корабль, расстрелять их в люке. Это им не удалось, и они предприняли вылазку. Кажется, они прячутся за ограждением люка. Ридра выстрелила, целясь чуть выше обреза створок. Батчер из своего укрытия тоже открыл огонь.

Обод люка раскалился и начал светиться от непрерывных залпов, и тут откуда-то снизу раздался знакомый голос:

— Все в порядке, Батчер! Мы взяли их, Капитан!

Ридра увидела Брасса, который уже включил освещение люка и стоял в его свете у корпуса. Из своего убежища вышел Батчер с опущенным пистолетом.

Подсветка снизу еще больше искажала дьявольскую внешность Брасса, придавая ему кровожадность. В добавок, в каждой лапе его вяло шевелилось по темной фигуре.

— Этот — действительно мой, — он потряс правой лапой. — Он пытался пробраться обратно в корабль, потому я и наступил ему на голову, — пилот бросил безжизненное тело на плиты броневой защиты. — Не знаю, как вы, парни, а я замерз. А вообще-то я вышел сюда из-за Чертенка. Он послал меня передать, что как только вы закончите, он подаст вам горячий кофе и добавит в него хорошую порцию ирландского виски. Или вы предпочитаете горячий ром с маслом? Пошли, пошли. Мы победили!

В лифте мозг Ридры начал возвращаться к английскому, и ее стал пробирать озноб. Иней на волосах Батчера начал таять и превращаться в крупные капли.

— Эй, — сказала она, когда они вошли в кори-

дор. — Если вы здесь, Брасс, то кто же сидит у приборов?

— Киппи. Мы снова в луче «Тарика».

— Ром, — сказал Батчер. — Не горячий и без масла — просто ром.

— Человек, любезный моему сердцу! — кивнул Брасс. Одной рукой он обнял Батчера, другой — Ридру. Вроде-бы дружеский жест, но она поняла, что он поддерживает, почти несет их.

Корабль дернулся и зазвенел. Брасс взглянул на потолок.

— Расцепились, — он привел их в капитанскую каюту и подвел к креслам. Когда они почти упали в них, он сказал в интерком: — Эй, дьявол, иди сюда и прихвати выпивку! Они заслужили ее!

— Брасс! — она схватила его за руку, когда он повернулся, чтобы выйти. — Можете вы доставить нас отсюда в штаб-квартиру Администрации?

Он почесал за ухом.

— Мы на самом кончике Языка. И я знаю эту часть Зажима только по карте. Но чувствователи говорят мне, что мы в самом начале течения Наталь-бета. Оно проходит через Зажим. По нему мы можем добраться до Атлас-ран, а оттуда — до дверей Администрации. Восемнадцать-двадцать часов полета.

— Тогда летим! — она посмотрела на Батчера. Он не возражал.

— Хорошая мысль, — сказал Брасс. — Почти половина «Тарика»… лишились тел.

— Захватчики победили?

— Нет. Кайрибианцы, наконец, поняли, что происходит, и поджарили большой корабль. Ну, схватка и кончилась. Но еще до этого «Тарик» получил в корпусе дыру, достаточную, чтобы пропустить трех «пауков». Киппи сказал мне, что все оставшиеся в живых заперты в целой части корабля, но у них нет топлива.

— А что с Джебелом? — спросил Батчер.

— Мертв, — ответил Брасс.

Чертенок просунул свою белую голову в дверь.

— А вот и я.

Брасс взял бутылку и стаканы. Щелкнул и ожил стенной динамик:

— Батчер, мы видели, как вы схватились с крейсером захватчиков, — прозвучал голос Джебел а. — Как у вас дела?

Батчер наклонился вперед и взял микрофон.

— Батчер жив, шеф.

— Мало кому еще так повезло… Капитан Вонг, я надеюсь, вы посвятите мне элегию?

— Джебел! — она села рядом с Батчером. — Мы

немедленно отправляемся в штаб-квартиру Администрации за помощью.

— Как вам будет угодно, Капитан. У нас тут немного тесно.

— Мы отправляемся.

Брасс был уже у двери.

— Помощник, парни в порядке?

— Бодры и здоровы. Капитан, вы никому не разрешали проносить на борт шутиху?

— Что-то не припомню.

— Это все, что я хотел знать. Ратт, ко мне!..

Ридра рассмеялась.

— Навигаторы?

— Готовы, — ответил Рон.

Где-то на заднем плане пробивался голос Молли:

— Вилитака, кулала, милале милее…

— Перестаньте, — сказала Ридра, — мы стартуем!

— Молли учит нас стихотворению на суахили, — объяснил Рон.

— О!.. Чувствователи?

— Ап-чхи! Я всегда говорил, Капитан, что нужно держать кладбище в чистоте. Однажды и вам оно может понадобиться. Джебел этого не учитывает… Но мы готовы.

— Пусть Помощник пошлет вниз одного из парней со шваброй, Брасс.

— Все уже убрано, Капитан.

С мягким урчанием включились стасис-генераторы. Ридра откинулась на спинку кресла и, впервые за долгое время, расслабилась.

— Я не думала, что мы выберемся отсюда! — она повернулась к Батчеру, который жадно смотрел на нее. — Вы знаете, я нервная, как кошка, и чувствую себя не очень хорошо… О, дьявол, этот старт!.. — болезненность, которую она так долго отгоняла от себя, начала овладевать ее телом. — Я чувствую себя так, как будто меня раздирают на кусочки! Знаете, когда во всем сомневаешься, когда кажется, что чувства обманывают тебя… — даже дыхание причиняло ей боль.

— Я есмь, — мягко сказал он. — А вы суть.

— Не позволяйте мне сомневаться в этом, Батчер! Я и об этом начала задумываться… В моем экипаже есть шпион. Я ведь говорила вам об этом? Может, это Брасс, и он швырнет нас в другую Новую? — болезненность начала переходить в истерику. Она выхватила бутылку из рук Батчера. — Не пейте это! Д… д… дьявол — он может отравить нас! — она медленно встала с кресла. Все было охвачено красным туманом. — Или

один из мертвых! Как… как я мо… могу… сражаться с призраком? — она боролась с тошнотой. С болью пришел страх. Она уже не могла ясно разглядеть лицо Батчера. — У… убить… убить нас! — прошептала она. — Ни вы… ни я…

Батчер медленно проговорил:

— Если вы будете в опасности, посмотрите в мой мозг и используйте то, что вам понадобится.

Но в ее мозгу бесконечно крутилась только одна картина: однажды она, Муэлз и Фобо ввязались в драку на Танторе. Она получила удар в челюсть и отлетела назад. И тут кто-то схватил зеркало с прилавка и швырнул в нее. Ее собственное испуганное лицо с криком летело на нее и ударилось о протянутые руки… И когда она посмотрела в лицо Батчера, сквозь боль и Вавилон-17, это снова случилось с нею…

Часть четвертая
Батчер

Чтоб наконец в самом себе проснуться,
он повернуться захотел внутри себя.
Но провода вцепились мертвой хваткой
в глаза. Дробя суставы, языком давясь, он
начал просыпаться.
Мы проснемся, когда сумеем повернуть-
ся до конца. Пронзенный током, выгнут
позвоночник — он законтачен крепко с
потолком.
Еще чуть-чуть… В созвездии разрядов,
из цепи вырывая позвонки и к полюсу стре-
мительно взлетая, двойник врезается со
звоном в потолок.
Цепь разомкнулась. — слезы высыхают,
шипя, на том, что прежде было сердцем
и вырвано отныне из груди — из груды
опаленного металла.
Вот медленно с тяжелым стуком на
пол легли осколки ребер, плеч и бедер.
Они проснулись.
Мы проснемся,

когда сумеем повернуться до конца
Захлебываясь кровью, из утробы своей он
вырвался на мокрый пол, рождаясь.
М. Х. «Темный двойник».

I

— Мы ТОЛЬКО ЧТО МИНОВАЛИ ЗАЖИМ, Ка'итан. П'о этому п'оводу можем вып'ить?

Голос Ридры:

— Нет.

— Как вы себя чувствуете? Мне кажется уже все в п'орядке.

Голос Ридры:

— Голова цела. Руки-ноги на месте.

— Ха? Эй, Б'атчер, п'о-моему она разучилась говорить?

Голос Батчера:

— Нет.

— Оба вы кажетесь чертовски веселыми! Не п'рислать ли П'омощника, что'ы он взглянул на вас?

Голос Батчера:

— Нет.

— Отлично. Мы вошли в спокойную область и я могу выключиться на несколько часов. Что

скажете?

Голос Батчера:

— А что сказать?

— Хотя бы «спасибо». Вы же знаете, что я парю здесь на хвосте.

Голос Ридры:

— Спасибо.

— Приходите в себя. Оставляю вас одних. Да, простите, если прервал что-нибудь.

II

БАТЧЕР, я не знала! Я не могла знать!

И эхом в их мозгах пронесся крик: Не могла… Не могла. Этот свет…

Я говорила Брассу, говорила ему, что вы должны говорить на языке без слова «я», и сказала, что не знаю такого языка; но один такой был, совершенно ясно — Вавилон-17!..

Конгруэнтные синапсы гармонично двигались, до тех пор пока не возник образ, и она вывела его из себя, увидела его…

… Отбывая заключение в одиночной камере на Титане он шпорой царапал на зеленой стене поверх непристойностей, написанных за два столетия заключенными, карту, которую обнаружат

после его побега и которая уведет преследователей в противоположном направлении; она видела его камеру — четыре фута пространства — где он был три месяца, пока его собственные шесть с половиной футов не были истощены от голода до ста одного фунта и где он медленно умирал в цепях голода.

На тройной веревке из слов она выбралась из тюрьмы: голод, лестница, столб; умирать, отличить, брать; цепи, изменения, шанс…

Он взял свой выигрыш у кассира и был уже готов двинуться к выходу по опустевшему ковру «Казино Космика», когда черный крупье преградил ему путь, со странной улыбкой глядя на его мешок, туго набитый купюрами.

— Не хотите ли попытаться еще, сэр? Могу предложить такое, что наверняка заинтересует игрока вашего класса. — Его проводили к магнитной трехмерной шахматной доске с глазурованными керамическими фигурками.

— Вы играете против нашего компьютера. При каждой потерянной фигуре ставите тысячу кредитов. Если выигрываете фигуру, получаете столько же. Шах дает или отнимает у вас пять тысяч. Мат дает выигравшему тысячу ставок…

Это была игра, чтобы выравнять его чрезмер-

ный выигрыш.

— Пойду домой и возьму деньги, — обратился он к крупье.

Тот улыбнулся и ответил:

— Дом настаивает, чтобы вы играли.

Она следила, очарованная, как Батчер пожал плечами, повернулся к доске и… в семь ходов дал компьютеру «детский мат». Они молча выдали ему миллион кредитов — и трижды пытались убить его, пока он добрался до выхода из казино. Им это не удалось, но этот спорт был даже лучше игры.

Наблюдая за его действиями и реакциями в этой ситуации, ее мозг бился внутри него, изгибаясь от боли или удовольствия, которые испытывал он, от чуждых эмоций, ибо они были лишены «я» — невыразительные, механические, соблазнительные, мифические. *Батчер…*

Она пыталась прервать безудержное кружение.

…если вы все время понимали Вавилон-17, бушевало в ее мозгу, *почему вы использовали его для игры, для ограбления банка, а днем позже вы утратили все и даже не сделали попытки вернуть что-нибудь себе?*

— Себе? Там не было «я».

Она снова вошла в его мысли и повела его за собой по изгибам памяти.

— *Свет… вы делаете! Вы делаете!* — кричал он в ужасе.

— *Батчер,* — спросила она, более привыкшая к эмоциональным водопадам слов, чем он, — *на что похож мой мозг в вашем мозгу?*

— *Яркое, яркое движение!* — вопил он в аналитической точности Вавилона-17, грубый как камень, чтобы выразить многочисленные образы, рисунки, их сочетание, и смещение, и разделение…

— *Это значит быть поэтом,* — объяснила она, моментально приводя в порядок мысленные течения. — Но поэт по-гречески значит *создатель* или *строитель.*

— *Вот он! Этот рисунок. Аххххх!* — такой яркий-яркий!

— *Такая простая семантическая связь?* — она была удивлена.

— *Но греки были поэтами три тысячи лет назад, а вы — современный поэт. Вы соединяете слова на больших расстояниях, и их праздник слепит меня! Ваши мысли сплошной огонь, даже тени я не могу схватить. Они звучат, как нежная мелодия, которая потрясает меня.*

— Это потому, что вас никто и ничто не потрясало раньше. Но я польщена.

— Вы так велики внутри меня! Я вижу рисунок: преступное и артистическое сознание встречаются в одном мозгу с языком, как с нитью, между ними…

— Да, я начала думать о чем-то вроде…

— Летят мысли, имена Бодлер… Аххх!.. и Вийон.

— Это древние французские по…

— Слишком ярко! Слишком ярко! «Я» во мне недостаточно сильно, чтобы выдержать это. Ридра, когда я смотрю на ночь и звезды, то это всего лишь пассивный акт, но вы придаете всему такую окраску — даже звезды у вас окружены еще более яркими радугами!

— То, что вы воспринимаете, меняет вас, Батчер. Но это вам надо.

— Я должен… свет! В вас я вижу зеркало, в нем смешиваются картины, они вращаются и меняются!

— Мои стихи! — это было замешательство от внезапной наготы.

Определения «я» точные и величественные.

Она подумала:

— Вы зажигаете мои слова значениями, ко-

торые только мелькают для меня. Что меня окружает? Что такое я, окруженный вами?

Она видела его, совершающего грабеж, убийство, наносящего увечья, поскольку семантическая важность различия *мой и твой* была разрушена в столкновении синапсов.

— Батчер, я слышала, как оно звучало в ваших мускулах — это одиночество, которое заставило вас убедить Джебела извлечь наш «Рембо», просто чтобы иметь кого-нибудь рядом с вами, кто мог бы говорить на вашем аналитическом языке. По такой же причине вы старались спасти ребенка, — шептала она.

Образы замкнулись в ее мозгу.

Длинная трава шелестела у плотины. Луна Аленно освещала дивный вечер. Плейнмобиль гудел, подрагивая мощным мотором. В нетерпении он коснулся рулевого колеса концом левой шпоры. Лилл извивалась около него, смеясь.

— Вы знаете, Батчер, если бы мистер Биг узнал, что вы направились сюда со мной в такую романтическую ночь, он был бы очень сердит. Вы действительно хотите взять меня с собой в Париж, когда закончите здесь свои дела?

Невыразимая теплота смешивалась в нем с нетерпение. Ее влажное плечо под его рукой,

ее губы красны. Она собрала свои волосы цвета шампанского высоко над ухом. Ее тело возле него переливалось волнующими движениями, когда она поворачивала к нему лицо.

— Если вы обманите меня насчет Парижа, я скажу мистеру Бигу. Если бы я была умной девушкой, я подождала бы, пока вы возьмете меня туда, прежде чем позволить нам… подружиться, — дыхание ее благоухало в знойной ночи. Он положил ей на плечо вторую руку. — Батчер, заберите меня из этого горячего мертвого мира. Болота, пещеры, дождь! Мистер Биг пугает меня, Батчер! Возьмите меня от него в Париж! Только не надо притворяться. Я очень хочу уйти с вами, — она едва слышно хихикнула. — Я думаю, я… я вовсе не умная, после всего…

Он прижался ртом к ее губам — и сломал ей шею резким ударом ладони. Она упала, глаза по-прежнему были открыты. Гиподермическая ампула, которую она собиралась вонзить ему в плечо, выпала из ее руки, покатилась и замерла у педали газа. Он отнес девушку на плотину и вернулся, до бедер вымазанный тиной. Усевшись он нащупал кнопку рации.

— Все кончено, мистер Биг.

— Хорошо. Я все слышал. Утром можете по-

лучить деньги. Очень опрометчиво было с ее стороны пытаться мешать мне из-за этих пятидесяти тысяч.

Плейнмобиль двинулся, теплый ветерок высушил тину на его руках, высокая трава расступалась со свистом перед лыжами.

— Батчер!..

— Но это мое, Ридра.

— Я знаю. Но я…

— И я собирался добраться до мистера Бига двумя неделями позже.

— Куда вы обещали взять его?

— В игровые пещеры Миноса… И однажды я затаился…

… Хотя это его тело, прижалось к земле под зеленым светом Крета, дыша широко открытым ртом, чтоб не выдать себя никаким другим звуком, это было ее ожидание, ее страх, подавляемый в себе. Грузчик в своем красном комбинезоне остановился и вытер пот носовым платком. Быстрый шаг вперед, хлопок по плечу. Грузчик, удивленный, обернулся, и сильные руки сжались на его горле, шпора вспорола ему живот, и внутренности расплескались по платформе, а затем бежать под оглушительный вой тревожной сирены, прыгать через мешки с песком, сорвать цепь

и швырнуть ее в изумленное лицо охранника, который обернулся и стоял с нелепо растопыренными руками…

— *проломил вход и убежал,* — сказал он ей. — *Маскировка подействовала, и охранники не смогли выследить меня в лавовых полях…*

— *Откройтесь мне, Батчер. Откройте мне все про побег.*

— *Это больно, поможет ли? Я не знаю…*

— *Но в вашем мозгу нет слов. Только Вавилон-17, как мозговой шум компьютера, занятого чисто синаптическим анализом.*

— *Да, теперь вы начинаете понимать…*

… он дрожал в ревущих пещерах Диса, где был замурован девять месяцев, ел пищу любимого пса Лонни, потом самого Лонни, замерз, пытаясь преодолеть горы льда, пока внезапно планетоид не вышел из тени Циклопа, и сверкающая Церера не загорелась в небе, так что через сорок минут талая вода в пещере доходила ему до пояса. Когда он, наконец, вытащил свои прыжковые сани, вода была горячей, а он — скользким от пота. Он на максимальной скорости прошел две мили до полосы сумерек, установив автопилот за мгновение до того, как, оглушенный жарой, потерял сознание. Это случилось за десять минут до на-

ступления Божественных сумерек.

— Потерянного во тьме вашей утраченной памяти я должна найти вас, Батчер. Кем вы были до Нуэва-нуэва Йорка?

И он с нежностью повернулся к ней.

— Вы испуганы, Ридра? Как раньше…

— Нет, не как раньше. Вы научили меня кое-чему, и это изменило всю картину моего мира, изменило меня. Я думаю, что боялась раньше потому, что не могла делать то, что делали вы, Батчер. — Белое пламя стало голубым и дрожащим. *— Но я боялась, потому что могла делать все это по собственным причинам, а не из-за отсутствия ваших причин, потому что я есмь, а вы — суть. Я много больше теперь, чем раньше думала о себе, Батчер, и не знаю, благодарить ли вас или проклинать за то, что вы показали мне.*

А что-то внутри кричало, заикалось и стихало. Она повернулась в молчании взятом у него, и в этом молчании повисло ожидание, что он заговорит сам, впервые.

— Посмотрите на себя, Ридра.

Отраженная в нем, она увидела в себе растущий свет, тьму без слов, только шум — нарастающий! И выкрикнула имя и форму. Сломанные пластины на корабле!

— Батчер, эти ленты могли быть сделаны на моей консоли только в моем присутствии! Конечно!..

— Ридра, мы сможем контролировать их, если сможем их назвать!

— Как, сейчас? Мы сначала должны назвать себя. А вы не знаете, кто вы!

— Ваши слова, Ридра. Сможем ли мы как-нибудь использовать ваши слова, чтобы узнать — кто я?

— Немой слова, Батчер. Но, может быть, ваши, может Вавилон-17.

— Нет…

— Я есмь, — прошептала она, *— верьте мне, Батчер, а вы — суть.*

III

— ШТАБ-КВАРТИРА, КАПИТАН. Взгляните через чувственный шлем. Эти радиосети очень похожи на фейерверк, а разобщенные сказали, что они пахнут, как яичница с ветчиной. Эй, спасибо, что вымели пыль. Когда я был жив, у меня была склонность к сенной лихорадке…

Голос Ридры:

— Экипаж высаживается с Капитаном и Батче-

ром. Экипаж берет их с собой к генералу Форестеру, вместе и не позволит, чтобы их разлучили.

Голос Батчера:

— В каюте Капитана на столе лежит катушка с записью грамматики Вавилона-17. Помощник отправит катушку, причем немедленно, доктору Маркусу Т'мварба на Землю специальной почтой. Затем он предупредит доктора Т'мварбу по стелларофону, что катушка послана, в какое время и какого ее содержание.

— Брасс, Помощник! Здесь что-то неладно! — голос Рона перекрыл сигнал Капитана. — Вы слышали, чтобы они когда-нибудь так разговаривали? Эй, Капитан Вонг, в чем дело?...

Часть пятая
Маркус Т'Мварба

Старея, я становлюсь, как Ноябрь.
Беспомощным грузом годов к настоящему. Погруженный в кристальные мечты, я прохожу под застывшей белой линией деревьев, и сухие листья рассыпаются в прах от моих тихих шагов.
Этот звук вызывает во мне слово «страх».
Он и ветра дыханье — вот все, что я слышу сейчас.
И я воздух холодный пытаю:
«Есть ли слово, что даст мне свободу?»
«Изменение» — ветер шепнул, и добавило солнце: «Запомни».
М. Х. «Электра»

I

КАТУШКА С ЗАПИСЬЮ, строгий приказ генерала Форестера — и через тридцать секунд разъярен-

ный доктор Т'мварба достиг кабинета Дэниэля Д. Эпплби.

Эпплби возился с плоским ящиком, когда шум снаружи заставил его поднять голову.

— Майкл, — сказал он в интерком. — Что это?

— Какой-то сумасшедший, утверждающий, что он психиатр.

— Я не сумасшедший! — громко сказал доктор Т'мварба. — Но я знаю, сколько требуется времени для доставки пакета из штаб-квартиры Администрации Союза на Землю! Он должен был достигнуть моей двери еще с утренней почтой, а это значит, что его задержали, и это сделали вы. Впустите меня.

Дверь распахнулась, и он вошел.

Майкл сзади вытягивал шею.

— Дан, прошу прощения. Я позову…

Доктор Т'мварба указал на стол и сказал:

— Это мое. Отдайте.

— Не беспокойтесь, Майкл, — сказал таможенник, и дверь закрылась. — Добрый день, доктор Т'мварба. Присядьте, пожалуйста. Это адресовано вам, не так ли? И не удивляйтесь, что я знаю вас. Я руковожу отделом безопасности и интеграции психоиндексов, и у нас все в отделе знают ваши блестящие работы по дифференциации шизои-

дов. Рад с вами познакомиться.

— Почему я не могу получить свой пакет?

— Одну минутку, я узнаю, — пока он брал со стола листок, Т'мварба схватил коробку с записью и сунул в карман.

— Теперь вы можете объяснить.

Чиновник раскрыл бумагу.

— «Не исключено, — он читал, прижимая колено к столу, чтобы скрыть нарастающую злость, — что вы получите… гм, сможете получить ленту, если сегодня же вечером вылетите в штаб-квартиру Администрации на „Полуночном Ястребе“ и захватите ленту с собой. Ваш билет заказан, искренне благодарю за сотрудничество. Генерал К. Дж. Форестер».

— Зачем?

— Здесь не сказано. Боюсь, доктор, что пока вы не дадите согласия, я не смогу выдать вам посылку. И мы будем вынуждены отослать ее назад.

— У вас есть хоть малейшее представление о том, чего они хотят?

Чиновник пожал плечами:

— От кого посылка?

— Вероятно, от Ридры Вонг.

— Вонг? — чиновник встал. — Поэтесса Ридра Вонг? Вы тоже знакомы с ней?

— Я ее консультант по психиатрии с двенадцати лет. А кто вы?

— Я Дэниэл Д. Эпплби. Если бы я знал, что вы друг Ридры, я сам навестил бы вас, — он едва удерживался, чтобы не впасть в фамильярность. — Если вы отправляетесь на «Ястребе» то у вас будет масса времени до отлета. А я сегодня рано заканчиваю работу. Я хочу сходить в одно место… ну, в транспортный город. Почему вы сразу не сказали, что знали ее раньше? Я иду в одно хорошее местечко. Неплохая еда и хорошая выпивка… Вы следите за борьбой? Большинство людей считает ее незаконной, но посмотрим, что вы скажете, когда ее увидите! Сегодня вечером сражаются Рубин и Питон. Если только вы решитесь последовать за мной, я уверен, вы будете очарованы. Я успею доставить вас на «Ястреб» вовремя.

— Думаю, что мне знакомо это место.

— Спуск в подвал, где под потолком висит большой шар, в котором происходят схватки, верно?.. — в возбуждении он наклонился вперед. — В сущности, впервые меня привела туда Ридра.

Доктор Т'мварба заулыбался.

Таможенник ударил ладонью по столу.

— Мы отлично проведем время! Просто отлич-

но, — он прищурил глаза. — Даже можем взять одну из этих… — он трижды щелкнул пальцами, — из сектора Разобщенных? Это, вообще-то, тоже незаконно, но давайте сходим туда вечерам…

— Идемте, — засмеялся доктор. — Ужин и выпивка — лучшая мысль за весь день! Я умираю с голода и уже четыре месяца не видел хорошей схватки.

— Никогда не бывал здесь раньше, — сказал таможенник, когда они вышли из монорельса. — Хотел сделать заказ, но мне сказали, что это ни к чему: просто приходите и все — мы открыты до шести.

Они пересекли улицу и миновали газетный киоск, у которого потрепанные и небритые грузчики просматривали бюллетень предстоящей борьбы. Три звездоплавателя в зеленых мундирах брели по тротуару, взявшись за руки.

— Вы знаете, — говорил таможенник, — я долго боролся с собой — мне хотелось это сделать с самого первого вечера. Но все странное и непривычное не годилось для нашего отдела. И тогда я сказал себе, что сделаю что-нибудь простенькое, что можно прикрыть мундиром на службе. Вот мы и пришли.

Он распахнул двери «Пластиплазм Плюс» (Приложения, Надписи и Исправления Тела).

— Вы знаете, я всегда хотел спросить у какого-нибудь специалиста, нет ли в таком стремлении чего-нибудь патологичного?

— Вовсе нет.

Девушка с голубыми глазами, губами, волосами и крыльями сказала:

— Входите. Не желаете ли сначала ознакомиться с нашим каталогом?

— О, я отлично знаю, что мне нужно! — заверил ее таможенник. — Сюда?

— Совершенно верно.

— Психологически очень важно, — сказал доктор Т'мварба, — чувствовать власть над своим телом, знать, что вы можете изменить его, сменить форму. Шестимесячная диета или программа наращивания мышц может дать такое же чувство удовлетворения. То же самое делают с вами новый нос, подбородок, чешуя или перья.

Они оказались в комнате с операционными столами.

— Чем могу быть полезен? — с улыбкой спросил косметохирург-полинезиец в голубом халате. — Ложитесь сюда.

— Я только жду, — отказался доктор Т'мварба.

— По вашему каталогу номер 5463, — заявил таможенник. — Я хочу это сюда, — и он шлепнул левой рукой по своему правому предплечью.

— О, да! Мне это тоже нравится. Минутку, — хирург открыл крышку стола. Сверкнули инструменты.

Он отошел к дальней стенке, где за стеклянными дверями холодильной установки виднелись покрытые инеем пластиковые формы. Вернулся хирург с подносом, полным различных деталей. Единственной различимой деталью была передняя половинка миниатюрного дракона с бриллиантовыми глазами, сверкающими чешуйками и светящимися крыльями, в длину он был чуть меньше двух дюймов.

— Мы подсоединим его к вашей нервной системе, и вы сможете заставить его свистеть, шипеть, хлопать крыльями и пускать искры, хотя для ассимиляции может потребоваться несколько дней. Не удивляйтесь, если вначале он будет только рычать — причина все та же, как и при пересадке обычных органов… Снимите, пожалуйста, куртку.

Таможенник начал раздеваться.

— Мы блокируем чувствительность вашего плеча… Вот так, это нисколько не больно, верно?

О, это местный наркоз — мы должны все проделать чисто. Теперь сделаем продольный разрез… если вам это неприятно, лучше не смотрите, разговаривайте со своим другом. Это займет всего несколько минут… О, не обращайте внимания, это всего лишь некоторая активизация резервов вашею организма для быстрейшего приживления… Еще разок… Отлично. Это ваш плечевой сустав. Я знаю: странно видеть собственную руку без него. Сейчас на его место мы поставим прозрачную пластиплазмовую клетку. Действует почти также, как плечевой сустав, соединяясь с теми же мускулами. Смотрите: здесь желобки для ваших артерий. Подвигайте подбородком, пожалуйста… Если хотите наблюдать, смотрите в зеркало… Теперь завернем края… Повязка должна сохраняться несколько дней, пока клетка не срастется с телом. Если не будете делать резких движений, все пойдет нормально… А теперь я присоединю этого зверька к вашим нервам. Будет больно…

— Ммммм! — таможенник привстал.

— Сидите, сидите! Все в порядке… Вот этим маленьким ключом открывается клетка. Вы научите его выходить и проделывать разные фокусы, но не будьте нетерпеливым — на это

потребуется некоторое время… А сейчас я возвращаю чувствительность вашей руке… — хирург соединил электроды и таможенник присвистнул.

— Да, немного жжет. Так будет примерно с час. Если появится краснота или воспаление, пожалуйста, сразу же придите к нам. Все, что проходит через эту дверь, тщательно стерилизуется, но раз в пять лет обязательно кто-нибудь да пронесет инфекцию… Можете надеть куртку…

Когда они шли по улице, таможенник бережно придерживал плечо.

— Вы знаете, они клянутся, что не будет никакой разницы, — его лицо скривилось. — У меня немеют пальцы. Как вы думаете, он не повредил мне нерв?

— Сомневаюсь, — сказал Т'мварба. — Вы поменьше вертитесь, сползет повязка. Пойдемте поедим.

Таможенник ощупывал плечо.

— Странно получить здесь дыру в три дюйма и по-прежнему действовать рукой.

— Итак, — сказал доктор Т'мварба, склоняясь над кружкой. — Ридра вначале привела вас в Транспортный город?

— Да. Она набирала экипаж для правитель-

ственной экспедиции. Я должен был только одобрить индексы. Но в тот вечер кое-что случилось.

— Что же именно?

— Я видел самых диких, самых странных людей в своей жизни. Они думают по-другому, действуют по-другому и даже любят по-другому. И они заставили меня смеяться и сердиться, и чувствовать себя безмерно счастливым, и бесконечно грустным, и даже слегка влюбленным, — он взглянул на сферу под сводом. — И больше они уже не казались мне дикими и странными.

— У вас установились отношения в тот вечер?

— Наверное, слишком самонадеянно было бы назвать ее по имени… Но я чувствую, что она… она — мой друг. Я — одинокий человек… в городе одиноких людей, и если находишь место, где… где тебя принимают, то приходишь туда снова и снова, чтобы все повторилось.

— И повторялось?

Дэниэл Д. Эпплби посмотрел вниз и начал расстегивать куртку.

— Давайте поедим, — он бросил куртку на спинку стула и посмотрел на клетку с драконом в своем плече. — Вы приходите снова и снова… — он неуверенно взял куртку в руки, подержал

несколько мгновений и решительно бросил назад на спинку стула. — Доктор Т'мварба, вы хоть чуть-чуть догадываетесь, зачем нас просят явиться в штаб-квартиру Администрации?

— Я уверен, что это касается Ридры и этой катушки с записью.

— Вы сказали, что вы ее врач. Надеюсь, этот вызов не связан с вашей профессией. Будет ужасно, если с ней что-нибудь случилось. Я этого не переживу. Она так много сказала мне за один вечер, и так просто, — он засмеялся и провел пальцами по краю клетки. Дракон внутри зашевелился. — И при этом она почти не смотрела на меня, даже не замечала.

— Надеюсь, с ней все в порядке, — сказал доктор Т'мварба. — Ей лучше быть в порядке.

II

ПЕРЕД ПОСАДКОЙ «Полуночного ястреба» он попросил капитана связать его с контрольной службой полетов.

— Я хочу знать когда прибыл «Рембо».

— Минутку, сэр… Он вообще не прибыл. По крайней мере последние шесть месяцев о нем ничего не слышно. Потребуется некоторое время,

чтобы проверить полные списки…

— Не надо. Прошло всего несколько дней. Вы уверены, что капитан Ридра Вонг не швартовалась недавно?

— Вонг? Она прибыла вчера, но не на «Рэмбо». Это был боевой корабль без опознавательных знаков. Произошла некоторая путаница, поскольку серийный номер с его двигателя был стерт… Возможно, он был украден…

— Капитан Вонг чувствовала себя хорошо, когда сошла в порту?

— Она, по-видимому, передала командование… — голос замолчал.

— Ну?

— Простите, сэр. Эти сведения не подлежат разглашению. Я не сразу заметил пометку… Я не могу вам дать дальнейшие разъяснения. Их разрешено давать только официальным лицам.

— Я доктор Маркус Т'мварба, — сказал доктор, сомневаясь, подействует ли это.

— О, здесь есть запись, касающаяся вас, доктор. Но в списке допущенных вас нет.

— Так что же мне делать?

— Есть распоряжение немедленно направить вас к генералу Форестеру.

Час спустя он уже входил в кабинет генерала.

— Что случилось с Ридрой?

— Где запись?

— Если Ридра хотела, чтобы именно я получил ее, то у нес были для этого какие-то причины. Если бы она хотела отдать ее вам, она бы так и сделала. Поверьте, вам не получить запись, пока я ее сам не отдам.

— Я ожидал от вас большего желания сотрудничать, доктор.

— Я хочу сотрудничать. Я здесь, генерал Форестер, по вашему вызову. Но пока я не буду точно знать, что происходит, вы ничего от меня не добьетесь.

— Сугубо гражданское отношение, — сказал генерал, подходя к столу. — В последнее время с этим все чаще и чаще приходится сталкиваться. Не знаю, нравится ли мне это, — звездоплаватель в зеленом мундире сел на край стола, задумчиво ощупывая звезды на воротнике. — Долгое время мисс Вонг была первым человеком, которому я не смог сказать: сделай то, сделай это и будь проклят, если спросишь о последствиях. В первый раз, когда я говорил с ней о Вавилоне-17, я ожидал, что просто передам ей записки, а она вернет мне текст уже на английском. Она же спокойно сказала мне: нет, вы должны рассказать

мне все. Вначале это вызвало во мне раздражение — мне уже много лет никто не говорил: ты должен, — его руки опустились, как бы защищая себя. (Защищая? Это Ридра научила меня истолковывать движения? — удивился на мгновение Т'мварба.) Так легко оказаться запертым в своем кусочке мира. Когда голос прорывает этот мир — это важно. Ридра Вонг… — генерал замолчал, и выражение его лица заставило доктора Т'мварбу похолодеть.

— Что с ней, генерал? Она больна?

— Не знаю, — ответил генерал. — В соседнем помещении находятся… женщина и мужчина. Я не могу сказать вам, является ли эта женщина Ридрой Вонг. Это, определенно не тот человек, с которым я однажды на Земле говорил о Вавилоне-17.

Но Т'мварба уже распахивал дверь.

Двое посмотрели на него. Мужчина был массивно-грациозен, с янтарными волосами. Каторжник, как понял доктор по клейму на плече. Женщина…

Доктор уперся кулаками в бока.

— Отлично, и что же тебе сказать?

Она сказала:

— Нет понимания.

Частота дыхания, манера складывать руки, наклон плеч — детали, смысл и важность которых она тысячи раз демонстрировала ему: он понял их чрезвычайную важность. На мгновение он захотел, чтобы Ридра никогда не учила его, потому что все эти детали исчезли, и отсутствие их было хуже шрамов и уродств. Он начал голосом, который обычно предназначался только для нее, которым он ругал и хвалил ее:

— Я хотел сказать: если это шутка, сердечко мое, то я тебя отшлепаю, — но закончил голосом для чужих, голосом для продавцов. Т'мварба почувствовал себя неуверенно. — Если вы не Ридра Вонг, тогда кто же?

Она сказала:

— Нет понимания вопроса. Генерал Форестер, этот человек — доктор Маркус Т'мварба?

— Да, это он.

— Послушайте, — доктор Т'мварба повернулся к генералу, — я уверен, что вы сверяли отпечатки пальцев, уровень метаболизма, сетчатку глаза и другие методы идентификации…

— Это тело Ридры Вонг, доктор.

— Ладно. Гипноз, экспериментальное внушение, пересадка коры… Вы знаете другие способы пересадки мозга в чужое тело?

— Да. Семнадцать. Но у Ридры нет признаков ни одного из них, — генерал сделал шаг к двери. — Она ясно дала понять, что хочет поговорить с вами наедине. Я буду поблизости, — и он закрыл дверь.

Женщина мигнула и сказала:

— Сообщение от Ридры Вонг, дословная передача без понимания смысла, — внезапно ее лицо приобрело знакомое выражение и оживленность. Сцепив руки, она слегка наклонилась вперед. — Моки, я рада, что ты здесь, я долго не продержусь… Слушай: Вавилон-17 более или менее подобен оноффу, алголу или фортрану. *Я* действительно обладаю даром телепатии, но научилась держать это свойство под контролем. Я… мы приняли меры по поводу попыток диверсий с Вавилоном-17. Но мы пленники, и если ты хочешь освободить нас, забудь обо мне. Используй то, что в конце записи. И обязательно узнай, кто он такой! — она указала на Батчера.

Окаменелость вернулась на ее лицо. Это изменение заставило доктора затаить дыхание. Он потряс головой и рванулся в кабинет генерала.

— Кто этот уголовник? — спросил он.

— Мы как раз это устанавливаем. Надеюсь, рапорт скоро будет лежать на моем столе… А вот и

он, — генерал повернулся к вспыхнувшему экрану. — Так... Не скажете ли мне, что такое онофф, алгол, фортран?

— Для уверенности подслушивали в замочную скважину, — хмыкнул Т'мварба и сел в надувное кресло у стола. — Это древние, двадцатого столетия, языки, которые использовались для программирования компьютеров и только для работы с машинами. Онофф — простейший из них. Он все сводил к комбинации двух слов: да и нет, или к двоичной нумерации. Остальные посложнее.

Генерал кивнул, заканчивая расшифровку сообщения.

— Этот парень прибыл с Ридрой на украденном корабле-пауке. Экипаж крайне огорчился и запротестовал, когда мы попытались развести их по разным помещениям, — он пожал плечами. — Это что-то психическое, и мы не стали настаивать — оставили их вместе.

— А где экипаж? Не может ли он помочь нам?

— Экипаж? Это все равно, что говорить с героями ваших детских кошмаров. Транспортники... Кто говорит с подобными людьми?

— Ридра это умела, — сказал доктор Т'мварба. — И я хотел бы попробовать.

— Как хотите. Мы держим их в штаб-квартире, — он снова взглянул на сообщение. — Странно. Здесь перечисление событий его жизни за последние пять лет. Начал с мелкого воровства, тюремное заключение, постепенно перешел к более крупным делам. Ограбление банка… — генерал покусал губу и добавил с некоторым уважением. — Он провел два года в тюремных пещерах Титана, бежал. Да, этот парень кое-чего стоит! Исчез в Зажиме Спецелли, где либо погиб, либо завербовался на теневой корабль… Но вот что странно — перед декабрем шестьдесят первого похоже, что он вообще не существовал. Обычно его называют Батчер…

Вдруг генерал лихорадочно стал рыться в ящике своего стола. Наконец, он извлек оттуда папку и положил перед собой.

— Крето, Земля, Минос, Каллисто, — читал он, — Алеппо, Олимпия, Парадиз, Дис! — он стукнул кулаком по столу.

— Что это? Маршрут Батчера до того как он попал на Титан?

— Похоже, что так. Но кроме того, именно в этих местах происходили диверсии, которые начались с декабря шестьдесят первого! Мы только недавно связали их с Вавилоном-17. Мы работали

над последним «несчастным случаем», а потом подняли материалы о предыдущих и везде обнаружили сообщения о радиоперехватах. Как вы думаете, мисс Вонг привезла нам диверсанта?

— Возможно, только это не Ридра.

— Ну что ж, я думал, что вы так и скажете.

— По аналогичным причинам я уверен, что этот мужчина не Батчер.

— Тогда кто же?

— Пока не знаю. Но его личность во что бы то ни стало необходимо установить, — он встал. — Где я смогу увидеться с экипажем Ридры?

III

— ХОРОШЕНЬКОЕ место! — сказал Калли, когда они вышли из лифта на верхнем этаже башни Союза.

— Хорошее, — согласилась Молли.

Официант в белом фраке подошел к ним по ковру из виверры, искоса взглянул на Брасса и спросил:

— Они с вами, доктор Т'мварба?

— Да. Для нас заказана ниша у окна. Принесите все прямо туда.

Официант кивнул и отвел доктора и членов

экипажа Ридры к высокому арочному окну, выходящему на площадь Союза. Несколько человек обернулись, провожая их взглядами.

— Штаб-квартира Администрации Союза может быть очень приятным местом, — сказал доктор Т'мварба с улыбкой.

— Если есть деньги, — добавил Рон. Он откинул голову, рассматривая сине-черный потолок, огоньки там складывались в созвездия, видимые с Риммика. — Я читал о таких местах, но никогда не думал, что сам когда-нибудь сюда попаду.

— Да, я хотел бы привести сюда парней, — проворчал Помощник. — А то они думают, что лучше приема у барона ничего не бывает.

В алькове официант отодвинул для Молли кресло.

— Барон Вер Дорко с Военного Двора?

— Да, — сказал Калли. — Жареный барашек, отличные вина, великолепные фазаны! И никто их не попробовал, — он покачал головой.

— Одна из досадных привычек аристократии, — со смехом сказал Т'мварба. — Но аристократов осталось немного, большинству хватает ума отбросить свои титулы.

— Последний хозяин оружия в Амседже, — сказал помощник.

— Я читал сообщение о его смерти. Ридра была там?

— Мы все были. Дикий был вечер!

— Но что же там произошло?

Брасс покачал головой.

— Ну… Капитан отправился раньше…

Когда он кончил рассказывать о происшествии, доктор Т'мварба откинулся в кресло.

— В газетах этого не было, — сказал он. — А что это за ТВ-55?

Брасс пожал плечами, но тут послышался щелчок, и в ухе доктора ожил микрофон связи с разобщенными.

— Это человеческое существо, которое с рождения находится под контролем, — сказал Глаз. — Я был с Капитаном Вонг, когда барон демонстрировал его.

Доктор Т'мварба кивнул.

— Можете вы еще что-нибудь рассказать?

Помощник, пытавшийся устроиться в кресле поудобней, теперь лег животом на край стола.

— Зачем?

Остальные молча ждали. Помощник продолжал:

— Зачем мы рассказываем ему это? Он отправится назад и выдаст все военным.

— Верно, — сказал Т'мварба. — Я расскажу им все, что может помочь Ридре.

Рон резко отставил от себя стакан.

— Военные не могут относиться к нам хорошо, док, — объяснил он.

— Они не повели бы нас в такой ресторан, — Калли заткнул салфетку за дирконовое ожерелье, которое надел ради такого случая. Официант поставил на стол блюдо с жареным картофелем и шницелями.

Молли удивленно разглядывала длинный красный стручок.

— Кетчуп, — объяснил доктор Т'мварба.

— О! — сказала Молли и отложила его.

— Сюда следовало бы привести Чертенка, — помощник откинулся на спинку кресла и взглянул на доктора. — Он мастер готовить пищу из суррогатов, а здесь настоящая еда. После этого, готов поклясться, он выбежал бы из камбуза, как будто его там укусили.

Брасс спросил:

— Что случилось с Капитаном?

— Не знаю. Но если вы расскажите мне все, что знаете, у меня будет больше возможностей что-либо предпринять.

— А мы не хотим, чтобы вы что-нибудь делали

для нее. На корабле был шпион. Мы все знаем об этом. Он дважды пытался уничтожить корабль. Думаю, что именно он отвечает за то, что произошло с Капитаном и с Батчером.

— Мы все так думаем, — подтвердил Помощник.

— Этого вы и не хотели говорить военным?

Брас кивнул.

— Если бы не Батчер, — снова щелкнул микрофон, — мы бы вернулись в нормальное пространство в центре Новой. Батчер убедил Джебела выловить нас и взять на борт.

— Так, — доктор Т'мварба обвел взглядом сидящих за столом. — Один из вас шпион?

— Может, это кто-то из парней, — сказал Помощник. — Он не обязательно находится за этим столом.

— Если так, — сказал доктор Т'мварба, — то все равно я буду говорить с вами. Генерал Форестер ничего не добился. Но Ридра нуждается в помощи. Это очень просто.

Брасс прервал затянувшееся молчание.

— В схватке с захватчиками я потерял корабль, весь взвод парней и половину офицеров. Я хорошо дрался и был хорошим пилотом для любого капитана-транспортника, хотя та схватка с за-

хватчиками могла сделать меня человеком, приносящим несчастья. Капитан Вонг не из нашего мира. Но откуда бы она ни пришла, она просто сказала: «Мне понравилась ваша работа и я нанимаю вас». Я ей благодарен.

— Она так много знает, — сказал Калли. — И это самый увлекательный полет, в котором я когда-либо участвовал. Она проламывалась сквозь миры и брала нас с собой. Когда в последний раз меня приглашали на обед к барону? А на следующий день я обедал с пиратами. И вот я здесь. Я хочу ей помочь.

— Калли слишком прислушивается к своему животу, — прервал его Рон. — Капитан Вонг заставляет думать, док. Она заставила меня думать о Молли и Калли. Вы знаете, она была в тройке с Муэлом Араплайдом — тем парнем, что написал «Имперскую Звезду»? Должно быть, знаете, раз вы ее доктор… Во всяком случае, начинаешь думать, что, может быть, люди, живущие в других мирах, как сказал Калли, люди, которые пишут книги и делают оружие, — эти люди реальны. Если вы верите в них, вам легче поверить и в себя. И если тот, кто сделал это с вами, нуждается в помощи, то вы не раздумывая бросаетесь на помощь.

— Доктор, — сказала Молли. — Я была мертва.

Она оживила меня. Что я должна сделать?

— Вы должны рассказать мне все, что знаете о Батчере.

— О Батчере? — спросил Брасс. Остальные тоже были поражены. — Почему о нем? Да мы и не знаем ничего, только то, что он был в дружеских отношениях с Капитаном.

— Вы три недели были с ним на одном корабле. Расскажите все, что вы видели.

Они молча переглянулись.

— Есть ли хоть какие-нибудь сведения о том, откуда он?

— Титан, — сказал Калли. — Знак на руке.

— Нет. До Титана. По крайней мере, на пять лет раньше?.. Проблема в том, что этого не знает и сам Батчер.

Они опять ошеломленно переглянулись. Брасс сказал:

— Его язык. Ридра мне говорила, что изначально Батчер говорил на языке, в котором нет слова «я».

Вновь щелкнул микрофон Лишенных Тела:

— Она научила его говорить «я» и «вы». Они гуляли вечером по кладбищу, а мы парили над ними…

— «Я», — сказал Т’мварба. — В этом что-то есть.

Интересно. Мне казалось, что я знаю о Ридре все. Но оказывается, я знаю так мало…

Снова ожил микрофон.

— Вы знаете о говорящем скворце?

Т’мварба изумился.

— Разумеется. Я же был там.

Послышался смех.

— Но она никогда не говорила вам, чего она испугалась.

— Это была истерика, вызванная предыдущим потрясением…

Привидение засмеялось вновь.

— Червяк, доктор Т’мварба! Она вовсе не боялась птицы. Она испугалась телепатического впечатления об огромном земляном черве, ползущем на нее, испугалась картины, которую воображала птица.

— Она сказала это вам… И никогда не говорила мне, — с горечью произнес доктор.

— Миры, — повторил призрак. — Миры существуют у вас пред глазами, а вы их не замечаете. Эта комната может быть полна фантомами, но вы этого не увидите. Даже экипаж не знает того, что мы сейчас вам сказали. Но капитан Вонг никогда не пользовалась микрофонами. Она нашла способ разговаривать с нами без приборов. Она

прорвалась сквозь миры и соединилась с нами. И оба мира стали от этого богаче.

— Но все же кто-то в мире — моем или вашем — должен мне сказать, откуда пришел Батчер… — вдруг он засмеялся. Все удивленно уставились на него. — Червь! «Где-то в раю теперь червь, червь…» — это из ее раннего стихотворения. А мне никогда не приходило в голову.

IV

— МНЕ ПОЛАГАЕТСЯ радоваться? — поинтересовался доктор Т'мварба.

— Вам полагается быть заинтересованным, — ответил генерал Форестер.

— Вы посмотрели на гиперстатическую карту и обнаружили, что, несмотря на то, что все диверсии за последние годы происходили в обычном пространстве, все они лежат на крейсерской дистанции от Зажима Спецелли, на расстоянии одного прыжка. Вы также обнаружили, что пока Батчер был на Титане, диверсий не было. Иными словами, вы установили высокую вероятность того, что именно Батчер отвечает за все это. Но мне не хочется радоваться.

— Почему?

— Потому, что он слишком важная персона.

— Важная?

— Да, важная… для Ридры. Экипаж сказал мне об этом.

— Он? — затем пришло понимание. — *Он?* О нет… не может быть. Нет. Грабежи, диверсии, убийства… Я хочу сказать, что он…

— Вы не знаете, кто он, — доктор встал с кресла. — Вы дадите мне возможность проверить одну идею? Она должна сработать.

— Я все еще не понимаю чего вы хотите.

Доктор Т'мварба вздохнул.

— Прежде всего я хочу поместить Ридру, Батчера и нас с вами в самую глубокую, самую недоступную, самую охраняемую темницу штаб-квартиры Администрации.

— Но у нас нет темн…

— Не обманывайте меня, — спокойно сказал Т'мварба.

— Вспомните, вы ведь ведете войну.

Генерал нахмурился.

— Зачем вся эта секретность?

— Потому что этот парень многого стоит. Если бы рядом со мной были все Вооруженные Силы Союза, я был бы спокойнее. Тогда я бы знал, что у нас есть шанс.

Ридру посадили в одном углу тюремной камеры, Батчера — в другом. Оба были привязаны пластиковыми ремнями к наглухо привинченным к стенам сиденьям. Доктор Т'мварба следил за тем, как из камеры выкатывают оборудование.

— Никаких темниц, никаких пыточных камер, а, генерал? — он взглянул на кровавое пятно, которое стирали с пола у его ног, и покачал головой. — Было бы хорошо, если бы камеру промыли кислотой и продезинфицировали…

— У вас есть все необходимое, доктор? — спросил генерал, не обращая внимания на его замечания. — Если вы изменили свои намерения, то через пятнадцать минут здесь будет множество специалистов.

— Здесь мало места, — сказал Т'мварба. — Я получил девять специалистов в компактном виде, он положил руку на компьютер.

— Вы говорили, — сказал генерал, — что необходима максимальная безопасность. Я могу собрать здесь двести пятьдесят мастеров айкидо.

— У меня черный пояс по айкидо, генерал, и думаю, что вдвоем мы справимся.

Генерал поднял брови.

— Я сам занимаюсь каратэ, айкидо я никогда не

понимал. А у вас черный пояс?

— И у Ридры тоже. Я не знаю, что может Батчер, поэтому предпочел крепко привязать их.

— Хорошо, — генерал дотронулся до дверного косяка. Металлическая плита медленно опустилась. — В нашем распоряжении пять минут. — Плита коснулась пола, и щель между ней и порогом исчезла. — Края сварены. Мы в центре двенадцати слоев защиты, причем все они непреодолимы. Никто не знает даже расположения этого места, включая и меня.

— После лабиринтов, через которые мы прошли, я тоже не знаю, — сказал Т'мварба.

— На случай, если кто-нибудь захочет засечь нас, мы автоматически перемещаемся каждые пятнадцать секунд… Он не вырвется отсюда, — генерал указал на Батчера.

— Я скорее хотел бы быть уверенным, что никто не ворвется сюда.

— Начинайте.

— У Батчера амнезия, если верить докторам на Титане. Это значит, что его сознание занимает только часть его мозга, а все, что происходило до шестьдесят первого года, блокировано. Вот эта штука, — он надел на голову Батчера металлический шлем, — создаст серию «неприятностей» в

его сознании, и оно будет вынуждено прорваться из изоляции в остальную часть мозга.

— А что если между этим участком коры и мозгом просто нет связи?

— Если будет в полной мере неприятно, то установятся новые связи.

— При той жизни, которую он вел, — заметил генерал, — мне трудно представить себе, что ему может быть неприятно.

— Онофф, алгол, фортран, — сказал доктор Т'мварба, — обычно создают ситуацию «змея в мозге». Однако с мозгом, который не знает слова «я», тактика страха не подействует.

— Тогда что же? — Онофф, алгол и фортран. С помощью парикмахера и того факта, что сегодня среда.

— Доктор Т'мварба, я не изучал ваш психоиндекс…

— Я знаю, что делаю. Ни один из этих языков для компьютера не знает слова «я». Это делает невозможным такие предложения, как «Я не могу решить эту проблему», или «Я не понимаю», или «Я не хочу напрасно тратить свое время». Генерал, в маленьком городке на испанской стороне Пиренеев есть лишь один цирюльник. Цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые

не бреются сами. Кто же бреет цирюльника?

Генерал нахмурился.

— Вы не верите мне? Но, генерал, я всегда говорю правду. За исключением среды. По средам любое мое утверждение — ложь.

— Но сегодня среда! — воскликнул генерал, начиная выходить из себя.

— Как убедительно! Ну, ну, генерал, успокойтесь, а то у вас посинело лицо.

— Я абсолютно спокоен!

— Ну, ну… Отвечайте только да или нет: прекратите ли вы бить свою жену?

— Будь я проклят, если смогу ответить на такой вопрос!..

— Ну, ладно. Пока вы думаете о жене и о среде, скажите, кто же бреет цирюльника?

Генерал резко рассмеялся.

— Парадоксы! Вы хотите начинить его парадоксами, чтобы он боролся с ними?

— Если так поступить с компьютером, то он просто перегорит, как только столкнется с парадоксом, если только его не запрограммировали на отключение.

— Предположим, что он решится на разобщение?

— Разве это меня остановит, — доктор указал

на другую машину. — И для этого у меня есть средство.

— Но как вы узнаете, какие парадоксы ему подсунуть? Те, что вы сказали мне…

— Их нет. Помимо всего прочего они существуют только в английском и еще нескольких аналитических языках. Парадоксы существуют в лингвистической манифестации языка, которым они выражены. В парадоксе об испанском цирюльнике слово «все» и заключает в себе противоречие. То же самое и в других парадоксах. Лента, которую послала мне Ридра, содержит грамматику и словарь Вавилона-17. Удивительно! Это наиболее аналитический из всех существующих языков. Но это одновременно означает и огромное количество парадоксов, поистине изумительных парадоксов! Ридра заполнила конец ленты наиболее остроумными из них. Мозг, ограниченный Вавилоном-17, эти парадоксы сожгут или…

— Или заставят установить связи с другими частями мозга! Понимаю. Ну, начинайте!

— А я уже начал две минуты назад.

Генерал посмотрел на Батчера.

— Но я ничего не вижу.

— И еще минуту ничего не увидите, — доктор

манипулировал какими-то рычагами и переключателями. — Система парадоксов, которую я вбиваю ему в мозг, сначала должна прорваться через внешнюю оболочку его коры.

Внезапно рот Батчера открылся, обнажив зубы.

— Начинается, — сказал доктор.

— А что происходит с мисс Вонг?

Лицо Ридры тоже было искажено.

— Я надеялся, что этого не случится, — вздохнул доктор Т'мварба. — Но… Они в телепатическом контакте.

Стул Батчера затрещал. Ремень, крепивший его голову к спинке, ослаб, и великан ударился затылком о металл.

Ридра закричала от боли. Ее испуганные глаза открылись и уставились на доктора.

— О, Моки, как больно!

Один из ремней, удерживавших руки Батчера, лопнул со звоном. Взлетел огромный кулак.

Доктор Т'мварба поспешно нажал какую-то кнопку. Белый свет сменился желтым, Батчер расслабился.

— Он лишился… — начал было генерал, но остановился — Батчер тяжело дышал.

— Выпусти меня отсюда, Моки, — донесся голос Ридры.

Доктор Т'мварба нажал другую кнопку, и ремни, стягивающие ее тело с треском раскрылись. Ридра вскочила и побежала к Батчеру.

— Его тоже?

Она кивнула.

Доктор снова нажал кнопку и Батчер упал на руки Ридры. Под его тяжестью она опустилась на пол и начала делать ему массаж.

Генерал Форестер держал их под прицелом своего вибропистолета.

— Итак, кто же он и откуда?

Батчер снова начал заваливаться, но успел ухватиться руками за спинку стула, удержался и тяжело приподнялся.

— Най… — начал он. — Я… я… Найлз Вер Дорко, — голос его утратил жесткость. Он стал немного выше и был окрашен легким аристократическим акцентом. — Армседж. Я родился в Армседже… И я… я убил своего отца!

Дверная пластина скользнула в сторону. Завоняло дымом и горячим металлом.

— Что это там за запах? — спросил генерал Форестер. — Этого не может быть!

— Я предполагал, — уверенно сказал доктор Т'мварба, — что половина защитных слоев этой камеры будет прорвана. Еще несколько минут

— и у нас вообще бы не было шансов.

Послышался шум, и перепачканный сажей астронавт остановился, пошатываясь, у двери.

— Генерал Форестер, с вами все в порядке? Внешняя стена взорвана, каким-то образом вскрыты радиозамки на двойных дверях! И керамические стены пробиты почти до середины! Похоже на лазер…

Генерал заметно побледнел.

— Кто пытался пробиться сюда?

Батчер стал на ноги, держась за плечо Ридры.

— Несколько наиболее остроумных моделей моего отца, включая ТВ-55. Здесь, в штаб-квартире Администрации, их должно быть не менее шести, и довольно высокоэффективных. Но теперь о них можно не беспокоиться.

— Я успокоюсь только тогда, — размеренно сказал генерал Форрестер, — когда мне все объяснят.

— Нет, мой отец не был предателем, генерал. Он просто хотел сделать меня наиболее эффективным секретным агентом Союза. Но оружие — это не инструмент, а скорее знание, как его использовать. И у захватчиков есть это знание. Это Вавилон-17.

— Хорошо. Вы можете быть Найлзом Вер Дорко.

Но это еще больше запутывает дело.

— Я не хочу, чтобы он много говорил, — сказал доктор Т'мварба. — Потрясения, испытанные нервной системой…

— Я в порядке, доктор. У меня сильный организм. Мои рефлексы намного превосходят нормальные, и теперь я контролирую свою нервную систему до мизинца на ноге. Мой отец все делал основательно.

Генерал Форестер положил ноги на стол.

— Лучше пусть говорит. Ибо, если через пять минут я все не пойму, то всех вас кое-куда отправлю.

— Мой отец только начал работу над усовершенствованным шпионом, когда ему пришла в голову эта мысль. Он придал мне наиболее совершенную человеческую форму, какую только мог создать. Затем послал меня на территорию захватчиков, надеясь, что там я сам внесу максимум смятения. И я причинил им немало вреда, прежде чем они схватили меня… Отец продолжал совершенствовать своих шпионов, и вскоре они намного превосходили меня. Я, например, не продержусь против ТВ-55 более пяти минут. Но из-за… я думаю, это семейная гордость… Он хотел сохранить контроль над всей операцией в

своей семье. Каждый шпион Армседжа может получать команды заранее установленным кодом. В мой спинной мозг вживлен гиперстасисный трансмиттер, больше частью электропластиплазмовый. И я сохранял контроль над всеми шпионами, независимо от их сложности. В течение нескольких лет тысячи шпионов внедрялись на территорию захватчиков. До того, ка я попал в плен мы составляли внушительную силу.

— Но почему вас не убили? — спросил генерал. — Или они решили обратить всю эту армию шпионов против нас?

— Они открыли, что я — оружие Союза. Но в определенных условиях гиперстасисный трансмиттер уничтожается в моем теле. Потом, правда требуется не менее трех недель, чтобы вырастить новый. И они так и не узнали, что я контролирую остальных. Но они испробовали на мне свое секретное оружие — Вавилон-17. Они вызвали у меня амнезию, оставили безо всяких коммуникативных способностей, кроме Вавилона-17, потом позволили мне бежать из Нуэва-нуэва Йорка обратно на территорию Союза. Я не получил никаких инструкций относительно диверсий. Власть, которой я обладал, связь с остальными шпионами, пробуждалась очень медленно и

довольно болезненно. И вся моя жизнь стала преступлением, маскирующим диверсии. Как и почему — этого я не знаю.

— Думаю, я могу объяснить это, генерал, — сказала Ридра. — Вы можете запрограммировать компьютер так, чтобы он делал ошибки, и вы сделаете это, не перепутывая связи, а манипулируя языком, на котором вы научили компьютер думать. Отсутствие «я» предотвращало всякую самокритику и самосохранение. В сущности, оно прерывало любую осведомленность о символах и символических процессах — а именно таким образом мы различаем реальность и отображение реальности…

— Шимпанзе, — прервал ее доктор Т'мварба, — достаточно координированы, чтобы научиться водить автомобиль, и достаточно разумны, чтобы различить красный и зеленый цвет. Но, научившись, они все же не станут свободными, потому что, когда горит зеленый свет, они поведут автомобиль прямо на кирпичную стену, а когда корит красный, они остановятся посреди перекрестка, даже если на них в следующее мгновение налетит грузовик. У них нет символических процессов. Для них красный значит «стой», зеленый — «иди». То, что это не сами действия, а их сим-

волы, они не знают.

— Итак, — продолжала Ридра, — Вавилон-17 — это язык, содержащий для Батчера долговременную программу превращения в преступника и диверсанта. Если вы лишите кого-нибудь памяти и оставите его в чужой стране, сохранив ему только названия инструментов и узлов машин, не удивляйтесь, если он станет механиком. Манипулируя его словарем, вы легко можете превратить его в моряка или художника. Вавилон-17 — это точный аналитический язык, который снабжает вас техническими знаниями в любой ситуации, в которой вы окажетесь.

— Вы хотите сказать, что этот язык даже вас мог обратить против Союза? — спросил генерал.

— Начнем с того, — сказала Ридра, — что слово, обозначающее на Вавилоне-17 слово «Союз», может быть переведено на английский как «тот, который захватывает». Теперь понимаете? И все программы подчинены этому слову. Когда мыслишь на Вавилоне-17, становится совершенно логичным постараться уничтожить собственный корабль, а потом при помощи самогипноза заблокировать этот факт, чтобы не суметь раскрыть собственные действия и остановить себя.

— Вот ваш шпион! — воскликнул доктор

Т’мварба.

Ридра кивнула.

— Вавилон-17 программирует действия личности, усиливая их самогипнозом, при этом все, что продумано на этом языке, кажется правильным, поскольку на других языках оно выражено очень грубо и неуклюже. Запрограммированная личность, во-первых, должна стремиться любой ценой уничтожить Союз, а, во-вторых, оставаться скрытой от остальной части сознания. Это и произошло с нами.

— Но почему Вавилон-17 не полностью подчинил вас? — спросил доктор Т’мварба.

— Он не рассчитан на мой талант, Моки, — ответила Ридра. — Я уже анализировала эту проблему на Вавилоне-17. Все очень просто. Человеческая нервная система производит радиошумы. Но, чтобы уловить эти шумы нужна антенна с поверхностью во много тысяч квадратных миль. В сущности, единственное устройство, способное на это, нервная система другого человека. Лишь несколько человек, подобных мне, лучше других контролируют ее. Я контролирую испускаемые мной радиошумы, и мне не составило труда просто несколько исказить их.

— И что же я должен делать со шпионами, кото-

рых вы скрываете в своих головах? Подвергнуть вас лоботомии?

— Нет, — сказала Ридра. — Исправляя свой компьютер, вы же не рвете половину его проводов. Вы исправляете язык, вводите отсутствующие элементы и компенсируете двусмысленности.

— Мы ввели главные отсутствующие элементы, — сказал Батчер. — Еще на кладбище «Тарика». Мы на пути к остальным людям.

Генерал медленно встал.

— Что-то чересчур все просто, — он покачал головой. — Т'мварба, где лента?

— У меня в кармане, где и пролежала все время, — сказал доктор Т'мварба, доставая катушку с записью.

— Я отправлю это криптографам, мы все тщательно проверим, — он подошел к двери. — Ах, да, я вынужден вас запереть…

Он вышел, и трос оставшихся посмотрели друг на друга.

V

— … ДА, КОНЕЧНО, я должен был предвидеть, что тот, кто сумел наполовину проникнуть в нашу наиболее защищенную камеру и сабо-

тировать военные операции в целом рукаве Галактики, сможет сбежать из моего запертого кабинета… Я думаю… Я знаю, что вас не беспокоит, что я думаю, но они… Нет, мне не приходило в голову, что они похитят корабль. Да, я… Нет. Конечно, я не уверен… Да, это один из самых больших наших боевых звездолетов. Но они улетели… Нет, они не нападали на наши… У меня нет никаких сведений, кроме оставленной ими записки… Да, конечно, я ее вам прочту… Именно это я и хочу все время сделать…

VI

РИДРА ВОШЛА в рубку боевого корабля «Хронос». Когда она опустила на пол свой чемоданчик, Батчер оторвался от контрольного пульта.

— Как дела внизу?

— Есть какие-нибудь проблемы с новым оборудованием? — спросила Ридра.

Парень из взвода навострил уши.

— Не знаю, Капитан. Это наша судьба, все время бежать.

— Мы должны вернуться в Зажим и передать корабль Джебелу и его людям на «Тарике». Брасс говорит, что он сможет это сделать, если вы,

парни, будете хорошо справляться со своими обязанностями.

— Мы постараемся. Но поступает так много приказов. Сейчас я должен бежать вниз.

— Пойдешь вниз через минутку, — сказала Ридра. — Предположим, я сделаю тебя квипукмайокуном?

— Кем-кем?

— Это человек, который читает все поступающие приказы и интерпретирует их. Твои далекие предки были индейцами, верно?

— Да. Семинолы.

Ридра пожала плечами.

— Квипукмайокуна — это на языке майя. Немного отличается. Они отдавали приказы, завязывая узелки на веревке, мы используем перфокарты. Беги и хорошо следи за полетом.

Рэт дотронулся до лба и убежал.

— Как вы думаете, что генерал сделает с вашей запиской? — спросил Батчер.

— Это уже не важно. Она сгладит впечатление в верхах. Они поразмыслят над ней и над теми возможностями, которые она перед ними открывает, а мы тем временем будем делать свое дело. У нас есть исправленный Вавилон-17 — назовем его Вавилон-18 — это наиболее могущественное

мыслимое оружие.

— Плюс моя армия убийц, — сказал Батчер. — Думаю, мы справимся в шесть месяцев. И твое счастье, что эти припадки болезни не ускорили метаболизм. Мне это кажется несколько странным. Ты должна была бы погибнуть, не успев овладеть Вавилоном-17. Так было рассчитано.

— Им не повезло, потому что они напали именно на меня… Что ж, как только мы кончим с Джебелом, оставим на столе командующего захватчиками Мейлоу в Нуэва-нуэва Йорке записку. *Эту войну следует закончить в шесть месяцев,* — процитировала она. — Лучшее предложение из всех, когда-либо написанных мной. Но сейчас нам предстоит как следует поработать.

— У нас есть инструмент, которого больше нет ни у кого, — сказал Батчер. Он подошел и сел радом с ней. — А с хорошим инструментом дело пойдет гораздо легче. А что мы будем делать потом?

— Думаю, я напишу поэму. А, может, роман. Мне есть что сказать.

— Но я все еще преступник. Покрывать плохие дела хорошими — лингвистическая ошибка, которая уже не раз причиняла неприятности людям. Особенно, если хорошие дела еще в бу-

дущем. Я по-прежнему несу ответственность за множество убийств.

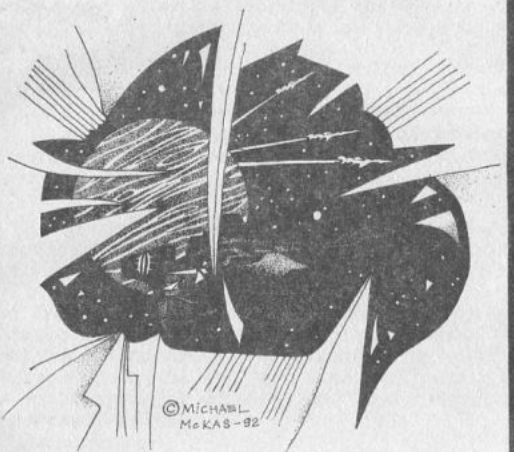
— Весь механизм суда, предназначенный для устрашения, тоже лингвистическая ошибка. Если тебя это так беспокоит, возвращайся, отдайся им в руки, пусть судят… Но лучше бы ты занялся своим делом. И пусть этим делом буду я.

— Конечно. Но кто сказал, что твой суд будет легче?

Ридра засмеялась. Она остановилась перед ним, взяла его за руки, положила их на свое смеющееся лицо.

— Но я же буду и твоим защитником! А ты уже должен знать, что даже без Вавилона-17 я сумею уговорить кого угодно.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ



ЭЙНШТЕЙНА

Пересечение Эйнштейна (Перевод К. Златко)

Глава первая

Он темнит всеми оттенками темного, весь этот смешноживотный мир.
Джеймс Джойс «Поминки по Финнегану».

Я, однако, не скажу, что все иллюзии или бред нашего ума нужно называть сумасшествием.
Эразм Роттердамский «Похвала глупости».

Мое мачете пустое внутри — цилиндрическая полость с отверстиями от рукоятки до самого острия. Когда я дую в него, звучит музыка. Когда я закрываю пальцами все отверстия, звук получается унылым — то мелодичным, то режущим слух. Когда все отверстия открыты, звук придает глазам блеск отражающегося в воде солнца и может расплавить металл. Всего в моем распоряжении — двенадцать отверстий. С тех пор, как я стал играть, меня чаще называют дураком и всякими производными от этого слова, чем Чудиком, то есть моим настоящим именем.

Как я выгляжу?

Уродлив, с постоянно оскаленными зубами. Всякая всячина есть у меня: огромный нос, серые глаза, рот до ушей — и все это понатыкано на маленькое коричневое лицо. Оно обычно расцарапано и больше похоже на лисью мордочку. А вокруг — нечесанная шевелюра цвета желтой меди или латуни. Где-то раз в два месяца я ее подрезаю своим мачете: волосы быстро отрастают. Но вот что странно, мне двадцать три, а бороды еще нет. Фигура моя напоминает бочонок; ноги, икры ног, ступни вряд ли можно назвать мужскими (горилла?), они раза в два больше, чем должны бы быть (размер у меня пять футов девять дюймов) и бедра — под стать икрам. В тот год, когда я родился, у нас в деревне родилось много гермафродитов, и доктора полагали, что я тоже буду гермафродитом. В этом я как-то сомневаюсь.

Я уже говорил, что безобразен. Пальцы на моих ногах такой же длины, как и на руках. Но не морщитесь, однажды я с их помощью спас жизнь Маленькому Джону.

Мы поднимались с ним на Берилловое Лицо по скользкому вулканическому стеклу. Вдруг Маленький Джон сорвался и повис на одной руке. Я опустил ногу, схватил его за запястье и подтащил туда, где он смог найти опору для ног.

В этом месте рассказа Ло Ястреб обычно складывал руки на груди и укоризненно качал головой, так что его борода упиралась в крепкую шею, и говорил: «И что вы, два молодых Ло, делали на Берилловом Лице? Это опасно, и вы прекрасно знаете, что мы стараемся избегать опасностей. Норма рождаемости становится все ниже и ниже. Мы не можем позволить себе терять работоспособную молодежь по глупости.»

Конечно, сама рождаемость не падает. Он подразумевает, что число *общей нормы* снижается; а рождается людей много. Ло Ястреб принадлежит к поколению, в котором число неработоспособных, идиотов, монголоидов и кретинов превышало пятьдесят процентов всего населения. (В то время мы еще не могли приводить в порядок свои генетические коды. Ну да ладно.) Теперь же рождается гораздо больше работоспособных, чем неработоспособных. Но как бы то ни было, я могу обгрызать ногти не только на пальцах рук, но и на пальцах ног.

Помню, сижу я как-то возле родника, пробивающегося из-под камня. Его струи создают маленькие радуги между деревьями. У камня притаился кроваво-красный паук — большой, величиной с мой кулак. Его брюшко пульсирует.

Над головой шелестят листья. Мимо меня проходит Ла Снежка, несущая связку фруктов на спине и козленка под мышкой. Она поворачивает голову и спрашивает:

— Что ты здесь делаешь, Ло Чудик?

— Грызу ногти. Разве не видишь?

— Ах да!

Она покачала головой и направилась через лес в деревню.

Сейчас я предпочитаю сидеть на камне, спать, думать, грызть ногти или точить мачете. Это моя привилегия. Так говорит Ла Страшная.

Еще не так давно Ло Маленький Джон, Ло Увалень и Ло Я вместе пасли коз и овец (вот что мы делали на Берилловом Лице — смотрели за козами). Мы составляли хорошее трио.

Хотя Маленький Джон на год старше меня, он до самой смерти будет выглядеть смуглым четырнадцатилетним подростком с гладкой, как обсидиан, кожей. У него постоянно потеют ладони, ступни и язык (конечно же, на языке не совсем потовые железы; при этом он выгладит, как диабетик в первый день зимы или возбужденная собака). У него есть серебряная сетка для волос, не белая — серебряная. Она не полностью серебряная, краска нанесена на чистый металл,

и там, где пряди волос трутся о сетку появляются черные пятна. Волосы у него рыжие — но вовсе не цвета ржавого железа, как у меня или других. Бегая и прыгая среди камней и овец, он монотонно напевает простенькую песенку и вспыхивает головой и подмышками. Остановившись у дерева и задрав ногу (ну, вылитая собака), Маленький Джон смущенно оглядывается по сторонам. А когда он улыбается, черные глаза сверкают, как маленькие огоньки. Они излучают столько же света, сколько и волосы, только на другой частоте. Там, где у меня подушечки пальцев, у него растут когти, твердые и острые. Он нехороший Ло, он может свести вас с ума.

Увалень, моя вторая рука, высокий (около восьми футов), пушистый, заросший мехом (темные волосы покрывают всю спину, и такие же локоны на его животе), сильный (может запросто поднять и швырнуть камень весом в триста двадцать шесть фунтов. И мускулы у него при этом вздуваются буграми) и добрый. Только один раз он рассердился на меня, когда одна из овец упала на камни.

Я понял, что животному грозит опасность, когда подошел. Овца была слепой, одной из тех, полученных при совершенствовании общей

нормы. Я остановился на одной ноге, а остальными тремя конечностями начал бросать палки и камни, чтобы привлечь внимание Ло Увальня, который был намного ближе к овце, чем я.

— Прекрати, эй ты, нефункциональный Ломонголоид. А то еще попаде… — и тут камень попал в него.

Увалень оглянулся с застывшим в глазах вопросом «Зачем-ты-в-меня-бросаешь-камни?» и тут увидел овцу, карабкающуюся по краю обрыва. Он кинулся к ней, и они вместе исчезли за краем обрыва.

Я метнулся, сбивая камни, чтобы успеть схватить Увальня за ногу. Он зацепился за расщелину у края обрыва и сидел там с мокрыми дорожками слез на мехе, покрывающем щеки. Этот великан посмотрел на меня и сказал:

— Не вреди мне больше, Чудик, — и указал вниз, — Ты уже причинил достаточно вреда.

Ну что вы с ним будете делать? У Увальня тоже есть когти. Он пользуется ими, чтобы влезать на пальмы и сбрасывать оттуда детям манго.

Все мы хорошо пасли овец. Только Маленький Джон, вместо того, чтобы заниматься делом, скакал, лазил по дубам и драл горло. Увалень, добрый и кроткий, как всегда, спокойно разбивал

дубиной головы черным медведям. А я играл на мачете, одинаково свободно владея левой ногой, правой рукой или наоборот. Мы все работали хорошо. Но не больше.

Но потом появилась Челка (она и явилась причиной всего того, что со мной произошло).

Челка, или Ла Челка, была предметом постоянных споров народных врачей и старейшин деревни. Она выглядела нормальной — стройная, темноволосая, с полногубым ртом, широким носом и желтыми глазами. Она родилась с шестью пальцами на руках, но странно, лишние пальцы оказались неработоспособными, так что бродячий доктор ампутировал их. У Челки были густые, черные волосы, и она их коротко стригла, но однажды нашла красную ленту и стала их перевязывать. В тот страшный день на ней был браслет и медные бусы. Челка была прекрасной.

И немой.

Когда она родилась, ее поместили в *клетку*, с другими неработоспособными, потому что она не двигалась. Потом сторож клетки обнаружил, что она не двигается, потому что знает, как это делается (да, да!). На самом деле она была очень подвижной, как беличья тень. Ее забрали из клетки и снова присвоили звание Ла. Но Челка

никогда не разговаривала. Она была работоспособной, плела корзины, пахала и охотилась. О ней все время спорили.

Однажды этот вопрос обсуждала вся деревня. Ло Ястреб придерживался такого взгляда:

— В мое время Ла и Ло были резервами общей нормы. Тогда мы были очень слабы и давали это имя всем, кто был более или менее работоспособным и имел несчастье родиться в те смутные времена.

Ла Страшная отвечала на это:

— Времена меняются. Да, безусловно, это прецедент, тридцать лет Ло и Ла присваивали каждому работоспособному живому существу, рождающемуся в этом нашем новом мире. Но вопрос не в том, как далеко распространяется определение «работоспособность». Обязательно ли считать способность к устному общению непременным условием этой пресловутой работоспособности? Девочка умна и научилась быстро и всему. Я выдвигаю ее на Ла Челку.

В то время, когда взрослые обсуждали ее социальное происхождение, девочка сидела возле костра и играла белой галькой.

— Начало конца, начало конца, — ворчал Ло Ястреб. — Мы должны как-то оберегаться.

— Конец начала, — парировала Ла Страшная. — Все должно измениться.

Как я помню, они еще долго обменивались подобными фразами.

Однажды, еще до моего рождения, так рассказывали, Ло Ястреб покинул деревню, неудовлетворенный жизнью в ней. Дошли слухи, что он затерялся на лунах Юпитера, где разыскивал синие металлические жилы в горных породах. Позднее говорили, что он покинул спутник Джовайн и плавает в пышущем жаром море другого мира, где три солнца бросают свои тени на палубу корабля, большего, чем вся наша деревня. Еще позднее он сообщал, что пробирается через субстанцию, дающую густые ядовитые испарения, сквозь которые в течение долгой, в целый год, ночи не видно звезд. Когда прошло семь лет, Ла Страшная, наверное, решила, что ему пора возвращаться. Она покинула деревню и через несколько недель вернулась с Ло Ястребом. Он сильно изменился, и его никто не спрашивал, где он был. Но люди заметили, что после возвращения Ло Ястреба, его и Ла Страшную связывает что-то большее, чем любовь.

— …нужно уберечься, — продолжал спорить Ло Ястреб.

— …должно измениться, — отвечала Ла Страшная.

Обычно в спорах Ло Ястреб уступает ей, так как Ла Страшная — женщина большой начитанности, огромной культуры и ума. Ло Ястреб в молодости был прекрасным охотником и воином. И он всегда предпочитает действовать, когда не хватает слов. Но в этом споре Ло Ястреб был непреклонен.

— Общение — это главное, если мы, конечно, человеческие существа, Я скорее признаю какую-нибудь короткомордую собаку, знающую сорок или пятьдесят слов для высказывания своих желаний, чем немого ребенка. О, в битвах моей молодости я многое повидал! Когда мы сражались с гигантскими пауками, или когда на нас из джунглей обрушилась волна плесени; когда мы известью и пылью уничтожали двадцатиногих слизняков, выползающих из-под земли, — мы выигрывали эти битвы, потому что могли говорить друг с другом, отдавать приказания, предупреждать об опасности, шепотом обсуждать планы в сумеречной темноте пещер. Да, я скорее присвою Ла и Ло говорящей собаке!

Кто-то из толпы сделал неприличное замечание:

— Значит, пусть она будет «Ле».

Люди захихикали. Но старейшины не обратили внимания на эту бестактность. Во всяком случае, этот вопрос так никогда и не был решен окончательно. Люди уже стали поглядывать на опускающуюся луну, когда кто-то предложил сделать перерыв. Все заскрипели лавками и затопали ногами. Челка, смуглая и прекрасная, продолжала играть галькой.

Челка не двигалась в детстве, потому что знала, как это делается. Мельком взглянув на Челку (мне в то время было восемь лет) я догадался, почему она не разговаривает: она подняла камешек с земли и швырнула его в голову тому парню, который предложил считать ее «Ле». Даже в восемь лет она была обидчивой. Челка промахнулась, и только я один это видел. Но я видел и то, как ее передернуло, как исказилось лицо, как напряглись пальцы на ногах — она сидела поджав ноги — когда бросала этот камешек. Обе руки лежали на коленях скрещенных ног. Я видел: она не использовала рук для броска. Камешек просто поднялся с земли, полетел по воздуху и зашуршал где-то в листьях. Но я видел: она *бросила* его.

Глава вторая

В те недели, каждый вечер я засиживался на прибрежных валунах. Слева громоздились дворцы, и хрупкий свет рассыпался над гаванью в теплом осеннем воздухе. «Пересечение Эйнштейна» продвигается странно. Сегодня вечером, когда я возвращался на большую трапецеидную[1] *Площадь, туман разъел все верхушки флагштоков. Я сидел у основания ближайшей башни и делал заметки о чаяниях Чудика. Потом я оставил осыпающиеся золото и синь Базилики и до поздней ночи бродил по переулкам города. Где-то там я остановился на мосту, наблюдая, как между тесных стен причудливых в ночи домов течет вода канальчика, под светом ночных фонарей и растянутыми бельевыми веревками. Я вздрогнул от внезапного визга: полдюжины воющих котов прошмыгнули между моих ног в погоне за бурой крысой. Озноб пробежал по по-*

---

[1] Примечания: 1
Так в тексте — прим. верстальщика.

звоночнику. Я оглянулся на воду — шесть цветов роз плыли по воде, медленно продвигаясь через нефтяную пленку. Я смотрел им вслед, пока прошедший мотобот не поднял волну, разбивающуюся о берега канала; и волна накрыла цветы. По маленьким мостикам я пробрался к Большому Каналу и поймал речное такси, чтобы вернуться на Феровию. Когда мы проплывали под черной деревянной аркой Академии Понти, подул ветер; я пытался связать цветы, тех «сорвавшихся с цепи» животных с приключением Чудика. Орион отражался в воде. И береговые огни дрожали в волнах меж мокрых парапетов Риальто.

Дневник автора. Венеция. Октябрь 1965

Вкратце я поведаю, как Мальдерор был добродетелен в течение первых лет своей жизни, добродетелен и счастлив. Позже он начал сознавать, что рожден злым. Странный рок!

Исидор Дюкасс «Песни Мальдоро»

Увалень, Маленький Джон и я перестали пасти стадо вместе, когда появилась Челка.

Челка, таинственная и неясная, была с нами

неразлучна. Она бегала и прыгала с Маленьким Джоном, танцевала с ним под его единственную песню и мою музыку. Шутливо боролась с Увальнем и ходила со мной на ежевичную поляну, держась за мою руку — какая разница, есть ли приставка Ло или Ла у того, с кем ты пасешь коз, смеешься и занимаешься любовью. Она могла, сидя на на камне, повернуться и долго, пристально смотреть на меня под убаюкивающий шелест листьев. Или вдруг стремглав броситься ко мне. Она мчалась по камням, и между ее грациозно бегущей фигуркой и ее же тенью на скалах оставалось лишь само движение. Я с облегчением вздыхал, когда она, смеющаяся, оказывалась в моих объятьях. Челка смеялась в моих руках — и смех был единственным звуком, который слетал с ее нежных губ. Вот и все, чем мы с ней занимались.

Она приносила мне свои прекрасные находки и охраняла от опасностей. Думаю, она делала это так же, как когда-то швырнула гальку. Я заметил, что в ее присутствии не происходит несчастных случаев — львы не нападали, овцы спокойно паслись, ягнята не терялись и не падали со скал.

— Маленький Джон, ты не пойдешь сегодня вместе с нами наверх?

— Хорошо, Чудик, если ты не думаешь…

— Останешься дома.

Увалень, Челка и я отправились с овцами.

Она показывала мне облака, похожие на стаи белых соколов. Или самку сурка, приносящую посмотреть нам своих детенышей.

— Увалень, здесь мало работы для всех. Почему бы тебе не заняться чем-нибудь еще?

— Но я люблю приходить сюда, Чудик.

— Мы с Челкой сами позаботимся о стаде.

— Но я не…

— Пойди поищи отставших овец, Увалень.

Он хотел сказать что-то еще, но я поднял с земли камень и стал подбрасывать на ладони. Увалень смущенно посмотрел на меня и неуклюже потопал прочь. Ну представьте себе, терпеть такого вот, как Увалень…

На поле остались только я, Челка и стадо. Прекрасно было вместе с ней бегать по холмам среди дурманящих цветов. Если в траве были ядовитые змеи, то они никогда не кусались. И я, ах, играл на мачете.

Что-то убило ее.

Она спряталась среди плакучих ив, склонивших к земле ветви. Я искал ее, звал и смеялся. Вдруг она закричала — это был первый звук, кото-

рый я услышал от нее (не смех). Заблеяли овцы.

Я нашел Челку под деревом, она лежала, уткнувшись лицом в землю.

Мирную тишину луга нарушало лишь блеяние коз. Я молчал, потрясенный.

Я поднял ее и понес в деревню. Мне не забыть лица Ла Страшной, когда я вышел на деревенскую площадь с гибким телом на руках.

— Чудик, что в мире… Как она… О, нет! Чудик, нет!

Увалень и Маленький Джон снова стали пасти стадо. Я начал ходить к пещере, где бежал родничок: грелся на камне, точил мачете, грыз ногти, спал и размышлял. С этого мы как раз начали.

Пришел Увалень, чтобы поговорить со мной.

— Эй, Чудик, помоги нам с овцами. Возвратились львы, и нам нужна твоя помощь. — Он присел на корточки, но все равно продолжал возвышаться надо мной. И покачал головой.

— Бедный Чудик, — он погладил меня по голове. — Ты нам нужен. А мы нужны тебе. Поможешь нам найти двух пропавших ягнят?

— Уходи.

— Бедный Чудик.

Но он ушел. Потом пришел Маленький Джон. Он топтался за кустом, придумывая, что сказать,

и выглядел очень взволнованным. Но так и не подошел.

Приходил и Ло Ястреб.

— Пойдем на охоту, Ло Чудик. В миле отсюда видели быка. Говорят, рога у этого буйвола длиной с твою руку.

— Я сегодня чувствую себя неработоспособным, — ответил я. Я не хотел идти вместе с ним. Сгорбившись, Ло Ястреб попятился. Я не мог, просто был не в состоянии хотя бы выглядеть вежливым.

Когда пришла Ла Страшная, все вышло по-другому. Как я уже говорил, она обладала большим умом и ученостью. Она пришла с книгой и уселась с другой стороны камня, на котором я сидел, и не обращала на меня внимание целый час, пока я не рассердился.

— Что вы здесь делаете? — не выдержал я.

— Вероятно то же, что и ты.

— Что же?

Она выглядела серьезной. Я отвернулся к своему мачете.

— Что же ты не договорил со мной?

— Мне нужно наточить мачете.

— А я оттачиваю свой ум, — сказала она, — Нужно точить и то и другое.

— А?

— Что за нечленораздельный способ задавать вопросы?

— А? — повторил я. — Да. Зачем?

— Надо уничтожить того, кто убил Челку, — она закрыла свою книгу. — Ты хочешь мне помочь?

Я наклонился вперед, скрестив ноги, и открыл рот: Ла Страшная плакала, покачиваясь. Я вскрикнул. Это больше всего удивило меня. Я прислонился лбом к камню и зарыдал.

— Ло Чудик, — сказала она, как Ло Ястреб, но совсем по-другому. Потом она погладила мои волосы, совсем как Увалень, только по-другому. Когда я чуть пришел в себя, то почувствовал, что она жалеет меня. Как Маленький Джон, но по-другому.

Я лежал на боку и всхлипывал. Ла Страшная гладила мои плечи и руки, разгоняя тоску, открываясь мне ласковой и доброй. И говорила: — Позволь рассказать тебе миф, Чудик. Послушай. Мы долго думали, что этот миф разрушен. И неразумно разбрасывались проблемами. Ты помнишь легенду о Битлз? Ты помнишь, что один из них, битл по имени Ринго, покинул свою возлюбленную, хотя она и была с ним нежна. Он был единственным из битлов, кто не пел, так

говорят самые ранние легенды. После *ночи трудного дня* он и остальные битлы были разлучены и разорваны на части вопящими девчонками. И все они, Ринго и его друзья вернулись. С великим роком и великим роллом.

Я положил голову на колени Ла Страшной. Она продолжила.

— Да, но этот миф — вариант более древней истории, которая не так хорошо известна. Сорокопяток и долгоиграющих дисков не осталось. Сохранилось несколько рукописей, а молодежь утратила интерес к чтению. В этой старой истории Ринго зовется Орфеем. Орфей тоже был разлучен со своей возлюбленной, но в деталях истории не совпадают. Он потерял свою возлюбленную — по этой версии ее звали Эвридика — и она ушла в великий рок и великий ролл, куда последовал и он, чтобы разыскать ее и вернуть. Он шел и пел — по одной из версий он был великим певцом — вместо того, чтобы идти молча. Мифы всегда противоречат друг другу.

Я спросил:

— Как он мог пойти в великий рок и великий ролл? Это же сама смерть и сама жизнь.

— Он смог.

— Он вернул ее назад?

— Нет.

Я посмотрел на старое лицо Ла Страшной и снова опустил голову на ее колени.

— Тогда он солгал. На самом деле он не ходил туда. Он наверное ушел куда-то в лес, отсиделся там и придумал для оправдания эту историю.

— Возможно, — сказала Ла Страшная.

Я снова посмотрел вверх.

— Он хотел ее вернуть. Я знаю, он хотел ее вернуть. Но если он упустил случай обладать ею, то он не смог возвратить ее. Поэтому я думаю, что он солгал. О своем походе в великий рок и великий ролл.

— Вся жизнь — это ритм, — произнесла она, когда я сел, — смерть — разрушение ритма, синкопа перед возобновлением жизни, — она прикоснулась к моему мачете. — Сыграй что-нибудь. Найди музыку!

Я приложил рукоятку мачете ко рту, перекатился на спину и заиграл. Музыка рождалась с помощью моего языка, вылизывающего мачете, и дыхания, врывающегося в нож. Звук появлялся где-то в моей груди, и сначала тихий, он становился все громче и громче. Я закрыл глаза, чувствуя и ощущая каждую ноту. Они вырывались из меня в ритме дыхания. Пальцы рук и ног

все крепче сжимали мачете, вот-вот — и их сведет судорогой, сердце учащенно билось, готовое в танце выпрыгнуть из груди. Звуки молитвенного гимна затрепетали.

— Чудик, когда ты был мальчиком, ты обычно отбивал ритм ногой по камню, создавал танец, барабанил. Стучи, Чудик!

Я ускорил мелодию, подражая барабанному бою, и поднял звуки на октаву выше, насколько позволяла длина рукояти.

— Стучи, Чудик!

Я потряс ногой и стал стучать ею по камню.

— Стучи!

Я открыл глаза. Музыка смеялась.

Удар за ударом. Трель за трелью, и Ла Страшная тоже смеялась, склонившись надо мной. Пот, выступивший у меня на затылке, стекал по спине. Я отбивал ритм пятками и пальцами, устремив лезвие мачете к солнцу. Пот выступил уже на ушах и струился по шее.

— Бей, мой Ло Ринго! Играй мой Ло Орфей! — кричала Ла Страшная. — Ох, Чудик. — Она хлопала и хлопала в ладоши.

Потом, когда музыка утихла, и единственным звуком осталось мое дыхание, шелест листьев и журчание ручейка, она кивнула с улыбкой:

— Теперь тебе можно погрустить.

Моя грудь блестела от пота, живот поднялся и стал ровным, пыль на ногах превратилась в бурую липкую грязь.

— Ты теперь почти готов к тому, что должен сделать. А сейчас иди охотиться, пасти овец… и побольше играй. Скоро за тобой придет Ле Навозник.

Все для меня остановилось. Дыхание и сердце тоже.

— Ле Навозник?

— Иди, тебе надо развеяться перед путешествием.

Испуганный, я затряс головой, повернулся и бросился от пещеры.

Ле…

Глава третья

Внезапно зверек выскочил из моего подола и бросился бежать — о, ужас — монстр, уродливый червь с человеческой головой.
— Где твоя душа, которую я могу оседлать.
Алоизиус Бертран «Карлик»
Подходите ЖИВО! Вы из поколения ПЕПСИ!
Ряд фраз. (Коммерция).

… Навозник!

Через час я спрятался возле клетки. Но ни во дворе, ни поблизости Ле Навозника не было видно. Белокожий урод (я вспомнил, что его извергла из своего чрева мать Увальня, после чего умерла), ползал возле энергетической изгороди, пуская слюни. Он, вероятно, скоро умрет. Потом я заметил по-идиотски смеющегося Грига. Он был Ла Григом, пока ему не исполнилось шестнадцать лет. Но что-то — никто не знал генетика это или нет — сломалось у парня в голове, и с его губ полился смех; он стал смеяться — смеяться без-

остановочно. Его лишили звания Ло и поместили в клетку. Ле Навозник, вероятно, находился в здании: раздавал пищу, лечил, если это было нужно и убивал, если лечение не помогало. Много горя и ужасов хранится здесь, и тяжело осознавать, что *они* тоже люди. Они не были рождены с высоким званием, но все же они — люди. Даже Ло Ястреб понимал, как тяжело работать в клетке.

— Вы не *знаете,* что делали с ними, когда я был мальчиком, молодым Ло. Несколько из них умудрились сбежать из клетки, и вы не видели, как они тащились из джунглей. Вы не читали жестоких параграфов указа об общей норме, от которых кровь стыла в жилах. Многим людям, которых мы сейчас называем Ла и Ло, пятьдесят лет назад не разрешили бы жить. Будьте довольны, что вы — дети более цивилизованного времени.

Да, они были людьми. Но я давно задаюсь вопросом и удивляюсь, что заставляет заботиться о них Ле Навозника?

Я возвратился в деревню.

Ло Ястреб разглядывал свой арбалет, подняв его над головой. Возле его ног лежала куча стрел.

— Как поживаешь, Ло Чудик?

Я поднял стрелу ногой и повертел ее.

— Уже поймал быка?

— Нет.

Я хорошо владел мачете. Был у меня и особый удар — моя гордость.

— Пойдем, — сказал я.

— Сначала присядь и отдохни.

Пока я отдыхал, он закончил натягивать тетиву арбалета, принес второй для меня, и мы спустились к реке.

Вода в реке была желтой от ила. Течение было сильным; над водой, словно волосы, свисали папоротники и длинные стебли травы. Мы прошли по берегу около двух миль.

— Что убило Челку? — спросил я наконец.

Ло Ястреб присел на корточки и стал разглядывать бревно, на котором виднелись следы от рогов.

— Ты был там. Ты видел. Только у Ла Страшной есть какие-то догадки.

Мы отошли от реки. Кусты ежевики царапали краги Ло Ястреба. Мне обувь была не нужна: кожа у меня крепкая, ее не сравнить, например, с кожей Увальня или Маленького Джона.

— Я ничего не видел, — сказал я. — Что предполагает Ла Страшная?

С дерева сорвался большой белый ястреб и полетел прочь. Челке обувь тоже была не нужна.

— Что-то убило Челку, потому что она была неработоспособной.

— Челка была работоспособной! Была!

— Тише, тише, мальчик.

— Она пасла стадо, — заговорил я, немного успокоившись. — Она умела ухаживать за животными и понимала их. Опасности миновали ее, а все прекрасное стремилось к ней.

— Глупости, — сказал Ло Ястреб, перешагивая через грязную лужу.

— Она без помощи жестов и слов перегоняла животных, куда хотела или куда нужно было мне.

— Этого вздора ты наслушался от Ла Страшной.

— Нет. Я сам видел. Она могла передвигать животных, как гальку.

Ло Ястреб начал говорить что-то еще, но вдруг запнулся, как будто только услышал, что я сказал.

— *Какую* гальку?

— Гальку, которую она подняла и швырнула.

— *Какую* гальку, Чудик?

И тут я рассказал ему ту историю.

— … И она использовала это свойство, — закончил я. — Она охраняла стадо, она охраняла его

даже без меня.

— Только сама не смогла уберечься, — сказал Ло Ястреб и зашагал дальше.

Мы пошли молча, только шепот листьев нарушал тишину. Я размышлял. Вдруг:

— Аааааааа… — три разных голоса.

Листья взметнулись, и троица братьев Бобов стремглав понеслась к нам. Один из них бросился на меня, и я схватил в охапку этого бьющегося в истерике, рыжеволосого десятилетнего мальчишку.

— Э-эй, ты уже здесь, — сказал я спокойно.

— Ло Ястреб, Чудик! Там…

— Успокойся, ты уже прибежал, — прибавил я, пытаясь уклониться от его локтя.

— … там! Он топчет все и бьет копытами по камням… — Это где-то под боком завопил другой из братьев.

— Где там? — спросил Ло Ястреб. — Что случилось?

— Там, где…

— … возле старого дома, недалеко от того места, где провалилась крыша пещеры в…

— … бык пришел сверху и…

— … он ужасно огромен и ходил…

— … он зашел в старый дом…

— … мы играли внутри…

— Держись, — я поставил Боба-3 на землю. — Где все это было?

Они повернулись и указали на лес. Ястреб сжал свой арбалет.

— Прекрасно. Вы, мальчики, возвращайтесь в деревню.

— Скажи… — я поймал Боба-2 за плечо. — Какой он величины?

Он заморгал.

— Не помнишь, — сказал я, — Тогда идите.

Они посмотрели на меня, на Ло Ястреба, оглянулись на лес, откуда прибежали, и побрели к деревне.

В молчаливом согласии мы с Ястребом повернулись и пошли по следу ребятишек, отмеченному сломанными ветками и сбитыми листьями.

Поперек тропинки лежало бревно, раздробленное с одного конца. Мы перешагнули его и, продравшись сквозь кустарник, вышли на поляну.

Тут валялось множество разбитых в щепки досок. Пятифунтовые балки дома тоже были разбиты, и только одна из четырех выдержала.

Соломенная крыша была сорвана и отброшена на ярд в сторону. Когда-то давно Снежка выра-

щивала в этом саду цветы; ей тогда пришлось покинуть деревню. Мы шли вниз, к ее бревенчатому дому, который был настолько уютным, что… да, она там вырастила живую изгородь из таких пушистых оранжевых цветов, ну, вы знаете…

Я остановился возле бычьего следа, впечатавшего в землю ветки и листья. Моя нога свободно поместилась в оттиске. Два дерева на поляне были вырваны с корнями. А другие два, побольше, — сломаны; оставшиеся от них «пни» были гораздо выше меня.

Путь быка на поляне можно было легко определить по вывороченным и разбросанным кустам и виноградным лозам.

Ло Ястреб легкой походкой расхаживал по поляне, беззаботно размахивая арбалетом.

— Надо бы держаться поосторожней, — я рассматривал следы разрушения. — Бык, кажется, огромен.

— Ты же не первый раз охотишься со мной.

— Да, конечно. Но разъяренного быка нельзя надолго терять из виду.

Ло Ястреб направился к лесу, и я пошел за ним.

Пройдя десять шагов вглубь леса, мы услышали, как где-то с грохотом упало дерево — тишина — потом снова упало дерево.

— Конечно, если зверь такой большой, то он себе спокойно разгуливает по лесу, — сказал я.

Снова затрещали деревья.

Потом раздался душераздирающий рев. В нем звучал металл. Ярость, пафос и гром вырывались из бычьих легких с такой силой, что дрожали деревья.

Мы крались под серебристо-зеленой листвой по прохладной и опасной прогалине, шаг за шагом, осторожно переводя дыхание.

Потом слева, среди деревьев…

Он двигался скачками, сотрясая землю так, что с деревьев осыпались листья и ветки.

Бык уставил на нас мутные, бурые, налитые кровью глаза. Из мокрых черных ноздрей вырывался пар. Глазные яблоки громадины были больше моей головы.

Он был очень величественен.

Потом бык опустил голову, мотнул ею, сломал ветку и опустил свои руки на землю — у него было две руки с ороговевшими пальцами, каждый толщиной с мою руку — замычал, снова поднялся и запрыгал прочь.

Ло Ястреб выстрелил. Стрела пролетела между деревьями и попала животному в бок. И великан с ревом умчался.

— Бежим! — крикнул Ястреб и побежал за быком.

И я помчался за этим сумасшедшим стариком, побежал убивать прекрасного зверя. Мы карабкались по раздробленным камням ущелья (они были целыми совсем недавно, когда я бродил здесь в послеполуденное время. Дул ветерок, и в моей руке — рука Челки… на моем плече, на моей щеке). Я спрыгнул вниз на дорогу и, подскользнувшись, растянулся на заросших мхом кирпичах, которыми была вымощена дорога. Мы побежали вперед и…

Некоторые вещи настолько малы, что их трудно увидеть. Другие — настолько велики, что нужно отойти, удалиться, чтобы понять, что это такое.

Мы наткнулись на дыру в земле, отверстие около двадцати метров в диаметре. Под ним, вероятно, находилась пещера. Я не знал, что и здесь появился такой пролом.

Бык внезапно заревел из него, выдав свое местонахождение.

Когда эхо затихло, мы подползли к осыпающемуся краю и заглянули в пещеру. Внизу я увидел солнечные пятна на шкуре быка, вертящегося в яме. Внезапно он выпрямился, ворочая глазами и размахивая волосатыми руками.

Ло Ястреб отпрыгнул назад. Когти были всего в пятнадцати футах от нас.

— Похоже, этот тоннель ведет в пещеры, из которых вытекают родники, — прошептал я. Перед чем-нибудь величественным — только шепотом.

Ло Ястреб кивнул:

— Говорят, некоторые тоннели ведут на сотни метров вглубь, некоторые — на тысячи. А этот — один из самых больших.

«Может ли он вылезти из ямы?» — глупый вопрос.

С другой стороны дыры показалась рогатая голова и плечи быка. Там пол пещеры был повыше, и бык надеялся выбраться наружу. Он посмотрел на нас, пригнулся, замычал, высунув длинный красный язык, покрытый пеной, и попытался прыгнуть.

Он не мог достать нас, но мы отбежали назад. Над краем провала появилась рука и стала шарить в поисках, за что бы зацепиться.

Я услышал, как сзади закричал Ло Ястреб (я бегал быстрее, чем он). Обернувшись, я увидел, что рука поднялась над ним!

Хлоп!

Ястреб лежал на земле. Рука пошлепала его немножко *(Бум… Бум! Бум!),* и пальцы засколь-

зили вниз, обрушивая за собой камни, кирпичи и три маленьких деревца, вниз, вниз, вниз.

Ло Ястреб не погиб. (На следующий день мы обнаружили, что у него трещина в ребре, но тогда было не до этого.) Он попытался приподняться. Я испугался за этого придавленного жука, за этого пострадавшего… пострадавшего ребенка.

Я схватил его за плечи.

— Ястреб! Ты…

Он не слышал меня из-за рева быка в яме. Но поднялся, хлопая глазами. Из его носа хлынула кровь, а руку он прижимал к раненой груди. Ло Ястреба просто отбросило ударом и, к счастью, важнейшие органы не пострадали; его только контузило.

— Пойдем отсюда! — и я потащил его к деревьям.

— …нет, подожди, Чудик… — прозвучал его хриплый голос во время какого-то короткого затишья между ревом.

Когда я подтащил его к дереву и прислонил к стволу, Ястреб схватил меня за руки.

— Надо торопиться, Ястреб! Сможешь идти? Мы должны уходить. Я понесу тебя…

— Нет, — дыхание с клекотом выходило из его легких.

— Ну, пойдем, Ястреб. Шутки шутками. Но ты уже поохотился и бык этот намного больше, чем другие. Он, наверное, мутант, родившийся в пещере с высоким уровнем радиации.

Он снова схватил меня за руку.

— Мы должны остаться и убить его.

— Ты думаешь, что он сможет вылезти наверх и причинить вред деревне? Он сидит в слишком глубокой яме.

— Нет… — Ястреб закашлялся. — Да где бы он там не сидел… Я охотник, Чудик…

— Посмотри на себя…

— И я буду учить тебя охотиться, — он попытался сесть. — Только тебе придется выучить первый урок самостоятельно.

— Ха?

— Ла Страшная говорила, что ты готовишься к путешествию.

— О, ради бога…, — я искоса посмотрел на него: возраст, самоуверенность и страдание отражались на этом лице. — Что я должен делать?

Из ямы опять раздался протяжный рев.

— Спускайся туда, выследи зверя и убей его.

— Нет!

— Это ради Челки.

— Как это? — требовательно спросил я.

Он пожал плечами.

— Это знает Ла Страшная. Она сказала, что ты должен научиться хорошо охотиться.

Потом он еще раз повторил эту фразу.

— Я уже проверял свою смелость. Но…

— Тут другие причины, Чудик.

— Но…

— Чудик, — он повысил голос. — Я старше тебя и знаю об этом больше, чем ты. Бери арбалет и иди в пещеру. Иди.

Я сел и решил все обдумать. Храбрость — очень глупая вещь. И удивительно, как это я боялся и уважал Ло Ястреба с самого детства.

Снова раздался рев. Я встал, взял арбалет в руку, а мачете засунул за пояс. Если совершать что-нибудь глупое, — а мы все это когда-нибудь совершаем, — то надо делать это смело и безрассудно.

Я похлопал Ло Ястреба по плечу и направился к яме. С той стороны, куда я подошел, стены провала были слишком крутыми. Я обошел яму и стал спускаться там, где спуск казался более пологим.

В высоком потолке тоннеля было много трещин. Сквозь них на пол падал свет, там же, на полу, валялись ветви, сухие листья и все, что могло упасть через щели в несколько дюймов

шириной или просочиться из пещер с родниками, которые были на несколько футов ниже.

Я подошел к развилке тоннеля, свернул налево, прошел в темноте футов десять и споткнулся. Удерживая равновесие, пробежал вперед на цыпочках (вытянув руки вперед), по лужам и сухим листьям (они шелестели у меня под ногами), попал в луч света и приземлился ладонями и коленями на гравий.

Грохот!

Грохот!

Немного ближе.

Грохот!

Я вскочил на ноги и выбежал из предательского потока света, подняв столб пыли. Кружась, она медленно осела.

Я затаил дыхание. Вообще-то, пойти туда, на этот шум — а он утих — было несложно. Подними ногу, наклонись вперед, опусти ногу вниз. Хорошо. Теперь подними другую, наклонись…

Неожиданно впереди, ярдах в ста от меня, показался еще один просвет; до этого что-то очень большое заслоняло его.

Треск!

Треск!

Треск!

Храп!

Ему хватило и трех шагов, чтобы оказаться рядом со мной.

Оглушительный треск!

Я отскочил к стене и вжался в землю и корни. Но звук стал отдаляться.

Я проглотил комок, подступивший к горлу и отошел от стены. Быстро пошел вслед за ним под осыпающимся сводом. А потом и побежал. Шум раздался справа.

Я свернул в опустевший тоннель. До меня доносился скрежет: тоннель был таким низким, что рога быка задевали за потолок. При каждом движении неповоротливых плеч громадины на пол сыпались камни и старые прогнившие листья.

Вдоль стены тянулся каменный желоб, покрытый фосфоресцирующим илом. И на спуске струйка воды превращалась в пенящийся поток, который обгонял меня слева.

Наверное, на одном из копыт быка была металлическая подкова; при беге из-под его ног вылетали оранжевые искры, высвечивая мощную мохнатую грудь и живот.

Нас разделяло всего метров тридцать.

Искры взметнулись снова — он свернул за угол.

Я почувствовал под ногами камень, а потом холодный гладкий металл.

Я прошел по сухим, занесенным сюда какими-то ветрами листьям, загоревшимся от искр из-под копыт быка. Они корчились в огне, вспыхивая вокруг моих ног. И темнота на миг слилась с запахом осени.

Я подошел к следующему повороту и заглянул за угол.

Повернувшись ко мне, он мычал.

Его нога била о землю в метре от моих ног. Искры из-под копыт освещали его влажные глаза, его ноздри.

А на меня надвигалась рука. Она опускалась, *падала.* Я отскочил назад и выхватил мачете.

Его ладонь — как в замедленной съемке, Ястреб, — лязгнула по металлической плите, на которой я только что был. И тут же опустилась снова — прямо на меня.

Я лежал на спине. Рядом на полу — мачете, острием вверх. Очень немногие люди, а тем более быки, могут ударить ногтем (с десятипеннинговую монету) и попасть при этом в рукоятку ножа. Повезло.

Он рванул меня с пола, и я оказался зажатым в его ладони (отбиваясь руками и ногами и визжа

во всю глотку), как в тисках. И все же я умудрился воткнуть мачете в его руку.

Он тоже завизжал, подпрыгнул, ударился головой о потолок; сверху посыпались земля и камни. Через двадцать футов он ловко сбросил меня. Мачете свободно вышло у него из раны — моя флейта наполнилась его кровью. Я метнулся к стене и покатился куда-то вниз.

Он зашатался: ударился плечом об одну стену, потом о другую. Его тень, колеблющаяся под потолком, была огромной.

Он спускался ко мне, а я полз на коленях (я растянул сухожилие на ноге) по острым камням и оглядывался при каждом его шаге.

В стене возле меня оказалась ржавая решетка около трех футов высотой с разошедшимися прутьями. Похоже, дренажная труба. Я пролез внутрь, пролетел около четырех футов и упал на мокрый пол.

Непроглядный мрак… и рука, хватающая и хватающая в темноте. Я слышал, как она царапает стену. Я взмахнул мачете над головой и лезвие впилось во что-то движущееся.

— Роаааааааа…

Сквозь камень рев звучал приглушенно. А ладонь захлопала по стене.

Я бросился вглубь, в темноту.

Уклон все рос, и внезапно я поскользнулся и полетел вперед, сильно исцарапавшись. Упал, поднялся и полез вверх по крутым трубам.

Я лежал с закрытыми глазами. Арбалет давил в плечо, лезвие мачете кололо бок; затекшее тело ныло.

Если вы действительно ослабли, глаза у вас закрываются и веки поднять очень тяжело. Когда я впал в полузабытье, какой-то свет брызнул мне в глаза и полился, как молоко на дно кубка.

Свет?

Я заморгал. Тусклый серый свет проникал через решетку. Я очутился на два этажа ниже, на решетке дренажной канавы, такой же, как и первая, в которую я пролез.

Где-то заревел бык, и сквозь мрачные камни эхо донесло до меня его приглушенный рев.

Я вскочил, больно ударился локтями, набил на плечах синяки, поцарапал обо что-то ноющий бок и заглянул вниз. Подо мной был пол из решетки, но большей частью она прогнила и обвалилась, и получилась как бы одна комната, но в два раза выше; до другого решетчатого пола было по меньшей мере футов пятнадцать.

Комната была круглой, семнадцать-восемна-

дцать метров в диаметре. Кое-где стены были украшены драгоценными камнями. Сводчатые входы, — а их было много, — вели в темные тоннели.

В центре находилась машина. Пока я все рассматривал, она печально загудела, и несколько волн света пробежало по морозному узору, покрывающему корпус машины. Это был компьютер старого времени (когда-то вы владели этой Землей, вы — воспоминание, вы — призраки). Немногие уцелевшие компьютеры трещали и кудахтали в пещерах. У меня хранились их обломки, но целый компьютер я видел впервые.

Меня разбудил… (я уснул? Да, задремал с волнующим образом перед глазами. Челка?)

… вопль зверя.

В соседней комнате был бык. Капли воды, падающие с потолка серебрились на его шкуре. Опустив голову и сгорбившись, он брел, волоча одну руку; другую — которую я дважды ранил — зверь прижимал к животу. И он прихрамывал.

Бык остановился и снова взвыл, яростно и гневно. Замолчал и стал озираться… и тут он увидел меня.

О, как я захотел, чтобы меня на этом месте не было.

Я съежился за решеткой и стал лихорадочно осматриваться в надежде найти выход, но лазейки нигде не было. «Иди, охоться», — так, кажется, сказал Ло Ястреб.

Охотником могло стать хорошенькое трогательное создание.

Он качнул головой, втянул воздух, и его поврежденная рука на животе судорожно сжалась.

Компьютер просвистел несколько нот древней мелодии — что-то из «Кармен». Скотина-бык непонимающе посмотрел на меня.

Как я должен охотиться на него?

Я поднял арбалет и прицелился. Нужно было попасть в глаз, но бык на меня не смотрел. Тогда я опустил арбалет и взял мачете. Поднес рукоятку ко рту и дунул. Бычья кровь забулькала в отверстиях, брызнула во все стороны, и вслед за ней прорвались и закружились по комнате ноты.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

Подняв арбалет, я прицелился сквозь решетку и нажал на спусковой крючок…

Бык в ярости бросился вперед, потрясая рогами. Он становился все больше и больше, вырастая в каменной раме двери. Я упал на спину, рев накатывался на меня и ослеплял. Из бычьего глаза хлестала кровь. Он схватился за прутья разделяв-

шей нас решетки.

Металл заскрежетал, с грохотом посыпались камни. Зверь смял решетку, пронесся по комнате и врезался в стену, вызвав целый камнепад. Метнулся ко мне, и пол провалился.

Бык потянулся и схватил меня: ноги оказались зажатыми в его кулаке. И я повис вниз головой, раскачиваясь высоко в воздухе над его мычащей головой с вытекшим левым глазом. Комната вертелась подо мной, а голова болталась от плеча к плечу. Я попытался навести арбалет — одна стрела раздробила камень под его копытом и отлетела в сторону. Другая вонзилась рядом со стрелой, которую выпустил Ло Ястреб. Не дожидаясь, пока от стены вот-вот отлетит камень и размозжит мне голову, я нашарил в колчане последнюю стрелу.

Морду быка заливала кровь. Последний выстрел — и кровь хлынула потоком. Стрела пробила второй глаз и проникла в мозг.

Он выронил меня. Не бросил, просто выронил.

Уже в воздухе я схватился за его запястье, но не удержался и соскользнул вниз на согнутый локоть.

Его рука начала падать, я попытался удержаться. Рука ударилась о пол, задние ноги животного

подогнулись.

Бык захрипел, и я стал сползать вниз, цепляясь за щетину. Увернувшись от огромной ладони, я, пошатываясь, отошел в сторону.

Поврежденное бедро ныло.

Я сделал еще шаг и остановился, не в силах идти дальше. Он покачивался надо мной, устремив на меня ослепшие глаза, и тряс головой. И он был величественен. И умирая надо мной, он был *все еще* силен. И он был огромен. В исступленном неистовстве я раскачивался в такт ему, сжав кулаки и стиснув зубы.

Он был огромен. И он был прекрасен. И он *все* еще бросал мне вызов — умирая, он насмехался над моими синяками.

Одна его рука подогнулась, и бык с грохотом рухнул.

Что-то заклокотало внутри его — тише… тише. Ребра тяжело вздымались. Опираясь на арбалет, я захромал к его голове, вытащил стрелу из левого глаза и выстрелил прямо в мозг.

Руки быстро задергались *(Бум! Бум!)* и замерли.

Когда он окончательно затих, я подошел к компьютеру, сел и склонился над металлическим ящиком. Внутри его что-то щелкнуло.

Все тело у меня болело. Я закрыл глаза.

— Это было очень выразительно, — произнес кто-то у моего правого уха. — Мне понравилось смотреть, как ты работаешь мулетой. Оле! Оле! Сначала *вероника,* затем *двойной проворот.*

Я открыл глаза.

— Нет, я не смеюсь над вашими уроками мастерства.

Я повернул голову. Возле моего уха был маленький репродуктор. Компьютер произнес утверждающе:

— Но вы ужасно искушены в жизни. Все вы. Молодые. Но чрезвычайно очаровательны. Ты хорошо сражался. Не хочешь ли о чем-нибудь спросить у меня?

— Да, — я перевел дыхание. — Как мне выбраться отсюда?

На стенах поблескивали циферблатами древние при боры.

— Позволь мне посмотреть, — надо мной зажглись огни, осветив колени. — Я могу выпустить наружу компьютерную ленту, а ты возьмешься за ее конец и выберешься отсюда. Но взамен ты иногда будешь приходить сюда побеседовать со мной — уже после того, как совершишь свой путь к сердцу своей возлюбленной. Чего ты больше

всего желаешь, герой?

— Я хочу домой.

— Тск-тск-тск, — защелкала машина. — А что еще?

— Ты действительно хочешь знать?

— Я сочувственно киваю.

— Мне нужна Челка, но она умерла.

— Кто такая Челка?

Я задумался. Попытался что-то сказать, но все, что шло на язык, застревало в горле и получались только всхлипывания.

— Ох, — через секунду она заговорила помягче. — Ты знаешь, что ты попал в неправильный лабиринт?

— Я? Тогда что здесь делаешь ты?

— Много лет назад меня сюда посадили люди, которым и не снилось, что когда-нибудь сюда придешь ты. Психическое Гармоническое Заграждение и Ассоциация Бредовых Ответов. Это было моей отраслью. И ты пришел и спрашиваешь мою память о потерянной девушке.

Да, я вполне мог разговаривать сам с собой. Я настолько устал и так был всем измучен.

— Как там наверху? — спросила ФЕДРА.

— Где?

— На поверхности. Я помню, что там было,

когда здесь были люди. Они сделали меня, потом все ушли, а нас бросили здесь. А потом вместо них пришли вы. Это, наверное, трудно идти по городам и джунглям, сражаясь с мутировавшей флорой и фауной, заколдованными духами миллионолетней фантазии.

— Мы стараемся.

— Вы, по существу, не снаряжены для этого, — произнесла ФЕДРА. — Но я предполагала, что вы разрушите старые лабиринты, прежде чем сможете двинуться к новым. Это трудно.

— Если речь о посредственном сражении с этим... — я кивнул в сторону бычьей туши. — То да.

— Было довольно забавно. Я пропускаю метания, девичьи прыжки над рогами, барахтанье в воздухе с приземлением на потную спину и прыжок в песок. Человечество обладало вкусом. Ты еще можешь этого добиться, но пока ты слишком юн.

— Куда ушли все эти люди, ФЕДРА?

— Я полагаю, туда же, куда и Челка.

Что-то музыкальное звучало внутри металлической коробки у моей головы.

— Но ты не совсем человек и ты не сможешь оценить этого. И не пытайся. Мы здесь внизу

несколько поколений стараемся следить за вами и отвечаем на вопросы, которые сами никогда и не подумали бы задать. С другой стороны, мы веками выжидаем крупицы информации о вас, которая может показаться наиболее очевидной и основополагающей: откуда вы и что вы делаете здесь. Тебе не приходило в голову, что ты можешь ее себе вернуть?

— Челку? — я вскочил. — Где? Как? — я вспомнил загадочные слова Ла Страшной.

— Ты в неправильном лабиринте, — повторила ФЕДРА. — А я не настолько ориентируюсь, чтобы указать тебе правильный путь. Кид Смерть прошел здесь совсем недавно, и, может быть, ты сможешь приблизиться к ней и успеешь просунуть ногу в дверь, а палец в пирог.

Я встал на колени.

— ФЕДРА, ты сбила меня с толку.

— Беги.

— Куда? Какой путь правильный?

— Опять заводишься. Я же уже говорила, что ты обращаешься не по адресу. Я хочу помочь, но я не знаю куда тебе идти. Но лучше отправляйся побыстрее. Когда садится солнце и наступает прилив, здесь собираются и кричат привидения.

Я вскочил и взглянул на несколько темнеющих

входов. Ну, чуть-чуть логики… Зверь пришел оттуда. Что если я пойду именно в эту дверь?

Долго в темноте слышалось только мое дыхание и дробь капель. Я споткнулся о ступеньку первой лестницы, вскочил и стал подниматься. Опять жестоко набивая шишки на голове и плечах, я наощупь обошел всю лестничную площадку и наконец понял, что вокруг много маленьких проходов, которые, *кажется*, никуда не ведут.

Я взял мачете и выдул из него остатки крови. Мелодия поплыла над камнями, кружась, как хлопья слюды в солнечном свете.

Что-то ударило по пальцу на ноге.

Я подпрыгнул, выругался и, продолжая играть, пошел дальше с милыми, любимыми звуками.

— Эй…

— … Чудик…

— … это ты? — детские голоса проникали ко мне сквозь камни.

— Да! Конечно я! — я повернулся и уперся руками в стену.

— Мы прибежали назад…

— … смотрели и Ло Ястреб…

— … он велел нам идти вниз, в пещеру, искать тебя…

— … потому что думает, что ты заблудился…

Я засунул мачете в ножны, висящие за спиной.

— Прекрасно!

— Где ты?

— Напротив вас, с другой стороны.

Я снова ощутил, что окружен каменными стенами.

Мои пальцы нащупали какой-то проем. Он был около трех футов в ширину.

— Подождите!

Я подтянулся, вскарабкался на край и увидел слабый свет в конце тоннеля. *Я* пополз по нему, высунул голову и посмотрел вниз на троицу братьев Боб. Они стояли в пятне света, проникающего в подземный лабиринт сквозь провал.

Боб-2 шмыгнул носом и утерся кулаком.

— О, — сказал Боб-1. — Ты уже здесь.

— Более или менее, — я прикинул высоту и спрыгнул к ним вниз.

— Черт побери, — сказал Боб-3. — Что с тобой случилось?

Я был с ног до головы в бычьей крови, исцарапанный, в синяках и кровоподтеках и еле держался на ногах.

— Пошли. Куда идти?

Мы выбрались на поверхность и увидели Ло

Ястреба.

Ло Ястреб стоял (помните, он сломал ребро, и ото выяснилось только на следующий день) возле дерева, обхватив его рукой. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Да, — сказал я. — Я убил его. Дело сделано, — я был ужасно измучен.

Ло Ястреб послал детей вперед. Мы пробирались сквозь высокую траву, как вдруг раздался треск ломающихся ветвей.

Я присел.

Это был просто кабан. До него можно было дотянуться рукой. Вот и все.

— Пойдем, — усмехнулся Ло Ястреб, поднимая свой арбалет. Больше не было сказано ни слова. У Ло Ястреба не хватило силы оглушить его, и мне самому пришлось заколоть зверя. После предыдущей *корриды?* Пустяк. Продираясь сквозь колючки, мы пошли в сторону деревни.

Голова кабана весила пятнадцать фунтов. Ло Ястреб тащил ее на спине. Тушу мы разделали на четыре окорока, и я, связав их, тащил по два на каждом плече. Мы уже подходили к деревне, когда встретили Увальня. Он пошел вместе с нами, и уже у самой деревни он сказал:

— Ла Страшная предупредила нас о Челке и о

животных. Она видела кое-что о тебе и о других жителях деревни.

— Как? Обо мне? Что обо мне?

— О тебе, Челке и Навознике, стороже клетки.

— Глупости, — я заморгал, шагая позади него. Потом поравнялся.

— Вы все родились в один год, — хмыкнул Увалень.

— Но мы все — разные…

Ло Ястреб посмотрел вверх, потом вниз на реку. На меня он не взглянул.

— Я ничего не умею делать с животными или с галькой, как Челка.

— Ты умеешь делать другие вещи. Ле Навозник тоже.

Он так и не взглянул на меня. Солнце наполовину исчезло за медными горами. Река стала коричневой. Он шел молча. Как облачко, несущееся по небу, я побежал к воде, опустился на колени, положил мясо рядом с собой и умылся илистой водой.

Вернувшись в деревню, я сказал Снежка, что если она приготовит для меня окорок, то получит половину моей доли.

— …будь уверена.

Но она продолжала рассматривать найденное

ею птичье гнездо:

— Подожди минутку.

— Поторопись, а?

— Хорошо, хорошо. Куда ты так спешишь?

— Послушай, я отполирую для тебя кабаньи клыки, сделаю наконечник для копья ребенку или еще что-нибудь, только чтобы ты ко мне больше не приставала.

— Хорошо, я… слушаю, да и вообще это не твой ребенок. Это…

Но я уже бежал, ноги прямо сами несли меня туда.

Было темно, когда я подошел к клетке. За оградой, поверх которой проходила проволока, было тихо. Потом к проволоке, спотыкаясь и хныча, кто-то подошел. Полетели искры и тень быстро отскочила.

Я не знал, с какой стороны подойти. Может быть Навозник находится внутри и чем-нибудь занимается. Бывает, что обитатели клетки спариваются между собой и даже производят на свет потомство. Иногда их отпрыски рождаются работоспособными. Например, братья Боб родились здесь. У них почти нет шей, а руки длинные. Но они проворные и смышленые ребятишки. Боб-2 и Боб-3, так же как и я, умеют ловко орудовать нога-

ми. Я даже дал Боб-3 пару уроков игры на мачете, но ему это быстро наскучило (все-таки ребенок) и он умчался вместе с братьями рвать фрукты.

Постояв около часа в темноте, обдумывая то, что происходит в клетке, я пошел обратно, свернул и улегся в стоге сена позади кузницы. Лежал и слушал гудение энергетической хижины, пока не заснул.

На рассвете я вылез из сена, протер глаза и пошел в загон для скота.

Через несколько минут подошли Увалень и Маленький Джон.

— Вам помочь с овцами? — спросил я.

Маленький Джон почесал щеку языком.

— Подожди минутку, — и пошел за угол.

Увалень неуклюже топтался. Вернулся Маленький Джон.

— Да, — сказал он.

— Нам нужна помощь. — он усмехнулся, и Увалень подхватил его усмешку и тоже заулыбался.

Удивительно! Внутри — комок страха. Удивительно! Они улыбаются!

Увалень поднял первую деревянную решетку загона, и овцы, заблеяв, подбежали ко второй. Удивительно!

— В самом деле, — сказал Увалень. — Ты нужен

нам. Мы очень рады, что ты вернулся.

Он шлепнул меня по затылку, а я дал ему пинка под зад, но промазал. Маленький Джон оттащил вторую решетку, и мы погнали овец через площадь по дороге вверх на луг. Как прежде. Нет. Не так.

Увалень первым заговорил об этом. Когда дневное тепло прогнало утреннюю прохладу, он сказал:

— Сегодня не так, как раньше, Чудик. Ты что-то утратил.

Я стряхнул росу, блестевшую на низкой иве. Росинки посыпались мне на лицо и плечи.

— Разве что аппетит и, может, пару фунтов веса.

— Нет, не аппетит, — сказал Маленький Джон, слезая с пня. — Что-то другое.

— Другое? — повторил я. — Скажите, Увалень, Маленький Джон, что другое?

— А? — переспросил Маленький Джон. Он бросил вниз палку, пытаясь привлечь внимание овцы к сочной траве. Промахнулся. Тогда я поднял камешек, валявшийся под ногами, прицелился и швырнул. Овца обернулась, посмотрела на меня синими глазами, заозиралась, и запрыгала от радости, что ей показали такую сочную

траву. — Ты очень изменился.

— Нет, — сказал я. — Ла Страшная говорит, что я чем-то очень важным отличаюсь от других людей. Так же как и… Челка. Мы — другие, *иные.*

— Ты можешь играть, — сказал Увалень.

Я посмотрел на мачете.

— Не думаю, что поэтому. Я могу научить играть и тебя. Она увидела во мне что-то другое.

Позже, после обеда, мы погнали овец назад. Увалень предложил пообедать всем вместе. Я отрезал окорок, а потом мы атаковали тайник Маленького Джона с фруктами.

— Хочешь приготовить ужин?

— Нет, — отказался я.

Увалень зашел за угол силовой хижины и закричал на всю площадь:

— Эй, кто хочет приготовить ужин для джентльменов, которые хорошо поработали и снабжают вас пищей? А также обслужить и развлечь беседой? Нет, вы уже готовили для меня обед. Не надо *толкаться,* девушки! Нет, не ты, другая. Ты умеешь готовить приправу? Ах-ах, я помню тебя, Стрихнин-Лиззи. О'кей! Да, ты. Пойдем.

Он вернулся в сопровождении милой плешивой девушки. Я раньше видел ее, но никогда с ней не разговаривал, и не знал как ее зовут.

— Это Маленький Джон, Чудик, а я — Увалень, — представил всех Увалень.

— А как зовут тебя?

— Зовите меня Родинка.

Нет, я никогда раньше с ней не разговаривал. Какой позор — эта ситуация не менялась в течении двадцати трех лет. Ее голос шел не из гортани. Не думаю, чтобы она вообще была у Родинки. Звуки рождались где-то глубже.

— Меня ты можешь называть, как только захочешь, — сказал я.

Она засмеялась и смех ее, похожий на перезвон колокольчиков, тоже звучал необычно.

— Давайте еду и нужно найти очаг.

Внизу, возле ручья, мы сложили из камней очаг. У Родинки была с собой большая сковородка, так что нам пришлось занять только соль и корицу.

— Пойдем, — сказал Маленький Джон, — прогуляемся вдоль берега, — А ты, Чудик, пока развлек бы гостью. Побеседуйте.

— Нет, эй… погодите, — я лег на спину и заиграл. Ей понравилось, потому что она улыбнулась мне, продолжая готовить.

— У тебя есть дети? — спросил Увалень.

Родинка смазала сковородку куском жира, отрезанным от окорока.

— Один в Вересковой клетке. Двое с мужчинами в Ко.

— Ты много путешествовала, да? — спросил Маленький Джон.

Я заиграл потише, и она улыбнулась мне, складывая кости в кастрюлю. Жир шипел и трещал на раскаленном металле сковороды.

— Я путешествую, — улыбка, дыхание и насмешка в голосе Родинки были прелестными.

— Ты найди мужчину, который тоже путешествует, — посоветовал Увалень.

У него всегда имелся для каждого совет на все случаи жизни. Иногда это действовало мне на нервы.

Родинка пожала плечами.

— Я так однажды и сделала, мы с ним, наверное, больше не встретимся. Это его ребенок в клетке. Парня звали Ло Анджей. Прекрасный мужчина. Он никогда не задумывался, куда идти. И всегда шел туда, куда я не хотела. Нет… — она помешала в кастрюле. — Я мечтаю о постоянном решительном мужчине, который бы ждал моего возвращения.

Я заиграл старый гимн «Билли Байли, вернись, пожалуйста, домой». Я выучил его с сорокапятки, когда еще был ребенком. Родинка, похоже,

тоже знала его, потому что засмеялась, разрезая персики.

— Точно, — сказала она. — Билли Ла Байли. Это прозвище дал мне Ло Анджей.

Она разложила мясо по краям сковороды, а в середину положила орехи и овощи, посолила и налила немного воды.

— И далеко ты заходила? — спросил я, положив мачете на грудь и потягиваясь. Сквозь кленовые листья над нашими головами проглядывало небо. На западе оно алело в свете заходящего солнца, а на востоке уже взлетало ночное темно-синее покрывало, расшитое звездами.

Родинка разложила фрукты на листе папоротника.

— Однажды я дошла до города. И не раз бывала под землей, исследуя пещеры.

— Ла Страшная говорила, что мне тоже надо отправиться в путешествие, потому что я иной.

Она кивнула.

— Поэтому и Ло Анджей путешествует, — сказала Родинка и закрыла сковородку крышкой. Из-под крышки начали вырываться струйки вкусно пахнущего пара. — Большинство путешественников — иные люди. Ло Анджей говорил мне, что я слишком иная, но не говорил в чем.

Увалень и Маленький Джон притихли.

Теперь Родинка посыпала сковородку корицей. Несколько крупинок попало в огонь, лижущий края сковородки, и, затрещав, они разлетелись разноцветными искрами.

— Да, — сказал я. — Ла Страшная мне тоже не объяснила, почему я *иной,* чем я отличаюсь от других.

— Ты не знаешь? — удивилась Родинка. Я покачал головой.

— О, но ты же можешь… — она прикусила язык. — Ла Страшная — одна из ваших старейшин?

— Да.

— Может быть, у нее есть причины не говорить тебе? Я поговорю с ней немного позже. Она очень мудрая женщина.

Я подкатился к ней.

— Если ты знаешь, то расскажи мне.

Родинка смутилась.

— Хорошо. Только, что тебе говорила Ла Страшная?

— Она сказала, что мне нужно готовиться к путешествию, что я должен убить убийцу Челки.

— Челки?

— Челка тоже была *иной,* — я начал рассказы-

вать ей о Челке.

Через минуту Увалень, голодно рыгнув, забарабанил по груди и пожаловался, что он зверски голоден. Похоже, Увалень ничего не понял. Маленький Джон поднялся и пошел по берегу.

Увалень последовал за ним, проворчав:

— Позовите меня, когда все закончите. Я подразумеваю ужин.

Родинка внимательно выслушала меня и задала несколько вопросов о смерти Челки. Когда я сказал, что перед путешествием должен зайти за Ле Навозником, она кивнула:

— Хорошо, теперь я догадываюсь… Обед готов.

— Ты не объяснишь мне…

Она покачала головой.

— Ты не должен этого знать, тебе не нужно понимать всего этого. Поверь, я путешествовала гораздо больше тебя. Много *иных* людей погибло так же, как и Челка. Я слышала, что это происходит последние три года. Что-то ищет их и убивает. По-видимому, нам лучше уходить куда-нибудь.

Она приподняла крышку и из-под нее вылетело облако пара.

Увалень и Маленький Джон, возвращавшиеся по берегу, побежали.

— О, Элвис Пресли! — воскликнул, переводя

дыхание Маленький Джон. — Какой приятный запах! — Он стоял над огнем и облизывался. Увалень энергично раздувал ноздри.

Мне еще нужно было расспросить Родинку, но я не хотел злить Маленького Джона и Увальня и решил спокойно поесть вместе с ними.

Вид окорока, овощей, фруктов и приправ, разложенных на листьях, быстро поставили точку на моих размышлениях, и я понял, что причиной моей метафизической меланхолии был голод.

Много разговоров, пищи, шуток. Мы улеглись спать прямо здесь, на папоротниках. Около полуночи, когда стало прохладно, все сбились в кучу. За час до рассвета я проснулся.

Я высвободил голову, она покоилась под мышкой у Увальня (плешивая голова Родинки тоже приподнялась), и встал. В звездной темноте я заметил, как под головой Маленького Джона, возле моей ноги, что-то блеснуло. Это было мое мачете. Маленький Джон пристроил его вместо подушки. Я осторожно вытащил мачете из-под щеки друга и направился к клетке.

Шагая, я посматривал вверх, на ветки, по которым от силовой хижины к ограде клетки тянулась проволока. С полпути я заиграл, и кто-то стал мне подсвистывать. Я замолчал. Но насвистывать не

перестали.

Глава четвертая

Где он был потом? В песне?
Жан Жене «Экраны»
Бог сказал Аврааму:
— Убей мне сына.
Авраам сказал:
— Боже, пощади меня!
Боб Дилан «Проверьте 61 шоссе»
Любовь это то, что умирает и, умерев, оживает и превращается в душу новой любви… Таким образом на самом деле она бессмертна.
Пер Лагерквист «Карлик»

— Ле Навозник? — позвал я. — Навозник?

Я здесь, — донесся из темноты голос. — Это ты, Чудик?

— Ле Навозник, где ты?

— В клетке.

— О! Что это за запах?

— Беленький, — сказал Навозник. — Брат Увальня. Он умер. Я копаю ему могилу. Ты помнишь, брат Увальня…

— Помню. Я вчера видел его у изгороди. Он

выглядел очень больным.

— Он не долго мучился. Входи и помоги мне копать.

— А изгородь…

— Выключена. Перелазь через нее.

— Мне не нравиться бывать там, внутри.

— Когда мы были детьми, ты ни о чем подобном не заикался, пробираясь ко мне. Иди сюда, я хочу вытащить этот камень, помоги.

— Это было, когда мы были детьми. А в детстве мы делали очень многое из того, чего ни за что в жизни не сделаем сейчас. Это твоя работа, ты и копай.

— Челка приходила и помогала мне, она мне всегда о тебе все рассказывала.

— Челка приходила… — переспросил я. — Рассказывала???

— Хорошо, некоторые из нас могли ее понимать.

— Да. Некоторые из нас могли…

Я взялся за проволоку возле столба, но перелезать не стал.

— Действительно, — сказал Навозник. — Я все время огорчаюсь, что ты не заходишь ко мне. Мы бывало веселились. И я очень рад, что Челка не забывала сюда дороги. Мы бывало…

— … делали массу вещей, Навозник. Да, я знаю. Послушай, до четырнадцати лет мне никто не говорил, что ты не девушка. Извини, если я тебя обидел.

— Да, нет. А Челке никто не рассказал, что я не мальчик. Я отчасти рад этому, хотя и не думаю, что это оттолкнуло бы ее.

— Она часто приходила с да?

— Когда не была с тобой.

Я влез на изгородь и спрыгнул с другой стороны.

— Где этот проклятый камень?

— Здесь…

— Не прикасайся ко мне. Покажи.

— Здесь, — повторил из темноты Навозник.

Я обхватил камень и потащил его из грязи. Корни затрещали, чмокнула грязь, и я выкатил глыбу на ровное место.

— Кстати, как ребенок?

(Я замер. Проклятый Навозник, я надеялся услышать вовсе не это. Почему твои слова меня так задели?)

Возле столба лежала лопата, я поднял ее и стал выбрасывать из ямы гравий. Проклятый Навозник.

— Мой и Челкин… — он на секунду замолчал, —

Я собираюсь где-то на следующий год показать девочку докторам. Ей необходима специальная подготовка, воспитание и обучение, но она вполне работоспособна. Вероятно, она никогда не будет Ла, но, по крайней мере, она не останется здесь, в клетке.

— Я имел в виду не этого ребенка.

Лопата лязгнула о камень.

— Ты же не уточнил, а здесь они все мои, — в его тоне прозвучали ледяные нотки. Потом Навозник слегка, явно нарочито, толкнул меня в бок, — А… ты имел в виду твоего и моего. (Ах ты гермафродитный ублюдок, как будто ты не понимаешь о ком идет речь, как будто ты не в курсе…) Он живет здесь, но он счастлив. Хочешь пойти посмотреть на него…

— Нет, — ответил я, с ожесточением выбросив из ямы лопаты три грязи, — Давай поскорее похороним Беленького.

— Куда?

— Ла Страшная, это она сказала… мы должны побыстрей отправиться в путешествие, чтобы найти и уничтожить того, кто убил Челку.

— Ох, — вздохнул Навозник, — да. — Он подошел к изгороди и нагнулся. — Помоги.

Мы подняли распухший мягкий труп и под-

тащили его к яме. С глухим стуком он скатился в могилу.

— Ты собирался подождать, пока я сам приду за тобой? — спросил Навозник.

— Да. Но я не могу больше ждать. Надо отправляться прямо сейчас.

— Если мы идем вместе, тебе придется подождать.

— Почему?

— Чудик, я же сторож клетки и должен ее охранять.

— Да пусть она хоть заплесневеет и сгниет, эта ваша клетка. Меня это не волнует. Я хочу идти!

— Мне надо обучить нового сторожа, инвентаризовать пищу и разработать специальное меню. Подготовить убежище для…

— К черту, пошли…

— Чудик, у меня здесь три младенца. Один из них твой, от девушки, которую ты любил раньше. И все они мои. Двое из них — если терпеливо заботиться о них, уделять побольше времени, окружить любовью и вниманием — через некоторое время могут выйти отсюда.

— Двое из них, да? — у меня перехватило дыхание. — Но не мой. Я пошел.

— Чудик!

Вскарабкавшись на изгородь, я остановился.

— Послушай, Чудик. Мир, в котором ты живешь — реален. Он идет откуда-то, он идет куда-то, и он — изменяется. Но все получается правильно и неправильно, независимо от того, хочешь ты этого или нет. Ты никогда не хотел этого принять, даже когда был ребенком. Но пока ты не изменишь своего отношения, ты не будешь счастлив.

— Ты рассказывал мне об этом, когда мне было четырнадцать лет.

— Я рассказываю тебе теперь. Челка рассказывала мне множество…

Я спрыгнул и пошел к деревьям.

— Чудик!

— Что? — я продолжал идти.

— Ты испугался меня?

— Нет.

— Я покажу тебе…

— Ты прекрасно показываешь кое-что в темноте? Это то, чем ты отличаешься, да? — крикнул я через плечо.

Я пересек ручей и полез на скалы, не хуже самого Элвиса. На луг я заходить не стал, а обошел его поверху, натыкаясь в темноте на ветки деревьев и кустарников. Потом я услышал, как кто-то, насвистывая, идет сквозь сумрак.

Глава пятая

Там не было никого, кроме сумасшедшего; и те немногие, знающие этот мир и то, что это он пытался пробить пути в другие миры, но ничего не добился, потому что никогда ничего не имел, кроме лишений, не были уверены, что он, мудро рассуждающий днем, не поддастся безумству ночью.
Николо Маккиавели «Воспоминания о Французской победе».
Эксперимент показал, что во всех объектах присутствует что-то еще.
Жан-Поль Сартр «Святой Жене-мученик»

Я остановился. Шорох шагов приблизился и утих.

— Это ты, Чудик?

— Ты изменил свои намерения?

Вздох:

— Да.

— Тоща пойдем. — Мы зашагали. — Почему?

— Кое-что случилось. — Навозник не сказал,

что именно, а я не стал расспрашивать.

— Навозник, — сказал я немного погодя. — *Я* чувствую по отношению к тебе что-то очень близкое к отвращению. Это настолько близко к ненависти, как то, что я испытывал к Челке, было близко к любви.

— Сейчас незачем об этом беспокоиться. Ты слишком эгоцентричен, Чудик. Надеюсь, пройдет время — и ты повзрослеешь.

— И ты пришел показать мне, как это делается? — спросил *я*. — В темноте?

— *Я* показываю тебе сейчас.

Пока мы шли, заалел рассвет. Глаза мои слипались, веки набухли и стали тяжелыми, а голова — просто чугунной.

— Ты работал всю ночь, — обратился я к Навознику, — да и я сам поспал только пару часов. Почему бы нам не прилечь чуток поспать?

— Подожди до тех пор, пока не будет достаточно света, чтобы ты убедился в том, что я здесь.

Это был странный ответ. Серый силуэт Навозника вырисовывался впереди меня.

Когда восток сплошь закраснел, не затронув синевы в остальной части неба, я стал высматривать место, куда бы упасть. Я был совсем измучен и прикрывал глаза от солнца; все начинало

плыть у меня перед глазами.

— Здесь, — сказал Навозник. Мы подошли к неглубокому оврагу у скалы, на дне которого лежал плоский камень. Я спрыгнул на него. Навозник за мной. Мы легли, мачете я положил между нами. Я запомнил, что перед тем как я заснул, золотой лучик успел перебраться с моей руки на спину.

Я поднял руку и протер глаза. Они опять слипались.

— Навозник…?

Ко мне подбежала Родинка.

Я попытался дотянуться до подола ее платья. Она испуганно посмотрела на меня.

— Увалень! — крикнула она вверх. — Маленький Джон! Он здесь!

Я сел:

— Куда ушел Навозник?

К нам спускался Увалень, а за ним бежал Маленький Джон.

— Ла Страшная, — приблизившись, сказал Увалень, — хочет поговорить с тобой… перед твоим уходом. Она и Ло Ястреб хотят поговорить с тобой.

— Эй, никто не видел Ле Навозника? Странно, убежал…

Тут я увидел выражение лица Маленького Джона.

— Ле Навозник умер, вот поэтому-то они и хотят поговорить с тобой.

— Что?

— Перед восходом, внутри клетки, — сказал Увалень.

— Он лежал возле могилы моего брата Беленького. Помнишь моего брата..?

— Да, да, — сказал я. — Я помогал его хоронить… Перед восходом? Это невозможно. Когда мы с ним легли здесь спать, солнце уже взошло. — Потом я переспросил с сожалением. — Умер?

Маленький Джон кивнул.

— Так же, как Челка. Это сказала Ла Страшная.

Я вскочил, сжимая мачете.

— Но это невозможно! Ведь кто-то говорил мне:

«Подожди до тех пор, пока не будет достаточно света, чтобы ты убедился, что я здесь». Ле Навозник был вместе со мной после восхода. Потом мы легли спать.

— Ты спал с Ле Навозником *после* того, как он умер? — изумленно спросила Родинка.

Сбитый с толку, я пошел в деревню. Ла Страшная и Ло Ястреб встретили меня возле пещеры с

родником. Мы заговорили о мелочах; я смотрел на них, глубоко задумавшись о явлениях, которых не понимал, обо всей творящейся неразберихе. Потом мы заговорили о быке, убитом мною.

— Ты хорошо поохотился Ло Чудик, — сказал наконец Ло Ястреб. — И хотя при дележе мяса мне достался кусок поменьше, ты — образец честного мужчины. Тебя кругом подстерегало множество опасностей. Я все-таки многому научил тебя. Помнишь, как ты удивлялся зарождению утра среди ночи?

(Очевидно, смерть Ле Навозника убедила Ло Ястреба, что подозрения Ла Страшной о смерти Челки обоснованы, правда, я не понимал, что связывает эти две смерти. А они так и не просветили меня.)

— Используй то, чему я тебя учил, когда будешь странствовать. Постарайся выжить и вернуться.

— Ты иной, — сказала Ла Страшная. — Ты видишь, что это очень опасно и это очень важно. Я пыталась расширить твой кругозор. И ты должен будешь еще многому научиться. Пусть тебе пригодятся знания, которые я тебе дала.

Не имея ни малейшего представления, куда идти, я повернулся и зашагал прочь, все еще не придя в себя после смерти Ле Навозника. По-види-

мому, тройняшки Бобы почти всю ночь провели в этой пещере, ловя в ручье слепых раков. Они возвращались, когда еще было темно. Размахивая палками, мальчишки брели по берегу реки. Они-то и увидели — Ле Навозник лежал за изгородью клетки в круге света, уткнувшись лицом в кучу гравия. Это, похоже, было как раз тогда, когда я только ушел.

Я продирался через ежевику, по направлению к солнцу, и в моем сознании, как изображение на незамутненном дне родника, вырисовывалась одна единственная мысль: если Навозник умер, и в то же время шагал вместе со мной через дрок, огибая камни (Я показываю сейчас, Чудик), то, наверное, и Челка сможет вернуться ко мне. Если бы мне удалось обнаружить того, кто убивает нас, иных… но чье иное возвращает нас к жизни после смерти…

Из мачете полилась медленная мелодия для умершего Навозника; и глухие удары моих ступней о землю поддерживали ритм. Примерно через час такого своеобразного похоронного танца в невыносимой жаре, я весь блестел от пота.

Солнце уже клонилось к закату, когда я наткнулся на красные цветы, громадные — величиной с мое лицо, похожие на кровавые капли,

разбрызганные между шипов. Они часто растут на голых камнях. Возле них нельзя останавливаться. Плотоядны.

Чуть позже я присел отдохнуть на плоский, покрытый трещинками, кусок гранита. Улитка шевелила рожками — глаз в крохотной лужице величиной с мою ладонь. А через полчаса я пробирался по каньону. Небо стало темнеть. Уже в глубоких сумерках я увидел в скале вход в пещеру и, решив тут переночевать, нырнул в нее.

Особый запах человека и смерти. К лучшему. Хищные животные избегают таких мест. Пол, покрытый землей, заросший мхом. Снаружи наступила ночь, затрещали сверчки и завыли осы. Я не стал играть, мне было хорошо в темноте. Тут же я обнаружил рельсы и пошел по ним, нащупывая металл рукой среди мусора, рассыпанных листьев и веток. Потом стал спускаться вниз по длинному тоннелю. Я хотел уже остановиться, откатиться к стене, где было посуше, и заснуть… Но рельсы вдруг оборвались.

Я вскочил.

Свистнул в мачете. И долгое эхо отозвалось справа: там был бесконечный тоннель. Слева звук отражался быстрее: что-то вроде комнаты. Я пошел налево и через минуту ушибся о дверной

косяк.

В комнате передо мной внезапно вспыхнул свет. Сенсорные датчики до сих пор были чувствительны. Решетчатые стены, синий стеклянный пульт, медные провода освещения, кабинеты и телевизионный экран на стене. Когда здесь спокойно работали люди, цвета обстановки были приятными для глаз и складывались в узоры. От этих узоров во мне звучала музыка. Люди, исследовавшие подобные пещеры, рассказывали мне об этом. Два года назад я ходил в одну из пещер и научился слушать эту музыку.

Цветное телевидение было определенно веселее нашего ужасно раскованного генетического метода репродуцирования. Эх, хорошо. Это любимый мир.

Я сел за пульт и стал нажимать клавиши, пока одна из них не щелкнула. Экран замигал, засветился и брызнул цветами.

Потом все на экране замерло. Я нашел массу кнопок и стал нажимать на все подряд… так я мог слушать музыку меняющихся цветов. И только я поднес мачете ко рту, как что-то произошло.

Смех.

Сначала я подумал, что это мелодия. Но это был человеческий смех. И на экране, из хаотического

мерцания цветов выплывало чье-то лицо. Это была картина. Не замечая остального, я смотрел, как из отдельных точек и оттенков, переплетений мелодии рождалось лицо. Среди этого визуального буйства — лицо Челки.

Но смеялся другой человек.

Челка растворилась. На экрана возникло другое лицо: Навозник. Снова странный смех. Неожиданно на одной стороне экрана появилась Челка, а на другой — Навозник. В центре появился смеющийся юноша, и смеющийся явно надо мной. Картина очистилась и заполнила всю комнату. Позади юноши были разукрашенные улицы, блестящие развалины стен, заросшие травой. И все это освещало бледное солнце на сетчатом небе. На фонарном столбе сидело какое-то создание с плавниками и белыми жабрами и красной ногой царапало ржавчину.

Юноша, красноволосый — краснее, чем братья Блой, краснее, чем насыщенная кровь — смеялся, потупив глаза. Его ресницы были золотистыми. Прозрачная зеленая кожа фосфоресцировала, но я знал, что при нормальном освещении она должна быть бледной, как у умершего Беленькою.

— Чудик, — при смехе у него показывались мелкие зубы — много, слишком много для него.

Похоже на рот акулы, ее я видел в книге у Ла Страшной. Ряд за рядом — игольчатые зубы. Чудик, как ты собираешься отыскать меня?

— Что?.. — сказал я, надеясь, что иллюзия исчезнет, как только я заговорю.

Но все осталось по прежнему. Юноша по-прежнему стоял там, одной ногой в водосточной канаве, заросшей травой. С экрана исчезли только Челка и Навозник.

— Где ты?

Он поднял глаза. Белков в этих глазах не было, они сверкнули коричневым и золотым. Попробуйте представить собачьи глаза на человеческом лице.

— Мать называла меня Бонни Вильямс. Теперь меня все называют Кид Смерть. — Он сел на траву, положив руки на колени. — Ты хочешь отыскать меня и убить, как я убил Челку и Навозника?

— Ты? Ты, Ло Бонни Вильямс…

— Не Ло. Кид Смерть. Не Ло Кид.

— Ты *убил* их? Но… *зачем?* — прошептал я в глубоком отчаянии.

— Потому что они *иные.* Я сам иной, еще больше, чем некоторые из вас. Вы пугаете меня, а когда я пугаюсь, — он опять засмеялся, — я убиваю. — Он заморгал. — Ты знаешь, что на самом деле ты не

видишь меня. А я тебя вижу.

— Что ты собираешься делать?

Он затряс огненной копной волос.

— *Я* поведу тебя вниз, сюда, ко мне. Если я не захочу, ты никогда не сможешь найти меня. Не найдешь дороги. Я смотрю через глаза всех живых существ этого мира и того мира, где были наши предки. Я знаю многое о многом. Ты пойдешь, не зная дороги, и прибежишь ко мне. В конце концов, — он поднял голову, — ты, Ло Чудик, прибежишь ко мне, в мой зеленый дом и будешь царапать песок, как овца, которая пытается удержаться на краю обрыва…

— … как ты узнал…

— … ты упадешь и сломаешь шею.

Он покачал пальцем, когтистым, как у Маленького Джона.

— Приходи, Ло Чудик.

— Если я найду тебя, сможешь ли ты вернуть мне Челку?

— Я уже возвращал тебе Ле Навозника на короткое время.

— *Можешь* ли ты вернуть мне Челку?

— Всех убитых мной я охраняю. В моей частной клетке, — его сырой смех, как мне кажется, походил на бульканье холодной воды в трубе.

— Кид Смерть?

— Что?

— Где ты?

Он оскалил свои акульи зубы.

— Откуда ты, Кид Смерть? Где ты?

Его длинные пальцы переплелись, как льняные веревочки. Он отбросил ногой траву.

— В далеком детстве я жарился на песке пустыни экваториальной клетки. Как и вас, живущих в джунглях, меня часто посещали воспоминания о тех, кто жил под этим солнцем до того, как сюда пришли наши прапрадеды, о тех, кто любил и боялся здесь. Большинство обитателей клетки вокруг меня умирали от жажды. Сначала я спасал некоторых моих товарищей, принося воду так же, как Челка швырнула камень — да, я это видел. Потом я стал убивать всех живущих со мною в клетке и брать нужную для меня воду прямо из их тел. Потом я перелез через изгородь и отправился в оазис, где обитало мое племя. До этого я не хотел покидать клетки, так как видел весь мир через глаза его обитателей — я видел то, что видели ты, Челка, Навозник. Когда то, что я вижу, пугает меня, я закрываю эти глаза. Вот что произошло с Челкой и Навозником. Когда же мне любопытно, что же происходит перед этими глазами, любо-

пытство пересиливает страх, я открываю эти глаза снова. Как сделал это с Навозником.

— Ты сильный.

— Вот откуда я пришел — из пустыни, где смерть перемещается с волнами раскаленного песка. А сейчас? Сейчас я ухожу все глубже и глубже в морс, — он поднял глаза и откинул со лба свои красные волосы.

— Кид Смерть, — снова окликнул я его — он уже удалялся. — Почему ты находился в клетке? Ты выглядишь намного работоспособнее, чем половина людей из моей деревни со званиями Ло и Ла.

Он обернулся и посмотрел на меня краем глаза.

— Работоспособнее? Родился в пустыне и был белокож, красноголов, с жабрами?

Акулий рот окончательно захлопнулся. Видение исчезло.

Я заморгал. Больше я не мог ни о чем думать, поэтому набрал в ближайшей комнате кучу бумаги, расстелил возле пульта и лег, усталый и сбитый с толку.

Я помню, как подобрал страницу и по буквам прочитал один параграф. Ла Страшная научила меня читать, во всяком случае, я без труда мог

читать этикетки, когда перебирал деревенский архив.

«… эвакуировать верхние этажи в наикратчайшие сроки. Индикационные системы должны показывать радиацию на стандартном уровне. Глубинные детекторные устройства сосредотачиваются…»

Большая половина слов была мне непонятна. Я взял мачете, поиграл и заснул.

Глава шестая

Что значит прекрасная абстракция? Первым делом она охватывает самые существенные элементы представляемой вещи, остальное — по мере того, насколько оно важно (так что, на чем бы мы не остановились, мы будем иметь больше, чем то, что дальше) и использует любую уловку, чтобы показать, чем мы хотим нагрузить свою голову, не заботясь о сухой педантичности этой уловки.
Джон Раскин «Камни Венеции»
Поэма — это механизм, позволяющий делать выбор.
Джон Кьярди «Как делается поэма ума»

Через некоторое время — часа через два, как мне показалось, а может быть и через двадцать — я встал, зевая и почесываясь. Когда я шагнул внутрь зала, свет померк.

Возвращаться прежним путем я не стал, а отправился по многочисленным тоннелям, ведущим наверх. Я шел, пока не увидел утренний свет,

падающий откуда-то сверху, и стал выбираться. Через полтора часа добрался до прикрытого листьями отверстия в потолке и выпрыгнул через него навстречу утру.

Я вылез на мягкую землю, поросшую земляникой, и споткнулся о виноградную лозу, но в общем все было достаточно хорошо. На поверхности оказалось холодно и туманно. В пятнадцати ярдах от меня поблескивала гладь озера. Я пошел по берегу, покрытому комками спутанных водорослей. Постепенно камни сменились песком и галькой. Это было большое озеро. С одной стороны оно переходило в болото, поросшее камышом.

Бах! Трах! *Щелк!*

Я остановился.

Бабах! В джунглях кто-то дрался. Бой достиг определенной точки: один из противников, по-видимому, несколько выдохся и затих. Любопытство и жажда приключений потащили меня вперед с высоко поднятым мачете. Я влез по каменистому склону холма и с его вершины увидел поляну.

Там, в джунглях, атакованный цветами, погибал дракон. Шипы, сверкающие как драгоценные камни, переплетали его ноги.

Я заметил, что он пытался перегрызть путы

зубами, но плотоядные растения снова набрасывались и вонзались в кожу несчастного животного и хлестали усиками по желтым драконьим глазам.

Ящер (величиной вдвое больше Увальня, и с клеймом в виде креста на задней лапе) пытался защитить свои жабры-легкие, отверстия которых то открывались, то закрывались на длинной шее. Растения уже почти полностью оплели его тело, но когда цветок попытался впиться в отверстия жабр, дракон рванулся и заколотил по противнику освободившейся когтистой лапой. Несколько покалеченных цветков отлетели в сторону, и их лепестки усыпали землю.

По клейму я понял, что ящер безобиден (даже сошедшие с ума драконы редко бывают опасны) — и спрыгнул вниз.

Цветы метнули свои воздушные пузыри к моей ноге.

— *Зззззз,* — зажужжали они в удивлении, когда им не удалось проколоть мою кожу.

Я разрубил их, и нервная жидкость брызнула на землю. Я вам уже рассказывал, какая у меня кожа на ногах — ноги мои прекрасно защищены. Мне нужно было следить только за животом и ладонями. Ногой я стал рвать и отшвыривать

побеги, безжалостно опутавшие плечи ящера. А пятнистые зубы зверя защелкали, разгрызая стебли в тех местах, куда он мог дотянуться — дракон изогнулся… и… *прорыв!*

Нервная жидкость стекала по его шкуре.

Эти цветы общались между собой (каким-то особым способом). Один цветок внезапно приподнялся и метнул в меня усик, — *зззззз,* — я вонзил мачете прямо в мозговой отросток.

Ободряюще кивнув дракону, я еще раз атаковал храбрый оскал цветка. Ящер застонал. Если бы Ло Ястреб меня видел, он бы гордился моим мастерством.

Грива дракона хлестала меня по руке; зверь ожесточенно разгрызал усики, попадающие в пасть. Я дважды напал — и его нога освободилась.

— *Зззззз,* — я посмотрел направо.

Это было ошибкой: звук шел слева. Длинный и колючий лепесток схватил мою лодыжку и попытался дернуть за ногу. Вы не испытывали ничего подобного и не поймете, что это такое. Потом цветок вонзил в ногу массу своих мельчайших зубов и принялся жевать. Я завертелся и рванул белый лепесток (это был единственный лепесток-альбинос), мягко опустившийся на мою

руку. *Хруст, хруст* — моя лодыжка. Я замахнулся и направил острие вниз, но запутался в сети ежевики. Сзади что-то царапало мою шею, а кожа там была не такой толстой, как на ногах.

Потом колючая поросль скользнула по плечам, начала раздирать кожу под подбородком, между ног, под мышками — я остро ощущал все эти места, перечислял их про себя, но пошевелиться уже не мог. Проклятые цветы двигались достаточно медленно, и времени на размышления было предостаточно.

Вдруг что-то длинное хлестнуло, чуть не задев мою голень. Цветок перестал грызть и отпрянул от ноги.

Свиииист — и рука свободна. Пошатываясь, я пошел вперед, на ходу кромсая цветки и стебли. Сникший цветок соскользнул с драконьей лапы и пополз, пытаясь укрыться. Они общались друг с другом… да, и в этом безмолвном сообщении было: *страх и отступление.*

Музыку! *Маэстро, музыку!*

Я обернулся и посмотрел на неожиданного помощника. Занимался рассвет, на фоне розоватого утреннего неба стоял незнакомец. Он щелкнул кнутом, сбивая с дракона последний цветок, — зззз…, — и свернул его в кольцо. Я

потер щиколотку. Дракон застонал.

— Ваш? — я неуклюже кивнул на дракона через плечо.

— Был, — он дышал глубоко и свободно, на костлявой груди при вдохе проступали ребра. — Если пойдешь с нами — будет твоим.

Дракон потерся жабрами о мое бедро.

— Умеешь управлять драконами с помощью кнута? — спросил незнакомец.

Я пожал плечами:

— Однажды я видел, как это делают пастухи. Это было лет шесть назад.

Мы взобрались на Берилловое Лицо и увидели, как внизу стадо ящеров переходит Зеленое ущелье. Как-то раз я уже видел этих клейменных и кротких монстров… когда однажды увязался за идущим к пастухам Ло Ястребом.

Незнакомец усмехнулся.

— Значит, это произошло снова. По моим подсчетам, мы в двадцати пяти километрах от цели. Хочешь поработать вместе с нами, верхом на ящере?

Я посмотрел на разрубленные цветы.

— Да.

— Хорошо, он будет твоей верховой лошадью, и для начала твоя работа — заставить его встать,

оседлать и доставить к стаду.

— О… (сейчас посмотрим: я вспомнил, что пастухи влезают на драконов, ставя ноги в складки чешуйчатой кожи. Мои ноги… так? И держатся за два белых уса, растущих позади жабр: Голо… Так? Головокружение!)

Минут пятнадцать мы по грязи спускались к озеру, выкрикивая вниз погонные команды. Я упорно заучивал все эти слова, никогда раньше мне не доводилось их слышать. А потом мы оба рассмеялись: когда доехали до берега, дракон случайно столкнул меня в воду.

— Эй, ты думаешь, что я смогу управлять им?

Незнакомец протянул руку и вытащил меня из воды, другой рукой он придерживал моего дракона, а остальными почесывал покрытую шерстью голову. Его волосы были такого же цвета, как и у Маленького Джона.

— Не отказывайся. Я начинал не лучше. Пойдем.

Я поднялся и, пошатываясь, пошел, а потом и побежал по берегу. Думаю, что это выглядело достаточно грациозно.

— Возьми удила для дракона.

— Спасибо. Откуда это стадо и кто ты?

Он стоял на берегу, погрузив ноги глубоко в

песок. Уже совсем рассвело, и в лучах солнца на его груди и плечах драгоценными огнями сверкали капли воды (я окатил его, падая в озеро) Он улыбнулся и вытер лицо.

— Меня зовут Паук. Я не расслышал твоего имени.

— Ло Чудик, — я похлопал дракона по чешуйчатому горбу.

— Не называй *Ло* никого из пастухов, — сказал Паук.

— Не надо.

— У меня и в мыслях такого нет, если человек не из нашей деревни.

Он вскочил на дракона, устроившись за моей спиной.

Отсвечивающие янтарем волосы, четыре руки и небольшой горб. У Паука было семифутовое туловище, передвигающееся на шести ногах. И все тело было переплетено мускулами. Он был обжигающе красным, красно-коричневым и весь переливался. А смех Паука был похож на шелест сухих листьев.

Озеро мы объехали в полном молчании. И… человек, музыку!

Сотни три громко стонущих драконов (Паук объяснил, что так они выражают свое удоволь-

ствие), толкались неподалеку от озера. Не зря молодежь считает, что пасти драконов — очень романтичное занятие: они были разноцветными. Я понял, почему Паук запретил мне называть пастухов Ла, Ло или Ле. *До сих пор* не понимаю, как двоим из них удавалось удерживаться на драконьих спинах. Но я сразу почувствовал к ним расположение.

Один юноша обладал живым умом: вы можете долго рассказывать, какие у него зеленые глаза, и как они сверкают, когда он смотрит на вас, и как хорошо он владеет кнутом и управляется с драконами…. Только он был мутант. Огорчило меня это и заставило подумать о Челке? Ваша работа….

Тут был и другой парень, по сравнению с которым Беленький выглядел почти нормальным. Все тело его было усыпано язвами и нарывами, и от них шел нездоровый, плохой запах. И он сразу же захотел рассказать мне свою историю. Его звали Вонючка. (Его словесное недержание вызывало интерес, когда он выходил.)

Но мне хотелось поговорить с Зеленоглазым. Расспросить, где он был и что видел. И ко всему прочему, он знал несколько хороших песен.

Драконы по ночам терялись и их надо было отлавливать и возвращать в стадо. Меня послали

объехать стадо и найти отбившихся животных.

За завтраком я узнал от Вонючки, что я буду заменять пастуха, которого вчерашним вечером постигла беда — ужасный и грустный конец.

— Необычные люди здесь выживают, — задумчиво сказал Паук. — Необычные — нет. Она выглядела более «нормальной», чем ты. Но сейчас ее здесь нет. Она только идет…

Зеленоглазый подмигнул мне, откинув со лба черную прядь, перехватил мой взгляд и отошел, сворачивая кнут.

— Когда, наконец, испекутся яйца? — спросил Ножик и протянул к очагу серые руки.

Паук пнул его и пастух торопливо отскочил.

— Подожди, пока не поедим мы.

Но через пять минут Ножик подполз обратно и потер рукой камень очага.

— Теплый, — извиняющимся тоном пробормотал он, когда Паук его снова пнул. — Я люблю это тепло.

— Бери еду.

— Где вы их берете? — я указал на стадо. — И куда гоните?

— Драконы рождаются на Горячем Болоте, в двухстах километрах отсюда. Мы гоним их через Великий город к Браннингу Приморскому. Там

животных режут, яйца отнимают от родителей, оплодотворяют, а потом мы отвозим эти яйца назад в Болото.

— Браннинг Приморский? Что там с ними делают дальше?

— Пускают на мясо, большей частью. Других используют для работы. Это почти фантастическое место для того, кто родился в лесу. Я мотаюсь взад-вперед все время и мне приходится иметь два дома — в Браннинге и возле Болота. Дом, жена, трос детишек — в городе, а другая семья — на Болоте.

Мы ели драконьи яйца, драконье же сало с кусочками хлеба, обильно посыпанное солью и перцем. Наевшись, я поднес мачете к губам и заиграл.

Это *музыка!*

Это была мелодия со множеством ритмов. Я выбрал один и продолжал играть. Проиграв еще пять нот, я заметил, что Паук удивленно таращит на меня глаза.

— Где ты это слышал?

— Думаю, что мелодия пришла откуда-то свыше.

— Не прикидывайся дурачком.

— Музыка рождается в моей голове.

— Сыграй ее снова.

Я заиграл. Паук засвистел и наши мелодии слились.

Когда песня закончилась, он сказал:

— Ты знаешь, что ты иной?

— Мне об этом говорили. Скажи, как называется эта песня? Это совсем не похоже на ту музыку, которую я играл раньше.

— Это соната Кодали для виолончели.

Дрок закачался от утреннего ветра. «Что это?» — спросил *я.* Позади нас застонали драконы.

— Ты услышал ее из моей головы? — спросил Паук. — Ты не мог слышать ее раньше, разве только я, сам того не замечая, напевал ее про себя. И я не мог напевать крещендо с тройными паузами.

— Значит я получил ее от тебя?

— Эта музыка звучит у меня в голове несколько недель. Я слышал ее прошлым летом на побережье, за ночь до того, как отправился в путешествие к Болоту с оплодотворенными яйцами. Тогда я откопал часть музыкальной секции в развалинах античной библиотеки в Хайфе.

— Так значит, этой музыке я научился у тебя? — внезапно все стало ясно… все разговоры с Ла Страшной, встреча с Родной, когда я заиграл «Билли, Билли». — Музыка. Так вот откуда я полу-

чаю музыку, вот чем я отличаюсь от остальных, вот почему я *иной* — я воткнул мачете в землю и присел рядом.

Паук пожал плечами.

— Я не знал, что получаю ее от других людей, — я нахмурился и пробежал пальцами по отверстиям рукоятки.

— Я тоже иной, — сказал Паук.

— Как?

— Вот так, — он закрыл глаза и на всех его плечах вздулись бугры мускулов.

Мачете вылетело из моей руки, протащилось по земле и завертелось в воздухе. Потом оно вонзилось в бревно и задрожало.

Я захлопнул в прямом смысле отвисшую челюсть.

Все это было настолько захватывающим…

— То же самое я могу проделывать и с животными.

— С какими?

— С драконами. Я могу успокаивать их, сгонять вместе, отгонять от них опасных зверей.

— Челка, — сказал я. — В этом вы похожи на Челку?

— Кто это?

Я посмотрел на мачете. Мелодия, которой я

оплакивал ее, была моя собственная.

— Никто. Не спрашивайте меня о ней.

(Мелодия была моя собственная). Потом я спросил:

— Вы что-нибудь слышали о Киде Смерть?

Паук отложил еду, сложил руки на груди и склонил голову. Длинные ноздри раздувались. Я отвернулся, чтобы не спугнуть его. Но остальные смотрели на меня так, что я снова перевел взгляд на Паука.

— Зачем тебе Кид Смерть?

— Я хочу найти его и… — я подбросил мачете и завертел его, как Паук, но только руками. — … я хочу найти его. Расскажи мне о нем.

Они засмеялись. Сначала Паук, потом Вонючка и Ножик, а потом и Зеленоглазый.

— Ты отправился в трудное время, — в конце концов сказал Паук, — но, — он поднял вверх палец, — идешь в правильном направлении.

— Расскажи мне о нем, — еще раз попросил я.

— Минуты на это не хватит, а нам сейчас нужно работать.

Он встал, порылся в холщовом мешке и бросил мне кнут.

Я поймал его за середину рукоятки.

— Отложите мачете, он будет петь потом, — над

моей головой свистнул кнут.

Он подошел к своему верховому дракону и из мешка, висящего на чешуйчатом горбе, достал узду и стремена. Потом я понял, почему Паук не заставил меня садиться на неоседланного дракона. Это было трудно, а полуседло и ножные ремни делали верховую езду на драконе почти приятной.

— Направляй его за нами, — крикнул Паук, и я стал подражать движениям пастухов, двигавшихся рядом со мной.

Драконы толпились в солнечном свете.

Над горбами заблестели и защелкали смазанные жиром кнуты, и весь мир сосредоточился для меня в покачивающемся подо мной звере. Деревья, холмы, можжевельник, валуны и земляника — все было в движении.

Драконы стонали. Это значило, что они счастливы.

Иногда свистели. Это значило, что надо быть поосторожней.

Ворчанье, проклятия и крики. Это значило, что пастухи тоже счастливы.

Этим утром, носясь взад-вперед среди драконов, я научился невероятному количеству вещей. Пять или шесть драконов были вожаками, а

остальное стадо следовало за ними. Главной задачей было — направлять вожаков. Драконы свернули вправо. Ими легко управлять, пощелкивая кнутом по заднему бедру — этому я научился позднее — там находятся нервные узлы, превосходящие величиной даже мозговой центр.

Один из вожаков все время норовил вернуться, беспокоясь о своей самке (она была отягощена неоплодотворенными яйцами, как объяснил Паук) и мы делали все, что могли, чтобы удерживать этих животных порознь. Я потратил кучу времени (подражая Зеленоглазому), помогая пастухам следить за драконами, которых волновали совсем другие вещи.

Я начал понимать, что мне, например, надо делать, когда двадцать драконов попадут в мятное болото *(болота* из сыпучего песка зарастали громадными кустами мяты. Поэтому их и называют *«мятными»,* верно? Мятное болото). Паук, объезжал стадо, хлопая тремя кнутами, и следил чтобы ящеры не проваливались в сыпучие пески. Наконец, мы вывели драконов из болота.

— В этих местах болот не очень много, — заметил Паук, когда мы выбрались на твердую землю. — Скоро доберемся до города, если, конечно, не собьемся с пути.

Рука болела от постоянных взмахов кнутом.

Некоторое время я ехал, слушая Зеленоглазого: «Не это ли самый глупый способ потратить свою жизнь, парень?»

Он усмехнулся.

Потом два очень дружелюбных дракона запрыгали между нами. Пот заливал мне глаза, тело ныло, хотя упряжь несколько смягчала тряску. Неожиданно меня окликнул Паук.

— Смотри, Город над головой!

Я посмотрел наверх, но глаза залил свежий пот, а воздух рябил от жары.

Я подстегнул дракона. Заросли дрока стали пореже, и мы начали спускаться.

Земля крошилась под ногами ящеров. Солнце вонзало золотые иглы в наши шеи, от земли веяло жаром. Начался песок. Драконы пошли медленнее. Паук остановился возле меня и тыльной стороной ладони вытер пот с глаз.

— Мы обычно останавливаемся на МакКлеллан-авеню, — сказал он, взглянув на дюны. — Но сегодня, я думаю, мы дойдем до Майн-стрит, это в пяти километрах от МакКлеллан. Остановимся на перекрестке и отдохнем до сумерек.

Драконы шипели в песках Города. Болотные создания, они не переносили сухости. Когда мы

проходили по этому древнему месту, я вдруг с ужасом ощутил себя окруженным толпой. Узкие улицы, сажа, дым, странный шум погибшей планеты старой расы.

Я пару раз хлестнул кнутом, чтобы избавиться от наваждения.

Солнце спускалось к горизонту. Два дракона стали кусать друг друга, и мне пришлось пощелкать кнутом, чтобы разогнать их в разные стороны. Ящеры в негодовании попытались вырвать его и погрызть. Горячий воздух царапал горло. Когда драконы отбежали, я заметил, что усмехаюсь. В этот день мы остались довольны своей работой.

Глава седьмая

Выскользнув из ночных вод Адриатики, мы устремились по узкому проливу к Пирею. На горизонте, слева и справа, прекрасные исполинские горы заслоняли небо. По утру корабль идет легко. Из колонок звучит французская, английская и греческая поп-музыка. Солнце серебрит еще мокрую, надраенную палубу, пылает над трубой с клочками дыма. Я купил билет на палубный проезд, но, набравшись наглости, в первую же ночь, забрался в пустую каюту и прекрасно выспался. Сидя на палубе сегодня утром, я размышлял, какое влияние Греция окажет на Пересечения… Эта музыка так подходит к миру, по которому я плыву. Я осознавал, насколько она подошла бы для замкнутой жизни Нью-Йорка. Ее мчащиеся гармонии даже больше сочетаются с покоем. Как я смогу взять Чудика в центр этого блестящего, движущего звуками хаоса? Прошлой ночью пил с греческими матросами. На ломаном итальянском и еще худшем гре-

ческом мы говорили о мифах. Таики узнал историю Орфея не в школе и не из книг, а от своей тети. Матросы моего возраста хотели послушать по транзисторному приемнику английскую или французскую поп-музыку. А кто постарше — греческие народные песни.

— Традиционные песни — заявил Демо. — Все молодые парни мира хотят побыстрее умереть, потому что им не повезло в любви. — Все, но не Орфей, — сказал Таики, немного таинственно и немного возвышенно. Хотел ли Орфей жить дальше после того, как во второй раз потерял Эвридику? Он поступил очень современно, когда решил оглянуться. Какова музыкальная сущность этого поступка?

Дневник автора. Коринфский залив. Ноябрь 1965 года.

Я мчусь на великолепных драконах,
Как их чудесный господин,
Господин замечательных драконов,
Целого драконьего стада.

Зеленоглазый тихо запел, когда мы ехали на

наших драконах. Впервые я понял слова так же хорошо, как и мелодию. Это удивило меня и, повернувшись, я посмотрел на него. Но он замолчал и поправил упряжь на своем звере.

Небо потемнело, и напоминало синее стекло. На западе клубились грязно-желтые облака. От драконов по песку потянулись длинные тени. В тут же сооруженном камине пылали угли, Волосатый уже готовил еду.

— Это перекресток МакКлеллан-авеню и Майн-стрит, — сказал Паук. — Здесь мы и остановимся на ночлег.

— Откуда вы знаете?

— Я здесь не первый раз.

— А…

Наконец мы согнали более ли менее всех драконов. И остановились. Многие драконы легли.

Мой верховой дракон (по небрежности, я еще не дал ему клички, поэтому про себя называл его: Моя Лошадь — МЛ) нежно потерся о мою ногу, опустил меня на землю, согнув передние лапы, потом уткнулся подбородком в песок и подогнул ноги. Обычно драконы так и делают. Садятся, я имею в виду.

Мне удалось сделать не более десятка шагов. Отекшие ноги гудели и не слушались меня. Стре-

мена и другое снаряжение я положил рядом с собой. Паук улегся на вожаке и свесил вниз одну из рук. Я рассматривал ее в свете пламени, падающего от очага, и кое-что понял о Пауке.

Рука была широкой, с запястьями, покрытыми шишечками. Кожа между большим и указательным пальцами потрескалась, а в бороздках под костяшками скопилась размякшая от пота грязь. На пальцах и на ладони от тяжелой пастушьей работы вспухли мозоли. На среднем пальце тоже была мозоль, но такие мозоли образуются при частом использовании пишущих инструментов. Такую мозоль я видел однажды у Ла Страшной. А на кончиках пальцев, за исключением большого, кожа была задубевшей и гладкой до блеска — такие отполированные пятна бывают от игры на струнном инструменте — гитаре, скрипке или, может быть, виолончели. Я замечал такие же пятна и на руках у других музыкантов.

Значит, Паук пасет драконов. И он пишет. И он играет на музыкальных инструментах…

Пока я так сидел, размышляя обо всем этом, дыхание мое становилось все размеренней и глубже.

Я начал думать о деревьях.

Тут вдруг меня на минуту одолел ночной кош-

мар, будто бы Волосатый притащил нам гору каких-то несъедобных крабов и пышущих паром артишоков.

А потом, привалившись к плечу спящего Зеленоглазого, я тоже заснул.

Проснулся я, когда Волосатый снял крышку с котелка, где тушилось мясо. Аромат защекотал ноздри, я невольно открыл рот, втягивая дурманящий запах — и желудок свело спазмами. Я приподнялся, наклонился вперед, оперся на песок и так заработал челюстями, что у меня заболело горло.

Волосатый зачерпывал ложкой мясо и раскладывал его по нашим кастрюлям, тряся волосатой головой. Я заметил, что в мясе много волос, но не стал обращать на это внимания. Он передал всем костяные кастрюли, от которых валил пар. Я сидел скрестив ноги — оптимальная поза для отдыха. Ножик взял буханку хлеба, надрезал его, и мягкий аромат мякиша хлынул из рыхлой полоски в золотистой корочке. Я был слишком утомлен ожиданием еды и отчаянно хотел спать. Парадоксально, но сон и еда перестали быть приятными занятиями, а превратились в тяжкую необходимость. Я обмакнул кусок хлеба в подливку и затрепетал.

Половину порции я проглотил до того, как заметил, что еда слишком горячая. Ножик запихивал куски мяса в рот большим пальцем.

Получив второе, я огляделся и стал есть медленнее. Смогли бы вы описать, как выглядят люди во время еды? Я вспомнил обед, приготовленный для нас Родинкой, тогда мы ели совсем по другому. Когда же это было?

— Имейте в виду, — сказал Волосатый, наблюдая за тем, как мы поглощаем его стряпню, — что еще будет десерт.

— Где? — спросил Ножик, дочавкивая второе с куском хлеба.

— Вы слишком увлеклись первым, — продолжил Волосатый, — я прокляну каждого, кто откажется от десерта. — Он огляделся и долил бульон в опустевшую кастрюлю Ножика. Серые руки жадно схватились за край кастрюли и вместе с нею исчезли в темноте. Послышалось чавканье.

Паук, сидевший до этого молча, оглянулся, и сверкнув глазами, подмигнул Волосатому.

— Отлично приготовил мясо, кок.

Волосатый искоса посмотрел на него.

Паук, который пасет драконов; Паук, который пишет; Паук, который носит в сердце музыку

Кодали — хороший человек похвалил.

Я взглянул на Паука и снова перевел взгляд на Волосатого. Я сам хотел похвалить стряпню Волосатого, потому что она заслуживала этого и потому, что этим я заставил бы Волосатого хоть чуть-чуть улыбнуться, но Паук опередил меня, поэтому я только спросил:

— Что на десерт?

Я предполагал, что Паук более важная персона, чем я, и робел.

Волосатый взял тряпку и снял блюдо с огня.

— Ежевичный пудинг. Ножик, подай мне ромовый соус.

Зеленоглазый учащенно задышал. Сглатывая слюну, я с жадностью наблюдал, как Волосатый раскладывает по кастрюлям политый соусом пудинг.

— Ножик, убери лапу!

— … я хотел только попробовать.

Но серая рука уже отодвинулась. В неярком свете было видно, как Ножик облизывается.

Волосатый поставил перед ним кастрюлю. Мы подождали, пока не начнет есть Паук.

— Ночь… песок… и драконы, — пробормотал Вонючка. — Да… — (очень к месту).

Я взял мачете и заиграл, но Паук неожиданно

спросил:

— Ты утром спрашивал о Киде Смерти?

— Верно, — я положил мачете на колено. — Вы можете что-нибудь рассказать о нем?

Остальные молчали.

— Одно время я относился к Киду доброжелательно, — задумчиво сказал Паук.

— Когда он жил в пустыне? — спросил я, удивляясь, как этот человек, так отличающийся от Кида, мог доброжелательно относиться к нему.

— Когда он пришел из пустыни в Город.

— Какой город?

— Ты знаешь, что такое деревня?

— Да. Я сам из деревни.

— И ты знаешь, что есть города, — Паук обвел вокруг себя рукой. — Деревни становятся все больше и больше, растут, пока не превращаются в города. Города тоже растут, пока не становятся большими городами, центрами, мегаполисами. Но Кид пришел в призрачный город. Это значит, что город был очень старым. Город старых людей планеты, город Старой Расы. Город остановился в своем развитии. Здания были разрушены, заброшены энергетические станции, канализация осела, мертвые этажи возвышались над вымершими улицами, обломки светильников валялись

на тротуарах — заброшенные здания, крысы, змеи, склады, в которых хранилось множество вещей. Древние люди были созданиями, которых вы не поместили бы даже в клетку.

— Что вы для него сделали?

— Я убил его отца.

Я нахмурился.

Паук скрипнул зубами:

— Он был отвратительным трехглазым трехсотфутовым червем. Я узнал, что он убил, по меньшей мере, сорок шесть человек. Он три раза пытался убить и меня, когда я был в городе. Один раз с помощью яда, другой раз пытался свернуть мне шею, а третий раз — с помощью гранаты. Каждый раз он промахивался и убивал других. Он породил пару дюжин отпрысков. Однажды, когда мы еще не враждовали, он угостил меня одной из своих дочерей, убив и приготовив ее на обед. Свежее мясо тогда было редкостью в городе. Он не считал количества своих детей, которых покинул в клетке, за сотни миль от города, в пустыне. Он не предполагал, что его дети станут гениями преступности, психотиками и существами ужасающе различных форм. С Кидом мы встретились в этом городе — в навозной куче, где обитал его отец. Кид, кажется, лет на десять моложе меня.

Я сидел в баре, слушая состязание хвастунов. Проигравший должен был угостить победителя обедом. Тощий путешественник, зашел в бар и сел на кучу тряпок. Он большую часть времени смотрел вниз, но его глаза можно было увидеть через прозрачные золотистые веки. Кожа была ослепительно белой. Он сидел и смотрел на огонь, слушая речи состязавшихся, и один раз что-то начертил пальцем на земле. Слушая длинную и скучную историю одного из хвастунов, он почесывал локоть и кривился. Когда рассказ был увлекательным, диким и очаровательным, он замирал, переплетая пальцы, и наклонял голову. Как только состязание закончилось, этот странный юноша вышел из бара. Кто-то прошептал: *«Это был Кид Смерть»* — и все замолчали. У него уже тогда была определенная репутация.

Зеленоглазый подвинулся ко мне; становилось прохладно.

— Попозже, когда я вышел из города прогуляться по окрестностям, — продолжил Паук, — я увидел Кида, плавающего в озере Городского Парка.

— *Эй, Паук!* — позвал он меня из воды. Я подошел к берегу и присел на корточки.

— *Привет, Кид!*

— Ты должен убить моего старика, для меня, — он высунул руку из воды и схватил меня за лодыжку. Я попытался вырваться. Кид извивался в воде, так чтобы его лицо оставалось над водой и пускал пузыри.

— Ты должен оказать мне эту небольшую услугу.

Лист вонзился ему в руку.

— Это ты так говоришь, Кид.

Он встал в воде, лицо в обрамлении длинных волос, тощий, бледный и мокрый:

— Да, я так говорю.

— Ты не возражаешь, если я спрошу *зачем?* — я протянул руку и откинул волосы с его лба, желая убедиться, не иллюзия ли все это.

Он улыбнулся, бесхитростный, как труп:

— Не возражаю, — губы его пересохли. — *В этом мире существует масса отвратительных вещей, Паук. Ты сильней меня, ты более восприимчив к воспоминаниям об этих горах, реках, морях и джунглях. И я силен! О, мы не люди, Паук. Жизнь и смерть, действительность и иррациональность никогда не станут для нас такими, какими они были для бедной расы, завещавшей нам этот мир. Они рассказывали мне, что задолго до наших прапрадедов владели этим миром*

и что мы не имеем ровно никакого отношения к любви, жизни, делу и движению. Но мы завладели этим новым домом, и их прошлое утомит нас прежде, чем мы успеем покончить со своим настоящим. Мы выживем, если только будем двигаться в свое собственное будущее. Прошлое ужасает меня. Вот почему мне нужно убить отца — поэтому ты должен убить его для меня.

— Ты связан с прошлым древних людей через мозг своего отца?

Он кивнул:

— Освободи меня от него, Паук.

— Что случится, если я не сделаю этого?

Он пожал плечами.

— Я убью вас всех, — он вздохнул. *— В море так тихо… так тихо, Паук. Убей его,* — прошептал Кид.

— Где он?

— Он появляется на улице ночью, когда освещенные лунным светом комары кружатся над его головой. Его пятна скользят в струйке воды водосточной канавы, проходящей под старой церковной стеной. Он останавливается, наклоняется, пыхтит и снова…

— Он умрет, — сказал я. *— Я уберу из под бетонной стены балку и она соскользнет вниз…*

— *Оглядывайся иногда,* — Кид улыбнулся и погрузился в воду. — *Может быть, когда-нибудь я смогу помочь тебе, Паук.*

— *Может быть.*

Он погрузился и исчез, а я вернулся в город и вошел в бар. Там ели жареное мясо.

Через некоторое время я спросил:

— Ты, наверное, долго жил в этом городе?

— Больше, чем мне этого хотелось бы. Если только это можно назвать жизнью.

Паук присел на корточки и стал смотреть в огонь.

— Чудик и Зеленоглазый, вы первыми будете стеречь стадо. Через три часа разбудите Вонючку и Ножика. Мы с Волосатым будем дежурить последнюю смену.

Зеленоглазый поднялся с земли. Я тоже встал, а остальные начали укладываться спать. Мой дракон дремал, на небе светила луна. Прозрачный свет лился на горбатые спины зверей. С болью в руках и ногах я вскарабкался на дракона и стал объезжать стадо.

— Почему они не смотрят на нас?

Вместо ответа Зеленоглазый погладил рукой живот.

— Голодны? Да, здесь нет для них ничего —

один песок, — я посмотрел на стройного, грязного юношу, покачивающегося за огромным горбом.

— Откуда ты? — спросил я его.

Он улыбнулся:

— Одинокой матерью был я рожден.
Не имел ни отца я,
Ни братьев-сестер…

Я удивленно слушал его.

— Ждет меня у моря
Моя мама,
В Браннинге, у моря,
Моя мама…

— Так ты из Браннинга?

Он кивнул.

— Возвращаешься домой?

Он снова кивнул.

Тишина. Я нарушил ее, заиграв на мачете усталыми пальцами. Он запел. Так мы и ехали, покачиваясь под луной.

Я понял, что его мать — довольно значимое лицо в Браннинге, родственница многих видных политических деятелей этого города. А Зеленоглазого на год послали с Пауком пасти драконов.

Теперь он возвращался к матери после года ра-

боты, якобы традиционной в его семье. Косматый мальчик был наделен множеством талантов: он так искусно управлялся со стадом, что я просто не понимал, как ему это удается.

— Я? — переспросил я, когда его глаза, отливая зеленью в лунном свете, вопросительно уставились на меня. — Я не могу представить Браннинг таким, каким ты его описываешь. Я бы очень хотел побывать там. Но у меня есть очень важное дело.

Вопросительное молчание.

— Я ищу Кида Смерть, чтобы вернуть Челку и прекратить убийства всех тех, кого считают иными. Вероятно, мне придется убить Кида.

Зеленоглазый кивнул.

— Ты же не знаешь, кто такая Челка. Почему же ты киваешь?

Он странно задрал голову, потом оглядел стадо:

— *Я иной, и я слова несу, они поют, когда я сам пою.*

Я кивнул и задумался о Киде.

Я ненавижу его. Я даже не подозревал, что во мне может быть столько ненависти. Я убью его.

— *Смерти нет, есть только любовь.*

Мы стали объезжать стадо.

— Повтори, что ты пел.

Но он не повторил. Это заставило меня задуматься. Грязное лицо Зеленоглазого было печальным. Полную луну на горизонте затянуло облаками. Тень от волос скрывала половину лица пастуха. Он подмигнул и повернул обратно. Мы закончили объезд и пригнали назад двух драконов. На небе, сияя как отполированный таз для варенья, снова появилась луна. Мы разбудили Ножика и Вонючку, они встали и отправились на своих драконах охранять стадо.

Угли в очаге покрылись пеплом. Когда Зеленоглазый наклонился, чтобы поближе рассмотреть затейливый узор из тлеющих углей и пепла, огонь вдруг вспыхнул и метнулся вверх, прямо ему в лицо. Но Зеленоглазый успел отпрянуть.

Я сразу же заснул, но перед самым рассветом пробудился. Луна исчезла за горизонтом, звезды побледнели. Угли в кострище потухли и почернели. Зашипели и застонали драконы. Ножик и Вонючка возвратились, Паук с Волосатым поднимались им на смену.

Я снова задремал и проснулся, когда небо на востоке было еще синим. Вокруг очага бродил дракон Волосатого. Я приподнялся на локтях.

— Помочь тебе встать? — спросил Паук.

— А?

— Я снова вспоминаю сонату Кодали.

— О, — я слышал знакомую мелодию, как будто она шла из прохладного песка. — Сейчас.

Я вскочил на ноги. Остальные еще спали.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал я. — Я хочу кое-что спросить, это ненадолго.

Ему не хотелось слазить с дракона, и я подошел к своему и тоже взгромоздился на него.

Паук мягко рассмеялся, когда я приблизился:

— Еще пару дней, и ты не будешь с такой готовностью отказываться от нескольких минут сна.

— Я тоже плохо выспался, — сказал я.

— О чем ты хотел спросить?

— О Киде Смерти.

— Что именно?

— Ты говорил, что знаешь его. Где я могу найти Кида?

Паук молчал. Мой дракон поскользнулся, но восстановил равновесие еще раньше, чем пастух ответил:

— Даже если бы я мог сказать тебе… и даже если это хоть чем-нибудь поможет, то почему я? Кид в любой момент может избавиться от тебя вот так, — он хлопнул по щеке бичом и прихлопнул муху. — Думаю, что Кид невысоко ценил бы меня,

если бы я указывал к нему дорогу людям, желающим его убить.

— Я не считаю, что это так важно, если он так уж силен, как ты говоришь. — Я погладил мачете.

Паук пожал плечами.

— Может быть, нет. Но, как я уже говорил, Кид — мой друг.

— Ты тоже в его власти, а?

Это было сложно представить. Я вздохнул.

— Почти.

Я щелкнул кнутом своего дракона, выглядевшего так, как будто он задумался о жизни. Ящер зевнул и потряс гривой.

— Может быть, он завладеет мной. Он говорил, что я буду искать его, пока он сам не приведет меня к себе.

— Кид играет с тобой, — сказал Паук. — Он дразнит тебя и насмехается.

— Он в самом деле всех нас связал.

— Почти, — еще раз подтвердил Паук.

Я нахмурился.

— Но не всех.

— Хорошо, — сказал Паук, направляя дракона в другую сторону, — есть пару людей, которых он не может тронуть. Таким был его отец. Вот почему Кид просил меня его убить.

— Кто они?

— Один из них Зеленоглазый. Мать Зеленоглазого — еще один такой человек.

— Зеленоглазый? — но Паук, как будто, не слышал вопроса. Тогда я спросил о другом. — Почему Зеленоглазый уехал из родного города? Он немного объяснял мне это сегодня ночью, но я не понял.

— У него нет отца, — сказал Паук. Он, казалось, был готов поддержать разговор на эту тему.

— У вас что, не контролируется отцовство? Народные лекари постоянно занимаются этим вопросом в моей деревне.

— Я не сказал, что его отец неизвестен. Я говорю, что отца нет и не было.

Я нахмурился.

— Какова твоя генетическая схема? — спросил Паук.

— Я могу начертить…

Большинство людей, даже в самых отдаленных деревнях, знали свою генетику. Система человеческих хромосом так беззащитна перед радиацией, что знание собственной генетики стало жизненно важной необходимостью. Я часто удивляюсь, почему мы не избрали более удобного способа изображения того, что проис-

ходит с нашими, как я бы назвал, сексуальными экспериментами. Все из-за лени.

— Продолжай, — попросил я Паука.

— Зеленоглазый не имел отца, — повторил он.

— Партеногенез? — спросил я. — Это невозможно. Половые хромосомы для рождения мужчин и женщин имеются только у мужчин. Женщина имеет хромосомы, из которых может родиться только женщина. Зеленоглазый, по идее, должен был родиться девочкой, с гаплоидным набором хромосом и, кроме того, стерильным. Но он, определенно, не девушка. Конечно, если бы он был птицей, тогда — другое дело. У птиц и самцы и самки имеют по два набора половых хромосом. — Я посмотрел на стадо. — Или ящерицей…

— Но он человек.

— Это-то и удивительно, — согласился я и оглянулся туда, где спал удивительный юноша.

Паук кивнул.

— Когда он родился, мудрецы полностью изолировали его. Он гаплоид. Но он не импотент и вполне мужчина, если так можно выразиться, хотя и ведет целомудренную жизнь.

— Очень плохо.

Паук снова кивнул.

— Да. Если бы он присоединялся к оргиям лет-

него солнцестояния или делал бы некоторые успокаивающие жесты на праздниках урожая, это помогло бы ему избежать многих неприятностей и беспокойств.

Я приподнял брови.

— А кто знает, что он не участвует в оргиях? Вы же не держите его на привязи в Браннинге?

Паук засмеялся.

— Да. Но в Браннинге это формальность. Рождаемость поддерживается искусственным осеменением. Предоставление семени — в особенности, если мужчина из важной семьи — обычное дело.

— Звучит очень сухо и безлично.

— Да, но это эффективно. Когда в городе больше миллиона человек… Раньше, когда Браннинг был поменьше, так делалось и у нас. Потом результаты…

— Миллион человек? — перебил я. — В Браннинге живет миллион человек?

— По последней переписи в нем живет три миллиона шестьсот пятьдесят тысяч человек.

Я присвистнул:

— Это много.

— Да уж, даже намного больше, чем ты можешь себе представить.

Я посмотрел на стадо драконов, в нем было не

больше трехсот голов.

— А кому нужны эти оргии искусственного осеменения? — спросил я.

— В огромном обществе все должно происходить так: пока общее равновесие удерживается за счет генетического запаса, единственное, что может сохранить гены — это смешивать их, смешивать, смешивать. Но мы стали семейными, клановыми, и в этом плане с Браннингом не сравниться никакое другое место, тем более деревня. Как добиться того, чтобы люди имели не более одного ребенка от одного партнера. В глубинке это достигается за счет нескольких ночей вседозволенности. А в Браннинге этому служат математические расчеты. И семьи должны быть вполне довольны, что имеют возможность завести, скажем, второго ребенка таким способом. Во всяком случае, то, что Зеленоглазый иногда говорит не те вещи не тем людям, то, что он действительно иной и не восприимчив к Киду, и то, что он из уважаемой семьи и несколько осторожен в обрядах осеменения беспокоит многих горожан. Все обвиняют в этом его партеногенетическое рождение.

— Значит, его структура одинакова со структурой его матери, — сказал я. — Это бывает очень

редко. Если это будет происходить чаще, мы возвратимся в великий рок и великий ролл раньше времени.

— Ты рассуждаешь, как один из напыщенных дураков Браннинга, — раздраженно сказал Паук.

— Что? Это то, чему меня учили.

— Думай немного больше. Каждой минутой таких изречений, ты приближаешь Зеленоглазого к смерти.

— Что?

— Его уже пытались убить. Подумай, почему он был вынужден уехать. Потому, что некоторые, как и ты, решили, что он представляет собой генетическую опасность для общества.

— О, но почему он возвращается назад?

— Он так захотел, и все… — пожал плечами Паук. — Я не могу его удержать.

— По вашим словам, Браннинг — очень приятное место, — проворчал я. — Слишком много людей, половина из них — сумасшедшие — и они даже не умеют заниматься оргиями. — Я поднял мачете. — У меня нет времени для подобного вздора.

Музыка погребла Паука. Я играл светлую, радостную мелодию, а от Паука исходила мрачная музыка.

— Чудик.

Я обернулся.

— Что-то происходит, Чудик, что-то, что случилось раньше, когда здесь обитали другие. Многие из нас обеспокоены этим. Мы знаем истории о том, что в итоге случилось с древними. Это может быть очень серьезно. И это может коснуться всех нас.

— Мне надоели старые истории, — сказал я, — их истории. Но мы — не они, мы — новые, этот мир новый и жизнь наша — новая. Я знаю истории о Ло Орфее и Ло Ринго. Только они меня и заботят. Я отправился искать Челку…

— Чудик…

— Остальное меня не касается, — я извлек из мачете пронзительную ноту. — Буди пастухов, Паук. Пора искать драконов.

И погнал своего МЛ вперед.

Когда солнечный шар достиг апогея, город стал исчезать за горизонтом. Помахивая бичом, я пропускал сквозь мозг слова Зеленоглазого: если была смерть, как я могу вернуть Челку? Любви достаточно, если она огромная, чистая и отважная. Я подумал о Ла Страшной. Она бы сказала так: «Смерти нет, есть только ритм».

Когда красноватый песок остался позади (по бо-

лее твердой земле дракон пошел быстрее), я взял мачете и заиграл. Город тоже остался позади.

Драконы теперь легко перескакивали дрок. По равнине лентой извивался ручей. Животные остановились и погрузили головы в воду, поскребывая задними ногами отмель, траву, песок и черную землю. Вода стала мутной. На ветке подпрыгивала муха, чистила лапками крылышки (каждое крылышко величиной с мою ногу) и противно жужжала. Я заиграл для своего МЛ, он скосил на меня красный шар глаза и прошептал похвалу.

Смерти нет. Есть только музыка.

Глава восьмая

Теперь это имеет забавный вкус, — сказал Дурсэ. — Кавел, что ты об этом думаешь?

— Изумительно, — ответил Президент, — вы имеете дело с индивидуумом, который желает поближе ознакомиться с идеей смерти и следовательно ее не боится, и поэтому он не нашел ничего лучшего, как связать ее с распутной идеей… Ужин был закончен, как обычно за ним последовала оргия. Домочадцы разошлись по кроватям.

Ле Маркиз де Сад «120 дней Содома».

…каждый пузырь содержит полный глаз воды.

Сэмюэль Гринбург «Стеклянные пузыри».

Продвигаться по такой местности (Это, — сказал Паук, остановив своего дракона и бросил в каньон камешек, — пересеченная местность. Драконы с любопытством заглядывали в пропасть, вытянув шеи. Гранитные утесы с проступающими рудными жилами и пропасти окружали нас) было гораздо сложнее. Солнце спряталось за облаками. Горячий туман расстилался вокруг скал. Тело при малейшем физическом усилии мучительно ныло, сказывалось напряжение

предыдущего дня. Мы пробирались через легендарные скалы.

Драконы решили сделать здесь привал.

Паук сказал, что мы находимся в сорока километрах от Браннинга. Горячий ветер обжигал лицо. Местами скалы были покрыты обсидиановой коркой. Пять драконов начали драться на площадке из глинистого сланца. Среди них была и распухшая от бремени самка. Мы с Зеленоглазым бросились их разнимать. Паук был занят работой в голове стада, а мы были в его конце. Что-то испугало драконов, и они побежали вверх по склону. Что-то угрожало нам и стаду. И это что-то было как раз из разряда тех вещей, с которыми бы Паук (и Челка) спокойно справились бы и, более того, могли бы их предотвратить. (О, Челка, я найду тебя за эхом всех надгробных камней, всех скорбных деревьев.) Мы помчались за драконами.

Они увертывались от нас, прыгая между валунами. Я кричал. Щелкали бичи. Мы уже не могли догнать их. Единственной надеждой было, что ящеры снова начнут драться и остановятся. На несколько минут мы потеряли драконов из виду, и уже только их шипение слышалось где-то за скалами, далеко внизу.

Грозовые тучи затянули небо. Камни были мокрые, скользкие, и мой дракон поскользнулся. Не удержавшись на спине ящера, я упал, поцарапав плечо, и услышал, как отлетевшее в сторону мачете зазвенело по камням. Бич обвил шею. Я покатился по склону, пытаясь за что-нибудь зацепиться, но только еще больше поцарапался. Тут я понял, что я — на краю обрыва, и изо всех сил вцепился в то, что попалось под руки и ноги. Грудью и животом прижимаясь к камню, я никак не мог сделать вдох. Когда я наконец перевел дыхание, сырой воздух ворвался в одеревеневшее горло и забился в израненной груди. Целы ли ребра? Болят. Каждый вдох причиняет невыносимую острую боль. Слезы затуманили глаза.

Левой рукой я держался за камень, правой — за какое-то ползучее растение, левая нога вцепилась в корень молодого деревца, а правая — просто висела в воздухе.

Я знал, что если сорвусь, падать придется долго.

Протерев глаза плечом, я посмотрел вверх.

Надо мной виднелся край тропы.

А над ним — разгневанное небо.

Звук? Где-то в дроке шелестел ветер. Нет, не музыка.

Начался дождь. Да, иногда происходят мучительные катастрофы. И что-нибудь незначительное или даже приятное сопровождает их, и вы плачете. Как дождь. Я заплакал.

— Чудик.

Я огляделся вокруг.

Справа, в пяти футах надо мной, коленями на каменном выступе стоял Кид Смерть.

— Кид..?

— Чудик, — сказал он, откидывая со лба мокрые волосы. — Я думаю, что ты еще сможешь продержаться двадцать семь минут. Так я подожду двадцать шесть, прежде чем сделаю что-нибудь для спасения твоей жизни. Хорошо?

Разглядывая его, я предположил, что на вид ему можно дать лет шестнадцать-семнадцать, или, может быть, двадцать (просто, он очень молодо выглядит). Кожа на запястьях, руках и шее была морщинистой.

Дождь продолжал заливать мне глаза, ладони саднили, вот-вот — и они соскользнут.

— Ты когда-нибудь попадал на вестерны? — он покачал головой. — Плохо. Ничто мне так не нравиться, как вестерны. — Кид шмыгнул носом и вытер его указательным пальцем. Он наклонился ко мне, и струи дождя затанцевали на его

плечах.

— Что такое вестерн? — спросил я. Грудь продолжала болеть. — Ты уверен, — я закашлялся, — что действительно сможешь что-нибудь сделать через двадцать шесть минут?

— Это одна из форм искусства Старой Расы, человечества, которое было до нас, — ответил Кид. — Да, смогу. Пытки тоже были одной из форм искусства. Я хочу спасти тебя в последнюю минуту, а пока я буду ждать, я тебе кое-что покажу. — И он указал вверх, на тропу, по которой я катился.

Челка смотрела вниз.

Я затаил дыхание. Боль в груди усилилась, а глаза обжигал дождь. Смуглое лицо, хрупкие плечи, ее поворот головы (гравий посыпался из-под живота. Бич все еще висел на моей шее, а его рукоятка покачивалась где-то на боку). Она посмотрела назад и я увидел (или услышал?), как она удивляется возвращению к жизни и в каком она недоумении от этого дождя, скал, туч. Потом ее глаза остановились на мне. Она позвала меня; я видел как шевелятся ее губы — она произносила мое имя: посмотрела на меня, сейчас, порывисто протянула руки (я слышал ее страх?).

— Челка!!!

Это был вопль.

Мы с вами, конечно, знаем, что я могу кричать. Но никто еще не слышал такого звука, который вырвался тогда из моей груди.

Но представьте, как это все происходило: дождь идет вам прямо в глаза, заливает лицо — вкус дождя на ваших губах, вы сквозь пелену слез и дождя пытаетесь рассмотреть, кто же это перед вами, а это — ваша умершая возлюбленная. Она стоит на краю тропы и пытается прокричать ваше имя. Ведь на тропе стояла Челка!

И я кричал.

Кид хихикал.

Челка стала искать тропку, чтобы спуститься ко мне. Она исчезла, через минуту вернулась и нагнула вниз молодое деревце.

— Нет, Челка!

Но она уже спускалась, мусор и маленькие камешки вырывались и катились из-под ее ног. Потом она повисла почти на самом конце дерева и схватилась за рукоятку бича — но не руками, а используя свою способность (как Паук когда-то оторвал кусок цемента). Челка потащила рукоятку, отпустила, напряглась и потянула к себе. Тело ее блестело и сверкало в струях дождя. Она стала карабкаться вверх, таща за собой бич. На один короткий миг прекрасная Челка пробудилась

от смертельного сна, чтобы спасти мою жизнь. Она хотела вытащить меня. Я крепко ухватился за бич.

Кид Смерть продолжал хихикать. Он протянул руку к вершине согнутого дерева.

— Сломайся! — прошептал он.

Оно сломалось.

Челка покатилась вниз, цепляясь за камни. Схватилась за конец бича, потом выпустила его, чтобы не увлечь за собой и меня.

— Беееее… беееее… — проблеял Кид, имитируя овцу. И захохотал.

Я прижался лицом к скале.

— *Челка!!!*

Нет, вам не понять, почему я стонал.

Музыка ее мозга, грохочущая во мне, доносившаяся из каньона, смолкла.

Скалы. Камень. Мне хотелось стать скалой, камнем, на котором я опять повис. Она погибла, пытаясь спасти меня. Я должен был погибнуть вместе с ней. Но я не должен был допустить этого.

Мое сердце окаменело. Мое сердце колотилось.

Оцепеневший, я повисел еще немного, и руки стали соскальзывать…

— Все в порядке, вылезай!

Что-то схватило меня за запястья и потащило наверх. В плечах запульсировала боль. Я сидел на гравии, пытаясь перевести дыхание. Кид Смерть как-то вытащил меня наверх, на уступ, где он сидел.

— Я спас твою жизнь. Разве плохо, что ты знаешь меня?

Я задрожал, теряя сознание.

— Сейчас ты будешь кричать, что я убил ее. Да, я снова ее убил. И могу снова сделать это, и еще раз, пока у тебя не возникнет идея…

Я метнулся, пытаясь вырваться и спрыгнуть вниз. Но он крепко схватил меня, мокрой рукой, и шлепнул другой. Дождь прекратился.

Может быть, он сделал что-то большее, чем просто шлепнул.

Кид повернулся и стал карабкаться вверх, к тропе. Я отправился за ним.

Я выбрался.

Все пальцы были в грязи. Хорошо, что я обгрызал ногти, иначе бы я сорвал их, когда летел вниз. Кид прыгал и скакал. А я полз.

Забыв обо всем; такие состояния бывают. Вы движетесь/ вдох/, остановились отдохнуть/, опять вперед/ с одной единственной мыслью «доползти». Этим я сейчас и занимался. В основном — на

животе. Задерживая дыхание. Я уже не понимал, куда и зачем я ползу. Вдруг впереди я увидел две фигуры — влажную белую красноволосую и… черные волосы… это был Зеленоглазый.

Кид стоял над пропастью, положив руки на плечи Зеленоглазого. Небо над ними бурлило.

— Смотри, — говорил Кид. — Мы сошлись, чтобы заключить соглашение. Вряд ли ты думаешь, что я проделал такой длинный путь, чтобы украсть пяток драконов у моего друга Паука. Пусть он думает, что я где-то до сих пор бегаю. Мы с тобой имеем кое-что общее. Мы — гаплоиды! Ты вне сферы моего восприятия. Ты нужен мне. Очень нужен, Зеленоглазый.

Грязный пастух пожал плечами.

— Смотри, — сказал Кид и обвел руками безумствующее небо.

На небе вспыхнула картина и повисла среди туч. Равнина, огороженная колючей проволокой (клетка?). Внутри ограды вздымалась металлическая игла с подпорками. Я осознал, как она огромна, когда понял, что каменные блоки у ограждения — это дома, а крошечные точки между ними — это люди.

— Звездолет, — сказал Кид. — Эти люди открыли то, с помощью чего человечество может

достигнуть звезд и попасть на другие планеты. Они разыскали в старых развалинах чертежи, немного проволоки и металла и работали почти десять лет. Ракета почти закончена.

Кид махнул рукой. Картина сменилась. Теперь на ней был океан. На воде находилось плавучее поселение, расположенное на металлических понтонах, между которыми сновали лодки. Краны сбрасывали в воду металлические ящики.

— Замеры глубины, — объяснил Кид. — Вскоре мы сможем не только мечтать об иле океанского дна.

Опять взмах — и мы увидели подземелье. Сегментными металлическими червями управляли женщины в касках.

— Скальный бур, движется сейчас в то место, которое люди Старой Расы называли Чили.

Последний взмах — и мы увидели миллиарды людей, занятых разнообразнейшей работой. Кто-то молол зерно, кто-то управлялся с какими-то блестящими инструментами…

— Все эти люди, — сказал Кид Смерть, — создают огромные богатства. Я могу вручить их тебе, Зеленоглазый.

Глаза Зеленоглазого были широко открыты.

— Я могу тебе гарантировать это. Ты же знаешь,

что я это могу. Тебе просто нужно присоединиться ко мне.

Зеленоглазый снова пожал плечами.

— Какой силой ты сейчас обладаешь? — спросил Кид. — Как ты сможешь использовать то, что ты иной? Разговаривать с мертвыми, проникать в мысли идиотов? — я внезапно понял, что Кид очень расстроен. Он очень хотел, чтобы Зеленоглазый заключил с ним соглашение.

Зеленоглазый отвернулся от него и пошел прочь.

— Эй, Зеленоглазый! — окликнул Кид. Он задыхался, сжав когтистые пальцы.

Зеленоглазый обернулся.

Кид шел к обрыву.

— Ты уже год пасешь драконов. Ты спишь, положив под голову бревно вместо мягчайших подушек во дворце твоей матери. Ты принц Браннинга, а воняешь драконьим пометом. Моешься в грязной луже вместо ониксовой ванны с пятью регуляторами температуры. Ты заработал мозоли на ладонях, а ноги твои стали кривыми от верховой езды. Где танцовщицы, пляшущие для тебя на нефритовых террасах? Где музыканты, каждый вечер убаюкивающие тебя музыкой? Вернись на место, достойное тебя.

Тут Зеленоглазый посмотрел вверх и увидел меня, лежащего на каменном уступе тропы. Он взобрался ко мне и наклонился, чтобы подобрать мачете.

На краю пропасти остался стоять только Кид Смерть. Он дрожал от ярости, стиснув зубы и сжав кулаки. Внезапно Кид свистнул и что-то прокричал.

Загрохотал гром.

Меня ударило и отбросило в сторону. Зеленоглазый, не обращая никакого внимания на взбесившуюся природу, пытался помочь мне подняться.

Кид потрясал кулаками. Тучи полыхали огнем, черные листья лаванды в камнях, побелели от молний. Потом снова громыхнуло, и послышался всплеск, как будто кто-то бросился в воду.

Зеленоглазый помогал мне спускаться по тропе. А внутри меня что-то происходило. Дождь был холодным. Я дрожал. Как-то все это расслабило меня, и мир неудержимо понесся…

Зеленоглазый тряс меня за плечо. Я открыл глаза и первое, что увидел, это мачете. Зеленоглазый держал его и пристально смотрел на меня.

— А..? Что..? — онемевшие пальцы покалывало. — Что случилось?

Дождь хлестал по губам.

Зеленоглазый кричал, губы его двигались, обнажая белые зубы. Дождь вымыл светлые дорожки на его грязном лице и пригладил волосы. Он продолжал трясти мое плечо, несчастный и разъяренный.

— Что случилось? — снова спросил я. — Я потерял сознание?

— *Ты умер!* — Зеленоглазый сердито и изумленно смотрел на меня. — *Черт побери, Лоби! Почему ты умер! Ты позволил сердцу остановиться, а мозгу опустеть! Ты умер, Лоби! Ты умер!*

— Но я сейчас жив…

— *Да,* — он помог мне подняться. — *Музыка должна жить. Пойдем.*

Я взял у Зеленоглазого мачете. С ним я чувствовал себя лучше. Вода заполнила всю рукоятку и сейчас на нем нельзя было играть. У несущегося по камням потока мы нашли наших драконов и, обрадовавшись, бросились к ним. Остальное стадо двигалось выше, по потоку.

К нам подскакал Паук.

— Где вы были? Я уже думал, что потерял вас! Езжайте по краям стада и следите, чтобы драконы не забредали в заросли колючих груш. Они тогда опьянеют и станут неуправляемыми.

И мы поскакали в разные стороны стада. Я обдумывал, как рассказать Пауку о том, что произошло. Когда мне стало невмоготу сдерживать напряжение, я повернул дракона и направил его через грязный поток к Пауку.

— Босс, Кид Смерть появился с…

Я ошибся. Обернувшийся был не Пауком. Красные волосы обвивали белый лоб. Он оскалил свои игольчатые зубы и захохотал. Голый, верхом на драконе, он размахивал над головой черной, с серебром, шляпой. Два древних пистолета, с блестящими белыми рукоятками, висели у него на поясе. Когда его дракон встал на дыбы (мой тоже запрыгал), я смог рассмотреть его голос тело, обвитое ремнями. Когтистые ноги — в металлических стременах, к пяткам привязаны вращающиеся металлические шипы, которыми он безжалостно, как хищные цветы, колол бока своего дракона.

Ошеломленный, я потер глаза. Но иллюзия (с исчерченным жилками виском, светящимся в дожде) исчезла. Онемев от изумления, я поскакал назад, через поток, к стаду.

Глава девятая

Джин Харлоу? Христос, Орфей, Билли-Кид — этих троих я могу понять. Но зачем рядовые молодые писатели, как вы, делают все, чтобы догнать Великую Белую Суку. Конечно, я полагаю, это вполне очевидно.
Грегори Корсо «Беседы.»
Дело не в том, что любовь иногда совершает ошибки, а в том, что она неотъемлема от них. Мы загораемся любовью, когда наше воображение наделяет несуществующими достоинствами другую персону. Однажды фантасмагория исчезает, и любовь умирает.
Ортега Гассет «О Любви.»

Усталость сковала меня; однообразная изнуряющая работа полностью вымотала. Дождь закончился где-то за час до того, как я это понял. И рельеф изменился.

Слева тянулись скалы. Драконы с треском продирались через мокрые кусты. Справа — какая-то ровная голая серая земля. Я спросил Вонючку:

— Мы будем спускаться здесь, по этому серому камню?

Он хихикнул и ехидно спросил:

— Держу пари, Чудик, что это первая вымощенная дорога, которую ты видел. Правда?

— Да. Что значит *вымощенная?*

Ножик, скакавший рядом с нами, заржал. Вонючка отъехал от меня, ему нужно было еще что-то сделать. И больше я об этом ничего не слышал. На дороге неожиданно, одна за другой, появились три или четыре повозки. Меня это поразило. Очень ловко. Это было после полудня. Но я был так утомлен, что если бы даже все чудеса мира предстали предо мной, мой мозг бы их все равно не воспринял.

Большинство повозок тащили четырех или шестиногие животные, смутно знакомые мне. Я редко пугался новых животных, потому что в моем собственном стаде часто рождались чудовищные монстры. Но при виде одного я вздрогнул от страха.

Оно было огромно, из черного металла, совсем не похожее на других животных, бегущих рядом. Мчалось оно быстрее всех и было почти неразличимо в черном дыму. Некоторые драконы, не обращавшие ровно никакого внимания на другие

повозки, при виде этой отскочили и зашипели.

Едва я оправился от изумления, меня окликнул Паук.

— Это одно из чудес Браннинга.

Я стал успокаивать своего дракона, своего МЛ.

А когда снова взглянул на дорогу, увидел картину, нарисованную на широкой подставке, установленной возле дороги, чтобы все, кто проезжал мимо, могли ее хорошо рассмотреть. На картине было изображено лицо молодой женщины, с льняными белыми волосами, с детской улыбкой на губах. У нее был маленький подбородок, широко раскрытые и несколько удивленные зеленые глаза, а улыбка обнажала маленькие ровные зубы.

ГОЛУБКА ГОВОРИТ: «БУДЕТ ЛИ ПРИЯТЕН ОДИН? ДЕВЯТЬ ИЛИ ДЕСЯТЬ БУДУТ НАМНОГО ПРИЯТНЕЕ!»

Я по буквам прочитал заголовок и нахмурился! Я окликнул Волосатого, скакавшего неподалеку.

— Эй, кто это такая?

— Голубка, — крикнул он, откидывая волосы на плечи. — Чудик хочет знать, кто такая Голубка!

Остальные захохотали. Чем ближе мы приближались к Браннингу, тем больше и больше шуток сыпалось в мой адрес. Я старался держаться по-

ближе к Зеленоглазому: он один не смеялся надо мной. Первый вечерний ветерок, подувший в спину и шею, высушил пот. Я наблюдал, как драконы спускаются по дороге, когда Зеленоглазый остановился и указал вперед. Я посмотрел вверх. Точнее, вниз.

Мы находились на вершине горы. Если то, что я видел, находилось в двадцати метрах от нас — это была огромная игрушка. Если же в двадцати километрах, то это было что-то грандиозное. Дорога вела прямо к этому белокаменному и алюминиевому сверкающему клубку над багряной водой. Кто-то задумал и начал строить город, но потом он рос сам по себе и жил своею собственной жизнью. Там было множество парков, украшенных кактусами и пальмами. Деревья и ряды газонов возле одиноких зданий покрывали случайно уцелевшие холмы зеленой шапкой. Многочисленные маленькие дома сливались в извивающиеся улицы. Вдали из застекленных зданий выплывали корабли и становились в гавани на якоря.

— Браннинг Приморский, — сказал Паук. — Это он.

Я заморгал. Солнечные лучи играли на земле с нашими тенями, согревали спины и отсвечива-

ли в громадных окнах города.

— Он огромен, — сказал я.

— Посмотри направо, — указал Паук, — туда мы гоним стадо. Вся эта сторона города города живет пастушьим бизнесом. На побережье занимаются рыболовством и торговлей с островами.

Мы проехали еще несколько плакатов. Снова показался плакат с Голубкой, подмигивающей сквозь сумерки:

ГОЛУБКА ГОВОРИТ: «ХОТЯ ДЕСЯТЬ ПРИЯТНЫ, ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ ИЛИ СТО БУДУТ НАМНОГО ПРИЯТНЕЕ!»

Когда я взглянул на него, плакат осветился. Наверное, у меня был удивленный вид, потому что Паук сказал:

— Плакаты освещаются всю ночь, чтобы любой прохожий мог прочесть, что говорит Голубка, — он усмехнулся так, как будто сказал что-то очень смешное, и свернул бич в кольцо.

— Мы переночуем здесь, на плоскогорье, а в Браннинг въедем на рассвете.

И через двадцать минут мы уже сгоняли драконов, а Волосатый готовил ужин. Над океаном небо стало черным, а над нашими головами оставалось еще темно-синим. Над городом вспыхивали огни фейерверков и, рассыпавшись,

падали на землю, на берег. То ли местность была такой спокойной, то ли Паук позаботился (вы же помните, он умел), но драконы вели себя совершенно тихо.

Позже я прилег, но заснуть не мог. Скоро нужно было подниматься на дежурство с Ножиком. Подошел Зеленоглазый, пнул меня ногой в плечо, и я тут же вскочил: пережитое возбуждение все еще не отпускало меня. Я должен буду покинуть пастухов, куда мне идти дальше?

Мы стали объезжать стадо с разных сторон. Как я уже говорил, я размышлял: остаться одному в лесу — это вполне приятая ситуация. А вот остаться одному среди стекла, бетона и нескольких миллионов людей…. Четыре пятых стада спало. Несколько драконов стонало, повернув головы к Браннингу, в котором светилось все меньше огней. Я натянул вожжи и пристально посмотрел…

— Эй, наверху! Пастух!

Я посмотрел вниз, на дорогу. На ней остановилась двухколесная повозка, которую тащила собака. В повозке сидел горбун.

— Гоните ящериц в Браннинг? — он усмехнулся, потом откинул клеенку, которой была накрыта повозка, покопался внутри и вытащил дыню.

— Ты голоден, пастух? — он разрезал дыню

пополам и хотел уже бросать мне половину.

Но я слез с МЛ и спустился вниз. Он подождал.

— Спасибо, Ло-незнакомец.

Горбун засмеялся.

— Не называй меня Ло.

Собака впереди повозки завыла.

— Мне. Мне. Мне голодная. Мне.

Он протянул мне половину дыни и потрепал собаку за ухо.

— Ты же уже обедала.

— Я дам ей половину своей доли, — сказал я.

Горбун покачал головой.

— Она работает на меня, и кормить ее обязан я.

Он отрезал кусок от своей доли и бросил собаке.

— Откуда ты, пастух?

Я назвал свою деревню.

— Ты будешь в Браннинге впервые?

— Да. Что вы можете рассказать о нем?

— О! — горбун засмеялся, показав желтые зубы. — Я сам там был очень давно. В тебе есть то, что отличает тебя от горожан, да и вообще от всех, пару штрихов, которые делают тебя иным…

— *Иным?*

Он поднял руку.

— Не в обидном смысле.

— Да я ничего и не…

Я прикусил сладкую и мокрую от дыни губу, и горбун захихикал еще больше.

— В навозе встречаются алмазы, — произнес он поговорку. — Не сомневайся в том, что говорит Голубка.

— Голубка, — сказал я. — Она Ла Голубка или нет?

— Ла, Ло или Ле перепутаны там, — он отшвырнул дынную корку. — Алмазы и навоз. Я собираю алмазы в городах так, как это делается в рудниках. Ло, Ла и Ле — вы называете так тех, кто нормален или нет?

— Так принято.

— Было. Так же было и в Браннинге. Но сейчас по-другому. Очень мало, кто знает, про то, как принято в деревне, и никто не сердится, когда его так называют.

— Я сам иной. Почему же я буду сердиться? Просто, так принято.

Ну вот, опять. Я повторяю, так было и в Браннинге. Но сейчас все по другому. Сейчас третья стадия — алмазы и навоз. Надеюсь, что твоя неотесанность не доставит тебе особого беспокойства. Мне-то самому несколько раз досталось,

когда я впервые посетил Браннинг, лет пятнадцать назад. Тогда город был намного меньше, чем теперь.

Он посмотрел на дорогу.

Я вспомнил, что Паук рассказывал мне о пастушьем бизнесе.

— Как сейчас обстоит дело с пастушьим бизнесом? Я имею в виду здесь. В Браннинге.

Горбун сцепил пальцы на животе.

— В Браннинге пять семей контролируют все, что поступает в город, владеет всеми кораблями и сдаст в аренду половину домов города. Вероятно, они и купят всех ваших драконов. Из этих семей выделилось пятнадцать или двадцать знаменитостей, таких как Голубка, которых ты с полным правом можешь называть Ла или Ло. И среди них можно найти и неработоспособных с такими же званиями.

— Как я могу узнать таких людей?

— Ты узнаешь их, если попадешь в их круг — но вряд ли ты этого захочешь. Ты можешь всю жизнь прожить в Браннингс и не встретить человека, достойного звания Ло или Ла. Но, если ты будешь так называть каждого встречного, или дергаться, когда тебя так называть не будут, то тебя просто сочтут дураком, помешанным, грубияном или, в

лучшем случае, деревенщиной.

— Я не стыжусь своей деревни!

Он пожал плечами.

— Я этого и не говорил. Просто я пытался ответить на твои вопросы.

— Да, я понимаю. Но что же все таки с иным?

— В Браннинге иное — частное дело. Иное в основаниях зданий, оно нагромождается в доках, запутывается в корнях деревьев. Половина города построена на нем. Другая половина может жить без него. Но не рассуждай об этом вслух, иначе тебя назовут невоспитанным и вульгарным.

— Но они говорят об этом свободно, — я показал на стадо. — Я имею в виду пастухов.

— И они вульгарны. Но с пастухами ты можешь беседовать на любые темы.

— Но я иной… — начал я снова.

Но его это явно больше не интересовало.

— … но я думаю, что мне лучше не говорить об этом никому.

— Неплохая идея, — строго ответил он.

Мог ли я рассказать ему о Челке? Как я смогу вести поиски, если наша принадлежность к иному — тайна?

— Вы, — спросил я после непродолжительного молчания, — чем вы занимаетесь в Браннинге?

Вопрос, судя по всему, был ему приятен.

— Я еду в то место встреч, где уставший может отдохнуть, голодный — наесться, жаждущий — напиться, а человек, которому скучно — развлечься.

— Я нанесу вам визит.

— Хорошо, — задумчиво сказал горбун. — Немногие пастухи приходят ко мне. Но ты впервые в Браннинге и думаешь, что сумеешь обойти все с несколькими серебряными монетами в кошельке? Хотя, если я помогу тебе, ты хорошо проведешь время.

— Будьте уверены, я приду, — Я подумал о Киде Смерти. Я странствовал по бесконечной ночи. Я искал Челку. — Как ваше имя и где я смогу найти вас?

— Мое имя — Пистолет, но ты можешь забыть его. Найти меня можно в «Жемчужине», там я занимаюсь своим бизнесом.

— Жемчужина… звучит зачаровывающе.

— Многие изумительные и зачаровывающие вещи хороши только на первый взгляд, — скромно ответил он.

— Что ты так поздно делаешь здесь, на дороге?

— То же самое, что и ты — направляюсь в город.

— А откуда ты едешь?

— Мой странный друг, у тебя невероятные манеры. Я еду от друзей. Я привозил им подарки, а они в свою очередь тоже сделали мне подарки. Но это не твои друзья и ты не должен расспрашивать о них.

— Извини, — я слегка обиделся на эту формальность, такого я не понимал.

— Ты не понимаешь всего этого? — спросил он мягче. — Но когда тебе придется одеть ботинки и прикрыть пупок, ты получишь гораздо больше ощущений. И еще, скажу тебе по секрету, что через год жизни в Браннинге ты позабудешь мою болтовню.

— Я не собираюсь оставаться там на год.

— Ты можешь остаться там на всю жизнь. В Браннинге много чудес и они могут захватить тебя.

— Я уйду, — настаивал я. — Смерть К ид а Смерти завершит мое путешествие.

Пистолет бросил на меня странный взгляд.

— Я уже советовал тебе, парень, — наставительно сказал он, — забыть грубые пастушеские разговоры. Лучше не божись ночными кошмарами.

— Я вовсе не божусь. Красноголовый паразит

скачет за этим стадом, навлекая беды на меня и Зеленоглазого.

Горбатый Пистолет решил, что учить дурака (которым был я) бесполезно. Он засмеялся и хлопнул меня по плечу:

— Желаю удачи, Ло Грязнолицый. И, может быть, этот иной, этот дьявол, в самом деле скоро умрет от твоей руки.

— От моего мачете, — сказал я и показал ему нож. — Напойте про себя песню.

— Что?

— Вспомните, какую-нибудь мелодию. Какая музыка играет в вашей «Жемчужине»?

Он нахмурился, а я заиграл.

Глаза у него натурально полезли из орбит, потом он засмеялся. Горбун раскачивался в своей повозке, хлопая себя по коленям. Музыка внутри меня смеялась и шутила. Я играл. Когда его юмор стал выше моего понимания, я опустил мачете.

— Пастух, — проговорил он сквозь смех, — у меня только два выбора: посмеяться над твоим невежеством или заявить, что ты обманул меня.

— Как вы говорили мне, не в обидном смысле слова. Но объясните, что означает ваша шутка?

— В другой раз. А ты настойчив. Держи свое *иное при себе.* Оно должно быть только твоим

достоянием и ничьим больше.

— Но это только музыка.

— Дружище, что ты подумаешь о человеке, который встречается тебе и после трехминутной беседы рассказывает, что у тебя происходит внутри.

— Не понял.

Пистолет постучал указательным пальцем по лбу:

— Я должен был вспомнить, как начинал сам. Я был невежественен, как и ты, и тоже божился, — он, кажется, начал раздражаться.

— Послушайте, я не вижу никакой связи…

— Это не для твоих суждений. Ты можешь согласиться с этим или убираться прочь. Но нельзя жить, пренебрегая обычаями других людей, непристойно шутить и щеголять ругательствами.

— Скажите мне, *пожалуйста,* на какие обычаи я не обратил внимания и что за ругательства я произнес? У меня что в голове — то и на языке. Я говорю только то, что думаю.

Его деревенское лицо посуровело (суровые деревенские лица — к ним я должен был привыкнуть в Бранниинге).

— Ты говорил, что Ло Зеленоглазый скачет вме-

сте с тобой среди ящеров. Ты осыпал Кида Смерть проклятиями, как будто бы сам глядел в дуло его револьвера.

— И где же ты думаешь, — я разозлился, — находится Зеленоглазый? — Он спит у камина, вон там, наверху, — и указал на плоскогорье. — И Кид Смерть…

Позади нас полыхнул огонь. Мы оцепенели. В пламени стоял ОН и улыбался. Дулом пистолета он сдвинул шляпу на затылок, из-под нее выбились красные волосы.

— Как дела, приятели? — захихикал Кид. Его тень в отблесках пламени металась по скалам. И от мокрой кожи, там, где ее лизали огненные языки, валил пар.

— Аааааа-аааа-аааа-иииииии! — заорал Пистолет. Он рухнул в свой экипаж с отвисшей челюстью. Замолчал, попытался сглотнуть, но рот так и остался открытым. Собака зарычала. Я замер.

Огонь замигал, заколебался и потускнел — только несколько язычков пламени в листве. От ярости в моих глазах запульсировала кровь. Я попытался осмотреться. Но в глазах рябило — сплошной пульсирующий мрак. Свет… с плоскогорья, по дороге, освещенной фонарями

спускался Зеленоглазый. Кид исчез, как будто бы его и не было.

Повозка позади меня тронулась.

Пистолет пытался усесться и взять на себя управление; собака неслась сломя голову. Я подумал, что вот-вот, и горбун выпадет, но он удержался. Они быстро скрылись из виду. Я направился к Зеленоглазому. Он посмотрел на меня с… досадой?

В свете фонарей заостренные черты его лица с юношеским пушком на щеках немного смягчились. Тень от него на земле была громадной.

Мы пошли назад. Я лег у костра. Сон смежил мои веки, и мне приснилась Челка.

Глава десятая

Вернулся домой рано. Они принесли вина для встречи Нового года. Там, внизу, в белом городе, они были музыкантами. Я помню, как полтора года назад, когда я закончил «Падение Башен», я говорил себе: тебе двадцать один, скоро будет двадцать два: ты слишком стар для вундеркинда; твои свершения более важны, чем возраст, в котором они были сделаны; все таки образы юности до сих пор преследуют меня. Четтертон, Гринберг, Редигет. С окончанием работы над «Пересечениями...» я надеюсь избавиться от них. Билли Кид идет последним. Он проходит через этот абстрактный роман, как один из безумных детей Критских холмов. Чудик настигнет тебя, Билли. Завтра, если позволит погода, я вернусь в Делос, чтобы осмотреть развалины вокруг Трона Смерти в центре острова с видом на некрополь и на воды Рении. Дневник автора. Муконос. Декабрь 1965 г.

На протяжении почти всей истории человечества осознавалась важность ритуала, поскольку именно через ритуальные акты человек устанавливает свою идентичность с восстановительными силами природы, и это способствует и облегчает его переход на более высокие стадии личного развития и опыта.
Мастерс и Хьюстон. «Разнообразие психологических опытов»

Огни Браннинга потускнели в предрассветном тумане. Повеяло прохладой. На востоке загоралась алая полоса, а на западе еще светились звезды. Волосатый раздувал огонь. Три дракона бродили внизу, на дороге, так что мне пришлось спуститься и пригнать их обратно. Мы молча поели.

Засерело утро. Было видно, как вдали, от Браннинга к островам, как бумажные кораблики, плывут лодки. Мой МЛ мягко следовал за мной. Мы стали пинками поднимать драконов, и отовсюду слышалось их недовольное шипение. Но вскоре драконы успокоились, и стадо тронулось в путь.

Паук увидел их первым.

— Кто это?

По дороге бежали люди, за ними шла целая толпа. Фонари погасли.

Подстегиваемый любопытством, я поскакал впереди стада.

— Они поют, — крикнул я назад.

Паук выглядел обеспокоенным.

— Ты отсюда слышишь их музыку?

Я кивнул.

Он ехал с высоко поднятой головой, но было видно, как его пробивает дрожь. Он перебрасывал бич из руки в руку; думаю, так Паук сдерживал свое нервное возбуждение. Я заиграл мелодию, неслышную для остальных.

— Они все поют?

— Да, нараспев.

— Зеленоглазый, — позвал Паук. — Встань позади меня.

Я опустил мачете.

— Что-то не так?

— Может быть. Это гимн семьи Зеленоглазого. Они узнали, что он здесь.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Мы хотели вернуться в город незаметно, — Паук похлопал своего дракона по жабрам. — Удивляюсь, откуда они узнали, что он прибудет сегодня?

Я взглянул на Зеленоглазого, но он не смотрел на меня. Все его внимание было направлено на толпу. Делать было нечего, и я снова заиграл. Очень не хотелось рассказывать Пауку о моей ночной встрече с человеком в повозке.

Голоса уже доносились до нас.

И я решил, что лучше, все таки, рассказать. Но он так ничего и не сказал мне по этому поводу.

Неожиданно Зеленоглазый направил своего дракона вперед. Паук попытался задержать его, но было поздно. Тревога забилась под янтарными бровями. Дракон Зеленоглазого мчался к толпе.

— Он не должен был этого делать? — спросил я.

— Он знает, что делает, — людей становилось все больше, они шли плотной толпой. — Надеюсь на это.

Я следил, как они приближаются, вспоминая Пистолета. Его ужас, должно быть, ночью расползся по всему Браннингу, как нефть по воде. Пастухи стали спускаться вниз по склону, а навстречу нам поднимались люди.

— А что может произойти?

— Сейчас они будут возносить ему хвалу, а позднее — кто знает?

— Ко мне… Я имею в виду, что происходящее

имеет отношение ко мне.

Паук был удивлен.

— Я ищу Челку. Ничего не изменилось. Я хочу уничтожить Кида. А пока все на месте.

Я вспомнил лицо Пистолета, когда он убегал от Кида. *Я* был потрясен — на лице Паука тоже отразился страх. Но на его лице было еще множество выражений. Да, Паук — сложный человек.

— Меня не касаются дела Зеленоглазого или кого-нибудь еще. Я пришел сюда за Челкой. И уйду, когда найду ее.

— Ты… — начал Паук. Потом он утвердительно кивнул головой, как бы соглашаясь со мной. — Желаю тебе удачи, — и снова посмотрел вслед Зеленоглазому, скачущему к толпе. — Когда мы будем в Браннинге, заходи ко мне домой за своим жалованием, — он остановился.

— К тебе домой?

— Да, домой… в Браннинге, — Паук щелкнул бичом, подгоняя дракона.

Мы проехали мимо нового плаката. Беловолосая Голубка приветливо смотрела на меня.

ГОЛУБКА ГОВОРИТ: «ЗАЧЕМ ИМЕТЬ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ, КОГДА ЕСТЬ ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ?»

Я отвернулся от нее и удивился тому, как увеличилась толпа. Люди выстроились на дороге в два

ряда. Увидев молодого пастуха, они захлопали. Мы подъехали поближе.

Джунгли состоят из миллиарда отдельных деревьев, но вы воспринимаете их, как единую зеленую массу. Восприятие толпы идет так — сначала одно лицо, здесь (старая женщина, размахивающая зеленой шалью), другие — там (моргающий мальчик, улыбающийся, показывающий острые зубы) и несколько лиц по порядку (три зевающие девушки, заслоняющие друг друга). Потом — множество локтей, ушей, ртов: Двигай!.. Я не вижу… Где он? Что с ним?.. Да!.. Нет…

Спины драконов продвигались по морю голов. Люди приветливо кричали. Люди махали руками. Я подумал о том, что моя работа закончена. Они толкали моего дракона: «Это он? Это…»? Драконы были несчастны. Только спокойствие Паука, его невидимое воздействие на них, позволяло стаду мирно шествовать через толпу. Мы въехали в Браннинг через ворота. И в это время совершилось очень много всего.

Я не понимал их всех. Первые несколько часов со мной было то, что было бы с любым человеком, который никогда не видел более пяти человек вместе, и вдруг попал на узкие улицы, проспек-

ты и парки, запруженные многочисленными толпами. Стадо драконов покинуло меня (или я его), и я шел с открытым ртом, пошатываясь и спотыкаясь. Голова кружилась. Люди налетали на меня и кричали: «Смотреть надо!» — что я и делал, только некоторое время я пытался смотреть на все фазу.

А это было фактически невозможно, даже если бы все вокруг было неподвижным. Пока я смотрел на что-то одно, другое тут же исчезало из поля зрения, и я толком ничего не успевал рассмотреть в этой бешеной суете городской жизни.

Миллионы человеческих мелодий сливались в моих ушах в сплошной звон. В деревне я видел лицо человека и знал, кто это — его мать, отца, работу, как он ругается или смеется, какие выражения предпочитает, а каких избегает. Здесь же: одно лицо зевает, другое жует, одно перепугано, другое хохочет, на одном сияет любовь, а другое… — их тысячи, и ни одно из них не видишь больше одного раза. И ты пытаешься уместить все это в своей голове, начинаешь лихорадочно искать место для всех этих лиц, для этих обрывков эмоций. Если вы побывали в Браннинге, а сами вообще-то живете в деревне и собираетесь туда вернуться, то описать Браннинг вам поможет

такой словарик: реки мужчин, потоки женщин, буря голосов, ливень пальцев и джунгли рук. Но это будет не совсем честно по отношению и к Браннингу и к деревне.

Я ходил по улицам Браннинга, с болтающимся на боку замолкнувшим мачете, глазел на пятиэтажные здания, пока не увидел двадцатипятиэтажные дома. Я рассматривал их, пока не увидел дом с таким числом этажей, что не смог их сосчитать; проносящиеся мимо люди задевали меня, толкали, и я сбился на полпути (где-то на девяностом). Кто бы мог подумать, что существуют дома такой высоты.

Попадались прекрасные широкие улицы, где над домами шелестела листва. Встречались и такие улицы, где на тротуарах валялся мусор, и коробки домов стояли вплотную, не оставляя пространства для движения воздуха, для людей. Воздух стоял, и люди стояли. И то и другое было грязным.

На стенах попадались изорванные плакаты с Голубкой.

Тут были и другие плакаты. Я прошел мимо нескольких подростков, расталкивающих друг друга локтями, чтобы получше рассмотреть плакат на заборе. Протиснулся между ними.

Из вихря красок смотрели две женщины с идиотическими лицами. Надпись гласила:

«ЭТИ ДВА БЛИЗНЕЦА НЕ ОДИНАКОВЫ»

Мальчики хихикали и подталкивали друг друга в бок. Очевидно, я чего-то в этом не понимал. Я повернулся к одному из них.

— Не понимаю.

— Что? — на носу у подростка были веснушки, а вместо одной руки — протез. Он почесал голову пластмассовыми пальцами. — Что ты имеешь в виду?

— Что смешного в этой картине?

Он недоверчиво посмотрел на меня и рассмеялся.

— Если они не одинаковы, — выпалил он, — то они разные; они *иные!*

И все мальчишки засмеялись. Их сдавленные смешки были недобрыми.

Я отошел от них. Я искал музыку, но ее нигде не было. Ты один, а все эти тротуары и толпы не выносят твоих вопросов — вот, что такое одиночество, Челка. Сжимая мачете, я шел через вечер, одинокий, как будто совсем заблудился и потерялся в городе.

Ноты сонаты Кодали! Я завертелся на пятке. Здесь каменные плиты тротуара были чистыми.

На углах домов росли деревья. Здания стояли за высокими каменными воротами. Мелодия продолжала звучать у меня в голове. Я переводил взгляд от одних ворот к другим, пытаясь найти, откуда же она идет. Нерешительно поднявшись по мраморным ступенькам, я постучал рукояткой мачете по засову ворот.

Грохот разносился по всей улице, но я продолжал стучать.

В доме за воротами распахнулась обитая медными гвоздями дверь. Потом щелкнул замок, и ворота со скрежетом раскрылись. Я зашагал к дому, заглянул в темный дверной проем и вошел, ничего не различая со света. Музыка продолжала звучать в моей голове.

Вскоре мои глаза привыкли к полутьме. Высоко над головой отсвечивало окно. Над черным камином была мозаика, изображающая дракона.

— Чудик?

Глава одиннадцатая

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.
Откровение Иоанна. Глава 2, стих 4
Меня беспокоит, что такой объект нельзя серьезно рассматривать без того, чтобы не сосредоточиться на самой его сути, которая лежит за пределами моих или чьих-нибудь еще писательских способностей… Пытаться писать об этом только в терминах моральных проблем — это превыше моих сил. Моя главная надежда — изначально сформулировать суть предмета, и мое невежество…
Джеймс Эйджи. Письмо отцу Флаю
Где эта страна? Как туда попасть? Если иметь врожденную склонность к философии, то туда попасть можно.
Плотин «Разум, Идея и Бытие»

За столом сидел Паук и, оторвавшись от чтения, смотрел на меня.

— Так и думал, что это ты.

В тени, за ним, я увидел книги. У Ла Страшной

их было несколько сотен. А у Паука книжные полки высились до потолка.

— Мне нужны… я зашел… за деньгами.

— Присаживайся. Я хочу поговорить с тобой.

— О чем? — спросил я. Нашим голосам отвечало эхо. Музыка почти стихла. — Я продолжаю свой путь к Челке, еще нужно отыскать Кида.

Паук кивнул.

— Вот поэтому я и предлагаю тебе присесть.

Он нажал на кнопку, и перед столом, в конусе света с кружащимися пылинками, неожиданно появился табурет. Я осторожно присел, поглаживая мачете. Паук стал перебрасывать из руки в руку белый хрупкий череп какого-то грызуна, как однажды перебрасывал из руки в руку рукоять бича.

— Что ты знаешь о мифологии?

— Я знаю только истории, которые рассказывала Ла Страшная, одна из старейшин моей деревни. Она рассказывала их, когда мы были детьми, некоторые истории — по несколько раз. Потом мы пересказывали мифы друг другу, пока они не засели в нашей памяти.

— Повторяю, что ты знаешь о мифологии? Я не спрашиваю, какие легенды ты знаешь и кто тебе их рассказывал. Я спрашиваю, откуда мы их

знаем и для чего используем?

— Я… не знаю. Когда я покидал деревню, Ла Страшная рассказала мне миф об Орфее.

Паук отложил череп и наклонился вперед.

— Зачем?

— Я не… — потом я задумался. — Это был совет? — Я больше ничего не мог придумать.

Паук спросил:

— Ла Страшная иная?

— Она… — в уме у меня пронесся грохочущий смех подростков у плаката, я не понимал, над чем они смеялись и до сих пор чувствовал, как горят мои уши. Я вспомнил Увальня, Маленького Джона, Ло Ястреба, пытающихся развеять мою тоску по Челке, и Ла Страшную, ее попытку помочь мне — да, она *иная.*

— Да, — признался я. — Она иная.

Паук кивнул и стал постукивать костяшками пальцев по столу.

— Ты понимаешь, Чудик, что такое *иное*?

— Я живу в мире, где многие обладают этим, а многие нет. В самом себе я обнаружил исключительные способности несколько недель назад. Я знаю, что мир движется к этому с каждым биением великого рока и великого ролла. Но я не понимаю этого.

На вытянутом лице Паука появилась улыбка.

— В этом ты похож на остальных. Все вы знаете то, чего нет.

— Чего нет?

— Это не телепатия и не телекинез, хотя число таких феноменов растет, как растет и иное. Чудик, Земля, мир, пятая планета от Солнца — биологический род, странствующий на двух ногах по влажной земной коре — все это изменяющееся. Это не одно и то же. Одни люди живут под солнцем и допускают то, что мир изменяется, другие закрывают глаза, топают ногами, затыкают уши и отрицают мир. Большинство обычно насмехается и тычет пальцем в тех, кто имеет другие взгляды, кто думает и видит не так, как все — это сейчас, и точно так же люди поступали на протяжении всей своей истории. Мы унаследовали их заброшенный мир, и в нем происходит что-то новое; мы даже не можем дать этому определение с помощью бедного человеческого словаря. Ты должен принять это именно так: это неопределенный процесс; ты вовлечен в него; это удивительное, страшное, глубокое, и не поддающееся толкованию, непроницаемое для твоих попыток разглядеть что-нибудь; и требует, чтобы ты путешествовал, определяет твои

остановки, задержки и отправные точки, может подгонять тебя с любовью и ненавистью, даже искать смерти для Кида Смерти…

— … или дает мне музыкальные способности, — закончил я за него. — Что ты можешь еще рассказать мне, Паук?

— Если бы я мог тебе рассказать, или если бы ты мог понять что-нибудь из моих выводов, Чудик, то это бы потеряло всякую ценность. Много войн, хаосов и парадоксов назад два математика закончили одну эру и начали другую… для наших хозяев, наших привидений по имени Человек. Одним был Эйнштейн, который в Теории Относительности определил пределы человеческого восприятия мира и выразил математически, насколько условия наблюдателя влияют на наблюдаемый предмет.

— Я знаком с этим.

— Другим был Гедель, современник Эйнштейна. Он первым дал математически точные формулировки более широкой области, лежащей за пределами, которые определил Эйнштейна.

В любых замкнутых математических системах — ты можешь прочесть это так: «Реальный мир с его непоколебимыми законами логики», — *существует бесконечное число истинных тео-*

рем — ты читай так: «...явлений, поддающихся постижению и измерению», — *которые, хотя и содержатся в исходной системе, не могут быть выведены из нее,* — читай: «доказаны ординарной и сверхординарной логикой». То есть, на небесах и на земле, мой друг Горацио, есть многое, что и не снилось вашим мудрецам. В мире существует бесконечное множество истинных вещей, истинность которых никак нельзя доказать. Эйнштейн определил степень рационального, а Гедель воткнул булавку в иррациональное и пригвоздил его к стене вселенной; и оно висит там достаточно долго, чтобы люди знали о том, что оно есть. С тех пор и мир, и человечество стали изменяться. С другой стороны вселенной нас мало-помалу перетянуло сюда. Видимые последствия — теории Эйнштейна устремились вверх по выпуклой кривой, и рост их был невероятно мощным в первый век после открытия, потом стал выравниваться. Результаты Геделевского закона поползли по вогнутой кривой, микроскопические сначала, они затем устремились вровень с кривой Эйнштейна, пересекли ее и превзошли. В точке пересечения действия законов человечество было способно достичь пределов известной вселенной с помощью космических кораблей и проецируемыми

силами, которые до сих пор имеются в нашем мире для тех, кто захочет их использовать…

— Ло Ястреб, — перебил я. — Ло Ястреб посетил другие миры…

— …и когда линия закона Геделя взлетела над линией Эйнштейна, ее тень упала на опустевшую Землю. Человечество затерялось где-то, в мире не из этого континуума. Пришли мы и взяли их тела и души — заброшенная шелуха умершего человечества. Города — суматошные центры межзвездной торговли — рассыпались в песок, который ты видишь на их месте сегодня. А они были больше Браннинга Приморского.

Я на минуту задумался.

— Тогда с тех пор должно было пройти очень много времени.

— Правильно. Городу, через который мы проезжали, тридцать тысяч лет. Солнце приобрело еще две планеты с тех пор, как прекратил существовать Старый Мир.

— А подземные пещеры? — внезапно спросил я. — Что находится в них?

— Ты никогда не спрашивал об этом ваших старейшин?

— Как-то не приходилось.

— Эта сеть пещер опутывает всю планету и на

самых нижних ее уровнях содержатся источники радиации, с помощью которой в деревнях, когда их население вырождается, можно вызвать управляемое смешивание случайных вариаций генов и хромосом. Хотя мы не используем это уже тысячу лет. Хотя радиация все еще существует. Мы, сначала смоделированные по образцу и подобию людей, постепенно становимся более сложными созданиями. И чем сложнее мы становимся, тем сложнее нам оставаться совершенными: среди «нормальных» становится все больше и больше вариаций — и клетки переполнены забракованным человеческим материалом.

— Какое отношение все это имеет к мифологии? — мне надоел его монолог.

— Вспомни мой первый вопрос.

— Что я знаю о мифологии?

— Мне нужен геделевский, а не эйнштейновский ответ. Меня не интересует ни их содержание, ни то, что кроется за ними, ни то, как они взаимодействуют; меня не интересуют блестящие повороты их сюжетов, их пределы и происхождение. Мне нужна их форма, их структура; что с ними творится, когда ты прошмыгиваешь мимо них на темной дороге, когда они рассеиваются в тумане; их вес, когда они хлопают тебя сзади по

плечу. Хотел бы я знать, каково тебе будет взвалить на себя третий, если ты и так уже несешь два. Кто ты, Чудик?

— Я… Чудик? — спросил я. — Ла Страшная называла меня как-то Ринго и Орфеем.

Паук приподнял подбородок, и подпер голову руками.

— Да, я это предполагал. Ты знаешь, кто я?

— Нет.

— Я — Искариот Зеленоглазого. Я Пат Гаррет Кида Смерти. Я Судья Минос у врат ада, которого ты должен был очаровать своей музыкой. Я все предатели, которых только можно представить. И я повелитель драконов, пытающийся содержать двух жен и десяток детей.

— Ты большой человек, Паук.

Он кивнул.

— Что ты знаешь о мифологии?

— Ты уже третий раз спрашиваешь об этом, — я поднял мачете и приставил ко рту; переполнявшая меня любовь хотела озвучить (а вся музыка утихла) тишину.

— Проникни в смысл моих слов, Чудик. Я знаю гораздо больше, чем ты. Эти знания облегчат вину, — он бросил череп на стол, как будто (мне так показалось) предлагая мне, — Я знаю, где искать

Челку. Я могу пропустить тебя через ворота. Хотя Кид Смерть может убить меня; я хочу, чтобы ты это знал. Он моложе, безжалостней и сильнее меня. Ты хочешь продолжать поиски?

Я опустил мачете.

— Это предопределено! Я потерплю неудачу! Ла Страшная говорила, что у Орфея ничего не вышло. Ты пытаешься рассказать мне, что эти истории рассказывают нам, что должно случиться. Ты рассказывал мне, что мы гораздо старше, чем думаем. Все это много значит для реальности, которую я не могу изменить! Сейчас ты говоришь, что я потерпел неудачу, как только начал.

— Ты уверен?

— Но ты сам только что это сказал.

— Поскольку мы можем сохранять все больше и больше нашего прошлого, мы все медленнее и медленнее стареем, Чудик. Лабиринт теперь не такой, каким он был на Кноссе пятнадцать тысяч лет назад. Ты сможешь быть Орфеем, осмелившимся бросить вызов смерти и победить. А Зеленоглазый сегодня вечером может попасть на крест, будет висеть и гнить, и никогда не вернется. Мир уже не тот. Он изменился. Он стал другим.

— Но…

— Сейчас вокруг нас столько всего происходит… как тогда, когда первый певец, пробудившись от своей песни, осознал, чего стоила принесенная жертва. Ты не знаешь, Чудик. Все это потом может оказаться фальшивой нотой, ложным диссонансом случая в гармонии великого рока и великого ролла.

На некоторое время я задумался, потом сказал:

— Я хочу уйти.

Паук кивнул:

— Некий каменщик испробовал двухлезвийную секиру на камнях Феста. Ты несешь обоюдоострое, с двух сторон отточенное, поющее мачете. Интересно, изменил ли Тесей что-нибудь в лабиринте.

— Не думаю, — сухо сказал я. — Мифы дают тебе закон, которому нужно следовать…

— …который ты можешь или нарушить или подчиниться.

— Они ставят перед тобой цель…

— …и ты можешь или потерять эту цель, или достичь, или добиться большего, превзойти самого себя.

— Почему? Почему ты не можешь плюнуть на эти древние истории? Я погружусь в море и найду Кида без твоей помощи. Мне плевать на

эти басни!

— Ты сейчас живешь в реальном мире, — печально сказал Паук. — Он идет откуда-то и уходит куда-то. Мифы всегда затрагивают то, на что сложнее всего закрывать глаза. В них перемешаны любовь и ненависть. И ты робеешь, ты не решаешься проникнуть в них.

Он положил череп на стол.

— Знаешь ли ты, почему ты нужен Киду, так же как ему нужен и Зеленоглазый?

Я покачал головой.

— А я знаю.

— Я нужен Киду?

— Как ты думаешь, почему ты здесь?

— Причина… *в ином?*

— В основном. Сиди и слушай, — Паук откинулся на спинку стула. — Кид может изменять любые материальные тела во все, что угодно, в сфере действия своего мозга. Он может превратить дерево в камень, мышь в кучку мха. Но он не может создать что-нибудь из ничего, из пустоты. И он не может взять этот череп и превратить его в вакуум. А Зеленоглазый может. Вот поэтому-то он и нужен Киду.

Я вспомнил неожиданную встречу в горах, когда злобный красноголовый демон пытался

соблазнить принца-пастуха.

— Другое, что ему нужно — музыка, Чудик.

— Музыка?

— Поэтому он и преследует тебя — или заставляет тебя преследовать его. Он хочет знать, что происходит, когда шесть нот предвосхищают седьмую, когда три ноты, переплетаясь друг с другом, задают тональность, мелодия — гамму. Музыка — это чистый язык временных и пространственных связей. Он ничего не знает об этом, Чудик. Кид Смерть может управлять, но не может создавать. Вот почему ему нужен Зеленоглазый. Он может управлять, но не умеет приказывать, а музыка повелевает человеческой душой и подчиняет ее себе. Поэтому ему нужен ты.

— Но как…

— Ни в твоем, ни в моем словаре для этого нет слов. Это все не то, Чудик, это иное. Все, что происходит в мире иного, имеет сюрреалистические последствия в настоящем.

Зеленоглазый создает, но это косвенный эффект чего-то еще, заложенного в нем. Ты улавливаешь и зачинаешь музыку, но это только дополнительная черта того, кем ты являешься на самом деле.

— *Кто я?*

— Ты… что-то еще…, — (я спрашивал требовательно, а в его ответе прозвучала насмешка), но Кид нуждается в вас обоих, — продолжил Паук. — Что ты будешь делать, когда настигнешь его?

— Своим ножом я продырявлю весь его живот, я выпущу из него всю кровь. Я буду гнать его по дну моря. Я… — я запнулся на полуслове. Судорожно втянув воздух так, что заныли ребра, я прошептал: — Я боюсь. Паук, я боюсь.

— Почему?

Я заглянул в его прикрытые подергивающимися веками глаза.

— Потому что я не понимал, что я в этом одинок, — я погладил рукоять мачете. — Если мне и суждено найти Челку, дальше я должен буду идти в одиночку — без ее любви. Ты не на моей стороне, ты не со мной, — я почувствовал, как охрип мой голос. Но не от страха — это была грусть, которая застревает в горле, першит, когда вы вот-вот заплачете. — Если я найду Челку… я не знаю, что со мной будет… даже если я вновь обрету ее.

Паук ждал, что я заплачу. Но я не доставил ему такого удовольствия. И он, выдержав паузу, сказал:

— Тогда я думаю, что пропущу тебя, если ты

действительно это знаешь.

Я посмотрел на него.

Он кивком ответил на мой немой вопрос.

— Ты еще кое-кого должен увидеть. Здесь, в Браннинге.

Он встал. В одной руке у него оказался небольшой мешочек. Он потряс им, и внутри зазвенели монеты. Паук кинул мешочек мне, и я поймал его.

— Кого?

— Голубку.

— Ту, которая нарисована на плакате? Но кто…

— Кто такая Голубка? Голубка — это Елена из Трои, Стар Антим, Марио Монтез, Джин Харлоу, — он остановился.

— И ты? Иуда и Минос, и Пат Гаррет? Кто ты для нее?

Паук фыркнул от смеха.

— Если Голубка — Джин Харлоу, то я Поль Берн.

— Но почему?

— Ступай, Чудик. Иди.

— Иду, — пролепетал я, — иду, — я был смущен. Тем же, чем и вы. Но не совсем. Я продолжал внимательно смотреть на Паука. Неожиданно он швырнул череп. Череп полетел ко мне, на

мгновение задержался в воздухе, упал на пол и разлетелся. Паук засмеялся. Смех был дружественным, без шуршанья рыбьей чешуи и мушиных крыльев, затмевающего смех Кида, без злой насмешки. Но этот смех испугал меня до смерти. Я выскочил за дверь. Осколки черепа хрустели под ногами. Дверь тут же захлопнулась за мной. А в глаза ударил солнечный свет.

Глава двенадцатая

Покинув Крит, отправляйся в святой храм.
Сапфо. Фрагмент

Этим утром я укрылся от небольшого дождя в чайной вместе с докерами. Желтые облака плыли над Босфором. Нашел одного человека, который говорит по-французски и двух других, говорящих по-гречески. Мы говорили о путешествиях и согревали пальцы о стаканы с чаем. Мы, все четверо, попутешествовали по земному шару. Радио над камином перемежало повторяющиеся турецкие мелодии с Азнавуром и Битлами. Чудик начинает последний этап своего путешествия. Я не могу последовать за ним. Когда дождь прекратился, я прошел по прибрежному рыбному базару; жабры у серебристых рыбок были вырваны, и казалось, что каждая голова увенчана кровавым цветком. Улица с деревянными домами поворачивала в город вверх по холму. Здесь недавно бушевал огонь. Несколько домов

фактически сгорели дотла, но высокие сверкающие обугленные плиты нависали над булыжной мостовой, где в грязи играли апельсиновой кожурой дети. Я наблюдал, как несколько ребят гнались за рыжеволосым мальчиком. Его лицо было мокрым, споткнувшись, он упал в грязь, потом побежал впереди меня. Каблуки его башмаков были стоптаны. Возможно, сопереживая этому мальчику, я изменю цвет волос Кида Смерти, с черного на рыжий. Прошел вдоль стены дворца, топча и расшвыривая серые листья по мостовой. Я остановился на Султанахмет Джамми. Голубые узоры поднимались по куполу передо мной. Это действительно успокаивало. Через неделю еще один день рождения, я снова смогу начать скрупулезный процесс накладывания другого слоя словесной вязи на вновь ободранный скелет романа. Камни были холодны под моими босыми ногами. Узоры продолжали подыматься, увлекая глаза вверх и по другую сторону купола. Снаружи я обулся и пошел по двору. На втором этаже старой чайханы я сел в

углу, подальше от плиты и попытался подвести своих героев к концу романа. Скоро я начну снова. Чтобы окончания были полезными, они должны быть незавершенными.
Дневник автора. Стамбул. Март 1966 г.
Каковы ваши достижения? Осмелитесь ли вы жить на Востоке, где живем мы? Боитесь ли вы солнца? Если вы услышите, что новая фиалка прокладывает себе путь, расталкивая богов, будете ли вы решительны?
Эмили Дикинсон. Письмо К. С. Тернеру

«Жемчужина» поразила меня. Миллион людей — это слишком много для вылезшего из трущоб. Но горожане все таки более централизованы. В этот бурный вечер в конце улицы я увидел эмблему «Жемчужины». Я заглянул в кошелек. Пауку все же нужно было дать мне денег побольше.

Черные двери плавились в темно-красных лучах заходящего солнца. Я пошел вверх по ступеням лестницы, освещенной оранжевыми огнями. В воздухе витали ароматы. Было шумно. Я крепко сжимал мачете. Посетители совершенно истоптали ворс ковра своими бесчисленными ногами. На левой стене кто-то изобразил натюрморт: фрук-

ты, перья, всякая посуда на фоне мятой кожи. Голоса, да. Но там, где звук становиться музыкой, там была тишина.

— Ло? — спросила собака, сидевшая наверху лестницы.

Я был сбит с толку.

— Ло Чудик, — ответил я и улыбнулся собаке. Но ее морда осталась холодной.

И на балконе, где веселилась Ее компания, встала Она, наклонилась и спросила:

— Кто ты? — и ее слова рассыпались смехом.

Она была прекрасна. На ней было серебристое платье с глубоким вырезом, из которого выглядывали маленькие прелестные грудки. Ее рот, казалось, был создан для того, чтобы смеяться. Волосы, густые и блестящие, как у Маленького Джона. Оказалось, что она обращается ко мне:

— Да-да. Ты, глупенький. Кто ты?

Я забыл, что когда к вам обращаются, нужно отвечать. Если бы к вам обратилась такая красавица, вы тоже не сразу бы ответили.

Собака кашлянула и объявила:

— Это… Ло Чудик.

Все в зале притихли. В наступившей тишине я понял, как здесь было шумно. Шепот, смех, разговоры, стук ног по полу, скрип стульев — мне

захотелось, чтобы шум возобновился. В дверном проеме, где две змеи обвивали рукоятку двери, я увидел знакомую жирную фигуру Пистолета. Он увидел меня, затаил дыхание и прислонился к косяку.

Потом Голубка сказала:

— Ну, ты вовремя, Ло Чудик. Думаю, ты никогда здесь не был. Пистолет, принеси стул.

Я удивился. Пистолет был поражен. Не сразу справившись с в очередной раз отвисшей челюстью, он все-таки принес стул.

Я направился к Голубке, пробираясь между столов, цветов, свечей и наполненных бокалов; мимо мужчины с собакой на золотой цепочке, женщины с украшенными драгоценными камнями веками и грудью, чуть-чуть прикрытой сеткой из серебряной и латунной проволоки. Все они обернулись посмотреть, как я иду.

Я остановился у лестницы, ведущей на балкон Голубки. Она стояла, прислонившись к перилам балкона, и протягивала мне руку.

— Ты друг Паука, — сказала она, улыбаясь. Когда она заговаривает с вами, вы чувствуете себя великолепно. — Пистолет, — она оглянулась; ее платье сверкало и переливалось. — Поставь стул возле меня.

Пистолет тут же выполнил ее требование, и мы сели.

Я видел только ее. Она прильнула ко мне, учащенно дыша. Думаю, что это так и называлось.

— Мы должны поговорить. Что тебе рассказать?

Изумительное дело наблюдать, как дышит женщина.

— Э… о… хорошо, — я попытался сосредоточить все внимание на ее лице. — Девять тысяч действительно приятнее, чем девяносто девять? (Вы думаете, я знал, о чем спрашиваю?)

Она беззвучно засмеялась. Это было обворожительно.

— Ах! Ты должен сам попробовать и испытать это.

В зале снова зашумели. Голубка продолжала смотреть на меня.

— Чем ты занимаешься? — спросил я. — Паук говорил, что ты можешь помочь мне найти Челку.

— Я не знаю, кто такая Челка.

— Она… тоже была прекрасна.

На ее лице промелькнуло глубокое сочувствие:

— Да, — сказала Голубка.

— Думаю, здесь нам поговорить не удастся, — я

бросил взгляд на Пистолета, вертящегося возле нее.

— Проблема не в том, в чем ты думаешь, — Голубка приподняла черные брови.

— Это часть…

— О, — сказала она и вскинула подбородок.

— А ты? — спросил я. — Что здесь делаешь ты? Кто ты?

Дуги ее бровей приподнялись еще выше:

— Ты это серьезно?

Я кивнул.

Она смущенно, как бы ища поддержки, повернулась к окружающим ее людям. Когда никто не попытался ответить на мой вопрос вместо нее, она снова взглянула на меня. Ее губы приоткрылись и задрожали.

— Они говорят, что я — то, что позволяет им всем продолжать любить.

— Как это? — спросил я.

Кто-то позади нее спросил:

— Он действительно не знает?

С другой стороны раздался еще голос:

— Не знает о поддержке и необходимости смешивания?

Голубка приложила пальчик к губам, и они замолчали.

— Я сама расскажу ему. Чудик — кажется, так тебя зовут?

— Паук сказал мне, чтобы я поговорил с тобой, — я хотел закрепиться в ее мире информационными крючками.

— Ты хочешь, чтобы все было просто. — Она иронически усмехнулась. — Паук. Великий Бог Ло Паук? Предатель, лжедруг, один из тех, кто уже подписал смертный приговор Зеленоглазому. Не интересуйся теперь судьбой этого обреченного человека. Занимайся своими делами, Чудик. Что ты хочешь знать?

— Смертный приговор…?

Она прикоснулась к моей щеке.

— Будь эгоистом. Что тебе нужно?

— Челку! — я вскочил со стула.

Голубка продолжала сидеть.

— Теперь я задам тебе вопрос, не ответив на твой. Кто такая Челка?

— Она была… — я запнулся, — она была прекрасна, как ты.

Она опустила голову. Светлые, светлые глаза потемнели, и она их тоже опустила.

— Да, — это слово она не сказала, а выдохнула. Ответ я скорее увидел, чем услышал. И постепенно вопросительное выражение на ее лице

сменила ирония.

— Я… — неправильное слово. — Она…

Невидимый кулак забарабанил по моим ребрам. Остановился, раскрылся, «рука» дотянулась до моей головы и процарапала лицо под кожей. Лоб и щеки горели как от огня. Глаза жгло.

Голубка перевела дыхание.

— Понимаю.

— Да нет, тыне… — вырвалось у меня. — Ты не понимаешь.

На нас снова смотрели. Она тоже осмотрелась и прикусила губу: — Ты и я… не совсем похожи.

— Что?.. о. Но — Голубка…

— Да, Чудик?

— Где я? Я пришел из деревни, из диких пустынь, через драконов, через цветы. Я бросил звание Ло, ищу свою погибшую девушку и охочусь на голого ковбоя. И где-то грязный принц идет к… смерти, пока я болтаюсь здесь. Где я, Голубка?

— Ты у древнейшего места, которое называется Ад, — быстро заговорила она. — Ты умеешь проходить сквозь смерть или песнь. Тебе может понадобиться помощь, чтобы найти путь отсюда.

— Я искал свою золотую и нашел тебя, сереб-

ряную.

Голубка встала, и свет, исходивший от ее платья ослепил меня. Ее гладкая рука скользнула по бедру, и я схватил эту ручку в свою шершавую, грубую руку.

— Пойдем, — сказала она.

Спустившись с балкона, она наклонилась ко мне.

— Мы будем прохаживаться по комнате. Думаю, у тебя есть выбор, одно из двух — или слушать, или смотреть. В том, что ты сможешь и то и другое, глубоко сомневаюсь. Я не смогла, но ты попробуй.

Мы прохаживались по комнате, и мачете постукивало по моей ноге.

— Мы устали, пытаясь быть людьми, Чудик. Для того, чтобы выжило еще хотя бы двенадцать поколений, мы должны перемешивать, перемешивать и перемешивать гены.

Старик, навалившийся животом на стол, изумленно смотрел на девушку, сидящую напротив. Она облизывала губы. У нее были огромные глаза, синие и прекрасные. Девушка передразнивала старику.

— Мы не можем заставить людей иметь больше детей. Но мы можем сделать идею сексуальных

отношений настолько привлекательной… — она опустила глаза, — как только можно.

За другим столом сидела женщина, кожа на ее лице настолько обвисла, что сложно было даже представить, что же скрывается под этой маской. Но она смеялась. Ее морщинистая рука лежала на руке молоденького мальчика. Своими густо накрашенными глазами женщина завистливо смотрела на его подвижные веки, прикрывающие темные, как оливы, глаза. И его волосы блестели сильнее, чем у нее, и были густыми и буйными, а ее бесформенную голову украшала прилизанная лаком прическа.

— Кто я, Чудик? — вопрос прозвучал (скорее предположила, чем спросила) как риторический. — Я — главный образ в рекламной кампании секса. Я хорошая-плохая вещь для каждого желающего, для каждого, желающего быть любимым, — та, которая предпочитает девяносто девять одному. Я та, кого страстно желают осеменить все мужчины. Я та, кому подражают все женщины, я диктую моду. Мир подхватывает мои остроты, жесты и даже мои ошибки.

Пара за следующим столом позабыла обо всем. Они выглядели счастливыми, богатыми и довольными. *Я* позавидовал им.

— Было время, — говорила Голубка, сжимая мою руку, — когда оргии и искусственное осеменение проводились тайно. Теперь же это пропагандируется. Этим я и занимаюсь. Вот я и ответила сразу на несколько твоих вопросов.

Двое подростков, сидящих за столом неподалеку от нас, сжимали руки друг друга и хихикали. Прежде я думал, что двадцать один — ответственный возраст: он должен быть таким, потому что наступит так не скоро. Эти малолетки могли здесь делать все, что угодно; и они учились этому на ходу, причиняя друг другу боль, удивлялись и были до беспамятства счастливы тем, что открывалось перед ними.

Я посмотрел на Голубку.

— Ответ заключается в моем особенном таланте, который облегчает мою работу.

Пальцы, сжимавшие мою руку, притронулись к моим губам, призывая к тишине. А второй рукой она коснулась мачете.

— Сыграешь, Чудик?

— Для тебя?

Она обвела рукой комнату.

— Для них, — она повернулась к людям. — Эй, вы! Успокойтесь и слушайте! Молчите!

Люди заулыбались.

— …и слушайте!

Они слушали. Голубка повернулась ко мне и кивнула. Я посмотрел на мачете.

Пистолет схватился за голову. Я улыбнулся ему, присел на край пустого стола и пробежался пальцами по рукоятке.

Я сыграл одну ноту. Взглянул на людей. Потом другую. И засмеялся.

Подростки тоже засмеялись.

Я сыграл еще несколько нот, снизил, потом поднял их до пронзительного вопля.

Я захлопал рукой по столу в такт мелодии. Музыка ожила, понеслась. Дети думали, что дальше тоже будет весело. Я раскачивался на краю стола, закрыв глаза, хлопал и играл. Сзади кто-то тоже захлопал вместе со мной. Я усмехнулся в флейту (трудно), и музыка засверкала. Я вспомнил мелодию, полученную от Паука. Тогда я решил сделать то, чего прежде не делал. Я позволил одной мелодии плыть без моего участия и заиграл другую. Тона и полутона сливались и подталкивали друг друга в гармонию, когда неожиданно налетали на мои хлопки. Я вкладывал музыку в каждое движение своего тела, в каждый хлопок ногой, в каждый нажим пальца. Я играл, поглядывая на людей, обрушивая на них музыку, придав-

ливая их ее весом, и, когда ее стало достаточно, я затанцевал на столе. Движения повторялись: танцевать самому — это совсем не то, что наблюдать за танцующими. Я танцевал на столе. Изо всех сил. Я хлестал их музыкой. Звуки наталкивались друг на друга, взрывались. Аккорды распускались, раскрывались, как насытившиеся хищные цветы. Люди кричали, я пронзал их стремительными ритмами. Они тряслись и не могли усидеть на своих стульях. Я повел четвертую линию, добавляя в диссонанс все больше и больше новых нот. Трос начали танцевать со мной. Я стал играть для них. Ритм поддерживал их подергиванья. Старика трясло возле синеглазой девушки. *Хлоп.* Подростки тряслись, плечо — *Хлоп* — о плечо. Престарелая пара крепко держалась за руки. *Хлоп.* Звук сделал мертвую петлю, — *Хлоп* — затронув всех и каждого. Мгновение тишины *Хлоп.* И растекся по всей комнате; и как драконы в пустыне, люди, все вместе, застонали и застучали по животам в такт мелодии.

На возвышении, где стоял стол Голубки, кто-то распахнул широкие окна. Ветер, налетающий на мою потную спину, заставил меня закашляться. Кашель загрохотал в полости моей флейты. Теперь я почувствовал, как шумно и душно было в

замкнутой комнате. Танцующие двигались к балкону. Я продолжил играть и последовал за ними. Пол был выложен красной и голубой плиткой. В золотистых сумерках заструились голубые раны. Двое танцоров прислонились к перилам балкона, отдыхая. Мачете затихло, когда я оглянулся…

Ветер развевал серебряное платье. Но это была не Голубка. Она отняла смуглые пальцы от смуглых щек, припухшие губы прощались со вздохом. Она пригладила волосы, заморгала, высматривая кого-то среди людей. На некоторое время исчезла среди толпы, снова появилась.

Смуглая Челка…

Челка вернулась и вращалась среди танцующих…

Прекрасная и желанная…

Однажды я был так голоден, что когда поел, испугался. Теперь — тот же страх, только сильнее. Музыка играла сама по себе, мачете выпало из моей руки. Однажды Челка швырнула гальку…

Я побежал по лабиринту танцующих, всех расталкивая.

Она увидела меня. Я схватил ее за плечи, она стиснула меня, прижалась щекой к моей шее, грудью к моей груди, рука на моей спине. Ее имя плыло в моей голове. Я знал, что делаю ей больно.

Ее кулаки вдавились в мою спину. Глаза мои были мокры и широко открыты. Я хотел открыть в ней все. Я стиснул хрупкое тело, ослабил хватку и снова сжал руки.

В парке, под балконом, выделялось одно дерево, над которым висело безумное солнце. На дереве, наклонив голову так низко, как бывает, когда у человека сломана шея, привязанный руками к ветвям, висел Зеленоглазый. По его рукам стекала кровь.

Она повернулась в моих руках посмотреть, что я там увидел, и тут же закрыла ладонями мои глаза. Я почувствовал, как из ее рук заструилась музыка. Это была траурная песнь девушки, закрывавшей сейчас мои глаза, и звучала она для распятого принца.

И сквозь музыку я различил шепот.

— Чудик, будь осторожен. — Это был голос Голубки. — Хочешь рассмотреть это внимательно?

Пальцы у моего лица замерли.

Я могу заглядывать вглубь. Где-то в скалах скал, под дождем, ты умер. Хочешь посмотреть на это внимательнее?..

— Я не привидение!

— О, ты реален, Чудик. Но возможно…

Я повертел головой, но темнота не отступила.

— Ты хочешь узнать о Киде?

— Я хочу знать, что поможет мне убить его.

— Тогда слушай. Кид Смерть может возвращать жизнь только тем, кого убил он сам. Он властен только над теми цветами, которые собрал сам. Но ты же знаешь, кто возвратил ее тебе…

— Убери руки.

— У тебя есть выбор, Чудик, решай быстрее, — прошептала Голубка. — Ты хочешь увидеть, что тебя ждет впереди? Или только то, что было прежде?

— Твои руки. Я не могу сквозь них ничего увидеть впереди… — я остановился, ужаснувшись тому, что сказал.

— Я очень талантлива, Чудик, — свет проник ко мне, когда она чуть-чуть отняла ладони. — Мне пришлось отточить этот талант до совершенства, чтобы выжить. Ты не можешь отказываться от законов мира, который сам выбрал…

Я сжал ее запястья и оторвал руки от своего лица. Несколько секунд Голубка сопротивлялась, потом опустила руки. Зеленоглазый все так же висел на дереве.

Я схватил руки Голубки.

— Где она?

Я оглядел террасу. Потом встряхнул Голубку и

прижал к перилам балкона.

— Я превратилась в ту, которую ты любил, Чудик. Это часть моего таланта. Вот поэтому-то я и могу быть Голубкой.

— Но ты…

Она пожала плечами, ее рука скользнула по серебристой ткани. Ткань изменилась.

— И они, — я обвел людей рукой. Подростки, все еще держась за руки и хихикая, направлялись в парк. — Они зовут тебя, Ла Голубка.

Голубка вскинула голову, отбросив назад волосы.

— Нет, Чудик, — она покачала головой. Кто тебе это сказал, Чудик? Кто тебе это сказал? Я Ле Голубка.

Меня знобило. Голубка протянула мне тонкую руку.

— Ты не знаешь, Чудик? Ты и вправду не…

Я отступил назад, поднял мачете.

— Чудик, мы не люди! Мы живем на их планете, потому что они истребили себя. Мы попытались взять их форму, их память, их мифы. Но все это не пригодно для нас. Это иллюзия, Чудик. Довольно. Тебя возвратил к жизни Зеленоглазый. Он был одним из тех, кто действительно мог вернуть твою Челку.

— Зеленоглазый?

— Мы не такие, какими были древние люди, мы…

Я повернулся и выбежал с балкона.

В комнате я опрокинул стол и пронесся мимо залаявшей собаки.

— Ло Чудик! — она сидела на возвышении возле стены. — Подожди. Тебе будет интересно, если ты увидишь то, что находится под «Жемчужиной»?

Прежде, чем я успел ответить, собака нажала носом кнопку на стене.

Пол начал вращаться. Почти в истерике я понял, что происходит. Полом служили две панели поляризованного пластика, лежащих одна на другой. Когда они стали прозрачными, я увидел фигуры, движущиеся в расщелинах между камней, под креслами и ножками столов.

— «Жемчужина» построена над одним из коридоров клетки Браннинга. Смотри, они бродят там, цепляются за стены. Нам не нужен сторож клетки. Старая компьютерная система людей для Физических Гармонических Заграждений и Ассоциаций Бредовых Ответов заботится об этих иллюзиях. Внизу целый ад, наполненный удовлетворенными желаниями…

Я упал на пол и прижался лицом к пластику.

— ФЕДРА, — закричал я. — ФЕДРА, где она?

— Привет, мальчик, — в темноте засверкали огоньки. Пара существ с многочисленными, слишком многочисленными руками, стояла, обнявшись, над мигающей машиной.

— ФЕДРА!..

— Это не тот, это неправильный лабиринт, мальчик. Здесь, внизу, ты можешь найти другую иллюзию. Она последует за тобой к двери, но когда ты обернешься, чтобы убедиться, что она здесь, она исчезнет и ты уйдешь сам. Так зачем пытаться?

Голос был еле слышен сквозь пол.

— Здесь за все отвечает мать. Не приходи сюда играть на своем кровавом мачете. Ты пытаешься получишь ее и ты вернешь ее назад другим путем. Ты — пучок психических проявлений, многосексуальности и бесплотности, и ты — ты пытаешься на все это надеть ограничивающую человеческую маску. Ищи где-то за рамой зеркала…

— Где…

— Ты умолял дерево?

Подо мной проходило множество иллюзий клетки, они шли, шатаясь и толкаясь, под мигающими огнями ФЕДРЫ. Я вскочил и бросился

бежать. Собака залаяла мне вслед, когда я захлопнул дверь.

Я пробежал по лестнице и вылетел в парк, с трудом удержавшись на ногах. Вокруг металлических башен и на террасах плясали толпы, из окон доносилось пение.

Я остановился возле дерева и заиграл для него, умоляя. Я пустил аккорды по течению, уповая на счастливый случай, и молил о решении. Начал я смиренно, и песнь опустошала меня до тех пор, пока не осталась яма. Ад, в который я погружался. Там была ярость. Это была моя ярость, и я передал ее ему. Там была любовь. И она пронзительно кричала, не слыша пения, доносившегося из окон.

Руки Зеленоглазого были разбиты в тех местах, где их привязали к ветвям. Одна рука соскользнула вниз по коре…

…И ничего. Я вскрикнул, как от смертельной раны. И сжимая рукоять мачете двумя руками, продырявил его бедро, вогнав острие в дерево. Снова вскрикнул и, дрожа, выдернул обратно.

Глава тринадцатая

Ушел он, как к себе домой, О человеке возроптав. Был галлилейский день кровав Под вавилонскою звездой, Одевший мир вселенской тьмой.
Уильям Батлер Йейтс. Песнь из пьесы
Я слышал, что вы даете тысячу долларов за мое тело, которое, как я понимаю, интересует вас в качестве свидетеля... в таком случае, если бы я появился в суде, я дал бы выгодные вам показания. Но против меня выдвинуты обвинения за события, произошедшие в войне в округе Линкольн, и я боюсь появляться там, поскольку мои враги наверняка постараются убить меня.
Уильям Х. Бонни (Билли Кид). Письмо Губернатору Уоллесу
Я искал с венками, исправляющими эту ошибку.
Эндрю Марвел «Венец»

Море штормило. Утро неслось над водой. Я шел вдоль морского берега, сплошь усыпанного

ракушками. Я вспомнил тот день, когда мы въехали в Браннинг на драконах. Теперь Его жизнь и мои иллюзии были утрачены. Чем дальше от Браннинга я отходил, тем меньше он становился. Я шел, при каждом шаге вонзая мачете в песок.

Так прошла вся ночь, но я не устал. Что-то подталкивало меня, подгоняло, так что я не мог остановиться. Пологий берег был прекрасен. Я поднялся на дюну, гребень которой порос высокой шелестящей травой.

— Эй, Чудик!

Что бы это ни было, я вскинулся, как от звона неожиданно сработавшего будильника.

— Как живешь?

Он сидел на бревне, вдавленном в сырую землю у подножия дюны. Он откинул волосы, и снизу вверх искоса посмотрел на меня. Солнце отражалось в кристалликах соли, покрывающих его плечи и руки.

— Я долго ждал, очень долго, — сказал К ид, почесывая колено. — Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю. Устал.

— Не сыграешь? — он указал на мачете. — Спускайся вниз.

— Не хочу.

Песок посыпался из-под моих ног. Я смотрел на

Кида, и вдруг кусок дюны подо мной обвалился. Я пошатнулся, страх гнал меня прочь, подальше от этого места. Но я упал и под хихиканье Кида покатился вниз по песчаному склону. Дно. Я еще несколько раз перевернулся. Кид все так же сидел на бревне и смотрел теперь на меня сверху вниз. — Чего ты хочешь? — прошептал я. — Ты потерял Зеленоглазого. Что тебе надо от меня?

Он поковырялся в ушах и улыбнулся массой мелких зубов.

— Мне нужно это, — и указал на мачете. — Ты думаешь, что Паук действительно… — он остановился. — Паук решил, что Зеленоглазый, ты и я не должны жить в одном мире. Это слишком опасно. Тогда я подписал смертный приговор и повесил Зеленоглазого, ты играл для него, а я плакал в море, в котором ты не сможешь увидеть слез. Ты веришь этому?

— Я не… Я не знаю.

— Я верю, что Зеленоглазый жив. Не знаю. Я не могу проследить за ним, как за остальными людьми. Он мог умереть, — он наклонился вперед и обнажил свои зубы. — Но он жив.

Я сидел на песке, пристально глядя на него.

— Дай мне свой меч.

Я приподнялся. Помедлил, а потом стремитель-

но замахнулся и ударил. Кид уклонился. Мачете раскололо бревно.

— Если ты ударишь меня, — начал Кид, — думаю, что все это будет неприятно. Я истеку кровью. Но если я смогу сказать о чем ты думаешь, ну тогда, все попытки избавиться от меня будут просто бесполезными.

Он пожал плечами и мягко улыбнулся. Потом протянул руку к мачете.

Я разжал пальцы. Он взял нож, погладил лезвие.

— Нет, — вздохнул он. — Нет, мне от этого никакой пользы, — и возвратил мачете. — Покажи, как ты играешь.

Я забрал мачете; оно было мое, и мне не хотелось, чтобы он его держал.

Кид почесал правую пятку левой ногой.

— Покажи мне. Мне не нужен твой меч, мне нужна музыка, которая в нем. Сыграй, Чудик, — он кивнул.

Я в ужасе поднес мачете ко рту.

— Давай.

Прозвучала дрожащая нота.

Кид слегка наклонился, опустил золотистые ресницы.

— Сейчас я хочу забрать все, что осталось, — он

сцепил пальцы рук. И стал отбивать ногой такт, царапая землю когтями.

Еще нота.

Я стал выводить третью…

Это был и звук, и движение, и чувство одновременно. Это было громкое «щелк!»; Кид изогнулся дугой и схватился за шею. На его лице отразился ужас. Паук, стоя на гребне дюны, крикнул мне:

— Продолжай играть, черт побери!

Мачете пронзительно кричало.

— Пока ты играешь, он не может использовать свой ум для чего-нибудь еще!

Кид вскочил с бревна. Бич хлестнул над моей головой. Кровь потекла по груди красноголового. Он отступил на шаг, споткнулся о бревно, упал. Я отскочил в сторону, ухитрившись удержаться на ногах — такие пустяки мне даются проще, чем другим людям. Я все еще извлекал какие-то звуки из мачете.

Паук, щелкая бичом, соскользнул вниз. Кид, прикрывая живот, пополз. Жабры под красными волосами раздувались на всю шею. Паук, повернувшись ко мне, закричал:

— Не останавливайся, Чудик!

Кид зашипел и стал грызть землю. Он перевернулся на бок, все его лицо было в песке… рот,

подбородок…

— Паук… ой, Паук. Прекрати! Не надо, пожалуйста… не надо… не… — бич хлестнул по щеке, и Кид схватился за лицо.

— Играй, Чудик! Или, черт побери, или он убьет меня!

Музыкальная буря поднялась на октаву выше, ноты пронзило утро.

— Аааааа… нет, Паук! Не бей меня! — закричал Кид окровавленным языком. — Не надо… ааааааа! Это больно! Больно! Ты же мой друг, Паук!.. Нет! Ты же вроде бы как мой… — он зарыдал. Бич стегал Кида снова и снова.

По плечам Паука стекал пот.

— Ладно, — сказал он. И начал сворачивать бич, тяжело дыша.

Язык мой болел, руки онемели. Паук смотрел то на меня, то на Кида.

— Вот и все.

— Это… было необходимо? — спросил я.

Паук смотрел на землю.

Там среди мусора, выброшенного морем, что-то зашевелилось. Длинные шипы растения сворачивались в кольцо, ложились и на них появлялись цветы.

— Пойдем, — сказал Паук и полез наверх. Я по-

следовал за ним, на вершине дюны я оглянулся. На голове трупа копошился букет цветов, впиваясь в глаза и рот. Мы спустились с дюны.

Внизу он повернулся ко мне и нахмурился.

— Я просто спас твою жизнь, мальчик. Вот и все.

— Паук?..

— Что?

— Зеленоглазый… Я думаю, что я кое-что понял.

— Что? Пойдем. Нам надо возвращаться.

— Как Кид… я могу возвращать к жизни тех, кого сам убил, — задумчиво сказал я.

— Да, как в том ущелье, — сказал Паук. — Ты можешь возвращаться и сам. Ты позволишь себе умереть и снова вернешься. Зеленоглазый единственный, кто может вернуть твою Челку — теперь.

— Зеленоглазый. Он умер.

Паук кивнул.

— Ты убил его. Это был последний удар твоего… — он указал на мачете.

— О, — выдохнул я. — Что происходит в Браннинге?

— Беспорядки.

— Почему?

— Люди жаждут собственного будущего.

На мгновение я представил лицо Кида. Это причинило мне боль.

— Я возвращаюсь, — сказал Паук. — Ты пойдешь со мной?

Волны накатывались на песок.

Я задумался.

— Да, но не сейчас.

— Думаю, что Зеленоглазый, — Паук раздавил ногой что-то на песке, — подождет. И Голубка тоже. Сейчас она ведет в танце и не совсем готова простить тебе выбор, который ты сделал.

— Что за выбор?

— Между реальным… и веем остальным.

— Что же я выбирал?

Паук усмехнулся и хлопнул меня по плечу.

— Может быть, ты узнаешь это, когда вернешься. Куда ты направляешься? — он повернулся, собираясь уходить.

— Паук?

Паук оглянулся.

— В моей деревне жил человек, который был неудовлетворен своей жизнью. Тогда он покинул этот мир, побывал на Луне и на других планетах, потом посетил другие далекие звезды. Я могу попасть туда?

Паук кивнул.

— Я тоже однажды так сделал. Но когда я вернулся, все то, что я оставил, поджидало меня.

— И на что же это вообще будет похоже?

— Там будет совсем не то, чего ты ожидаешь, — он усмехнулся и отвернулся.

— Это будет… *иное*? Паук продолжал шагать по песку. Утро разливалось над морем, и темнота отступала вдоль берега, все дальше и дальше. Я повернулся и пошел за ней.

ВРЕМЯ, ТОЧНО НИЗКА

САМОЦВЕТОВ

Время, точно низка самоцветов (Перевод К. Златко)

Возьмите столетие, наложите оси: абсциссу и ординату. Теперь выделите квадрант. По возможности, третий. Поскольку родился я в пятидесятом. А нынче — уже семьдесят пятый.

В шестнадцать меня выпроводили из сиротского приюта. Протащив через холмы Восточного Вермонта, имя Харольд Клэнси Эверет, которое мне там прицепили (это мне-то, простому, ничем не примечательному парню. Немало имен я сменил с тех пор, но не беспокойтесь: мой почерк всегда узнаваем) я принял решение.

Папаша Майкле меня настолько невзлюбил, что при виде выданного в приюте, *официального на вид, документа* тут же определил в работники. Так вот и получилось, что мы с ним вдвоем управлялись с его молочной фермой, а точнее с тринадцатью тысячами триста шестидесятью двумя пегими коровами гернзейской породы, которые только и делали, что беспробудно спали в своих нержавеющих гробах. Питательный раствор с наркотиками в виде розовой жидкости

(липкая дрянь, руки потом не отмыть) они принимали через прозрачные пластиковые провода, моцион получали с помощью электровибраторов, от которых мускулы тряслись мелкой дрожью, но просыпаться и не думали. А молочко-то знай текло себе в нержавеющие цистерны. Ну да ладно. И как-то днем (когда я, как Крестьянин с Мотыгой, стоял средь полей и лугов, обессилевший от трех часов каторжного труда, и сквозь пелену усталости созерцал организацию вселенной) во мне созрело Решение. А рассуждал я так: раз на Земле, на Марсе и спутниках все забито народом и всем прочим, то наверняка там найдется что-нибудь получше этих вот, окружающих меня красот. Почему бы не отхватить себе немного.

Короче, прихватил я пару Папашиных кредитных карточек, один из его вертолетов и бутылку белого джина, собственноручно изготовленного этим старым хрычом, и отправился в путь. Пытался ли кто-нибудь из вас посадить угнанный вертолет на крышу здания «Пан Американ», в пьяном-то виде? Тюряга, смуряга и немалое количество увесистых тумаков научили меня жить. Но запомните, любезнейшие: почти десять лет назад я честно отрабатывал свои три часа на молочной ферме. Но с тех пор уже никто не называл

меня Харольдом Клэнси Эверетом.

Хэнк Кьюлафрой Эклз (рыжеволосый, чуть рассеянный, ростом в шесть футов два дюйма) спокойно вышел из камеры хранения космопорта с кучей вещей, ему не принадлежащих, держа в руке небольшой портфельчик, в котором они все и уместились.

Шедший рядом с ним Коммерсант, вещал:

— Обидно мне смотреть на вас, молодых. Возвращайтесь-ка в Беллону, мой вам совет. Все ваши неудачи с блондиночкой, о которой вы мне рассказывали, не стоят того, чтобы скакать с планеты на планету и быть таким мрачным. А уж бросать работу — и подавно!

Хэнк останавливается и нерешительно улыбается:

— Ну…

— Безусловно, я понимаю, что у вас могут быть нужды и желания, которых нам, старикам, не понять, но вы должны сознавать свою ответственность перед… — Тут он замечает, что Хэнк остановился у двери с надписью «Мужчины». — О. Ну. Э-э. — Он широко улыбается. — Рад был познакомиться, Хэнк. Это замечательно, встретить человека, с которым можно приятно поболтать во время таких чертовски долгих перелетов.

Всего хорошего!

Та же дверь открывается через десять минут, и выходит Хармони К. Эвентайд, ростом ровно в шесть футов (один из фальшивых каблуков треснул, вот и пришлось сунуть оба под кучу бумажных полотенец), шатен (даже мой парикмахер точно не знает, какого цвета мои настоящие волосы), ах, какой щеголеватый да как в ногу со временем, разодетый до такой степени безвкусно, что… ах какой тонкий вкус, — одним словом, такой человек, с которым не заговорил бы ни один Коммерсант. Сел в рейсовый вертолет, курсирующий от порта до здания «Пан Американ» (Ага. На самом деле. Пьяный), вышел из Центрального вокзала и потопал по Сорок второй в сторону Восьмой авеню, сжимая в руке маленький портфельчик, разбухший от обилия вещей, мне не принадлежащих.

Высеченный из света вечер.

Пересек пластикоплексовую мостовую Великого Белого Пути, то есть Бродвея, — как мне кажется, от всех этих ламп дневного света люди выгладят неестественно, — миновал толпы людей, доставленных подъемниками из подземки, под-подземки и под-под-под (в восемнадцать лет, в первую неделю после тюрьмы, я здесь постоян-

но ошивался, промышляя содержимым чужих карманов — но виртуозно, изысканно, изящно, так, что никто и не заподозрил, что у него что-то потянули), пробился сквозь толпу хихикающих, жующих сладкие липучки школьниц с яркими фонариками в волосах — все они чувствовали себя крайне неловко в прозрачных синтетических блузках, носить которые было только недавно вновь дозволено законом (я слышал, что попытки объявить грудь пристойной — в противовес непристойной — предпринимались, начиная с семнадцатого века), поэтому я принялся их оценивающе разглядывать; и девчушки захихикали еще громче. Боже мой, в их возрасте я торчал на чертовой молочной ферме и ни о чем другом и не помышлял.

Узкая неоновая полоса с новостями, окаймляющая трехгранное здание Информационной корпорации, сообщала на базовом английском о том, что сенатор Регина Аболафия готова начать борьбу с организованной преступностью в городе. Не хватает слов, чтобы передать, как я иногда счастлив, что полностью дезорганизован.

Неподалеку от Девятой авеню я внес свой портфельчик в большой, переполненный людьми бар. Последний раз я был в Нью-Йорке два года назад,

но тогда в этом барс частенько околачивался человек, обладавший незаурядным талантом быстро, выгодно и без риска сплавлять вещи, мне не принадлежавшие. И сейчас, даже не рассчитывая на то, что у меня есть шанс его найти, я решил потолкаться среди толпы парней, пьющих пиво. С трудом протиснувшись к стойке, я попытался обратить на себя внимание одного из коротышек в белых пиджаках.

За моей спиной повисла какая-то нездоровая тишина и я резко обернулся…

Длинная прозрачная накидка, вуаль, на шее и запястьях заколотая огромными медными булавками (ах, какой тонкий вкус, прямо таки на грани безвкусицы); левая рука оголена, правая прикрыта шифоном цвета красного вина. Она действовала гораздо откровеннее, чем я. Но такая нарочитая демонстрация собственной причастности к деликатным материям в подобном заведении была слишком груба. Все окружающие с преувеличенным усердием делали вид, что ничего не замечают.

Она протянула ко мне руку с медным браслетом на запястье и ногтем цвета крови дотронулась до желто-оранжевого камушка на этом браслете.

— Вы в курсе, что это такое, мистер Элдрич? —

спросила она; при этом я на миг увидел ее лицо; и в ее глазах был лед; а брови — черные.

Три мысли: (Первая) Она светская модница; по дороге с Беллоны я прочел в «Дельте» о «выцветающих тканях», оттенками и прозрачностью которых можно управлять с помощью милых драгоценностей на запястьях. (Вторая) В свой последний приезд сюда, когда я был помоложе и звался Харри Каламайном Элдричсм, я не совершал ничего слишком противозаконного (хотя, такое обычно легко забывается); и я все еще верил, что под старым именем меня можно упечь в каталажку не больше, чем на тридцать дней. (Третья) Камень, который она показала…

— …Яшма? — спросил я.

Она ожидала, что я скажу больше; я же выжидал, что она даст мне повод сделать вид, что я знаю, чего она от меня ждет (в тюрьме моим любимым писателем был Генри Джеймс. Без дураков!).

— Яшма, — подтвердила она.

— Яшма… — Я вновь постарался придать этому слову двусмысленность, которой она так упорно пыталась избежать.

— …Яшма… — Но она уже сомневалась, подозревая, что я подозреваю, что ее уверенность

лишена оснований.

— Да-да. Яшма. — Но по выражению ее лица я понял, что на моем лице она узрела выражение, открывшее ей, наконец, что я знаю, что она знает, что я знаю.

— Вы меня с кем-то путаете, мадам.

Яшма, в этом месяце — это Слово.

«Яшма» — это пароль (код) сигнал, который Певцы больших городов (в прошлом месяце, наделенные божественными ранами, они пели «Опал»; а на Марсе, услышав Слово, я трижды хитро воспользовался им, чтобы завладеть тем, что мне по праву не принадлежало; и даже там я размышлял о Певцах и их ранах) передают из уст в уста для всей той распутной и плутовской братии, в которой я варюсь (под разнообразнейшими видами) уже без малого девять лет. В каждый тридцатый день месяца Слово меняется; и через несколько часов его уже знает каждый мой собрат во всех шести мирах и мирках. Вы можете услышать Слово от какого-нибудь бормочущего пьянчужки, вывалившегося вам на руки из темного дверного проема; его могут шепнуть вам на ухо в безлюдном переулке; или — вот оно нацарапано на клочке бумаги, который сует вам в руку замызганный бродяга, тут же поспешно

скрывшийся в толпе. В этом месяце — Слово: «Яшма».

Есть множество значений Слова. Например:

Помогите!

или

Мне нужна помощь!

или

Я могу вам помочь!

или

За вами следят!

или

Сейчас никто не следит, *действуйте!*

Точность синтаксиса: Если Слово употреблено правильно, вы ни на секунду не задумаетесь о том, что же оно означает в данном случае. Нюансы употребления: ни за что не доверяйте тому, кто употребил Слово неправильно.

Вот я и ждал, когда она закончит ждать.

Она раскрыла бумажник и протянула его мне.

— Начальник Особого отдела Модлин Хинкл, — это она прочла, не глядя на надпись под серебряным значком.

— Великолепная память, Мод, — сказал я и тут же нахмурился. — Хинкл?

— Я.

— Видите ли Мод, я просто уверен, что вы не

поверите. Вы похожи на человека, который не переносит собственных ошибок. Но меня зовут Эвентайд. Не Элридж. Хармони К. Эвентайд. Правда, нам всем повезло, что сегодня вечером меняется Слово?

Слово, передаваемое таким способом, — не такой уж секрет для копов. Но мне доводилось встречать полицейских, для которых и через неделю после дня замены оно оставалось тайной.

— Ну ладно: Хармони. Я хочу с вами поговорить.

Я удивленно приподнял бровь.

В ответ она нахмурилась и сказала:

— Послушайте, называйте себя хоть Хенриеттой, я не против. Но выслушайте меня.

— А о чем вы хотите поговорить?

— О преступности, мистер…

— Эвентайд. Я собираюсь обращаться к вам по имени Мод, так что вы можете смело называть меня Хармони. Это мое настоящее имя.

Мод улыбнулась. Молодой ее было назвать трудно. Кажется, она была даже постарше Коммерсанта. Но косметикой эта женщина пользовалась куда лучше, чем он.

— Конечно, о преступности я, может, знаю боль-

ше, чем вы, — сказала она. — Я даже не удивлюсь, если вы вообще ничего не слышали об отделе полицейского управления, в котором я работаю. Вам что-то говорит название «Особый отдел»?

— Да, вы правы. Я о нем никогда не слышал.

— Последние семь лет вам почти всегда удавалось ускользать от преследований Регулярной службы.

— Ах, Мод, ну в самом деле…

— Наш отдел занимается людьми, чей индекс вредности неожиданно резко повышается… достаточно резко, чтобы замигали наши индикаторы.

— Смею заверить вас, я не сделал ничего такого ужасного, что…

— Мы не следим за тем, что вы делаете. Вместо нас этим занимается компьютер. Мы просто регулярно проверяем первую производную уже изображенной кривой, помеченной вашим номером. И ваша кривая резко пошла вверх.

— Невзирая на то, что вы явно ошиблись именем…

— Мы — самый эффективный отдел в структуре полиции. Хотите, считайте это хвастовством. А хотите, просто примите как информацию.

— Ладно, ладно, ладно — замялся я. Хотите

выпить?

Коротышка в белом пиджаке поставил перед нами два бокала, в замешательстве осмотрел супер наряд Мод и удалился по своим делам.

— Спасибо, — она лихо ополовинила бокал, что было весьма неожиданно для дамы с такими тонкими запястьями. — Преследовать многих преступников совсем не выгодно. Возьмем к примеру ваших преуспевающих вымогателей-рэкетиров — Фарнзуорта, Ястреба, Блаватского. И всех мелких карманников, торговцев наркотиками, взломщиков или вице-импресарио. И те, и другие, как на высшей ступени, так и на низшей имеют относительно стабильные доходы. И социального равновесия не нарушают. И теми, и другими занимается Регулярная служба, которая считает себя непревзойденной. И мы их в этом не собираемся разуверять. Но, скажем, вот мелкий делец начинает превращаться в преуспевающего торговца; средненький вице-импресарио выходит на уровень законченного афериста. Отсюда и берут свое начало проблемы с неприятными в социальном смысле последствиями. Тут-то и вмешивается Особый отдел. Мы разработали и используем несколько эффективнейших технических приемов.

— Неужели вы мне о них расскажете?

— Безусловно, от этого они только выиграют, станут еще эффективней, — ответила Мод. — Ну, представьте, что у нас есть банк голографической информации. Что по-вашему произойдет, если разрезать пластину с голограммой пополам?

— Объемное изображение… будет разрезано пополам?

Она отрицательно покачала головой.

— Изображение останется прежним, но только уже не таким резким, как бы несколько не в фокусе.

— Даже не подозревал.

— Разрежем пластину еще раз — изображение опять таки только потускнеет. Если от первоначальной голограммы останется хотя бы один квадратный сантиметр, в вашем распоряжении — все еще полное, цельное изображение — неузнаваемое, но законченное.

Мне только оставалось что-то одобрительно промычать.

— В отличии от фотографических снимков, мельчайшая частица фотоэмульсии на голографической пластине содержит полную информацию обо всей снятой на голограмму картине. Проведем аналогию: накопление голографиче-

ской информации попросту означает, что каждая единица информации, имеющаяся в нашей базе данных — предположим, о вас, — имеет отношение ко всей вашей карьере, общему состоянию ваших дел, полному набору неувязок, возникающих у вас с окружающими. Конкретные факты, касающиеся конкретных мелких или тяжких преступлений, мы передаем в руки Регулярной службы. Но поскольку мы располагаем достаточным количеством собственных данных, наш метод наблюдения за вами и вашими возможными намерениями, более того прогнозирования ваших дальнейших действий, наиболее продуктивен.

— Замечательно! — сказал я. — Это один из самых поразительных параноидальных синдромов, с какими мне когда-либо приходилось сталкиваться. Намекаю на то, что вы вот так вот заводите подобные разговоры с первым встречным в питейном заведении. Конечно, в больнице я наблюдал и более странные…

— В вашем прошлом, — сухо перебила она меня, — я вижу коров и вертолеты. А в вашем не таком уж далеком будущем вас ждут вертолеты и ястребы.

— Так скажите же мне, о добрая волшебница

Запада, как это…

И тут я просто опешил. До меня дошло, что о службе у Папаши Майклса никто, кроме нас с вами, не знает и знать не может. Даже копы, вытащившие меня, почти спятившего, из летающей юлы, несущейся к краю крыши «Пан Американ», и те от меня ничего не добились. Кредитные карточки Папаши я сжевал, когда уразумел, что они меня там поджидают, тепленького, а со всего, что могло иметь серийный номер, эти самые серийные номера были уже давным-давно спилены человеком, куда более сведущим в этих вопросах, чем я: добрейший мистер Майкле в мою первую ночь на ферме, тоскливую и пьяную, хвастался тем, как он лихо угнал эту вещугу из Нью-Хэмпшира.

— Но зачем, — диву даешься, какие банальные фразы мы выдаем под воздействием страха, — вы мне все это рассказываете?

Мод улыбнулась, и ее улыбка растаяла под вуалью.

— Информация только тогда действенна, когда ее кому-нибудь передают. Иначе в ней нет смысла, — спокойно ответила она.

— Э… послушайте, я…

— Может так случиться, что вскоре у вас по-

явятся немалые деньги. И если я не ошиблась в расчетах, как только денежки попадут в ваши ненасытные ручонки, я вышлю за вами вертолет с умелыми ребятами-полицейскими… Такой вот кусочек информации… — Она сделала шаг назад. Кто-то встал между нами.

— Эй, Мод!

— Можете делать с ней все, что только душе угодно.

Народу в баре было — не протолкнуться, и лишь одним резким движением можно было нажить кучу врагов. Все именно так и произошло — *я* таки нажил себе врагов, а Мод упустил. Какие-то они там были все ненормальные: с сальными, висящими, как сосульки, волосьями, у троих на костлявых плечах красовались татуировки в виде драконов, один — с повязкой на глазу, еще один кадр все норовил расцарапать мне щеку черными от грязи ногтями (вы пропустили переходный момент? объясняю: мы уже минуты две как ввязались в жестокую всеобщую потасовку. Кстати, я этот переход тоже проглядел), а какие-то бабы истошно вопили. Я отбивался и уворачивался от ударов, и тут вдруг развитие событий резко изменилось. Кто-то пропел: «Яшма!» — и именно так, как полагается это пропеть. Это означало, что

полиция (обычная, нерасторопная Регулярная служба, от которой мне удавалось ускользать все эти семь лет) на подходе. Свалка вывалилась на улицу. Потасовка продолжалась. Я пролез между двумя ожесточенно колотящими друг друга чумазыми бродягами, но из кучи-малы таки выбрался, отделавшись царапинами, не страшнее тех, что можно получить во время бритья. Массовое побоище разбилось на отдельные стычки. Выбравшись из одной, я понял, что наткнулся на другую. Кучка людей столпилась возле кого-то, кто очевидно влип серьезно.

И что-то этих людей сдерживало.

Кто-то склонился над ним.

В луже крови ничком лежал маленький человек, которого я не видел два года, — да, тот, что в свое время умел так выгодно избавляться от вещей, мне не принадлежавших.

Прижимая к себе небезызвестный вам портфель, чтобы никого не задеть, я проскочил между огнем и полымем. Увидев первого обыкновенного полицейского, я старательно изобразил из себя прохожего, минуту назад подошедшего узнать, в чем там дело.

Сработало.

Я свернул на Девятую авеню и за три шага пере-

шел на не привлекающую внимания, но быструю ходьбу…

— Эй, подожди! Да подожди же…

Я узнал голос (даже спустя два года такой голос трудно не узнать), но не остановился.

— Постой! Подожди! Это же я, Ястреб!

И я остановился.

Его имя еще не упоминалось в этой истории; Мод имела в виду того Ястреба, афериста, мультимиллионера, который занимался своими махинациями в той части Марса, где я еще не бывал (а он ох уж как крепко держит в своих когтях все преступные делишки в системе), то есть совсем другого человека.

Я отступил на три шага.

Мальчишеский смех:

— О, дружище! Видок у тебя, как будто только что тебе пришлось поучаствовать вовсе не в том мероприятии, в котором бы хотелось.

— Ястреб? — спросил я тень.

Он был еще в том возрасте, когда за два года можно еще на дюйм-другой подрасти.

— Ты все еще здесь бываешь? — спросил я.

— Иногда.

Это был изумительный малыш.

— Послушай, Ястреб, мне надо отсюда рвать

когти. — Я оглянулся.

— Сматывайся, — он подошел поближе. — А можно я с тобой?

Как тут не усмехнуться.

— Ага, — Просто смешно, когда он задает подобные вопросы. — Пойдем.

Пройдя полквартала, при свете уличного фонаря я разглядел, что волосы у него все того же тусклого, как сосновая лучина, цвета. Его запросто можно было принять за потасканного бродягу: замызганная черная хлопчатобумажная куртка на голое тело, потертые черные джинсы — это было видно даже в темноте. Ходил Ястреб босиком; даже при свете фонарей не составляет труда понять, что за человек может целыми днями разгуливать босиком по Нью-Йорку. На углу он улыбнулся мне и запахнул куртку, прикрыв грудь и живот, обезображенные шрамами. Глаза у него ярко-зеленые. Вы уже узнали, кто это? Если нет — мало ли какие перебои бывают в распространении информации по мирам и миркам — то скажу, что по берегу Гудзона рядом со мной шел Ястреб, Певец.

— Давно вернулся?

— Всего несколько часов назад, — ответил я.

— Что-нибудь привез?

— А тебя действительно это интересует?

Он сунул руки в карманы и пристально на меня посмотрел.

— Конечно. Я бы не спрашивал.

Я вздохнул, как взрослый, которого вывело из себя собственное чадо.

— Хорошо.

Мы прошли целый квартал портового района; все вокруг казалось вымершим.

— Присядем.

Я сел, повернувшись к Ястребу лицом, и большим пальцем провел по краю портфеля.

Ястреб поежился и склонился над приоткрытым портфелем.

— Ух ты… — он вопросительно прищурил свои зеленые глаза — Можно потрогать?

Я пожал плечами.

— Пожалуйста.

Он запустил в них костлявые, с обгрызенными ногтями пальцы — и извлек из портфеля две. Потом положил обратно и достал еще три.

— Вот это да! — прошептал он. — Сколько все это стоит?

— Раз в десять больше, чем я надеюсь получить. Мне нужно просто побыстрее от них избавиться.

Он опустил глаза и поболтал ногой.

— В любую секунду их можно выбросить в реку.

— Не прикидывайся дураком. Я пытался найти человека, который раньше постоянно ошивался в том баре. Это был на редкость расторопный тип.

Оставляя за собой пенистую волну, по Гудзону неслось судно на подводных крыльях. На палубе его уместилось с десяток вертолетов — скорее всего их везли на аэродром береговой охраны, что неподалеку от Веррасано. Страх, навеянный Мод, заставил меня еще некоторое время переводить взгляд с мальчишки на транспортное судно и обратно. Но вот уже судно с гудением скрылось в непроглядной тьме.

— Но сегодня моего человека слегка порезали, — продолжил я.

Ястреб деловито сунул руки в карманы и уселся поудобнее.

— И это усложняет дело. Я, конечно, и не рассчитывал, что он заберет все сразу, но, по крайней мере, он мог вывести меня на людей, которым бы это было под силу.

— Сегодня я буду на приеме, — он умолк, обгрызая остатки ногтя на мизинце, — где ты наверняка сможешь их продать. На «Вершине Башни» Алексис Спиннел устраивает большой прием в честь

Регины Аболафии.

— На «Вершине Башни»?..

Да, давненько я не общался с Ястребом. «Адская кухня» — в десять; «Вершина Башни» — в полночь…

— Я там буду из-за Эдны Сайлем.

Эдна Сайлем — старейшая Певица Нью-Йорка.

Имя сенатора Аболафии в тот вечер уже мелькало надо мной световой полосой. И кроме того, в памяти всплыло имя Алексиса Спиннела; в одном из бесчисленных журналов, прочитанных мною от корки до корки в дороге с Марса, оно было связано с чертовски крупной суммой денег.

— Ну что ж, я с удовольствием повидаю Эдну еще разок, — небрежно бросил я. — Хотя она меня, наверное, не вспомнит.

Еще в самом начале знакомства с Ястребом я понял, что Спиннел и люди его круга, ведут некую игру. При этом победителем из игры выходит тот, кому удается собрать под одной крышей как можно больше городских Певцов. В Нью-Йорке всего пять Певцов (он на втором месте с Лаксом, что на Япетусе). А на первом месте по количеству Певцов — Токио, там их семеро.

— Прием с двумя Певцами?

— Скорее с четырьмя, если… там буду и я.

На бал в честь вступления мэра в должность приглашено четверо.

Я удивленно приподнял бровь.

— Эдна должна сообщить мне Слово. Сегодня ночью оно меняется.

— Ладно, — сказал я. — Не знаю, что там у тебя на уме, но я готов.

Я захлопнул портфель.

Мы побрели обратно, в сторону Таймс-сквера. Когда мы дошли до Восьмой авеню и первого пластиплекса, Ястреб остановился.

— Одну минуту, — сказал он и застегнул куртку на все пуговицы. — Теперь порядок.

Пожалуй, лучшего прикрытия, чем прогулка с Певцом по улицам Нью-Йорка (а еще два года назад я неоднократно задавался вопросом: не безумие ли это для человека моей профессии?) для человека моей профессии не найти. Попытайтесь вспомнить, когда вы в последний раз видели, как сворачивает за угол Пятьдесят седьмой улицы ваш любимый актер объемного кино. Только честно. Узнали бы вы потом серую неприметную личность в твидовой куртке, плетущуюся на полшага позади знаменитости?

На Таймс-сквер Ястреба узнавал каждый второй. При его молодости, траурном наряде, босыми

ногами с черными ступнями и блеклыми волосами, он был, вне всяких сомнений, самым колоритным из Певцов. Улыбки, подмигивания; а многие просто тыкали пальцами, таращили глаза.

— Не можешь ли ты сказать поточнее, кто именно из приглашенных туда в состоянии избавить меня от этого хлама?

— Понимаешь, Алексис страшно гордится, когда его принимают за авантюриста. Наверное, авантюристы поражают его воображение. Да и вообще, он в состоянии дать тебе гораздо больше, чем ты сможешь получить, торгуя ими в розницу на улице.

— Ты обратишь его внимание на то, что они краденые?

— Не исключено, что при таком замечании он заинтересуется еще больше.

— Что ж, так и будет, дружище.

Мы спустились в под-под. Служащий в разменной будке собрался было не глядя взять у Ястреба монету, но, подняв голову, замер. Обалдело улыбаясь он пробормотал что-то нечленораздельное и жестом разрешил нам войти.

— О, благодарю вас, — произнес Ястреб с таким неподдельным изумлением, как будто подобное

происходит с ним впервые. (Два года назад он высказал мне одну мудрую мысль: «Как только я начну выглядеть соответственно своим запросам, все это тут же закончится». Я до сих пор не устаю удивляться тому, как он пользуется своей славой. Познакомившись с Эдной Сайлем, я тут же поделился с ней своими соображениями по этому поводу, и она так же простодушно ответила: «Но ведь на то мы и избранные!»).

В ярко освещенном вагоне мы уселись на длинное сиденье: Ястреб сложил руки на коленях и закинул ногу на ногу. Толпа пестро разодетых бездельников шумела и тыкала в сторону Певца пальцами, стараясь, чтобы он этого не заметил. Ястреб вообще на них не смотрел, а я старался, чтобы никто не заметил, что я смотрю.

Что-то темное промелькнуло в окне.

Под вагоном загудело.

Накренилось.

Встряхнуло; мы выехали на поверхность.

Город примерял свои усыпанные блестками наряды и выбрасывал их за деревья Форт-Трайона. Внезапно в окне напротив что-то засверкало. Понеслись вихрем балки станции. Мы вышли на платформу. Моросил дождь. Вывеска гласила:

СТАНЦИЯ «ДВЕНАДЦАТЬ БАШЕН».

— Знал бы, что буду не один, велел бы Алексу прислать за нами машину. Я ведь не обещал ему что точно приду.

— А все-таки, удобно ли мне там появляться?

— Разве ты там не бывал до этого вместе со мной?

— Да, как-то раз было дело, — сказал я. — И все же, как по-твоему…

Он бросил на меня уничтожающий взгляд. Пожалуй, Спиннел в любом случае будет страшно рад Ястребу, притащи тот с собой хоть целую шайку настоящих чумазых бродяг, — Певцы славятся подобными проделками. Одним приличным вором больше, одним меньше — Спиннел все равно будет оставаться в тени. С одной стороны в город врезались скалы. Слева, за воротами, к первым башням подступали сады. Двенадцать громадных роскошных небоскребов угрожающе тянулись к низким облакам.

— Ястреб, Певец, — представился Ястреб в микрофон на воротах. *Лязг,* тик-тик-тик, *лязг.* Мы пошли по тропинке, ведущей к нескончаемым стеклянным дверям.

Компания мужчин и женщин в вечерних туалетах выходила нам навстречу. Они завидели нас издали, три ряда дверей — не помеха. И я заметил,

с каким презрением они разглядывают непонятно как пробравшегося сюда беспризорника (на минуту мне показалось, что я вижу среди них Мод в ее узком платье из выцветшей ткани, однако она отвернулась; под вуалью ее лицо было цвета жареного кофе). Один из мужчин узнал Певца и что-то прошептал остальным. Приблизившись к нам вплотную, они уже улыбались. Ястреб же обращал на них не больше внимания, чем на девиц в подземке. Но когда они отошли на приличное расстояние, он сказал:

— Один из них смотрел на тебя.

— Угу. Я заметил..

— А ты догадываешься, почему?

— Кажется, он постарался вспомнить, не встречались ли мы раньше.

— А на самом деле?

Я кивнул.

— Да, при этом там же, где мы встретились с тобой, когда я вышел из тюрьмы. Я же упоминал, что как-то раз уже был здесь.

— Н-да.

Большая часть вестибюля была устлана голубым ковром. Остальное место занимал огромный бассейн, по краю которого рядами стояли пылающие жаровни на двенадцатифутовых

решетчатых подпорках. Стены с зеркалами поднимались на высоту трех этажей и увенчивались куполом. Клубы дыма рассеивались в украшенной изысканным орнаментом решетке. И на стенах причудливо извивались искаженные отражения.

Лифт сомкнул за нами свои зеркальные створки. И за все то время, что стремительно уносило вниз семьдесят пять этажей, у меня ни на секунду не появилось ощущение, что мы движемся.

Из лифта мы выбрались в сад на крыше. Тут же по камням (искусственным) искусно выложенным среди папоротников (натуральных), рассаженных поберегу ручья (вода настоящая, течение искусственное), к нам спустился очень загорелый, очень блондинистый мужчина в комбинезоне абрикосового цвета с черной манишкой и высоким воротом.

— Привет! Привет! — Пауза. — Я страшно рад, что вы все же решили прийти. — Пауза. — А я уж думал, что в самом деле не смогли.

Паузы он выдерживал явно для того, чтобы Ястребу было удобней представить меня. Тем более, прикид у меня был таким, что Спиннел мог запросто принять меня и за разносторонне образованного нобелевского лауреата, с кото-

рым Ястребу только что довелось отобедать, и за плута, чьи манеры и моральный облик повульгарней и пониже даже тех, что на самом деле мне присущи.

— Позволите взять вашу куртку? — подобострастно предложил Алексис.

А вот это уже говорило о том, что Ястреба он знает не так хорошо, как пытается всем показать. Но отдам должное, у него, похоже, хватило чуткости, чтобы по вспыхнувшим в глазах Ястреба ледяным искоркам сообразить, что самое лучшее — тут же об этом предложении забыть.

Улыбнувшись, он кивнул, — (собственно, лучшая из возможных реакций) — и мы двинулись к гостям.

Первой, кого я узнал, была Эдна Сайлем; она, чуть наклонившись вперед, восседала на полупрозрачном надувном матрасике и — естественно — говорила о политике. Слушатели покорно внимали. Эдна успешно борется с возрастом, — подумал я. И впрямь: тусклое серебро волос лишь облагородило ее, а медь голоса осталась медью. Разве что руки, сжимающие наполненный бокал, морщинистые и предательски немолодые, нарушали очарование. Но тем убежденнее звучали ее суждения. Успел я заметить с дюжину лиц,

делающих популярными журналы, музыку, ведущего театрального критика и даже математика из Пристона, который, как поговаривали, разработал теорию «кварков — квазаров».

Чуть в стороне — но вовсе не незаметная — стояла… — нет, назвать ее женщиной я бы не смог. Сенатор Абдолафия, самый вероятный кандидат на пост президента, мать-наставница «новых фаши». Скрестив руки на груди, она внимательно слушала Эдну — та уже полностью подавила спорящих и лишь один чрезмерно уверенный в себе юноша с воспаленными подпухшими веками (похоже, он недавно вставил бифокальные линзы) решался вставить реплики в торжествующий монолог престарелой валькирии.

— Но, миссис Сайлем…

— Однако следует помнить, миссис Сайлем…

— Миссис Сайлем, я тоже интересовался статистикой и…

Впрочем, сбить Эдну с пути ему было явно не по силам.

— Вы *обязаны* признать, — рокот меди в ее голосе становился все явственней и тишина вокруг сгущалась, подобно тишине моря между двумя шквалами, — что абсолютное знание обессмысливает статистику. Теория вероятности, по

сути, лишь математическое выражение вашего невежества, а никак не нашего сомнительного знания.

Пока я пытался сопоставить услышанный парадокс с лекцией, прочитанной мне Мод, Эдна подняла голову:

— О, Ястреб!

Гости обернулись.

— Как я рада! Льюис, Энн!

Те, кого она позвала, подошли поближе. Еще молодые, стройные, он — смуглый, она — светленькая, очень гармонирующие друг с другом, непохожие, но и похожие — как это бывает после пяти-семи лет счастливого брака. Лица их заставляли вспомнить забытое: прозрачные реки, и непроглядный лес, и ясную зарю тихого утра. Впрочем, разве не такими мы представляем Певцов? (они были мужем и женой, и в Певцы их обоих произвели семь лет назад, накануне свадьбы).

— Он все-таки с нами! — Эдна встала, вскинула руки и прогремела фанфарным раскатом. — Ястреб, тут люди спорят о вещах, в которых совсем не смыслят. Но ты-то на моей стороне?

— Миссис Сайлем, я вовсе не хотел… — голос из публики.

И тут руки ее картинно опали, пальцы разжались, глаза расширились.

— Вы!

— Я!

— О, дорогой мой, вот уж и не думала, что вас здесь встречу! Ведь уже года два прошло?

Ах, Эдна… Был некогда вечер, длинный, как жизнь, и очень много пива, и крохотный полутемный бар, абсолютно непохожий на «Вершину Башни», мы сидели втроем — я, она и Ястреб.

— Но где же вы были?

— В основном на Марсе, — пожал плечами я. — Правду сказать, только сегодня вернулся.

Говорить такие вещи в таком месте — одно удовольствие.

— Ястреб… вы двое… — (либо она забыла мое имя, либо помнила его слишком хорошо, чтобы произносить вслух) — идите сюда, помогите мне прикончить Алексисово пойло.

Алексис кротко улыбнулся: он уразумел, что я — птичка высокого полета, и он явно старался понять: насколько высоко следует задирать голову?

Поравнявшись с Льюисом и Энн, Ястреб одарил двух Певцов лучезарнейшей из своих улыбок. Ответные улыбки были едва заметны. Льюис

кивнул. Энн хотела коснуться его руки, но жест замер в воздухе.

Алексис уже наполнял для нас большие бокалы с измельченным льдом на дне, когда за следующей порцией подошел давешний юноша с воспаленными веками.

— И все же, миссис Сайлем, кто же, по-вашему, должен бороться с политическими злоупотреблениями?

…Регина Аболафия, затянутая в белый шелк, скупо и строго подкрашенная, слушала, поглаживая пустой бокал. На груди ее красовалась инкрустированная медная брошка. Мало, кого озадачивало, что ее, привыкшую быть в центре внимания, бесцеремонно оттеснили на второй план.

— Я борюсь с ними, — сказала Эдна. — И Ястреб. И Льюис, и Энн. В конечном счете, вам остается довериться нам. — И голос ее обрел властную высоту, доступную лишь Певцам.

И тут ткань беседы рассек смех Ястреба.

Мы обернулись.

Он сидел у живой изгороди, поджав ноги.

— Смотрите… — шепнул он, глядя на Льюиса и Энн. Она, тоненькая и светловолосая, и он, смуглый и очень высокий, замерли, закрыв глаза,

трепеща от волнения (губы Льюиса разомкнулись).

— Боже, — прошептал кто-то, кому не мешало бы и помолчать, — они же собираются…

Я смотрел на Ястреба, — ведь очень редко выдается возможность видеть *слушающего* певца. Он замер в немыслимой позе абсолютного внимания: вены на шее набухли, ворот рубахи разошелся, приоткрыв края двух шрамов. Быть может, я был единственным, кто это заметил. А Эдна уже оставила бокал, заранее горделиво улыбалась; и Алексис, хлопочущий у бара-автомата (гордости аристократических домов), встрепенулся и, махнув рукой вырубил ток. Урчание оборвалось, сделав тишину абсолютной — и лишь порыв ветерка (искусственного или настоящего — трудно сказать) прошелестел по ветвям последним, робким и почти неуловимым шепотком: «ш-ш!»

И возник Голос. А за ним, вместе с ним — второй. Льюис. Льюис и Энн. Энн. И снова — дуэт. Началась Песня.

Певцы — это те, кому дано познать суть вещей и, познав, поведать о ней незрячим, даже тем, кто слишком горд, чтобы слушать. Умение понять и рассказать — вот, в сущности и все, что

делает простого смертного Певцом. Объяснить точнее, увы, не могу. И никто не сможет — в этом я уверен… Давным-давно, в Рио… восьмидесятишестилетний Эль Посадо увидел, как рушится квартал небоскребов, прибежал на Авенида-дель-Соль и принялся импровизировать стихами (что не так уж и трудно на богатом рифмами португальском), слезы ручьями текли по запыленным щекам, а голос совершенно не гармонировал с пальмами, зеленеющими на залитой солнцем улице. Нисколько сот человек остановились послушать, — потом еще сотня; и еще одна. Потом они рассказали то, о чем услышали, еще нескольким сотням. Три часа спустя все эти сотни явились на место катастрофы, с одеялами, едой, деньгами, лопатками и, что самое удивительное, с готовностью и способностью объединиться. Ни один объемный репортаж о катастрофе не оказывал подобного воздействия. Исторически Эль Посадо принято считать первым Певцом. Второй была Мириамни из укрытого куполом города Лаке. Тридцать лет ходила она по металлическим мостовым, воспевая красоту колец Сатурна — колонисты не могли смотреть на них невооруженным глазом из-за распространяемых ими ультрафиолетовых лучей. Но Мириамни, с

ее необычными катарактами, шла на заре дня на окраину города, видела и возвращалась, чтобы спеть об увиденном. Все это не имело бы ровно никакого значения, если бы в те дни, когда она почему-либо не пела, не падал курс акций на фондовой бирже Лакса и не росло число преступлений, связанных с насилием. Объяснить это никто не мог. Оставалось лишь провозгласить ее Певицей. Но почему появились Певцы?

По мнению некоторых, такова была стихийная реакция на средства массовой информации, подчинившие себе нашу жизнь. Распространяя информацию по всем мирам, голограммовидение, радио и аудио одновременно отчуждают человека от личного опыта. (Сколько бедняг ныне ходят на стадионы и митинги с приемничками в ушах, помогающими им убедиться в реальности того, что они видят?) Первые Певцы были признаны и провозглашены таковыми окружающими их людьми. Затем наступил период, когда любой желающий мог объявить себя Певцом, и люди либо признавали их, либо глумились и предавали забвению. Однако к тому времени, как меня бросили на крыльцо дома, где я был не нужен, в большинстве городов уже установили неофициальную квоту. Если появлялась вакансия, того,

кто ее должен заполнить, выбирают остальные Певцы. Конечно, необходимы поэтическое и сценическое дарование, но главное — та искра божья, что высекается при ударе молота гения о наковальню славы, куда тотчас же попадает Певец. Что до Ястреба, то еще в пятнадцать лет он прославился необычайно талантливой книгой стихов. Он выступал с ними в университетах, однако широкой известности добился не сразу, и поэтому, когда мы случайно встретились в Центральном парке, был крайне удивлен тем, что я вообще о нем слышал (я как раз провел тридцать славных деньков в качестве гостя города, а в библиотеке «Гробницы» попадаются просто поразительные вещи). Это было через несколько недель после его шестнадцатилетия. До официального объявления его Певцом оставалось еще четыре дня, но ему уже сообщили о предстоящем. До рассвета мы сидели на берегу озера, рассуждая о свалившейся на его плечи ответственности. Спустя два года он все еще остается самым молодым Певцом в шести мирах. Отметим: Певцу необязательно быть поэтом, однако большинство из них либо поэты, либо актеры. И все-таки в их список входят один докер, два университетских профессора, одна наследница миллионов фирмы

«Силитакс» (Пользуйтесь канцелярскими кнопками «Силитакс!») и по меньшей мере два типа с такой сомнительной репутацией, что даже вечно падкая на сенсации Рекламная Машина не пропускает сведения о них дальше корректоров. Но независимо от своего происхождения, эти столь разные восхитительно-живые мифы пели о любви и смерти, о смене времен года и крахе иллюзий, о правительствах и дворцовой страже. Они пели перед миллионноголовыми толпами и перед небольшими компаниями людей, и для одинокого работяги, бредущего домой с городской верфи, и в глухих закоулках, в уютных вагонах пригородных поездов, в роскошных садах на вершинах Двенадцати Башен, на аристократическом званом вечере у Алексиса Спиннела. Но с тех пор как возник институт, воспроизводить «Песни» Певцов при помощи технических средств (включая публикацию текстов) строжайше запрещено, а закон я чту, как чтят закон только люди моей профессии. И потому вместо песни Льюиса и Энн предлагаю вам данное, пусть и бессмысленное, разъяснение.

Песня оборвалась внезапно — и Певцы открыли глаза. На лицах их отразилось то ли замешательство, то ли презрение.

Ястреб еще не очнулся; на губах его сияла слабая, удивительно беззащитная улыбка восторга. Глаза Эдны сверкали. Я же… нельзя судить, не видя себя со стороны; но было ощущение опустошенности, покоя и нежной печали. Льюис и Энн пели неподражаемо.

Алексис очнулся быстрее других. Заботливо оглядев гостей, он снова включил бар — и тот, рыча, обрушился на гроздья льда. Слушатели приходили в себя, но аплодисментов не было, лишь тихие восторженные возгласы и шепотливый обмен впечатлениями. Регина Аболафия негромко заговорила с Алексисом. Я попытался прислушаться, но мой бокал уже был готов.

— Да, благодарю… — перехватив портфель, я с улыбкой взял напиток. Когда сенатор Аболафия отошла от Певцов, они взялись за руки, по-прежнему глядя друг другу в глаза. Потом они присели.

Какое-то время я стоял один в кольце деревьев и слушал музыку: туш де Лассуса в трех канонах, аранжированный запрограммирован для аудиосистем. Вспомнилось: в последнем номере какого-то литературного еженедельника отмечалось, что это единственный способ избавиться от необходимости освоения тактовых перепадов,

навязанных современной музыке пятью веками ритма. Еще с неделю это будет модным развлечением на вечеринках.

— Простите…

Обернувшись, я увидел Алексиса. Руки его откровенно дрожали, словно скучая по бокалу. Он был чем-то взволнован.

— …но если верить нашему юному другу, у вас есть то, что могло бы меня заинтересовать.

Я уже было приподнял портфель, но Алексис меня остановил. Богатый выскочка.

— Не надо, не надо. Пока ни к чему. Даже лучше и вовсе не видеть. Я хочу вам кое-что предложить. Разумеется, меня интересуют вещи, которые у вас имеются, если только они в самом деле такие, как их описал Ястреб. Но сегодня у меня в гостях человек, который может проявить еще большее любопытство.

Это звучало странно.

— Понимаю, звучит это странно, — согласился Алексис, — но я подумал, что вас может заинтересовать его цена. Я всего лишь чудаковатый коллекционер, и деньги, которые я мог бы предложить, соответствует тому, для чего я их стал бы использовать, то есть предмету бесед с такими же чудаками — ввиду… ммм… характера покупки

мне пришлось бы резко ограничить круг своих собеседников.

Я кивнул.

— А вот мой гость нашел бы им куда более достойное применение.

— Нельзя ли узнать, кто этот гость?

— Право же… Ястреб уже указал мне на непростительную нескромность расспросов., меня интересовали вы, но *я* понимаю, что., впрочем, в равной мере нескромно судачить о любом из гостей… — он усмехнулся, — Но несмотря на это, нескромность — вовсе не худший компонент горючего, разгоняющего общественный механизм, мистер Харви Кадуолитер-Эриксон…

Он снова улыбнулся — теперь с видом заговорщика. Или — сообщника?!

Я *никогда* не был Харви Кадуолитер-Эриксоном; с другой стороны, Ястреб никогда не был несмышленышем. А прикинув, я вспомнил о вольфрамовых магнатах Кадуолитер-Эриксонах из Тайтиса-на-Тритоне. Ястреб был не просто умницей, пресса писала о том, что он великолепен, и это чистая правда.

— Полагаю, в качестве второй нескромности вы все же назовете мне имя таинственного гостя?

— Ну что ж, — хмыкнул Алекс с улыбкой добрав-

шегося до канарейки кота, — Ястреб согласен, что *тот* Ястреб вполне мог бы проявить любопытство к… — (он показал на портфель), — и он его действительно проявил.

Я нахмурился. И в голове промелькнуло множество мыслишек, которые я в свое время еще сформулирую.

— *Тот* Ястреб?

Алекс кивнул.

Не думаю, что мой взгляд был так уж грозен.

— Будьте добры, пришлите сюда на минутку нашего юного друга.

— С удовольствием. — Алексис, отвесив церемонный поклон, удалился. Минуту спустя по камням меж деревьев поднялся ухмыляющийся Ястреб. Увидев, что я вовсе не улыбаюсь, он остановился.

— М-м-м-м… — начал я.

Он поднял голову.

Я покусал губу.

— …Ястреб, — сказал я, — тебе известна такая штука под названием Особый отдел полиции?

— Ну?

— Так вот, они вдруг заинтересовались мной.

— Вот это да! — воскликнул он с искренним удивлением. — Выходит, они и впрямь неплохо

работают.

— М-м-м-м, — повторил я.

— Слушай, — сообщил Ястреб, — как тебе это понравится? Сегодня здесь в гостях мой тезка. Ну, дела!

— Алексис своего не упустит. А ты случаем не знаешь, *зачем* он здесь?

— Кажется хочет заключить сделку с Аболафией. Завтра начинается ее расследование.

— Ага. — Я еще раз прокрутил в голове некоторые из промелькнувших ранее мыслей. — Ты знаешь Мод Хинкл?

Его озадаченный вид был убедительней всякого — «нет»!

— Она выдает себя за представителя высшего звена упомянутой тайной организации.

— Вот как!

— Сегодняшнюю беседу она завершила проповедью о ястребах и о вертолетах. Последовавшую за этим встречу с тобой я принял за случайное совпадение. Но теперь я начинаю понимать, что сегодняшний вечер подтверждает ее намеки на некое множество. — Я покачал головой. — Ястреб, меня вдруг катапультировали в сумасшедший мир, где стены имеют не только уши, но, кажется, и глаза, и длинные когтистые лапы. Любой из

окружающих — да, в том числе и ты, — может оказаться соглядатаем. Я шарахаюсь от каждого люка, а за шторами второго этажа прячутся бинокли и автоматы, если не кое-что похуже. Чего я никак не могу понять, так это каким образом эти гады, какими бы вездесущими они не были, вынудили тебя заманить в эту гнусную, дьявольскую…

— Что ты несешь! Брось! — Он откинул волосы со лба. — Никуда я тебя не заманивал…

— Осознанно, быть может, и нет, но в Особом отделе есть Банк голографической информации, а их методы, знаешь ли…

— Брось, я сказал! — И вновь просверк ледяных искорок.

— Неужели ты думаешь, что я… — Но тут до него дошло, как сильно я напуган. — Слушай, тот Ястреб не какой-нибудь мелкий карманник. Он живет точно в таком же безумном мире, в какой угодил сейчас ты, только он живет там постоянно. Если уж он сюда явился, можешь быть уверен, его людей — глаз, ушей и пальцев — здесь не меньше, чем парней Мод Хикенлупер.

— Хинкл.

— Какая разница, хрен редьки не слаще. Ни один Певец никогда… Слушай, ты серьезно дума-

ешь, что я мог бы…

И хотя я знал, что все эти ледяные искорки — всего лишь струпья на зудящей ране, сказал:

— Да.

— Ты как-то кое-что для меня сделал, и я…

— Скажем, прибавил тебе несколько лишних шрамов, только и всего.

Все струпья упали.

— Ястреб, — сказал я. — Покажи.

Он вздохнул; затем принялся расстегивать медные пуговицы. Полы куртки разошлись. Причудливые огоньки расцвечивали его грудь пастельными узорами.

Я почувствовал, как кривится губа, но отводить взгляд я не хотел. Взамен я со свистом вздохнул, что ничуть не лучше.

Он посмотрел на меня.

— Их намного больше, чем в прошлый раз, верно?

— Ты убьешь себя, Ястреб.

Он пожал плечами.

— Я уже не могу определить, которые из них я нанес себе сам.

Он принялся их разглядывать.

— Прекрати! — излишне резко выпалил я. Это становилось все более невыносимым, и наконец

я увидел, как он потянулся к нижней пуговице. — Малыш, — сказал я, стараясь не выдать голосом отчаяния, — зачем ты это делаешь? — И в моем голосе ничего не прозвучало. Ничто так не приводит в отчаяние как бесстрастие.

Он пожал плечами, увидел, что я хочу не этого, и на миг зеленые глаза полыхнули гневом. Но этого я тоже не хотел. Поэтому он сказал:

— Слушай… допустим, ты прикасаешься к человеку, мягко, нежно — возможно, даже с любовью. Так вот, мне кажется, что при этом в мозг поступает информация, которую что-то там истолковывает как удовольствие. Быть может, что-то в моей голове истолковывает информацию совершенно неправильно…

Я покачал головой.

— Ты Певец. Певцы, конечно, люди экстравагантные, но…

Теперь головой покачал он. Очень медленно, почти незаметно. И не сумел сдержать закипевший гнев. Скулы его закаменели и в глазах мелькнула мысль, ясная, как боль, мелькнула — и исчезла, так и не излившись в словах. И свидетельством муки вновь остались лишь шрамы, паутиной опутавшие худое тело.

— Застегнись, малыш. И прости, если я чего-ни-

будь не так сказал.

Его руки замерли, поднявшись к первой пуговице.

— Ты и вправду думаешь, что я мог сдать тебя копам?

— Застегнись.

Он застегнулся. Потом сказал:

— Уже ведь полночь! Эдна только сообщила мне Слово.

— Какое же?

— Агат.

Я кивнул.

Он застегнул воротник.

— О чем ты думаешь?

— О коровах.

— О коровах? — переспросил Ястреб. — При чем тут коровы?

— Ты был когда-нибудь на молочной ферме?

Он покачал головой.

— Для того чтобы получить побольше молока, коров держат практически в бесчувственном состоянии. Корм дают внутривенно, из автоклава; питательная смесь перекачивается по трубам, сначала большим, потом — поменьше и совсем маленькие, пока не попадает ко всем этим высокоудойным полутрупам.

— Я видел. В журналах.

— Люди…

— … коровы?

— Ты сообщил мне Слово. И теперь оно начнет перекачиваться и разветвляться, когда я сообщу его другим, а те будут передавать его еще дальше, пока завтра к полуночи…

— Пойду, меня ждет тот…

— Ястреб!

Он обернулся.

— Что?

— Ты считаешь, нет резона опасаться удара со стороны таинственных сил, более умелых и жестоких, чем мы с тобой… Ладно, будь по-твоему. Но ты еще не был свидетелем такого умопомрачительного исчезновения человека, какое я намерен устроить, как только избавлюсь от этого хлама.

Лоб Ястреба пересекли тоненькие морщинки.

— Ты уверен, что раньше я ничего подобного не видел?

— По правде говоря, совсем не уверен. — Я уже улыбался.

— Ага! — произнес Ястреб и издал звук, который был очень похож на смех, но смехом не был. — Пойду приведу того Ястреба.

Он скрылся среди деревьев.

Я бросил взгляд вверх, на обрывки лунного света в листве.

И посмотрел вниз, на свой портфель.

Аккуратно обходя камни, ко мне поднимался — тот Ястреб. На нем был серый вечерний костюм и серый свитер с высоким воротом. Голова над мясистым лицом была чисто выбрита.

— Мистер Кадуолитер-Эриксон? — Он протянул руку.

Я пожал ее: острые костяшки, обтянутые рыхлой кожей.

— А ваше имя мистер…

— Арти.

— Арти Ястреб. — Я старался не подать виду, что наскоро оцениваю его серый наряд.

Он усмехнулся.

— Арти Ястреб. Вот именно. Я взял себе это имя, когда был моложе нашего оставшегося внизу друга. По словам Алексиса, у вас есть… э-э-э… кое-какие вещи, так сказать, не совсем ваши. Которые вам не принадлежат.

Я кивнул.

— Покажите мне их.

— Вам сказали, что…

Он оборвал меня:

— Ну же, дайте взглянуть.

С любезной улыбкой клерка он протянул руку. Я провел большим пальцем по застежке высокого давления. Щелчок.

— Вы не скажете, — спросил я, разглядывая то, чем я обладал, — как улаживаются дела с Особым отделом? Кажется, они мною заинтересовались.

Он поднял голову. Удивление постепенно сменилось спокойным бесстрастием.

— Ну что вы, мистер Кадуолитер-Эриксон! — Кажется, он решил отбросить всякие церемонии. — Надо иметь стабильный доход, это единственное, что вы можете сделать.

— Если вы дадите за них настоящую цену, это будет не так-то просто.

— Могу себе представить. Конечно, я мог бы дать вам меньше денег…

Еще щелчок.

— …или же, исключая такую возможность, вы могли бы пошевелить мозгами и попытаться их провести.

— Должно быть, вам их надувать удавалось не единожды. Верю, что сейчас у вас все идет гладко, но чтобы так преуспеть, вам наверняка понадобилось время.

Арти Ястреб кивнул, явно не без хитринки.

— Подозреваю, что вы напоролись на Мод. Что ж, думаю вполне уместны будут поздравления. А равно и соболезнования. Я всегда стараюсь делать только то, что уместно.

— Похоже, вы умеете заботиться о собственной безопасности. Я обратил внимание, что вы держитесь особняком и не общаетесь с гостями.

— Сегодня здесь два приема, — сказал Арти. — Куда же еще, по-вашему, каждые пять минут пропадает Алексис?

Я нахмурился.

— Этот световой узор в камнях, — он показал вниз, — на самом деле — меняющая краски мандала на нашем потолке. Алексис, — хихикнул, — тишком удирает под камни, где находится роскошный павильон в восточном стиле…

— …с отдельным списком приглашенных на двери?

— Регина входит в оба. Я тоже. Малыш, Эдна, Льюис, Энн…

— По-вашему, мне нужно это знать?

— Но вы же пришли с человеком, чье имя внесено в оба списка. Просто я подумал… — он осекся.

Кажется, я несколько переборщил. А впрочем, что ж — толковый лицедей быстро усваивает необходимую мудрость: если выдаешь себя за

важную персону, знай — такие персоны уверены в своем праве переборщить.

— Послушайте, — сказал я. — Вы не желаете получить их, — я покачал портфелем, — в обмен на кое-какую информацию?

— Хотите узнать, как не попасть в лапки Мод? — Он подмигнул. — Было бы весьма глупо с моей стороны рассказывать вам об этом, даже имей я такую возможность. К тому же вы всегда можете рассчитывать на свое фамильное состояние. — Он ткнул в грудь большим пальцем, — поверьте, молодой человек, у Арти Ястреба такового не было. У меня не было ничего подобного. — Он сунул руки в карманы. — Разглядим-ка получше, что у вас там.

Я снова открыл портфель.

Пару секунд Арти просто смотрел. Потом взял несколько штук, повертел в руках, положил обратно и снова сунул руки в карманы.

— Даю за них шестьдесят тысяч. Апробированными кредитками.

— А как все-таки насчет информации?

— Вы не услышите от меня ни слова. — Он улыбнулся. — С какой стати мне вас просвещать?

М-да, в этом мире мало крайне преуспевающих воров. А в других пяти еще меньше. Жажда во-

ровства — это влечение к абсурду и безвкусице. (Необходимы поэтическое и сценическое дарования, а также некое отрицательное обаяние…) И все-таки это жажда того же рода, что и жажда порядка, власти, любви.

— Ну, что ж, — ответил я.

Откуда-то сверху донеслось слабое жужжание.

Арти с нежностью взглянул на меня, сунул руку под полу пиджака и вынул пригоршню кредиток, окаймленных ярко-красной полосой таблеток достоинством по десять тысяч. Он извлек из пригоршни одну. Две. Три. Четыре.

— Вам удастся спрятать такую сумму в надежном месте?

— Как по-вашему, почему Мод занялась именно мной?

Пять. Шесть.

— Прекрасно! — сказал я.

— Как насчет портфеля в придачу? — спросил Арти.

— Попросите у Алекса бумажный пакет. Если хотите, я вышлю их…

— Давайте сейчас же.

Жужжание приближалось.

Я протянул ему раскрытый портфель. Арти засунул туда обе руки и начал ловко набивать

карманы костюма. Серая ткань уродливо обвисла и оттопырилась. Он огляделся.

— Благодарю, — сказал он. — Спасибо.

Потом он повернулся и торопливо зашагал вниз с полными карманами всевозможных вещей, принадлежащих уже и не мне и не ему.

Я поднял голову и посмотрел в ту сторону, откуда раздавался шум, но сквозь листву ничего не увидел.

Тоща я наклонился к портфелю. Отомкнув внутреннее отделение, где хранились вещи, принадлежащие мне, я принялся торопливо в нем рыться.

Алексис протягивал джентльмену с воспаленными веками очередную порцию виски, тот в это время спрашивал: «Кто-нибудь видел миссис Сайлем? Что это там наверху жужжит?..» — а по камням, пошатываясь и пронзительно крича, шла полная женщина, закутанная в вуаль из выцветающей ткани.

Алексис выплеснул содовую себе на рукав, а джентльмен задал еще один вопрос:

— Боже! Кто это?

— Нет! — вопила женщина. — Нет! Помогите! — И морщинистые руки ее вскинулись множеством колец.

— Разве вы не узнаете? — шепнул кому-то по секрету Ястреб. — Это же Хенриетта, Княгиня Эффингемская.

Невольно услышав это, Алексис поспешил на помощь. Но княгиня шагнула в просвет между двумя кактусами и скрылась в высокой траве. Все гости бросились за ней. Они уже разыскивали ее в подлеске, когда лысеющий господин в черном смокинге с бабочкой и индийским кушаком откашлялся и взволнованным голосом произнес:

— Простите, мистер Спиннел?

Алексис резко обернулся.

— Мистер Спиннел, моя мать…

— А вы кто такой? — Алексис был явно раздосадован этой заминкой.

Господин вытянулся по стойке смирно и гордо объявил:

— Храбрейший Клемент Эффингемский! — При этом его штанины затрепетали так, точно он вознамерился щелкнуть каблуками. Однако сохранить внятность речи ему не удалось. Спесь с его лица точно ветром сдуло. Он залепетал.

— Ох, я… моя мать, мистер Спиннел. Мы были внизу, там, где другие гости, и вдруг она непонятно из-за чего-то огорчилась. Она убежала сюда — ах, я же говорил ей, что этого нельзя делать! Я

знал, что вы будете недовольны. Но вы должны мне помочь! — И тут он взглянул наверх.

Все гости смотрели туда же.

Закрывая луну, на крышу медленно опускался вертолет, прикрывшись едва различимым зонтиком сдвоенных винтов.

— Ах, пожалуйста… — продолжал господин. — Ну куда же вы смотрите! Может, она опять спустилась вниз. Я должен, — он быстро огляделся, — ее отыскать.

И он торопливо пошел. В сторону, куда не направлялся ни один из гостей.

Внезапно синкопой жужжанию раздался мерзкий треск, перешедший в грохот, и пластмассовые осколки прозрачной крыши с дребезжанием посыпались сквозь ветви деревьев, со звоном разбиваясь о камни…

Я вбежал в лифт и уже расстегнул портфель, когда меж смыкающимися лепестками двери втиснулся Ястреб, и фотоэлемент вновь раздвинул створки. Я со всей силы шарахнул кулаком по кнопке, закрывающей двери.

Парнишка покачнулся, ударился плечом о стену, с трудом восстановил равновесие и дыхание.

— Слушай, в вертолете полицейские!

— И наверняка лучшие из тех, кого сумела по-

добрать сама Мод Хинкл.

Я отодрал от виска вторую прядь белокурых с синеватой проседью волос. Она полетела в портфель следом за пластидермовыми перчатками (крупные, изборожденные морщинами пальцы, синие вены, длинные сердоликовые ногти), которые были руками Хенриетты и покоились теперь в шифоновых складках ее сари.

И тут лифт резко остановился. Когда дверь открылась, на мне еще оставалось пол-лица Храбрейшего Клемента.

Весь в сером, с предельно мрачной физиономией, в лифт ворвался тот Ястреб. За его спиной, в причудливом павильоне, украшенном с восточным великолепием (и с разноцветной мандалой на потолке), танцевали люди. Арти толкнул меня на кнопку, закрывающую двери; потом бросил на меня странный взгляд.

Я лишь вздохнул и окончательно освободился от маски Клема.

— Наверху полиция? — задал неуместно банальный вопрос тот Ястреб.

— Похоже, Арти, — сказал я, застегивая брюки, — дело обстоит именно так. — Кабина неслась все быстрее. — А вы, судя по виду, расстроены не меньше Алекса.

Я стащил смокинг, вывернул его рукава наизнанку, свободной рукой сорвал с груди крахмальную белую манишку с черной бабочкой и запихнул ее в портфель с остальными манишками; вывернув смокинг до конца, я надел добротный серый пиджак «в елочку», принадлежащий Ховарду Калвину Эвингстону. Ховард (как и Хэнк) рыжеволосый (но не такой кудрявый).

Когда я стащил с головы лысину Клемента и встряхнул волосами, Арти поднял свои неповторимые брови.

— Кажется, при вас уже нет тех громоздких вещиц?

— О них уже позаботились, — резко ответил он. — С ними все в порядке.

— Арти, — сказал я, настраивая голос на вселяющий чувство уверенности, искренний баритон Ховарда, — наверное, только из-за моего беззастенчивого самомнения я вдруг решил, что все эти полицейские Регулярной службы прибыли сюда по мою душу…

Арти просто зарычал:

— Попадись им в руки заодно и я, они особенно не огорчатся.

А Ястреб из своего угла спросил:

— При вас здесь служба безопасности, верно,

Арти?

— Ну и что?

— Ты сможешь выбраться отсюда только в одном случае, — зашипел, потянувшись ко мне Ястреб. Его куртка наполовину расстегнулась, обнажив изуродованную грудь. — Только, если Арти возьмет тебя с собой.

— Замечательная мысль! — заключил я. — Хотите, Арти, я верну вам пару тысяч за эту услугу?

Его это предложение ничуть не позабавило.

— От вас мне ничего не нужно. — Он повернулся к Ястребу. — мне нужно кое-что от тебя, малыш. Не от него. Слушай, к визиту Мод я не был готов. Если ты хочешь, чтобы я вывел отсюда твоего дружка, тебе придется кое-что для меня сделать.

Парень явно растерялся.

Кажется, на лице Арти промелькнула самодовольная усмешка, но через миг глаза отражали только крайнее беспокойство.

— Ты должен любым способом заполнить холл народом, и чем быстрей, тем лучше. Ясно?

Я хотел спросить — зачем? Но не спросил, и правильно сделал; ведь я и не догадывался тогда, каковы возможности охранников Арти. Я хотел спросить — как? Но не успел, потому что пол под

ногами задрожал и подпрыгнул, а двери стремительно распахнулись.

— Ну, жми, малыш! — прохрипел тот Ястреб. — Жми — или никто из нас отсюда не выйдет. Никто!

Я понятия не имел, что может сделать парнишка; и — видит Бог! — я даже шагнул следом за ним, но тот Ястреб схватил меня за руку и прошипел:

— Стойте здесь, идиот!

Я сделал шаг назад. Арти давил спиной на кнопку, открывающую двери.

Ястреб сломя голову бросился к бассейну. И плюхнулся в воду.

Добравшись до установленных на двенадцатифутовых треногах жаровен, он принялся карабкаться наверх.

— Он же покалечится! — прошептал Арти.

— Ага, — сказал я, но не думаю, что цинизм моего междометия дошел до него. Ястреб дурачился под громадным огненным блюдом. Потом что-то внизу отвалилось, что-то громко лязгнуло, а еще что-то забило струей над водой. Вспенивая воду, в бассейн с оглушительным ревом хлынуло пламя.

Черная стрела с золотистым наконечником: Ястреб прыгнул.

Когда зазвучал сигнал тревоги, я едва не прокусил собственную щеку. По голубому ковру шли в нашу сторону четверо в форме. Какие-то люди пересекали холл в другом направлении: увидев пламя одна из женщин пронзительно взвизгнула. Я вздохнул с облегчением, решив, что ковер, стены и потолок сделаны из огнеупорных материалов. Но суть происходящего более чем в шестидесяти дьявольских футах от нас, то и дело от меня ускользала.

Ястреб всплыл на поверхность у края бассейна, в единственном оставшемся не полыхающем месте, и, прижав ладони к лицу, перевалился через бортик на ковер. Он долго катался по ковру. Потом поднялся на ноги.

Из другого лифта выплеснулись пассажиры, которые пораскрывали рты и вытаращили глаза. В дверях показалась бригада пожарных. Сигнал тревоги звучал все громче.

Ястреб обернулся и оглядел находящихся в холле людей. Человек пятнадцать. Вода заливала ковер вокруг его намокших, лоснящихся штанин. От огня капли воды на его волосах мерцали, переливаясь медью и кровью.

Он с силой ударил кулаками по мокрым бедрам, глубоко вздохнул, и средь грохота, колокольного

звона и шепота — запел.

Двое юркнули обратно в лифты. В дверях появилось еще с полдюжины людей. Полминуты спустя каждый лифт привез еще дюжину. Я сообразил, что по зданию разносится весть о том; что в холле поет Певец.

Холл заполнялся людьми. Огонь бесчинствовал, пожарные топтались вокруг, а Ястреб, широко расставив ноги на голубом ковре у полыхающего бассейна, пел — и пел он о баре неподалеку от Таймс-сквер, где полно воров и морфинистов, драчунов, пьяниц и женщин, слишком старых для торговли тем, что они все равно выставляют на продажу, да и клиенты их — сплошь чумазые бродяги, и где прошедшим вечером завязалась потасовка, в которой до полусмерти избили одного старика.

Арти потянул меня за рукав.

— Что?

— Идем, — прошипел он.

Дверь лифта закрылась за нами.

Мы медленно продвигались сквозь замершую в экстазе толпу, то и дело останавливаясь, чтобы посмотреть и послушать вместе со всеми. Но в такой передряге оценить по достоинству искусство Ястреба я не мог. Большую часть нашего долгого

пути меня занимала мысль о том, какого рода службой безопасности обеспечен Арти.

Остановившись позади закутавшейся в купальный халат парочки влюбленных, которые, прищурив глаза смотрели в самое пекло, я пришел к выводу, что все проще простого. Арти всего лишь хотел незаметно выбраться отсюда, а с помощью Ястреба ему представился удобный случай затереться в толпе.

Чтобы добраться до выхода, нам предстояло миновать плотный кордон полицейских Регулярной службы, по-моему, не имевших никакого отношения к творящемуся в саду на крыше; они просто сбежались на пожар и остались послушать Песню. Когда Арти, рассыпавшись в извинениях, похлопал одного из них по плечу и попросил посторониться, полицейский посмотрел на него, оглянулся, а потом смерил его повторным мак-сеннетовским взглядом. Однако другой полицейский, увидев этот обмен любезностями, двинул первого локтем и укоризненно покачал головой. После чего оба отвернулись и благоговейно воззрились на Певца. Пока утихала буря в моей груди, я пришел к выводу, что работающая на того Ястреба система агентов и контрагентов, строящих козни и шныряющих по

горящему холлу, должна быть столь запутанной и хитроумной, что попытка в ней разобраться обрекала на полнейшую паранойю.

Арти распахнул последнюю дверь.

Сделав последний глоток кондиционированного воздуха, я шагнул в ночь.

Мы поспешили вниз по склону холма.

— Послушайте, Арти…

— Вам туда, — он вытянул руку вдоль улицы. — А мне в другую сторону.

— Э-э… а что там? — Я ткнул в мою сторону.

— Станция под-под-подземки «Двенадцать башен». Послушайте. Я вас оттуда вытащил. Не сомневайтесь, до поры до времени вы в безопасности. Садитесь в поезд и езжайте себе в какое-нибудь интересное место. Прощайте. Пора.

И Арти Ястреб, сунув кулаки в карманы, торопливо зашагал прочь.

Я же направился в другую сторону, держась поближе к стене и ежеминутно ожидая отравленной стрелы из проезжающей машины или смертоносного луча из придорожных кустов.

Я дошел до подземки.

И все еще ничего не произошло.

Агат сменился Малахитом:

Турмалин:

Берилл (тогда мне стукнуло двадцать шесть):

Порфир:

Сапфир (в том месяце я взял десять тысяч, что еще не успел промотать, и вложил их в «Ледник», вполне законное кафе-мороженое на Тритоне — первое и единственное кафе-мороженое на Тритоне, — которое тут же исторгло фонтан прибыли; каждый вкладчик получил по восемьсот процентов, без дураков. Через две недели после этого я лишился половины своей доли в очередной серии нелепых противозаконных деяний, чем был крайне удручен, но «Ледник» продолжал приносить стабильный доход. Вновь сменилось Слово):

Киноварь:

Бирюза:

Тигровый глаз:

Хектор Калхаун Эйзенхауэр наконец-то взялся за ум и все эти три месяца учился тому, как сделаться респектабельным представителем верхушки преступного мира. Все это само по себе достойно большого романа. Крупные финансовые операции; корпоративное право; как нанимать работников. Тьфу, пропасть! Но никуда не денешься, в жизни меня всегда привлекали сложности. Справился я и с этой. Ведь основной

принцип остается неизменным: смотри внимательно, подражай убедительно.

Гранат:

Топаз (я прошептал это Слово на крыше Трансспутниковой генераторной станции и приказал своим наемникам совершить два убийства. И представляете? При этом я абсолютно ничего не чувствовал):

Таафит:

Время Таафита подходило к концу. Я вернулся на Тритон по делам, связанным только с «Ледником». Утро вселяло радужные надежды: дела шли просто блестяще. Днем я решил устроить себе выходной и отправиться на экскурсию к Селю.

— …высотой двести двадцать ярдов, — объявил гид, и все вокруг меня оперлись о поручень, глазея сквозь пластиковую крышу коридора на утесы застывшего метана, которые высились в слепящем и холодном зеленоватом свете Нептуна.

— Пройдя всего несколько ярдов, дамы и господа, вы впервые увидите Мировой Колодец, где более миллиона лет тому назад таинственная сила, до сих пор неизвестная науке, всего за несколько часов превратила в жидкость двадцать четыре квадратные мили застывшего метана, и за это время образовался метановый

водоворот вдвое глубже земного Большого Каньона, который застыл на века, когда температура упала до…

Люди уже двинулись дальше по коридору, когда я увидел, как она улыбается. В тот день у меня были пушистые черные волосы и темно-каштанового цвета кожа.

Признаюсь, я был слишком уверен в себе, и поэтому все время стоял рядом с ней. Я даже вознамерился произвести на нее впечатление. Но вся моя самоуверенность мигом улетучилась, когда она внезапно повернулась ко мне и с каменным лицом произнесла:

— О! Вот так да! Это же Хамлет Калибан Энобарбус!

Глубоко укоренившиеся рефлексы слили на моем лице насупленные в замешательстве брови и снисходительную улыбку. «Простите, но по-моему, вы ошиблись»… Но этого я не сказал.

— Мод, — сказал я, — вы явились сообщить, что настал мой черед?

На ней была блуза в наплывах и разводах синего цвета с большой же синей брошью на плече, откровенно стеклянной. И все же, оглядев разодетых в пух и прах туристов, я оценил, что она выделяется среди них куда меньше, чем я.

— Нет, — ответила она. — Я в отпуске. Так же, как и вы.

— Серьезно? — Мы чуть отстали от толпы. — Не шутите?

— Особый отдел Земли, безусловно, сотрудничает с Особыми отделами других миров, но официальных полномочный на Тритоне мы не имеем. И поскольку вы явились сюда при деньгах и большую часть зарегистрированных доходов получили с «Ледника», Особый отдел вами пока не интересуется. Хотя Регулярная служба Тритона, вероятно, совсем не прочь вас заполучить. — Она улыбнулась. — Я еще не была в «Леднике». Неплохо бы похвастаться тем, что меня пригласил один из владельцев. Не возражаете, если мы выпьем немного содовой?

Застывший водоворот стен Мирового Колодца в хризолитовом великолепии круто обрывался у нас под ногами. Туристы благоговейно созерцали, а экскурсовод разглагольствовал о показателях преломления и углах наклона.

— У меня такое впечатление, что вы мне не доверяете, — сказала Мод.

Я не стал спорить.

— Вы были когда-нибудь связаны с наркотиками? — внезапно спросила она.

Я нахмурился.

— Нет, я вполне серьезно. Мне нужно кое-что для себя уяснить… нужна информация, которая может облегчить и вашу жизнь, и мою.

— Косвенно, — улыбнулся я. — Уверен, что всю информацию вы уже внесли в свои досье.

— Я была связана с ними несколько лет, и вовсе не косвенно, — сказала Мод. — Прежде чем меня приняли в Особый отдел, я работала в Отделе борьбы с наркоманией. Двадцать четыре часа в сутки мы занимались наркоманами и торговцами. Чтобы схватить крупных, приходилось дружить с мелочью. Чтобы схватить акул, приходилось договариваться с крупными. Мы вынуждены были одновременно с ними вставать и ложиться, говорить на одном с ними языке, месяцами жить на тех же улицах и в тех же домах, что и они. — Она отошла от поручня, пропуская какого-то юнца. — Пока я была в отделе наркотиков, меня дважды отправляли лечиться от морфадиновой интоксикации. А ведь мой послужной список был едва ли не лучшим.

— К чему это вы?

— А вот к чему. Мы с вами вращаемся в одних и тех же кругах, хотя бы в силу выбранных нами профессий. Вы бы удивились, узнав, сколько у

нас наберется общих знакомых. И не падайте в обморок, если однажды мы столкнемся с вами, переходя площадь Непобедимых в Беллоне, а две недели спустя нас станут знакомить за завтраком в одном из ресторанов Лакса на Япетусе. И хотя орбиты, по которым мы вращаемся, охватывают не один мир, они действительно одни и те же, причем не слишком широкие.

— Идемте. — Не скажу, что мой голос звенел восторгом. — Я угощу вас мороженым.

Мы двинулись вниз по пешеходной тропе.

— А знаете, — сказала Мод, — если вам все-таки удастся достаточно долго не попадаться в руки Особых отделов ни здесь, ни на Земле, вам в конце концов обеспечен огромный, стабильно растущий доход. На это уйдет несколько лет, но это вполне реально. Сейчас у нас с вами нет причин для *личной* вражды. Просто в один прекрасный день вы можете достичь такого положения, когда Особый отдел потеряет к вам интерес как к намеченной жертве. Само собой, мы будем видеться и случайно, и не очень. Мы ведь получаем массу информации от людей, добившихся высокого положения. И кроме того, именно мы в состоянии вам помочь.

— Вы опять раскладывали пасьянс из голо-

грамм.

Она пожала плечами. В тусклом свете планеты ее лицо было ни дать ни взять ликом призрака. Когда мы добрались до искусственных огней города, она сказала:

— Недавно я действительно виделась с двумя вашими друзьями, Льюисом и Энн.

— Певцами?

Она кивнула.

— Я вообще-то не очень хорошо их знаю.

— Зато они, похоже, знают о вас немало. Наверное, от еще одного Певца, Ястреба.

— А вы не в курсе, что с ним?

— Месяца два назад я читала, что он поправляется. Но с тех пор ничего не слышно.

— Это мне тоже известно, — сказал я.

— Я его видела всего один раз, — сказала Мод, — сразу после того, как сумела его вытащить.

Мы с Арти выбрались из холла до того, как Ястреб закончил петь. На следующий день я узнал из аудиогазет, что, когда Песня подошла к концу, он, сбросив куртку, вошел в бассейн.

Пожарная команда тут же встрепенулась; люди с воплями бегали по холлу: его спасли, семьдесят процентов тела было покрыто ожогами второй и третьей степени.

Я упорно об этом не думал.

— Вы его вытащили?

— Да. Я была в вертолете, который сел на крышу, — сказала Мод. — Мне казалось, вы будете приятно удивлены, увидев меня.

— А-а, — протянул я. — Как же вам удалось его вытащить?

— Как только вы направились к выходу, агентам Арти удалось перекрыть движение лифтов выше семьдесят первого этажа, поэтому в холл мы попадали уже после того, как вы покинули здание. Тогда-то Ястреб и попытался…

— И все же его спасли именно вы?

— В том районе пожарные двенадцать лет не видели ни одного пожара! По-моему, они даже не умели обращаться со своим снаряжением. Я приказала своим парням пустить в бассейн пену, а потом… в общем пришлось вытаскивать мальчишку самой…

Что я мог сказать. Уже почти год я честно старался забыть случившееся, и это мне почти удавалось. В конце концов меня там не было. Не было! Меня это не касалось…

Мод продолжала:

— Мы думали выйти через парня на вас. Но даже наша служба не может допрашивать крово-

точащее мясо…

— Я предполагал, что особисты используют Певцов, — сказал я. — Но, честно говоря, не верил…

— Их используют все, так ведь? Впрочем не нужно об этом. Сегодня меняется Слово.

— Льюис и Энн случайно не сообщили вам новое?

— Я виделась с ними вчера, а старое слово действительно еще восемь часов. К тому же они все равно бы мне не сказали. — Она взглянула на меня и нахмурилась. — Не сказали бы ни за что.

— Идемте, выпьем содовой, — сказал я. — Примем беззаботный вид, поболтаем немного и внимательно друг друга послушаем. Вы попытаетесь выудить у меня компромат на меня же. Я попробую не доставить этого удовольствия и в свою очередь поймать на слове вас. Чем черт не шутит, коллега, а вдруг вы сжалитесь и сболтнете ненароком, куда прятаться от ваших барбосов.

— Однако! — приподняла брови Мод.

— Ох, простите, — торопливо поправился я, — конечно же я хотел спросить не «спрятаться», а «улизнуть»…

— Продолжайте, — выдержка у нее была не женской.

— …и все-таки почему вы пошли на контакт со

мной в том баре?

— Я же сказала, что мы просто вращаемся в одном кругу. И вполне можем оказаться в одном и том же баре в один и тот же вечер… коллега.

Теперь наступил мой черед приподнять брови.

— Видимо, это один из профессиональных секретов, которые мне вовсе не обязательно понимать, а?

Двусмысленность ее улыбки вполне гармонировала с моим вопросом. Впрочем, на ответе я и не настаивал.

День пробежал бестолково. Я вряд ли смог восстановить тот вздор, что мы городили, сидя над усыпанными вишнями взбитыми сливками. Но оба угробили столько сил, пытаясь выглядеть довольными, что вряд ли хоть один из нас был в состоянии найти способ выудить у другого что-то значительное; если вообще что-то значительное было сказано.

Потом она ушла. Я же остался наедине с грустными размышлениями об обугленном фениксе.

А затем метрдотель таинственным шепотом пригласил меня на кухню и поинтересовался насчет партии контрабандного молока (все свое мороженое «Ледник» изготовляет сам), которую я ухитрился заполучить во время последнего

путешествия на Землю (кстати, можно только удивляться, насколько мизерных успехов за последнее десятилетие там добились в разведении молочного скота, да и фермеры глупеют на глазах; обмануть Вермонтского бездельника оказалось до обидного просто). Но даже в прохладном полумраке маслобойни, прославившей «Ледник», я не сумел собраться с мыслями. И тонкая лесть метрдотеля, восхищавшегося Хладнокровным Королем Экспроприации (все с большой буквы), не вывела меня из задумчивости.

Выйдя, я уселся на широкую ступень перед входом в «Ледник» и отвечал глухим рычанием на каждую назойливую просьбу посетителей посторониться. Примерно на семьдесят пятом рычании облаянный не шарахнулся, а остановился и воскликнул:

— Я так и знал, что стоит как следует постараться, и я вас найду! Да-да, надо уметь искать!

Я взглянул на руку, хлопнувшую меня по плечу, потом на черный свитер и лысую голову с лицом, — озаренным широкой улыбкой.

— Арти, — сказал я, — что вы…

Но он все продолжал похлопывать меня по плечу да посмеиваться с дремучим благодушием.

— Вы не поверите, каких трудов стоило раздо-

быть вашу фотографию, старина. Пришлось дать взятку кое-кому в Особом отделе Тритона. Ох уж мне эти ваши молниеносные переодевания! Гениально. Трюк просто гениальный! — Тот Ястреб сел рядом и положил руку мне на колено. — У вас чудесное заведение. Мне оно нравится, жутко нравится. — Мелкие косточки в окутанном набухшими венами тесте. — Но пока не настолько, чтобы думать о его покупке. Хотя вы уже делаете успехи. Я вижу, что вы делаете успехи. Когда-нибудь я смогу с гордостью сказать, что именно благодаря мне вы получили свой первый крупный шанс. — Он убрал руку и принялся разминать пальцы. — Если вы действительно намерены вести дело с размахом, следует как можно реже пытаться ссориться с законом. Главное — стать незаменимым для влиятельных людей. Всего лишь незаменимым! И в руках талантливого проходимца окажутся ключи от всех сокровищ системы. В этом, безусловно, ничего нового для вас нет.

— Арти, — сказал я, — неужели вы хотите, чтобы нас увидели вместе?..

Арти Ястреб протестующе махнул рукой.

— Никто нас не срисует. Кругом мои агенты. Без охраны я гулять не люблю. Да ведь и ваша

охрана… (Он не ошибся) Прекрасная идея. Просто превосходная. Мне нравится, как вы взялись за дело.

— Благодарю. Арти, я сегодня что-то не в форме. Вышел вот подышать свежим воздухом…

Арти снова махнул рукой.

— Не тревожьтесь, я тут засвечиваться не намерен. Вы правы. Нас не должны видеть. Просто шел мимо и решил поздороваться. Вот и все. — Он стал спускаться по лестнице.

— Арти!

Он обернулся.

— Очень скоро вы придете опять. Причем с намерением купить мою долю акций «Ледника», потому что я стану чересчур крупной фигурой. А я не пожелаю ее продать, потому что буду считать себя достаточной фигурой, чтобы вести с вами игру. И на какое-то время мы станем врагами. Вы попытаетесь убить меня. Я попытаюсь убить вас, не так ли?

На его лице: сначала приподнятые в недоумении брови, потом снисходительная улыбка.

— А вам приглянулась идея голографической информации. Очень славно. Просто замечательно. Это единственный способ перехитрить Мод. Только смотрите, чтобы ваши данные имели

отношение ко всей обстановке в целом. Это лучший способ переиграть заодно и меня. — Он ухмыльнулся, собрался было вновь повернуться, но, видимо, вспомнил что-то еще. — Если у вас хватит сил воевать со мной и при этом еще расширять дело, держите свою охрану в хорошей форме — раньше или позже настанет момент, когда нам обоим станет выгодно снова поработать вместе. Если вы только продержитесь, мы снова станем друзьями. Когда-нибудь. Только будьте начеку. Дождитесь.

— Спасибо, что вы мне это сказали.

Арти взглянул на часы.

— Ну что ж, прощайте. — Я решил, что он наконец уходит. Но он опять поднял голову. — Вы уже знаете новое Слово?

— Ах да, — сказал я. — Оно названо сегодня вечером. Какое?

Арти дождался, пока удалятся спускающиеся по ступеням люди. Он торопливо огляделся, потом, поднеся ко рту сложенные рупором ладони, наклонился ко мне, отрывисто бросил: «Пирит», — и многозначительно подмигнул.

— Я только что узнал его от девицы, которой сообщила сама Колетт (Одна из трех Певцов Тритона), сообщил он, повернулся, вприпрыжку

сбежал по ступеням и смешался с толпой.

А я остался. Я сидел, вспоминая — день за днем — прошедший год; сидел долго, а потом встал, потому что сидеть уже не мог. Но и размеренный ритм прогулки откликнулся в угнетенном мозгу привкусом сумасшедшей, назойливой бессмыслицы, и на исходе второго часа в голове моей вызрела неповторимо-стройная маниакальная теория: тот Ястреб уже плетет вокруг меня сети некоего заговора; он вовлечет нас всех в западню — и когда я крикну: «Пирит», — это окажется вовсе не Словом; и никто не поспешит на помощь; зато сразу появится человек в черных перчатках, вооруженный револьвером /гранатами/ ядовитым газом.

На углу был кафетерий. В свете льющимся из окна, у края тротуара копошилась вокруг разбитой колымаги кучка потасканных бродяг (в стиле Тритона: на запястьях цепочки, на щеках — татуировки в виде шершня, у тех, кому по карману — башмаки на высоких каблуках, кому они по карману). Верхом на разнесенной вдребезги фаре сидела маленькая морфинистка, которую я в тот вечер выставил из «Ледника».

Что-то толкнуло меня к ней.

— Эй!

Малышка посмотрела на меня из-под напоминающих помятую паклю волос, глаза — сплошные зрачки.

— Ты уже знаешь новое Слово?

Почесав нос, расцарапанный уже до крови, она ответила:

— Пирит, — и хихикнула, — Совсем свежее, час как прикатили.

— Кто?

Она подумала.

— Ммм… парень, а ему… его парень, он только вернулся из Нью-Йорка… а там… понимаешь, Певец по имени Ястреб…

Трое бродяжек поблизости с нами старались на меня не смотреть. Те, кто подальше, позволили себе бросить пару косых взглядов.

— Да, — сказал я. — Большое спасибо.

Бритва Оккама, заодно с правдивой информацией о работе службы безопасности, напрочь отсекает всякую паранойю. Пирит. При таком роде занятий, как у меня, паранойя — всего лишь профессиональное заболевание. Во всяком случае, не сомневаюсь, что Арти (равно как и Мод) подвержен ей не меньше моего.

Лампы над входом в «Ледник» уже погасли. Я вспомнил об оставшемся внутри, и взбежал по

ступенькам.

Дверь уже заперли. Я постучал в стекло, но, естественно, никто не отозвался. И хуже того — в оранжевом свете лампочки, я видел: вот оно, совсем близко, на гардеробной стойке. Скорее всего, его оставил управляющий, подумав, что я вернусь до закрытия. А завтра в полдень Хо Ки Эн заберет зарезервированный билет в каюту-люкс космолайнера «Платиновый лебедь» (время отправления: час тридцать; пункт назначения: Беллона). И сейчас за стеклянной дверью «Ледника» он ждал, снабженный всем необходимым: от очередного парика до маски, сужающей, едва ли не вдвое непроницаемо черные глаза мистера Эна.

Сказать по правде, я уже был готов взломать дверь. Но вовремя остыл, сообразив, что гораздо разумнее и проще отправиться в гостиницу и попросить портье поднять меня к девяти. А утром спокойно войти в кафе вместе с уборщиком. Я повернулся, пошел вниз по лестнице… и тут я понял. И стало так грустно, что по щеке поползла слеза — да-да, слеза — и я улыбнулся. Пусть себе лежит на стойке до утра.

Ведь нет там ничего, что мне бы не принадлежало.

М. Югов
Сэмюэль Р. Дилэни

Сэмюэль Дилэни родился в Нью-Йорке в Гарлеме в 1942 году. Учился в престижной школе для одаренных детей. С шестнадцати лет начал писать романы, выдерживая их в духе классической литературы (Хемингуэй, Фолкнер, Джойс). Рассылал их по издательствам и даже получал поощрительные стипендии, но ничего не издавалось.

Осенью 1961 года Дилэни бросил колледж и начал писать свой первый научно-фантастический роман «Драгоценности Эптора». Роман был издан и замечен критиками. До двадцатипятилетнего возраста Дилэни написал девять научно-фантастических романов, среди которых: «Вавилон-17» и «Пересечение Эйнштейна», ставшие лауреатами премии Небьюла в 1966 и 1967 годах; романы «Пленник огня» (1963), «Башня Торона»(1964), «Город тысячи солнц» (1965), позднее объединенные в трилогию под названием «Падение башен».

Два его рассказа, написанные в этот период, тоже удостоились премий. Это «Всегда и Гоморра...» — Небьюла 1967 и «Время, точно низка

самоцветов», завоевавший сразу две награды — Небьюла 1969 и Хьюго 1970.

На этом и заканчивается первый условный период в творчестве писателя. Заканчиваются и премии. Проза Дилэни становится более плотной, насыщенной и сложной для восприятия. В 1975 году, после напряженной пятилетней работы выходит в свет роман «Далгрин» — самый крупный (около 900 страниц) и по сей день считающийся критиками центральным в творчестве Дилэни. Роман не завоевал никаких премий, но книга была распродана тиражом в 700 000 экземпляров. Читателей не остановило то, что роман очень напряженный, сложный по форме и стилю. Вокруг него разгорелось много споров: некоторые критики даже утверждали, что «Далгрин» вообще не относится к научной фантастике, а его герои неинтересны, и роль их в обществе незначительна. Сам Дилэни сформулировал суть романа так: «Книга утверждает, что „культура“ взаимоотношений в шайке преступников, во главе которой стоит человек, находящийся на грани безумия, не менее сложна, чем „культура“ взаимоотношений представителей среднего класса, собравшихся на званый обед».

В 1976 году появляется роман «Тритон». Как

признавался сам Дилэни, работа над ним после «Далгрина» казалась очень легкой. В этом романе писатель попытался дать психологический анализ человека, не вызывающего никаких симпатий. Кроме того, в романе остро и глубоко исследуются гомосексуальные и гетеросексуальные взаимоотношения.

В восьмидесятые годы под влиянием творчества Джоанны Расс Дилэни создает четырехтомный сериал о Неверьене: «Легенды Неверьена»(1979), «Неверьен, или легенды знака и городов» (1983), «Полет из Неверьена» (1985), и «Возвращение в Неверьен»(1987). Этот сериал написан в жанре фэнтэзи. Действие происходит в далеком сказочном прошлом. Но и здесь Дилэни отступает от классических законов жанра, пересматривает их со своих оригинальных позиций, перерабатывает, и результат получается совсем неожиданным.

Дилэни пробует себя и в жанре классической оперы. В 1984 году из-под его пера выходит роман «Звезды в моем кармане, как песчинки», опять таки затрагивающий жизнь гомосексуалистов. И как продолжение и развитие этой темы — роман «Движение света в воде» (1988) — автобиографическое произведение, построенное на основе

событий шестидесятых годов. В том же 1988 году Дилэни начинает преподавать литературу в Массачусетском университете.

Жизнь в Гарлеме, негритянская семья, гомосексуальный тип половых отношений — все это наложило отпечаток на темы и проблемы, которые так или иначе затрагивает в своих произведениях С. Дилэни. Почти во всех его произведениях существуют группы людей, обделенные и угнетенные с точки зрения общепринятой — царствующей в обществе — морали, — отщепенцы в том или ином смысле.

В романе «Вавилон-17» это «транспортники» — огромная прослойка, нет, целый мир, живущий по своим неписаным законам, замкнутый, но в то же время являющийся неотрывной частью всего мира, одной из его основ, не менее важной, чем мир «таможенников», аристократии, науки и искусства. И в тоже время это мир презираемый, грязный и чуждый в глазах всех остальных, сознательно ими отталкиваемый. Ридра Вонг — поэтесса, популярная в пяти исследованных галактиках — мостик к этому миру. Ее глазами, мыслями и чувствами мы проникаем в эту удивительную среду. Здесь мы видим первые попытки показать ту сложную «культуру» взаимоот-

ношений, которую Дилэни раскроет позднее в «Далгрине».

Но если в «Вавилоне-17» он только касается этой темы, то в «Пересечении Эйнштейна» она проявляется крупным планом. Дифферентный (different) — другой, отличный, иной, разный… Какое богатство оттенков. «Я — иной», — говорит герой романа Чудик. Он и подобные ему чувствуют свое отличие от других —«нормальных». Но если в маленькой деревушке это воспринимается в порядке вещей, то в городе совсем наоборот. Огромные массы людей стремятся к обезличиванию, к единообразию, автоматически подчиняясь главенствующей в городе морали. Чудик оказывается чуждым, наивным и беспомощным, словно рыба, выброшенная на берег. Здесь «иное» — это клеймо. Дилэни нашел очень емкое слово. Оно заключает в себе всю боль одиночества, отчуждения и непонимания. Это мир, в котором кто-то считает себя выше, чище, лучше других. Это мир, в котором мы живем. Дилэни исследует его, выворачивает наизнанку. Но делает это не в явной форме. «Нам нужны художники, а не пропагандисты», — писали братья Стругацкие в романе «Гадкие лебеди». И Дилэни вторит им в интервью профессору Л. Маккафри: «Нельзя

открыто пропагандировать свои политические взгляды в произведениях художественной литературы. Их нужно выражать не прямо, а с помощью аллегории, и притом сложной аллегории». Его аллегории и образы меняются от романа к роману. И сейчас творчество Дилэни ставят в один ряд с творчеством таких мастеров прозы как Курт Воннегут, Теодор Старджон, Рей Бредбери, Джеймс Баллард.

Очень часто в своих произведениях Дилэни обращается к поэзии и музыке. Он играет словами, предложениями и наслаждается этим. Как художник, мазок за мазком, создает образы на полотне, так и Дилэни работает со словами, создавая предложения, гармонирующие друг с другом на всех уровнях от фонетического до семантического. И хочется верить, что когда-нибудь перед нами во всей полноте раскроется удивительный мир музыки слов выдающегося американского писателя Сэмюэля Р. Дилэни.

Издание подготовлено Издательским газетно-журнальным концерном «РИА-ПРЕСС» совместно с группой «SCORPIO» АО «Альянс-Концерн».

Художественное оформление Д.Мартынца, М.Касаниди

Перевод осуществлен с изданий:
1. Samuel R. Delany BABEL-17. N.Y.: Ace Books, 1966.
2. Samuel R. Delany THE ENSTEIN INTERSECTION. N.Y.: Ace Books, 1967.
3. Samuel R. Delany "Time Considered as a Helix of Semi-Precious Stones", в книге THE HUGO WINNERS VOLUME TWO 1968-1970. London: Sphere Books, 1973.

Дилэни С.Р.
Пересечение Эйнштейна: Пер. с англ. — К.: Зовнішторгвидав України, 1993. — 336 с. — (Сер. «VEGA»).
ISBN 5-85025-092-1

Серия «VEGA»

Дилэни Сэмюэль Р.

«Пересечение Эйнштейна»

Художественное оформление *Д.Мартынца, М.Касаниди*

Литературный редактор *С.Иванов, И.Жаркевич*
Художественный редактор *А.Видоняк*
Технические редакторы *Е.Калугина, С.Зелинский*
Корректор *О.Омельченко*

